

Редакционная коллегия:

Член-корреспондент РАН Г. Г. ЛИТАВРИН (отв. редактор),
 доктор исторических наук Р. М. БАРТИКЯН,
 кандидат исторических наук О. Р. БОРОДИН,
 доктор исторических наук В. П. ДАРКЕВИЧ,
 доктор исторических наук Н. Ю. ЛОМОУРИ,
 доктор исторических наук С. П. КАРПОВ,
 доктор исторических наук Г. Л. КУРБАТОВ,
 доктор исторических наук И. П. МЕДВЕДЕВ,
 доктор исторических наук М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ,
 кандидат исторических наук О. С. ПОПОВА,
 кандидат исторических наук З. Г. САМОДУРОВА,
 кандидат исторических наук Б. Л. ФОНКИЧ,
 доктор исторических наук К. В. ХВОСТОВА (зам. отв. редактора),
 кандидат исторических наук А. А. ЧЕКАЛОВА (отв. секретарь),
 доктор исторических наук И. С. ЧИЧУРОВ,
 член-корреспондент РАН Я. Н. ЩАПОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Т. В. БЛАВАТСКАЯ,
 доктор исторических наук Е. А. МЕЛЬНИКОВА

Научное издание

Византийский временник, том 53

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории. Российская академия наук.

Заведующая редакцией Л. С. Кручинина. Редактор издательства В. Н. Токмаков.
 Художественный редактор Н. Н. Михайлова. Технический редактор З. Б. Павлюк.
 Корректоры Т. М. Ефимова, Ф. Г. Сурова

ИБ № 49873

Сдано в набор 18.10.91. Подписано к печати 18.06.92. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,7. Усл. кр. отт. 19,0. Уч.-изд. л. 21,6. Тираж 775 экз. Тип. зак. 1607.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485
 Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука» 199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12

0503010000-068

В 042(02)-92 45-92-1 полуг.

ББК 63.3(0)4

ISBN 5-02-009092-1

© Издательство «Наука», 1992

СТАТЬИ

Г. Г. ЛИТАВРИН

ЕЩЕ РАЗ О ЗАНЯТИЯХ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛАВЯН НА БАЛКАНАХ В VI—VII вв.*

Тема данной статьи непосредственно связана с дискуссией, состоявшейся в августе 1986 г. за «круглым столом», посвященным проблемам истории древних славян, во время работы 17-го Международного конгресса византинистов в Вашингтоне.

Основные впечатления от упомянутого заседания сводятся к следующему. Во-первых, еще раз довелось убедиться в чрезвычайной актуальности темы — проблема развития раннесредневекового славянского общества вызывает по-прежнему живой интерес ученых самых различных стран, в том числе неславянских. В частности, с рефератами на упомянутом «круглом столе» выступили византинисты Греции, Англии, Франции, Австрии, Венгрии. Проявленный при этом интерес отражает, несомненно, состояние современной историографии по указанному вопросу: за последние десять лет она пополнилась фундаментальными коллективными и индивидуальными исследованиями по истории ранних славян. Назову хотя бы коллективные труды «Welt der Slawen» и «Jatrus-Krivina», изданные в Германии, работы П. Лемерля, Дж. Файна, И. Кодера, М. Вайтмана, Л. Вальдмюллера, Г. Диттена, Д. Крестена, Ф. Малингудиса, М. Нистазопулу-Пеликиду и др. (Я вполне сознательно не называю труды ученых славянских стран, чтобы подчеркнуть свою главную мысль.)

Во-вторых, сколь ни полезен был состоявшийся в Вашингтоне обмен мнениями, мне показалось несколько странным, что по вопросу об основных занятиях славян VI—VII вв. в ходе заседания «круглого стола» были вновь высказаны весьма противоречивые суждения, напоминающие споры столетней давности¹, когда еще не были осуществлены систематические, на высоком профессиональном уровне произведенные археологические изыскания ученых на всей территории, занятой славянами в VI—IX вв., и когда еще не были созданы учеными славянских стран капитальные труды на эту тему.

* Доклад прочитан в декабре 1987 г. в Бад-Хомбурге (ФРГ) на симпозиуме, посвященном проблемам истории славянских культур.

¹ Nystazopoulou-Pélékidou M. Les Slaves dans l'empire byzantin // The 17 th Intern. byz. Congress: Major Papers. N. Y., 1986. P. 345—367; ср.: Γεώργιος Γ. Τὸ νόημα τοῦ «ἱσχυρὰς» ἐπὶ Τακτικά Λέοντος σ' τοῦ Σοφοῦ // BYZANTINA. 1969. T. 1. P. 137—157. Согласно Ж.-П. Ариньону, и «варяго-русы» в XI в. — «кочевые племена». См.: Arrignon J.-P. Les relations diplomatiques entre Byzance et la Russie de 860 à 1043 // RES. 1983. Vol. 55. P. 129—137 (видимо, автор придает термину «кочевники» некий особый смысл); ср.: Conte Fr. Les Slaves aux origines des civilisations d'Europe centrale et orientale. P., 1986. P. 41, 67, 72, 73, 117, 119 etc.

Расхождения историков славянских стран с учеными неславянских можно было бы охарактеризовать следующим образом. Исследователи-славяне несколько преувеличивают уровень развития древнеславянского общества в VI—VII вв., организованность и воинский потенциал славян, проявляют склонность датировать насколько возможно раньше время расселения славян на Балканском полуострове, продлевают на более значительный период, чем позволяют источники, время их независимого от империи существования, усматривают гораздо более существенные для Византии последствия славянских вторжений, чем это кажется допустимым. Позиция неславянских исследователей (особенно греческих) является обычно по всем этим пунктам прямо противоположной.

При всей корректности и коллегиальности развернувшейся в Вашингтоне дискуссии значительного успеха в сближении этих точек зрения достигнуто не было. Причин этого, как я полагаю, несколько. Во-первых, позиции спорящих сторон отягчены, по моему мнению, излишними (нередко эмоциональными) крайностями суждений. При этом крайности в мнениях одной стороны являются своего рода ответной реакцией на крайности другой. Во-вторых, огромная новая археологическая (и не только археологическая) литература на славянских языках остается, к сожалению, вне поля зрения ученых неславянских стран. В-третьих, стало нередким в научной литературе усвоение представлений авторов ранневизантийского общества о «варварском мире» в качестве адекватных действительности исторических свидетельств — своего рода континуитет позднеантичной историографической традиции в наши дни (общество «варваров» предстало в восприятии византийских писателей односторонне отсталым и диким, поскольку у них не было государства, писаных законов, городов и «христианского благочестия»). Поэтому зачастую более пристальным вниманием западных византистов пользуются не свидетельства авторов — современников VI—VII вв. (например, Маврикия или «Чудес св. Димитрия»), а более поздние сочинения IX—X вв. («Хронография» Феофана, «Тактика» Льва VI, труды Константина Багрянородного).

Поистине ключевым вопросом в понимании древнеславянского общества я считаю проблему выяснения основных видов хозяйственной деятельности славян.

Этот фактор не зависит от этнического происхождения народов — он в ту отдаленную эпоху целиком и полностью обуславливался природно-климатическими условиями, в соответствии с которыми были целесообразными либо охота и бортничество, либо земледелие, либо рыболовство, либо мореходство, либо пастушество, либо кочевое скотоводство, либо сочетание двух-трех видов занятий в качестве важнейших.

Уже одно это самое общее, ординарное и широко признанное положение ставит под вопрос всякую мысль о славянах как о народе, занятом пастушеством или кочевым скотоводством: насколько позволяют судить данные современной науки, славяне VI—VII вв., до начала их массового проникновения на Балканы, занимали лесостепные и лесные массивы Восточной Европы. В этой зоне, видимо, завершился их этногенез как особой этнической общности; в этой зоне, несомненно, сложились основные виды их хозяйственной деятельности, а в зависимости от нее — их жизненный распорядок, формы быта и общественной организации.

Переселения народов в IV—VII вв., скорее всего, никогда не совершались «вслепую» — в неведомое. Кочевники, двигаясь на Запад, неизменно обосновывались в Паннонии или в Малой Скифии (Добрудже). Именно там они могли сохранить свой привычный хозяйственный распорядок и естественные для них формы быта. Вряд ли славяне — лесные охотники восточноевропейского нечерноземья добровольно переселялись на куль-

тивируемые земли империи в конце VI—VII в. Правда, к неведомому ранее славянам морю они вышли и на юге и на севере уже в конце VI в., но и морским рыболовством и мореходством они занялись лишь несколькими десятилетиями позднее (во второй четверти VII столетия). Горы (а речь может идти только о Карпатах) стали играть какую-то роль в жизни славян в эпоху переселения и только временно. Полагают, что часть славян, переходивших Карпаты или в течение какого-то срока проживавших в их предгорьях, могла обратиться (я полагаю временно) к пастушеству (В. Д. Корольюк)², как впоследствии часть их могла так же поступить и в своем многолетнем движении на юг через горный Иллирик (И. Кодер)³. Это вполне вероятно. Советская исследовательница-археолог С. А. Плетнева показала, что в зависимости от резко изменившихся условий жизни полукочевые коллективы, становившиеся на путь оседлости, могли снова вернуться к исключительно кочевому образу жизни (к стадии «нашествия» по ее терминологии⁴). Могли и славяне, приспосабливаясь к обстоятельствам, переносить центр тяжести своих занятий с одного их вида на другой, более рентабельный. Но в любом случае ни пастушество, ни кочевое скотоводство не становились, как кажется, никогда основным родом деятельности массы славянства. Первое невозможно без налаженного торгового обмена с земледельческим населением, без длительного опыта освоения альпийских лугов и протяженных сезонных трасс перегона скота (из долин в горы и из гор в долины), второе немыслимо вне обширных, а именно южночерноморских или прикаспийских, степей, где следы славян, однако, не зафиксированы ни в VI, ни в IX в. и где в эту пору хозяйничали подлинно кочевые народы (иранские, гуннские, тюркские племена: авары, протоболгары, узы, печенеги и др.).

Однако все это лишь общие соображения. Обратимся к источникам VI—VII вв., напомним хотя бы кратко важнейшие на этот счет свидетельства. Маврикий в своем «Стратегиконе» говорит о копнах проса и запасах продовольствия, которыми располагали славяне левобережья Нижнего Дуная на рубеже VI—VII вв. и которые полководец рекомендовал вывозить в качестве добычи из земли славян с помощью судов и вьючных животных⁵. В расчете на эти запасы Маврикий осенью 602 г. повелел воинам дунайского рубежа зимовать в земле славян, снабжая себя продовольствием за их счет, чем и вызвал известное восстание, приведшее к свержению и гибели императора и к падению северного, дунайского лимеса империи⁶. Всем хорошо известны также данные «Чудес св. Димитрия» о том, что жители Фессалоники в 678 г. закупали у велегезитов Фессалии зерно, бобовые и сушеные фрукты⁷.

Трудно допустить, что славяне, если бы они были кочевниками, едва поселившись несколько десятилетий назад на землях империи, сумели столь быстро освоить — только под влиянием автохтонов — их агрикультуру и в 70-х годах VII в. смогли производить значительный излишек сельскохозяйственных продуктов, обращаемый на продажу. Оседание кочевников на землю и переход их к земледелию — чрезвычайно длитель-

² Корольюк В. Д. Пастушество у славян в первом тысячелетии нашей эры и перемещение их в Подунавье и на Балканы: Славяне и волохи: (Попытка реконструкции по письменным источникам) // Славяно-волохские связи. Кишинев, 1978. С. 177—198.

³ Koder J. Zur Frage der slawischen Siedlungsgebiete im Mittelalterlichen Griechenland // BZ. 1978. Bd. 71 (2). S. 315—331.

⁴ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 14 и след., 35 и след.

⁵ Грѣцки извори за българската история. С., 1958. Т. 2. С. 281—282, 286. (Далее: ГИБИ).

⁶ Там же. С. 355 (Феофилакт Симокатта).

⁷ Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. P., 1979. Vol. 1: Le texte. P. 214.9—13, 218.1—2, 254, 268.

ный и мучительный процесс, как свидетельствует об этом множество исторических примеров. Так, византийцам в XI—XII вв. не удалось расселить в качестве постоянных поселенцев в Южной и Средней Македонии племенные орды печенегов, а затем половцев, а тем более заставить их заниматься земледельческим трудом. Протоболгары действительно скоро, через век-полтора, стали оседлым населением под давлением обстоятельств и под влиянием славян, но, осев, они перестали быть тюрками, растворились в славянской среде.

Эзериты и милинги на Пелопоннесе были подчинены в IX в., после их неудачного восстания, но смирились они только после того, как византийский полководец сжег урожай их полей на корню⁸. Если бы они занялись агрикультурой лишь недавно, под влиянием местного населения, обладая до этого высокими навыками в основном в иного рода деятельности (например, в охоте на горах Тайгета или в пастушестве там же), вряд ли гибель своих посевов была воспринята славянами как катастрофа.

Упомяну лишь мельком о том, что и лингвисты не находят оправдания сохранению в науке старого тезиса об исконном кочевничестве славян. Ф. Малингудис показал, что древнейший пласт славянской лексики свидетельствует о славянах как о земледельческом народе; микротопонимия Пелопоннеса, восходящая к славянам, поселившимся здесь в конце VI—VII в., говорит о том же⁹. Представляется интересным вывод греческого ученого, что уровень славянской агротехники и земледельческого инвентаря отнюдь не всегда уступал провинциальному византийскому: во всяком случае, вполне вероятно, что какой-то вид славянской бороны был заимствован (вместе с самим этим понятием) местными греками¹⁰.

Конечно, в целом уровень ранневизантийской агрикультуры был несопоставим со славянским. По данным «Чудес св. Димитрия», славяне в своих набегах на землю империи в VII в. уносили в качестве добычи также сельскохозяйственные орудия¹¹: преимущества этих орудий, следовательно, были очевидны и для славян, но они забирали их, разумеется, не для того, чтобы «перековать в мечи», а чтобы использовать по назначению.

Было бы слишком долго и излишне (нужно попросту обратиться к соответствующим публикациям) ссылаться на результаты раскопок археологов; здесь выводы, основанные на обильных материалах раскопок, как правило, вполне определены: селища славян конца VI—VII в. — неизменно земледельческие поселения. Укажу лишь на раскопки 1970-х годов в Южной Добрудже, где обнаружено славянское поселение начала VII в., которое по множеству находок земледельческих орудий и других атрибутов земледельческого быта археологи определили как важный центр сельскохозяйственного производства в течение всего существования Первого Болгарского царства¹².

⁸ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Ed. Gy. Moravcsik, R. H. Jenkins. Wash., 1967. P. 234.43. Ср. о славянах на Пелопоннесе: *Литаерин Г. Г.* Из комментария к 49-й главе труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» // *BYZANTINA*. 1985. Т. 13. P. 1349—1353; *Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, пер., коммент.* М., 1989. С. 427—440.

⁹ *Malingoudis Ph. Toponymy and History: Observations concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese* // *Cyrrilomethodianum*. Thessaloniki, 1983. Т. VII. P. 99—114; ср.: *Дуриданов И.* Заселяването на славяните в Горна Мизия по даните на топонимията // *Славянска филология*. С., 1983. Т. 17. P. 223—230.

¹⁰ *Малингудис Ф.* Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии // *ВВ*. 1987. Т. 48. С. 44—52.

¹¹ *Lemerle P.* Les plus anciens recueils... 1. P. 185.35—36, 198.

¹² *Michailov S., Doncheva-Petkova L., Topkanov D.* Fouilles archéologiques près du village Odarci, département de Tolboukine (Bulgarie) au cours des années 1971—1977 (partie orientale) // *Slavia antiqua*. 1980. Vol. XXVII. P. 119—171; *Въжарова Ж.*

Сходное заключение сделали югославские археологи для славянских поселений по Дрину и Мораве, а также для всего района между Моравой и Тимоком, а польские археологи — для района с. Дебреште в Македонии (близ древней торговой артерии *Via Egnatia*)¹³.

Дело, однако, не только в этих фактах. Сколь ни неразвито было славянское общество того времени сравнительно с византийским, оно представляло собой определенную структуру, основным системообразующим элементом которого являлись прежде всего оседлые поселения, жители которых были заняты земледелием и разведением домашних животных, пасущихся на лежащих близ деревень пастбищах. Все элементы данной системы соответствовали этому главному структурному фактору: и жилища (полуземлянки), возникшие, несомненно, как рациональное жилье в условиях суровой зимы и совершенно чуждые кочевникам, и орудия труда, и обилие утвари из дерева и глины, и воинская тактика, ориентированная на пеший рукопашный бой, которого избегали кочевники, и привычка укрываться от врагов в лесу, который страшил кочевые народы, и т. д. и т. п. Мы убеждены в том, что любые попытки судить об организации славянских поселений и об общественном строе славян останутся совершенно бесплодными, пока не будет полностью осознан тот факт, что славяне (во всяком случае, подавляющее их большинство) вышли на арену истории, уже будучи оседлыми, занятыми сельским хозяйством жителями Европы. Эпоха Великого переселения в их истории — не переход от кочевничества к оседлости, а эпизод — смена мест расселения в силу глубоких внутренних мотивов развития славянского общества, одним из которых была потребность в новых землях, на которых они стремились продолжать свою прежнюю хозяйственную деятельность.

Именно земледельческий, оседлый быт обуславливал формы общественной организации древних славян. Занятие сельскохозяйственным трудом в условиях, когда возникли поселения, состоящие из десятка и более сельских дворов, организация землепользования, сезонных пахотных работ, выделения пастбищ и лугов и т. п. — все это невозможно без общего согласия поселян, невозможно вне общины. Деревенская община как сообщество соседей — не выдумка славянофилов и не податная организация, создаваемая государственной властью, а естественноисторически возникший институт деревенских жителей, регулирующий порядок землепользования, внутренние дела поселения и его отношения с соседними общинами¹⁴.

Советские археологи на основе изучения материалов раскопок славянских поселений VI—начала VII в. в Поднестровье и в Попрутье пришли к выводу, что в это время совершался процесс перехода от патриархальной, родовой общины (для которой была характерна большая, или братская, семья) к общине соседской. Переходная стадия проявилась в возникновении группы индивидуальных, предназначенных каждый для малой семьи домов, расположенных вокруг еще сохранявшегося в общем пользовании хозяйственного подворья¹⁵.

Славяны и прабългари по данни на некрополите от VI до IX в. на територията на България. С., 1976.

¹³ *Fine J. V.* The Early Medieval Balkans: Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Univ. of Michigan Press, 1983. P. 38, 39; *Hensel W., Rauchutova J.* Archaeological Research at Debrešte (Macedonia), 1974—1978 // *Archaeologia Polona*. 1981. Т. XX. P. 191—225.

¹⁴ Дискуссию об этом см.: *Литаерин Г. Г.* Византийское общество и государство X—XI вв. М., 1977. С. 7—42.

¹⁵ *Баран В. Д.* Раннесредневековые древности славян Юго-Восточной Европы // Тез. докл. сов. делегации на V Международном конгрессе славянской археологии.

Сколь велики были общины, мы, однако, не знаем. Но, уже по данным Маврикия, известно, что вдоль северных притоков Дуная имелись в конце VI в. крупные славянские села, между которыми были небольшие расстояния и нападение на которые сулило удачливому полководцу большую добычу и многочисленных пленников¹⁶.

Недостаточно знаем мы и о том, сколь велики были племена славян и их племенные союзы, сколь долго эти союзы существовали, были ли среди них относительно постоянные, можем ли мы уверенно рассматривать такие славянские образования, как «Семь родов», северы, драгуниты, берзиты, сагудаты, ваюниты и т. д., в качестве племен или в качестве союзов племен.

Было бы тем не менее невозможно оспорить тот факт, что известные по названиям племенные организации славян обладали значительной численностью, являлись серьезной военной силой, что в полной мере не раз обнаруживалось в их отношениях с аварами, империей и протоболгарами.

Племенные организации славян (славинии) обладали какой-то мало нам известной, но достаточно устойчивой структурой. Во главе их стояли вожди-князья (архонты и рексы византийских источников). Весь ход событий VI—VII вв. позволяет заключить, что действия славян против империи имели ясно различимые черты организованности — и во время временных нападений, и при захвате и доставке в свои поселения воинской добычи, и особенно во время прочного заселения византийских земель. Источники не извещают ни об одном остром столкновении славянских племен друг с другом при расселении их в том или ином районе. Создается впечатление о предварительном разделе занимаемых славянами земель, о достигнутом заранее между ними на этот счет соглашении. Характерно, что каждое славянское племя (или союз племен) не меняло мест своего расселения, оставаясь веками в том районе, в котором поселилось изначально (лишнее, на наш взгляд, доказательство оседлости славян, привычной для них еще до переселения).

Термин «Славиния», впервые возникший как результат словотворчества византийских чиновников и книжников, употреблялся в двух разных значениях в первой четверти VII в., как мы уже неоднократно старались показать; он указывал не только на место расселения славян того или иного племени или союза или вообще славян (в таком случае термин употреблялся в источниках, как правило, в единственном числе — славиния), но и на определенную социально-политическую организацию (в этих случаях византийские авторы использовали термин, обычно во множественном числе)¹⁷.

Наиболее удобно обосновать этот тезис на примере славиний эзеритов, милингов, берзитов, северов и «Семи родов».

Эзериты и милинги — именно благодаря своей внутренней организации — сумели столь долго (по крайней мере, 250 лет) сохранять свою автономию, а затем состояние полувластности (окончательно они были покорены только в конце 1-й четверти X в.). Причем неоднократно они отстаивали свою свободу с оружием в руках.

М., 1985. С. 3—4; ср.: *Jatrus-Krivina*. В., 1986; Антонова В. Славянское селище в аула на хан Омуртаг при Чаталар от VII—VIII в. // Сб. в память на проф. Станчо Вакинов. С., 1984. С. 106—114; Иванова О. В., Литаевин Г. Г. Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах, VI—XII вв. М., 1985. С. 98.

¹⁶ ГИИ. Т. 2. С. 282, 286, 287.

¹⁷ Литаевин Г. Г. Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 193—203.

О берзитах, живущих в Фессалии, известно, что в 799 г. силы их князя Акамира по замыслу заговорщиков должны были сыграть главную роль в свержении императрицы Ирины и восстановлении на престоле империи ссыльных сыновей Константина V¹⁸. И эта славиния продолжала существовать, таким образом, в глубине византийской территории, по крайней мере, около 200 лет после ее здесь появления.

Не менее интересны данные о славинии северов, участвовавших в соглашении с протоболгарами Аспаруха в 680 г., подчинившихся его власти, обязавшихся охранять от византийских нападений проходы в Болгарию с юга между морем и восточными отрогами Стара Планины, но сохранивших внутреннюю автономию в пределах Первого Болгарского царства. Князь северов Славун почти столетие спустя после прихода Аспаруха, в 764—767 гг. (точная дата остается дискуссионной), осмеливался на самостоятельные военные действия против империи в Северной Фракии, вступая при этом в воинские соглашения с отрядами местных повстанцев («скамаров»), недовольных властью Константинополя¹⁹.

Особенно примечательна, однако, история союза «Семь родов». Мы считаем справедливой догадку, что, выступая в роли главного славянского объединения между Дунаем и Стара Планиной, вступившего в договорные отношения с Аспарухом, союз «Семь родов» одновременно внушал опасения и самому протоболгарскому хану²⁰. Именно поэтому он переселил славян этого союза, отделив от него северов, столь далеко на запад, на границу с аварами, в долину р. Тимок. В результате союз был ослаблен, утратил единство и потерял свое название «Семь родов». В начале IX в. славяне этих мест выступали как особая славиния с новым наименованием — «тимочане». Данные о том, что они сохранились как социально-политическая организация славян (славиния) несомненны: они сохраняли полуавтономию в составе Болгарии, находились под непосредственным управлением собственной знати, которая в 818 г., будучи недовольной централизаторской политикой хана Омуртага, завязала дипломатические отношения сначала с Людовиком Благочестивым, а затем с посавским князем Людевитом и почти на 10 лет покинула Болгарское государство²¹.

Все сказанное выше позволяет, по нашему мнению, поддержать тезис о том, что славинии, по всей вероятности, повсюду в славянском мире представляли собой стадийно закономерный общественный институт — протогосударство. Как известно, Константин Багрянородный говорил об их существовании в IX—X вв. и в сербохорватских землях, и на территории Древнерусского государства²². Дальнейшее развитие славиний привело к возникновению сербских и хорватских княжеств в IX в., тогда как в Болгарии и в пределах Византии эволюция славиний шла по пути превращения их — через промежуточные полуавтономные образования «архонтии» — в административные районы (клизуры, банды и фемы) в уже существующих государствах, на территории которых они располагались. На Руси процесс укрепления центральной власти привел к ликвидации княжеств-славиний, иногда с помощью военной силы.

Изучение истории древних славян целесообразно, по-видимому, сосредоточить на изучении славиний как гомогенных общественных систем, свойственных древним славянам в догосударственную и дохристианскую эпоху.

¹⁸ ГИИ. С., 1960. Т. 3. С. 278 (Феофан).

¹⁹ Там же. С. 272 (Феофан).

²⁰ Ditten H. Zum Verhältnis zwischen Protobulgaren und Slaven vom Ende des 7. Jh. bis zum Anfang des 9. Jh. // Сб. в память на проф. Станчо Вакинов. С. 23—33.

²¹ Литаевин Г. Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII—начало XI в.) // Раннефеодальные государства. . . С. 159.

²² Const. Porphy. De adm. imp. Cap. 9, 10, 107; 28, 19; 29, 68; 30, 94.

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана)

Изучение динамики социальной структуры ранневизантийского общества IV—VI вв., эволюции классов, социальных сословий и групп проливает свет на характер всего ранневизантийского общества¹. Вопросы социальной структуры являются одними из наиболее актуальных и остродискуссионных в советской и мировой византистике². От понимания того, к какой эпохе, к какому обществу могут и должны быть отнесены первые три столетия византийской истории, зависит многое в оценке и интерпретации особенностей ее дальнейшего развития. Эти проблемы обретают все большее значение в свете углубляющихся типологических исследований. До Великой Отечественной войны в советской историографии существовала более или менее единая точка зрения на ранневизантийскую эпоху как на эпоху еще античную. Кризис VII в. рассматривался как переход от Византии античной к феодальной, а ранняя Византия — как застойное рабовладельческое общество. Идея имобильности социальной структуры ранней Византии возникла не на пустом месте. Ее рождение связано с тем фактом, что многие социальные процессы протекали в ранней Византии медленно, что и позволило, например, М. В. Левченко характеризовать ранневизантийское общество как застойное рабовладельческое³.

¹ См.: *Tinnefeld F.* Die frühbyzantinische Gesellschaft: Struktur—Gegensätze—Spannungen. München, 1977; *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980.

² См.: *Удальцова З. В.* К вопросу о генезисе феодализма в Византии: Постановка проблемы // *ВО.* 1971, 1978; *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии // *ВВ.* 1974. Т. 36. С. 3—30; *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа: Типологические наблюдения // *ВО.* 1977. С. 3—65; *Она же.* Проблемы типологии феодализма в Византии // *Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования.* М., 1975; *Она же.* Новейшие исследования советских византистов // *ВВ.* 1978. Т. 39. С. 3—16; *Курбатов Г. Л.* К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества.* Л., 1980. Вып. 3. С. 3—21; *Курбатов Г. Л., Лебедева Е. Е.* Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984; *Она же.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // *Город и государство в древних обществах.* Л., 1982. С. 56—76; *Она же.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // *Становление и развитие раннеклассовых обществ.* Л., 1986. С. 100—196; *Литаврин Г. Г.* Восточноримская империя в V—VI вв. // *Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв.* М., 1985. С. 8—83; *Köpstein H.* Zur Veränderung der Agrarverhältnisse in Byzanz vom 6. bis 10. Jh. // *Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung.* B., 1983. S. 77—84.

³ *Левченко М. В.* История Византии. М.; Л., 1940; *Она же.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. // *ВС.* М.; Л., 1945. С. 12—95.

Дискуссии 50-х годов о кризисе и гибели античного мира и изучение проблемы генезиса феодализма привели к усложнению представлений об этом периоде и разнообразию точек зрения на него в советской историографии⁴. Ряд исследователей стали связывать конец античной Византии с кризисом III в. и соответственно Византию IV—VI вв. оценивать как феодализирующееся общество и государство. Подобная точка зрения распространена и среди части исследователей истории Ближнего Востока⁵. Соответственно на первый план выдвинулись вопросы генезиса феодализма, зарождения элементов феодальных отношений в Византии, проблемы не только рабства и его роли в ее хозяйственно-общественной жизни, но и своеобразия и эволюции ранневизантийского колоната, возможностей его трансформации в феодальные формы зависимости, а также эволюции и феодализации господствующего класса⁶. Проблема эволюции социальной структуры ранневизантийского общества в этих условиях приобретает особенно большое значение.

Позднеантичное общество, как правило, долгое время больше изучалось медиевистами, чем антиковедом; оно исследовалось с точки зрения скорее выявления черт его феодализации, чем разложения старых античных форм и отношений⁷. Если черты феодализации не всегда могут быть сразу четко выделены, то античные формы и отношения просматриваются значительно более отчетливо. Часто именно степень отмирания старого является значимым показателем эволюции ранневизантийского общества, в том числе и его социальной структуры.

По-прежнему продолжает оставаться достаточно широким хронологический диапазон характеристики ранневизантийского общества. Некоторые современные исследователи выносят за рамки VII в. процесс активного изживания остатков позднеантичных отношений и структур. Таким

На смену старым выводам о застойности, имобильности ранневизантийского общества пришли новые представления. См.: *Charanis P.* On the Social Structure of the Later Roman Empire // *Byz.* 1944/1945. Bd. XVII. P. 39; *Ceran W.* Stagnation or Fluctuation in Early Byzantine Society // *BS.* 1970. Vol. 31. P. 192—203; *Hopkins K. M.* Elite mobility in the Roman Empire // *PP.* 1965. Vol. 32. P. 12—26. Исследования последних десятилетий более отчетливо показали определенные сдвиги в развитии экономики, социально-экономических отношений в ранневизантийский период, что отчасти суммировано в монографии: *Курбатов Г. Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971; см. также: *Patlagean E.* Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4—9 siècles. P., 1977. Большую роль в оценке значения VII в. во внутреннем социальном развитии Византии сыграли коллективные исследования ученых ГДР: *Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus.* B., 1978. S. 3—29; *Besonderheiten der byzantinischen Feudalentwicklung.* B., 1983.

⁴ См.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. Существенным вкладом в разработку проблем позднеантичной стадии, кризиса и падения античного общества явилась проведенная на страницах ВДИ в первой половине 50-х годов дискуссия. Итоги и библиографию см.: Проблемы падения рабовладельческого строя: (К итогам дискуссии) // ВДИ. 1956. № 1. Дискуссии по этому вопросу продолжают и поныне. См.: *From Late Antiquity to Early Byzantium.* Pr., 1985.

⁵ *Лапшов Б. А., Халевинский И. В.* Становление раннего ислама // *ВИ.* 1983. № 1.
⁶ О глубине разногласий по этим вопросам см.: *Сюзюмов М. Я.* Рец. на кн.: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VII вв. Л., 1976 // *ВВ.* 1978. Т. 39. С. 226—227; *Литаврин Г. Г.* Рец. на кн.: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VII вв. Л., 1976 // *ВВ.* 1978. Т. 39. С. 227—228; *Weiss G.* Antike und Byzanz: Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur // *Historische Zeitschrift.* 1977. Bd. 224; *Köpstein H.* Zur Veränderung der Agrarverhältnisse in Byzanz vom 6. zum 8. Jahrhundert // *Etnographisch-archäologische Zeitschrift.* 1979. 20. Jhg. S. 509—519; *Чекалова А. А.* Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // *ВВ.* 1972. Т. 33. С. 12—32; *Она же.* Константинополь в VI веке: Восстание Ника. М., 1986.

⁷ *Korsunski A. R.* Zur Entstehung von Elementen feudalen Beziehungen im Weströmisches Reich // *Klio.* 1978. Bd. 60, H. 2. S. 247—258.

образом, становится важным и хронологическое уточнение этапов этого процесса.

До сих пор преимущественное внимание в нашей историографии, что, безусловно, справедливо, уделялось выяснению роли рабства, колоната, эволюции крупного землевладения. Значительно хуже изучалась социальная эволюция господствующего класса. В результате исследований последних десятилетий ранневизантийское общество перестало рассматриваться как immobile, неразвивающееся. Наоборот, в последние годы специалисты все более склонны подчеркивать повышенную социальную мобильность, нередко теперь преувеличивая значение и размах этих процессов.

Спор о ранней Византии IV—VI вв. как о безусловно феодальном обществе в свете новых данных, по-видимому, становится все более беспристрастным. Как теперь доказано, ранневизантийский колонат никак не трансформировался в формы феодальной зависимости. То, что в ранней Византии рабство не было широко распространено, также не дает особых оснований рассматривать это обстоятельство как возникновение предпосылок к феодализации уже в III в. Даже если связывать проблему рабства с городом и отчасти с крупным землевладением, то граница возникновения феодального общества также отодвигается к VII в. — времени массового упадка городов и крупного землевладения.

Современные исследователи не рассматривают эпоху IV—VI вв. лишь как время только упадка и разложения. Картина развития общества представляется несколько более сложной. Даже в острее переживавшей кризис античного общества западной половине Римской империи обнаруживаются черты определенного «позднеантичного» подъема, связанного с переходом к колонату, оживлением городской жизни и торговли⁸. Тем более это относится к ранней Византии. Есть все основания говорить об определенной цикличности, о стадиях позднеантичного развития, а следовательно, о достаточно сложной и противоречивой эволюции различных социальных сословий и групп.

Если обратиться к вопросу об источниках для изучения эволюции социальной структуры ранневизантийского общества, то ряд исследователей⁹ считают, что данные законодательства IV—V вв. детально изучены и дальнейшая работа над ними может мало что дать для решения этой проблемы. Работы В. Шуберта и Д. Айбаха опровергли подобное мнение. Одна из характерных тенденций современной историографии состоит в том, чтобы более пристально оценить законодательный материал с учетом внутренних закономерностей развития социальных сословий и групп, эволюцию их интересов, влияния этих интересов на законодательную деятельность. Именно потому, что в своих работах В. Шуберт и Д. Айбах¹⁰ выразили эту тенденцию, они и смогли внести заметные коррективы в сложившиеся представления об этапах развития колоната и темпах упадка сословия куриалов.

⁸ Кузищин В. И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества // ВДИ. 1974. № 3; Он же. Некоторые проблемы древней истории в свете ленинских идей: (к 110-летию со дня рождения) // ВДИ. 1980. № 1.

⁹ См., например: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. С. 227.

¹⁰ Schubert W. Die rechtliche Sonderstellung der Dekurionen (Kurialen) in der Kaiser-gesetzgebung des 4.—6. Jahrhunderts // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. Weimar, 1969. Bd. 86. S. 287—333; Eibach D. Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besonderer Berücksichtigung der Terminologie. Köln, 1977.

Новые возможности изучения динамики социальной структуры ранневизантийского общества раскрыла и обозначила монография по социальным отношениям V в. Т. Грегори¹¹. Рассмотренный им законодательный материал, касающийся участия народных масс, плебса в религиозной борьбе, достаточно отчетливо показывает, с одной стороны, определенные этапы роста общественной активности плебейского населения, роль и значимость его борьбы за собственные интересы, а с другой — степень признания политических прав массы населения в двух аспектах: живой реалии времени и традиции. Законодательный материал, проанализированный Т. Грегори под углом зрения характеристики развития социальных отношений, дает возможность более отчетливо выявить некоторые принципиальные установки социальной политики государства в отношении плебейского населения империи, без учета которых, как убедительно показывает исследователь, вряд ли может быть восстановлена действительная картина эволюции сословий ранней Византии, содержания и темпов этого процесса для каждого из них. Труд Т. Грегори — один из примеров тех возможностей, которые еще дает изучение законодательства для уяснения процессов эволюции социальной структуры общества ранней Византии. Все вышесказанное свидетельствует, что правы те исследователи, которые подчеркивают сохраняющуюся фундаментальную значимость исследования данных законодательства.

Мы разделяем мнение Ф. Тиннефельда, что исторические сочинения, хроники, жития, археологические памятники в меньшей степени помогают решить задачу¹². Законодательство является важнейшим источником, освещающим разные аспекты социальной политики, социальной структуры и динамики развития сословий и групп. Без законодательных источников была бы невозможна общая ориентация в сложных проблемах византийской истории¹³.

При изучении и сопоставлении данных Кодексов Феодосия и Юстиниана¹⁴, естественно, немаловажное значение приобретает вопрос об их сходстве и различиях, о целях, установках и методах составления обоих сводов¹⁵. В отношении Кодекса Феодосия все исследователи пришли к единому мнению, признав его ценность как подборки законов (хотя и не без лагун, в том числе и территориально — по провинциям), подборки

¹¹ Gregory T. E. VOX POPULI: Violence and Popular Involvement in the Religious Controversies of the Fifth Century A. D. Ohio, 1979.

¹² О юридических источниках см.: Tinnefeld F. Op. cit. S. 5—8; Сюсюмов М. Я. Еще раз о юридических источниках для истории колоната // ВДИ. 1951. № 4. С. 83. Ср.: Ранович А. Б. Колонат в римском законодательстве II—V вв. // ВДИ. 1951. № 1.

¹³ Методика анализа законодательных памятников учитывает, что законы часто говорят не о том, как дело обстоит в действительности, а о том, как должно быть, в них наличествует определенная избирательность социальных явлений. К сожалению, мы не можем проследить степень претворения законов в жизнь, точно определить во многих случаях географию закона. Сложность представляет и неадекватность юридического языка прошлого современным критериям. См.: Tinnefeld F. Die frühbyzantinische Gesellschaft. ... S. 13.

¹⁴ Corpus juris civilis. Fol. 2: Codex Justinianus. (Далее: Cod. Just.) / Ed. P. Krüger. B. 1954; Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, R. M. Meyer. Berolini, 1954; Wanger L. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1955.

¹⁵ См. материалы: Kolloquium «Römische Geschichte, römisches Recht und aktuelles Recht» // Klio. 1979. Bd. 61, H. 1; Ferenzy G. Römische Rechtsgeschichte — antike Rechtsgeschichte // Ibid. S. 25—32; Härtel G. Römische Recht und römisches Gesellschaft // Ibid. S. 7—25; Wieacker F. Recht und Gesellschaft in der Spätantike. Stuttgart, 1964; Voss W. Recht und Rhetorik in den Kaisergesetzen der Spätantike. Frankfurt a. Main, 1982; См. мар. сб.: L'imperatore Giustiniano: storia e mito: Giornale di Studio a Ravenna (14—16 ottobre 1976) / A cura di G. G. Archi. Milano, 1978.

без редакторской правки, что повышает фактическую значимость законов и дает возможность более четко выявить эволюцию социальных отношений. По сути дела, в Кодексе Феодосия мы имеем тематически объединенную россыпь законов разного времени, которые удалось собрать, избегнув какой-либо переработки. Отсюда повторяемость многих постановлений, которая, по мнению Р. Макмиллана¹⁶, важна как определенный показатель реальной неэффективности некоторых мероприятий государства, что подрывает доверие к степени их реализации, особенно когда речь идет о сложных социальных процессах.

Основные особенности юстиниановского законодательства исследователи видят в том, что в нем были осуществлены последовательный отбор законов, их систематизация, переработка, устранение противоречий, приспособление старых законов к новой обстановке¹⁷. В литературе последних лет политика Юстиниана в отличие от политики предшествующих императоров рассматривается как особенно последовательная, программная, что, по-видимому, было связано прежде всего со всеобъемлющим характером нарастающего кризиса ранневизантийского общества.

Этот подход справедлив и в отношении законодательства как одной из сфер проявления всей политики Юстиниана. Программность в его законодательстве проявляется в четком следовании единым установкам. Законодательство Юстиниана неизмеримо более отражало эти установки, чем конкретные реальные ситуации. Но его заданность, запрограммированность важна сама по себе как показатель системы борьбы с нарастающим кризисом, направленности социальной политики¹⁸.

¹⁶ MacMullen R. Social Mobility and the Theodosian Code // JRS. 1964. Vol. 54. P. 49—53; Seyfarth W. Soziale Fragen der spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus. B., 1963.

¹⁷ Удальцова З. В. Законодательные реформы Юстиниана // ВВ. 1965. Т. 26; 1967. Т. 27.

¹⁸ Вершиной позднеантичной политики, наиболее ярким ее выражением считают политику Юстиниана. Большинство исследователей склонны рассматривать его как, по существу, последнего римского императора, а его политику как последнюю попытку путем известных реформ и уступок сохранить принципиальные основы античного общества. Как писал один из известных исследователей эпохи Юстиниана — Баркер, то, что «стремился восстановить и оживить во всех аспектах своей государственной и общественной деятельности Юстиниан, был миф античности». См.: Barker J. Justinian and the Later Roman Empire. Madison, 1966. Именно в связи с тезисом о программности юстиниановского законодательства с особой остротой встает вопрос об исходных установках его социальной политики. В советской историографии всестороннюю оценку времени правления Юстиниана и его законодательству дала З. В. Удальцова, посвятившая этому периоду целый ряд исследований. Достоинством ее работ является то, что в них впервые предпринята попытка последовательно подойти к рассмотрению и оценке законодательной деятельности Юстиниана исходя из учета реальной расстановки социальных сил, их нужд, требований, удельного веса в социальной и общественно-политической жизни империи. Наиболее отчетливо все это обобщено в написанных исследовательницей главах о законодательной деятельности, экономической и социальной политике Юстиниана. См.: История Византии. М., 1967. Т. 1. Она впервые смогла системно охарактеризовать отношение Юстиниана к сословию курялов, мелким земельным и городским собственникам, к колонам. Отношение Юстиниана к земельной знати, сенаторскому сословию отныне стало вырисовываться как более сложное. Дальнейшее изучение этих проблем проходило по двум линиям. С одной стороны, более критично проверялись свидетельства и оценки нарративных источников, прежде всего произведений Прокопия (связанная с этими сюжетами прокопиана за последние годы насчитывает не одну сотню работ). С другой стороны, шло более углубленное изучение и оценка социальной политики Юстиниана на основе анализа его законодательства, так сказать, изнутри. На определенном этапе возникла естественная необходимость свести, вернее, соотнести полученные результаты, что и было осуществлено на специальной конференции. См.: L'imperatore Giustiniano. После работы А. Хольвега о положении епископов в VI в. иной предстала и юстиниановская политика в отношении церкви и монашества. Стала отступать на второй план упро-

До недавнего времени при изучении законодательства Юстиниана исследователи акцентировали внимание на выявлении преимущественно новых тенденций, разрыва со старыми нормами и традициями. Вполне закономерно, что такой подход обрел несколько преувеличенные размеры. В итоге в политике Юстиниана в области права и социальных отношений стали находить больше новаторского, чем это имело место на самом деле. Перегиб, приведший в нашей историографии к преувеличению феодализированных тенденций в законодательстве Юстиниана¹⁹, естественно, вызвал ответную реакцию.

Более системное изучение всей совокупности законов, посвященных тем или иным правовым нормам и институтам, приводит исследователей к выводу о не столь уж резком разрыве юстиниановского законодательства со старыми античными нормами права. В основе своей оно не отрывалось от них, что особенно остро ставит вопрос о причинах массового включения в Кодекс Юстиниана законов, изданных до IV в. Здесь многое нуждается в дополнительном изучении, но ряд исследователей видят в этом попытки законодателей оживить определенные консервативные социальные традиции²⁰. Монография В. Фосса дает возможность более четко разобраться с постановкой вопроса о традициях и новаторстве в законодательстве²¹.

Законы Кодекса Феодосия и Кодекса Юстиниана написаны по-латыни в соответствии с достаточно едиными нормами права и принципами составления законодательных актов. Все это обеспечивает высокую степень единства основной юридической терминологии, сопоставимости, а следовательно, и более обоснованного изучения эволюции социальных сословий, отношений и институтов²². Итак, ранневизантийское законодательство — бесценный материал для дальнейшего и более углубленного изучения эволюции социальных отношений, динамики социальной структуры общества. Именно поэтому дата, число законов, относящихся к тем или иным социальным сословиям и группам, имеют также известную доказательную значимость.

Но из массы законов до сих пор еще недостаточно четко отделены те из них, которые были продиктованы сугубо временными обстоятельствами²³. При рассмотрении и оценке данных законодательства далеко не всегда в должной мере выделяются принципиальные программные законы, отражавшие общие направления политики государства, издававшиеся по его инициативе, и второстепенные, ситуационные. Мы не вправе забывать о том, что значительная часть законов Кодекса Юстиниана яв-

чившаяся ранее тенденция видеть в ней преимущественное стремление подчинить церковь государству и превратить церковную организацию в своеобразный второй этаж государственной администрации. См.: Hohlweg A. Bischof und Stadtheuer im frühen Byzanz // JÖBG. 1977. XX. S. 51—62; Чекалова А. А. Константинополь в IV в. С. 135; Лебедева Г. Е. Социальная структура... С. 127.

¹⁹ Липиниц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. М., 1976. С. 204.

²⁰ Согласно выводам В. Баклэнда и О. Робледы, рабство пронизывало всю систему социальных отношений позднеантичного общества. См.: Buckland W. W. The Roman Law of Slavery: The Condition of the Slave in Private Law from Augustus to Justinian. Cambridge, 1908 (reprint: L.; N. Y., 1970); Robleda O. Il diritto degli schiavi nell'antica Roma, 1976. Юридические взгляды того времени еще не были феодальными. См.: Сюзюмов М. Я. Еще раз о юридических источниках... С. 87; см. также: Brassloff St. Socialpolitische Motive in der römischen Bechtswicklung. Wien, 1933.

²¹ Voss B. Recht und Rhetorik...
²² Kolloquium «Römische Geschichte»; Ferenzy G. Römische Rechtsgeschichte... S. 25—32; Härtel G. Römisches Recht... S. 7—25.

²³ Лебедева Г. Е. Кодексы Феодосия и Юстиниана об источниках рабства // ВВ. 1973. Т. 35. С. 31—34; Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. К вопросу о характере балканского города IV—V вв. // Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 50; ср.: Велков В. Рабство в Тракия и Мизия през античността. С., 1967. С. 123—127.

ляется, по существу, ответами на апелляции частных лиц по конкретным, касающимся только их поводам и ситуациям. Они, безусловно, не должны выпадать из поля зрения исследователя. Необходимо отличать и законы, касающиеся вполне конкретных, но достаточно распространенных ситуаций, от законов, поводом для создания которых послужили ситуации уникальные. Высокий процент этих последних, взятых в совокупности по той или иной проблеме, как, например, проблема освобождения рабов или источников рабства, может дать искаженную картину реальной социальной политики. Уже несколько таких законов могут быть представлены как линия, а сумма многих аналогичных законов — в конечном счете как некая последовательная общая политика государства, как тенденция.

А. Р. Корсунским уже были уяснены некоторые значимые для исследователя реалии умолчания законодательства. Мы сошлемся лишь на один, но основополагающий по значимости пример. На основании данных законодательства едва ли не до последнего времени делались выводы о чуть ли не принципиальном отличии хозяйств крупных землевладельцев от средних — курiales и муниципальных, поскольку в законах, относящихся к первым, почти не упоминались принадлежавшие им рабы, а в относящихся ко вторым они упоминались очень часто. А. Р. Корсунский убедительнейшим образом объяснил причины видимого контраста: собственность мелких и средних рабовладельцев на их рабов была значительно менее реально защищена — отсюда масса законов²⁴. Но трудно представить похищение или присвоение рабов крупных могущественных собственников как массовое явление. Ясно, что применительно к ним не было необходимости в подобного рода законах. Законодательство в данном случае просто неадекватно отражало реальную социальную ситуацию.

Думается, что подобного рода деформации в общей картине, рисуемой законодательством, должны более тщательно выясняться и учитываться исследователями. Мы действительно считаем показательным, конечно в определенных рамках, как общую численность законов, посвященных тем или иным социальным сословиям и группам, так и их динамику — распределение по периодам, что представляется нам свидетельством определенной остроты проблем, связанных с этими сословиями, или ее спада.

Одной из наиболее исчерпывающих, в том числе и по привлечению законодательных данных, служит, например, работа А. Джонса²⁵. Она содержит достаточно полную, но в целом бессистемную характеристику положения и развития различных социальных сословий и групп, в которой оказываются перемешанными данные самого различного порядка. Такой эклектизм подхода — довольно распространенное явление.

Основным принципом подхода к законодательству, как нам представляется, должен быть принцип первоочередного учета данных законодательства, наиболее существенных с точки зрения отражения процесса внутреннего развития самих социальных сословий и групп как социальной общности, изменения их экономического, социального и политического положения. Проблема имущественной и социальной поляризации как среди населения в целом, так и внутри социальных сословий и групп представляется весьма существенной. Ее рассмотрение дает возможность более четко определять реальное значение сословий и групп, этапы их эволюции. Помимо внутренней эволюции самих сословий, бесспорно

существенным для их характеристики, является вопрос о том, за счет каких слоев они пополнялись и как они переходили из одного сословия или группы в другое. До недавнего времени исследователи преимущественно суммировали имевшие место факты такого перехода. В настоящее время значительно важнее проследить тенденции в их временном развитии, как это уже во многом сделано, например в отношении колоната. Существенным шагом в этом направлении применительно уже к V в. явились исследования Ж. Дагрона о так называемом городском монашестве. Увеличение числа городских монастырей предстает в работах Ж. Дагрона как своего рода особенность именно этого столетия, получившая массовое распространение в VI в.²⁶ Вообще сама проблема необычайного по сравнению с Западной Римской империей роста в Византии V—VI вв. монашества и духовенства — клира (его численность в VI в. достигла $1/10$, а иногда и $1/4$ населения городов) должна рассматриваться в общей связи с особенностями динамики социальной структуры ранневизантийского общества.

Как справедливо отметил А. Пападакис²⁷, до сих пор еще не в полной мере оценен тот факт, что едва ли не до самого конца ранневизантийского периода была характерна тяга не столько к вступлению в монастыри, сколько к ведению «монашеского образа жизни», в сильной степени индивидуальному, который, как убедительно показывает житийная литература, обеспечивался собственным и очень часто достаточно высокопрофессиональным трудом.

Заслуживают более внимательного рассмотрения этапы и социальные основы развертывания массового перехода части плебеев, как и курiales, в клир. В целом изменения в положении и соотношении социальных сословий и групп в городе нуждаются в тщательном изучении и оценке именно потому, что в ранневизантийский период не наблюдается сокращения общей численности городского населения и резких колебаний в ней. Скорее, наоборот, проявлялась обратная тенденция: убыль городского населения в результате войн и эпидемий быстро восполнялась за счет притока сельского.

Это лишь один из примеров, показывающих важность выявления и оценки того, когда, по каким причинам и по преимуществу в какие социальные сословия и группы массово переходили представители тех или иных категорий населения, какова была динамика этого процесса.

Формальное, изолированное и фрагментарное рассмотрение эволюции различных социальных сословий и групп, достаточно характерное и для современной зарубежной историографии, справедливо подвергается критике как мешающее дальнейшему углублению исследований²⁸. Для оценки динамики сословий, имевшей место в реальности, необходимо рассматривать их развитие взаимосвязанно, в целостности и взаимовлиянии²⁹.

Подход к изучению сословий и групп как бы изнутри, с учетом всей совокупности их связей и интересов представляется тем более важным, что достаточно традиционным (возможно, это обусловливается самим характером законодательного материала) было рассмотрение развития социальных сословий и групп только как результата осуществления государственной политики. Социальное сословие выступало при этом лишь

²⁶ Dagron G. Les moines de la ville: le monachisme à Constantinople jusqu'au concile de Chalcedoine (451) // TM. 1970. T. 4. P. 229—276.

²⁷ Papadakis A. The Byzantine Monasticism Reconsidered // BS. 1986. Vol. XLVII; Alivisatos H. S. Die kirchliche Gesetzgebung des Kaiser Justinian I. B., 1913. S. 110.

²⁸ Если Юстиниан так много уделял заботы клиру, то можно полагать, что был нужен больше государству, чем церкви.

²⁹ См., например: Чекалова А. А. Константинополь в VI в. С. 31—32.

²⁴ Корсунский А. Р. Проблемы измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975. С. 6—33.

²⁵ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284—602: A Social Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. 1—3.

как объект воздействия политики государства. Такой подход был характерен особенно для зарубежных исследователей, которые оказали влияние и на советскую историографию.

Вера во всемогущество византийского централизованного государства нередко как бы снимала вопрос о том, что это всемогущество имело реальную социальную основу в прочной и устойчивой системе социальных отношений, а не опиралось лишь на силу бюрократических установлений. Эта проблема особенно важна для ранней Византии — позднеантичного общества, устойчиво просуществовавшего три столетия — до начала VII в.

Из поля зрения многих исследователей, изучавших сумму конкретных мер и действий законодателей, как бы ускользали общие социальные принципы и установки, т. е. то, что мы можем назвать в полном смысле этого слова системой социальной политики государства, которыми в целом руководствовало общество и которые находили отражение в политике государства. Эта система во многом отличалась от предшествующей — II—IV вв., но была достаточно четко ориентированной. Именно общее влияние устойчивых социальных принципов государственной политики в достаточной степени не учтено рядом исследователей при оценке всей суммы законов. Между тем выяснение влияния господствующих тенденций социальной государственной политики и является наиболее существенным, ибо в нем отражается характер социальной структуры общества, его установки и принципы посредством их реализации в законодательстве. Разумеется, колебания в социальной политике были, и зависели они от обстоятельств и интересов группы, находившихся у власти в тот или иной период. Но была и общая, «средняя», принципиальная линия по отношению к различным социальным сословиям и группам, последовательно проходившая через все ранневизантийское законодательство и отражавшая его принципы и социальную сущность.

Э. Арвейлер отметила, например, одну, внешне формальную, но общую черту ранневизантийского законодательства — безусловный, четко фиксируемый количеством законов примат интересов горожан и городских проблем³⁰.

Для того чтобы получить представление о динамике социальной структуры, а также для понимания реальной значимости рассматриваемых проблем, мы должны учитывать исходный социальный вес различных социальных сословий и групп в начале рассматриваемого периода³¹. Социальная структура ранневизантийского периода должна быть сопоставлена и с более поздней³². Такое сопоставление, конечно в общей форме, можно сделать на основании имеющихся исследований.

Нам кажется, что исследователи, несколько акселерирующие процесс развития феодализма в Византии путем переоценки момента «экономической» целесообразности, забывают о факторе, на значение которого для последней стадии античности обратил особое внимание А. Р. Корсунский³³. В качестве такого фактора выступает социальный консерватизм системы и мышления как важнейший тормоз перестройки общества на началах новых отношений — черта, характерная для большинства обществ и являющаяся неизбежным наследием всей предшествующей эпохи. В свое время на этот фактор обратил внимание М. Я. Сюзюмов, который,

признавая существенные изменения, происходившие в общественном строе ранней Византии, тем не менее оценивал ранневизантийское общество как рабовладельческое, поскольку рабовладельческим по своему характеру продолжал, по его мнению, оставаться прежде всего господствующий класс³⁴. С нашей стороны добавим, что социальной структуре ранневизантийского общества была присуща не перманентная динамика, а известная устойчивость, стабильность. Социальную структуру этого общества мы типологически можем назвать позднеантичной, но со своей спецификой и своими особенностями социальных отношений³⁵, отличными от общества II—IV вв., но по-своему устойчивыми в своих основных принципах.

Именно для разлагавшегося античного общества, имевшего свои традиции, должна быть и более четко учтена взаимосвязь между экономическим положением, социальными, политическими отношениями и правами сословий. Так, социальные привилегии могли составлять самостоятельную и важную ценность, независимо от реального экономического положения того или иного сословия, а политические права не соответствовать первым двум (городской плебс). Проблема социально-политических традиций для рассматриваемого периода чрезвычайно важна и достаточно мало исследована. Поэтому изучение взаимовлияния положения сословий, их реальной взаимосвязи в общественно-политической жизни империи может существенно расширить наши представления о социальной структуре ранневизантийского общества, сделать более понятным внутренний кризис в его структурах, который разразился в середине второй половины VI в.

³⁰ Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975.

³¹ Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 114.

³² Литавин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 212.

³³ Корсунский А. Р. Проблемы революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе // ВИ. 1964. № 5. С. 72—86.

³⁴ Сюзюмов М. Я. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи // ВДИ. 1955. № 1. С. 58—67; Он же. Закономерный переход к феодализму и синтез // ДСВ. 1975. Вып. 12. С. 3—29.

³⁵ В советской историографии эта тема применительно к Византии разрабатывалась Г. Л. Курбатовым, по мнению которого, ранневизантийское общество в IV—VI вв. следует рассматривать именно как позднеантичное. См.: Курбатов Г. Л. К проблеме перехода от античности к феодализму // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3. С. 3—21. В принципе такой же была и точка зрения М. В. Левченко. Позднеантичное общество в ранней Византии сохранилось до VII в. и оказалось более устойчивым, чем позднеантичное общество Западной Римской империи. Это произошло не потому, что в ранневизантийском обществе интенсивнее разворачивались процессы феодализации, а потому, что специфика его социальной структуры и социальных отношений в нем смягчала кризис, делали это общество более устойчивым. См.: Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточноримской империи V—VII вв. // ВС. М.; Л., 1945.

А. А. ЧЕКАЛОВА

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ СЕНАТ И СОСЛОВИЕ КУРИАЛОВ В IV в.

В последнее время в византиноведческой литературе наметилась тенденция рассматривать сенаторскую аристократию ранней Византии как сословие, сформировавшееся на базе богатейших землевладельцев восточных провинций — верхушки муниципальной знати, так сказать, на ее руинах¹.

В данной статье мы не собираемся совершенно отвергать подобную точку зрения. Нам лишь хотелось бы конкретизировать проблему соотношения этих двух социальных групп — константинопольской сенаторской знати и муниципальной аристократии Востока (сословия куриалов). В основе нашего анализа находятся данные просопографии, прежде всего те, которые вошли в свод, составленный английскими исследователями во главе с А. Джонсом, Дж. Мартиндейлом и Дж. Моррисом².

В одной из своих речей Фемистий, исполнявший в 358—359 гг. должность проконсула Константинополя, заявлял, что за тот период состав сената был доведен с 300 до 2 тыс. человек³. Исследователи полагают, что основную массу новых членов сената составили куриалы.

¹ *Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974. P. 134, 135; Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества: (По данным Кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. С. 130—163; Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 68—69. О наплыве куриалов в сенат говорил еще А. Джонс, однако куриалы, по его мнению, составляли не ядро сената из богатейших землевладельцев, а основную массу homines novi. См.: Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. 1. P. 135; Vol. 2. P. 527.*

² *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. 1: AD 260—395. (Далее: PLRE. I.). См. также: Martindale J. R. Prosopography of the Later Roman Empire: addenda et corrigenda to Volume I // Historia. 1974. Bd. 23. P. 246—252.*

³ *Themistii Orationes / Ed. H. Schenkl, G. Downey. Lipsiae, 1974. Vol. 2. Or. XXXIV. 13. Ряд исследователей ставят под сомнение цифру 2 тыс. См., например: Bouchery H. Themistius in Libanius' Brieven. Gand, 1936. P. 116. Сомнение это может показаться вполне обоснованным, поскольку кворум сенаторов составлял всего лишь 50 человек (С. Th. VI. 4.9). Однако подобный контраст в цифрах может иметь другое объяснение, а именно то, что в константинопольском сенате активную роль играло весьма незначительное число его членов. См.: Nov. Just. LXII. Praef. Кроме того, едва ли Фемистий мог назвать откровенно ложную цифру в официально произнесенной речи при всем том, что она датируется временем весьма отдаленным (385 г.) от упомянутых им событий. См.: Petit P. Les sénateurs de Constantinople dans l'oeuvre de Libanius // L'Antiquité classique. 1957. T. 26. P. 350 et Note 2; Dagron G. L'Empire romain d'Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme: Le témoignage de Thémistios // TM. 1968. T. 3. P. 55; Idem. Naissance... P. 130. По вполне вероятному предположению Ж. Дагрона, Фемистий получил от Констанция II поручение заняться пополнением константинопольского сената во время своего пребывания вместе с императором в Риме по случаю vicennalia Констанция, когда знаменитый философ представлял сенат восточной столицы (т. е. в 357 г.) и продолжал комплектование сената вплоть до 361 г. См.: Dagron G. Naissance... P. 129—130.*

На самом числе 2 тыс. мы остановимся несколько позже, а пока отметим, что, подсчитав количество лиц, которые могли входить в константинопольский сенат, мы получили цифру 726. Разумеется, цифра эта весьма и весьма приблизительна, поскольку, во-первых, не все сенаторы стали объектом изучения составителей «Просопографии», ибо не все их имена сохранились⁴, во-вторых, неизвестно с точностью до года, когда обладатели тех или иных должностей были удостоены титула clarissimus (в частности, президы провинций⁵, дуksы⁶, трибуны⁷), в-третьих, жизнь и деятельность сенаторов, имена которых попали в изучаемый нами том «Просопографии», могут быть отнесены и к IV, и к V и даже к VI в.⁸ Кроме

⁴ В перечнях почти каждой из групп высших чиновников и военных, обладавших благодаря своему статусу в военно-административном аппарате империи сенаторским титулом, имеются лакуны. См., например, списки проконсулов и префектов Константинополя (PLRE. I. P. 1056), магистров оффиций (Ibid. P. 1060), квесторов священного дворца (Ibid. P. 1061), комитов священных щедрот (Ibid. P. 1064), комитов rei privatae (Ibid. P. 1062) и т. д. Равным образом лица, которые попали в сенат благодаря претуре или милости императора, если они не прославились каким-либо иным образом, оказались забытыми.

⁵ По данным Notitia dignitatum, президы восточных провинций получили сенаторское достоинство раньше президов западных провинций. См.: Notitia dignitatum / Ed. O. Seeck. B., 1876. 44.45. P. 99, 224. Однако точная дата этого события неизвестна, и исследователи датируют его по-разному. Ш. Лекривен относит его к середине IV в. и уж во всяком случае ко времени Валентиниана и Валента. См.: *Lécrivain Ch. Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople. P., 1888. P. 46—48. Cr.: Piganiol A. L'Empire chrétien (325—395). P., 1947. P. 353; Dagron G. Naissance... P. 159—160. По мнению А. Джонса, президы восточных провинций стали клариссимами к концу IV в. (Jones A. H. M. Op. cit. Vol. 1. P. 528). В «Просопографии» президы провинций включены в группу, которая объединяет и лиц, удостоенных титула клариссим, и тех, которые имели всаднический титул перфектиссима. См.: PLRE. I. P. XXII. Принцип этот вполне понятен, поскольку не всегда точно известно, с какого времени должность, влекущая за собой статус перфектиссима, получила статус клариссима. См.: *Ensslin W. Perfectissimus // RE. Hbd. 37. Col. 675—683. На наш взгляд, президы провинций получили статус клариссимов около 359—360 гг., что явствует из примера Юлиана 14, который в 358 г. исполнял должность презида Фригии, не будучи еще сенатором; в 359 г. он был включен в состав сената, после чего в 361 г. его назначили президом Вифинии. Маловероятно, чтобы сенатору была поручена должность, не имеющая сенаторского статуса. По предположению П. Пети, провинции могли иметь различный статус (Petit P. Les sénateurs... P. 359), но в таком случае их правители, по всей видимости, должны были получить и иное название (консуляр, проконсул). Ср.: Jones A. H. M. Op. cit. Vol. 1. P. 106—107.**

⁶ В «Просопографии» дуksы включены в группу лиц, имевших или получивших впоследствии титул спектабиля. См.: PLRE. I. P. XXII. 76 (Антоний 2). Мы включили в число сенаторов Константинополя только тех дуksов, которые имели эту должность после 361 г., ибо известно, что Констанций II, покровительствуя гражданским чиновникам, не жаловал военных, и дуksы при нем имели лишь статус перфектиссима. См.: *Amm. Marc. XXI. 16.2. Исключение составляли, по-видимому, лишь дуksы Египта, одним из которых был клариссим Сириан (356 г.) (PLRE. I. P. 872), а другим — фаворит Констанция II Артемий 2 (Ibid. P. 112).*

⁷ По мнению Р. Гийана, трибуны являлись клариссимами уже в IV в. При этом он ссылается на закон С. Th. XII. 1.113 от 386 г. См.: *Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи // ВВ. 1964. Т. 24. С. 47. Однако в этом законе, предписывающем чиновникам ранга spectabilis (дуksам, трибунам, главам канцелярий) позаботиться о том, чтобы среди подведомственных им лиц были выявлены и возвращены в свои курии бывшие куриалы, речь, скорее всего, идет не о трибунах — офицерах армии, поскольку военное ведомство уже представлено в законе дуksами, а о трибунах, служивших в административном аппарате империи, в частности трибунах и нотариях. Их, а также трибунов stabuli мы вносили в наш перечень сенаторов. Что же касается военных трибунов, то мы, следуя за А. Джонсом, показавшим, что они получили сенаторский титул лишь в начале V в. (Jones A. H. M. Op. cit. Vol. 3. P. 151. N 12), не включали их в наш список. Равным образом мы не относили к числу сенаторов и бывших протекторов. См.: *Ensslin W. Op. cit. Col. 677.**

⁸ За неимением места здесь и далее приводим лишь несколько примеров. В данном случае назовем Флавия Аммония, являвшегося комитом консистория либо в конце IV, либо в начале V в. (PLRE. I. P. 55), проконсула Азии либо в IV, либо в V в.

того, есть лица, зачисление которых в сенаторы может показаться спорным. Так, согласно О. Зееку, куриал Антиохии Антиох около 364 г. получил должность презида Аравии и таким образом стал сенатором⁹. Между тем составители «Просопографии» вообще не включили его в свой свод как самостоятельное лицо, лишь упомянув о нем в разделе, посвященном его сыну Арсению, являвшемуся одним из адвокатов Антиохии¹⁰.

Наконец, число 726 охватывает сенаторов со времени Константина I до конца IV в., в то время как многие лица оказались в сенате лишь в 357—361 гг., немало их получило сенаторский статус и позднее¹¹. К тому же следует учесть и тот факт, что весьма значительная группа сенаторов по тем или иным причинам (смерть, ссылка, казнь) из него выбывала¹². Таким образом, на каждый конкретный момент число сенаторов могло быть (хотя и не в сильной степени) различным.

Нельзя не отметить также, что полных данных о каждом из этих известных 726 сенаторов пока не имеется и, вероятно, не будет иметься при том состоянии источников, которыми мы располагаем. Не всегда известно социальное происхождение сенатора, уровень полученного им образования, размеры и характер его состояния. Порой до нас дошли лишь имя и должность сановника, на основании которых (в соответствии с таблицей о рангах) можно судить о его принадлежности к «великой курии».

Поэтому ясно, что картина, которую мы собираемся нарисовать, условна, как, впрочем, условно вообще наше представление об этих отдаленных временах. Тем не менее, хотя всю историю сенаторского сословия Константинополя IV в. в мельчайших ее деталях воссоздать невозможно, проследить тенденции в формировании сената представляется вполне достижимым, поскольку те лица, которые отличались известным весом в обществе, так или иначе попали в поле зрения тех, кому мы обязаны материалами, которыми мы располагаем для истории ранней Византии, — законодательными актами, надписями, письмами, риторическими произ-

Ариста (Ibid. P. 107), Анастасия 2, исполнявшего должность презида островов в период от IV до VI в. (Ibid. P. 59).

⁹ Seeck O. Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet. Leipzig, 1906. P. 76.

¹⁰ См.: PLRE. I. P. 111. Также не отнесены составителями «Просопографии» к сенаторам ритор из Киликии Акакий 7 (Ibid. P. 6—7) и Каллимах из Антиохии, которых мы, следуя за П. Пети (Petit P. Les sénateurs. . . P. 380), включили в наш список. Сенатором, на наш взгляд, являлся и брат Григория Назианзина Кесарий, что явствует из Речи VII знаменитого богослова, а также сын префекта претория 353 г. Фалассия Вассиан 2, нотариус 371—372 гг., поскольку спустя несколько лет в среде нотариев уже существовала иерархия из иллюстриев, спектабилей и клариссимов, что зафиксировано законом С. Th. VI. 10.2. Скорее всего, нотариус получил статус клариссима уже к концу правления Констанция, который питал к ним особую благосклонность.

¹¹ Таковы префект Константинополя 365 г. Кесарий 1 (PLRE. I. P. 168—169), префект Константинополя 372—373 и 382—384 гг., консул 384 г. Клеарх 1, префект претория 378 г. Авургий, префект претория 369—377 гг. Домикий Модест (Ibid. P. 605—606) и многие другие.

¹² Чаще всего казни и ссылке подвергались лица из высшего военно-административного аппарата империи. Так, префект претория 329—337 гг., консул 331 г. Авлавий, которому Константин доверил воспитание своего сына Констанция, был казнен в 337 или 338 г. своим воспитанником. См.: PLRE. I. P. 3—4. Сходной участи подвергся префект претория 388—392 гг., консул 391 г. Татиан 5, которому лишь в последний момент казнь заменили ссылкой (Ibid. P. 876—878), его сын Прокл, префект Константинополя 388—392 гг., казненный на глазах своего отца (Ibid. P. 746—747). Оба они пали жертвой интриг Руфина 18, занявшего после Татиана пост префекта и впоследствии также казненного в результате интриг Евтропия (Ibid. P. 78). В ряде случаев жизнь сенаторов заканчивалась вполне обыкновенно: они либо умирали естественной смертью, как префект претория Востока 367—369 гг. Авксоний I (Ibid. P. 142—143), либо погибали в результате несчастных случаев, как Аристенет 1, викарий Понта 358 г., пострадавший от землетрясения (Ibid. P. 104).

ведениями, историческими трудами, агиографическими сочинениями, словом, всеми теми памятниками, на основе которых и составлена «Просопография Поздней Римской империи»¹³.

Итак, изучая данные по названным выше 726 сенаторам, мы обнаружили, что представителей муниципальной аристократии (куриалов по происхождению) среди них насчитывалось всего лишь 40 человек¹⁴. Более того, и эта и без того невысокая цифра нами, по всей видимости, несколько преувеличена, ибо в нашем перечне есть 13 имен, включение которых в него спорно в одних случаях по той причине, что невозможно с полной определенностью утверждать, являлся ли тот или иной сенатор куриалом по происхождению¹⁵, в других — потому, что сомнительна принадлежность того или иного куриала к сенату Константинополя¹⁶, в-третьих, наконец, потому, что неизвестно ни точное, ни приблизительное время жизни и деятельности сенатора, вышедшего из сословия куриалов¹⁷. Мы внесли в наш список, хотя и со знаком вопроса, все эти спорные

¹³ Для истории константинопольского сената отсутствуют такие важные источники, как *acta senatus*, *Lex Julia de senatu habendo*, *senatus consulta*, которые, несмотря на то что и для римского сената сохранились лишь частично и известны главным образом по другим памятникам, все же позволяют достаточно подробно изучить вопросы конкретной деятельности римского сената — круг его компетенции, его традиции и обычаи, процедуру заседаний и приема новых членов, его взаимоотношения с императорской властью как фактические, так и формальные — процедуру переписки, прием императором сенаторов, подачу разного рода петиций и т. д. См.: Talbert R. J. A. The Senate of Imperial Rome. Princeton, 1984; Millar F. The Emperor in the Roman World. Ithaca, 1984. Впрочем, отсутствие подобных документов для константинопольского сената является, на наш взгляд, очевидным свидетельством, так сказать, аргументом *ex silentio* различий этих двух одинаковых по названию, но совершенно не схожих по сути институтов.

¹⁴ Это куриалы из Антиохии: Аэгий 1, Александр 6, вышеупомянутый презид Аравии 364 г. Антиох, братья Евагрий 6, Миккал и Олимпий 3, родственник Ливания Евмоллий с братом Домикием 1, дядя Ливания Паноллий с сыном Спектатом, Каллимах, Каллиопий 1, Каллиопий 3, Кельс 3, Иларию 8, Олимпий 9, Тисамен, а также антиохийские аристократы по женской линии: Аристенет 2, Вассиан 2 и Фалассий 2 (все трое родственники Ливания); куриал из Анкиры Иперехий; из Геллиополя — Александр 5; из Гермополя — Андроник 5; из Кесарии Каппадокийской — Кесарий 2 и Элладий 2; из Корики — Прокопий 4; из Коринфа — Аристофан, Парнасий 1 и Пелагий 1; с Крита — Эрос 2 и Паннухий 2; из Олимпа — Аквилин; из Тарса — Дмитрий 2 со своими предполагаемыми родственниками: Алинием 4, Кесарием 1, Иероклом 3, Иероклом 5 и Юлианом 14; из Финикии — Фратерн. Родина одного аристократа — Артемия 2, названного агиографом *ἐπαρτίδης* (*Artemii Passio*. 8), осталась неизвестной. Как видно из этого перечня, половину куриалов-сенаторов составляли выходцы из Антиохии, нередко являвшейся в IV в. главной резиденцией императора, в то время как все остальные города (к тому же весьма немногие), поставили в сенат Константинополя оставшуюся их половину. Бросается в глаза также, что попавшие в сенат куриалы зачастую состояли друг с другом в родстве, так что количество куриальных родов, чьи представители оказались членами константинопольского сената, было значительно меньшим.

¹⁵ Это касается предполагаемых родственников принсипала Тарса Дмитрия 2 — Алипия 4, Кесария 1, Иерокла 3, Иерокла 5 и Юлиана 14. См.: PLRE. I. P. 46—47, 168—169, 247—248, 431—432. Показательно, что такой тонкий исследователь, как П. Пети, считает Алипия 4 и его брата Кесария 1 чиновниками по происхождению. См.: Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche au IV siècle après J.-C. P., 1955. С. 362.

¹⁶ Это относится к Андронику 5, Антиоху, Каллимаху и Иперехию, которых не обозначили как сенаторов составители «Просопографии» (P. 193, 449—450), но которых считает возможным отнести к сенаторам П. Пети. См.: Petit P. Les sénateurs. . . P. 380; *Idem*. Libanius. . . P. 397 (Антиох), 402 (Иперехий). Включили мы в наш перечень еще трех лиц, не фигурирующих в «Просопографии» как сенаторы, — брата Григория Назианзина Кесария (*Daaron G. Naissance*. . . P. 133), Элладия 2, исполнявшего, как и сенатор Юлиан 17, должность перекватора (PLRE. I. P. 472), а также дядю Ливания Паноллия, который в 336 г. управлял провинцией, но неизвестно какой, иными словами, неясно, был ли он консуларом или президом.

¹⁷ Речь идет о дуксе Аквилине, принадлежавшем к муниципальной аристократии Олимпа, даты жизни которого колеблются от IV до VI в. (PLRE. I. P. 91).

фигуры просто для того, чтобы не заслужить упрека в сознательном уменьшении числа куриалов, оказавшихся в константинопольском сенате.

Из этих 40 потомственных аристократов в течение 357—361 гг., т. е. в период, когда, по мнению исследователей, в сенат попало особенно много куриалов, членами сената стало всего 11 человек: Алипий 4, Андроник 5, Аэтий 1, Димитрий 2, Кельс 3, Паннийский, Парнасий 1, Фалассий 2, Фратерн, Юлиан 14, Эрос 2¹⁸. При этом Фемистий сыграл свою роль в назначении сенаторами лишь четырех лиц: Андроника 5, Аэтия 1, Кельса 3 и Юлиана 14¹⁹.

Примечательно, что куриалов, ставших сенаторами без исполнения какой-либо должности, всего пятеро. Это только что упомянутые Андроник 5, Аэтий 1 и Фратерн, а также два антиохийских куриала — Александр 6 и Каллимах, включенные в сенат уже после активного его пополнения в эпоху Констанция II, один в 364 г.²⁰, другой уже в правление Феодосия Великого²¹.

Остальные же 35 куриалов из вышеназванного списка в 40 человек, по всей видимости, вошли в сенат благодаря своей службе императору и, как правило, в провинциальном аппарате империи. Лишь два представителя муниципальной аристократии были удостоены сенаторского звания вследствие исполнения ими должности префекта города Константинополя, причем один из них — префект города 392 г. (консул 404 г.) Аристенет 2 — принадлежал к старинной аристократии по женской линии, а именно по обеим своим бабкам (дочери дяди Ливания Панолвия Феодоре 2 и Аристенете²²), в то время как оба его деда выдвинулись при Констанции II, и о деде его по матери, префекте претория Востока 360—361 гг. Ельпидии 4, известно, что он был совсем низкого происхождения и преуспел по службе благодаря «рабскому» с точки зрения аристократии ремеслу тахиграфа²³.

Что касается второго сенатора из куриалов, исполнявшего должность префекта города (в 365 г.), то это Кесарий 1, об аристократичности происхождения которого можно лишь предполагать, поскольку надежными

источниками не подтвержден тот факт, что его отец — Юлиан 14, предполагаемый брат принцепала Тарса Димитрия 2²⁴. Тот же самый Кесарий 1, до того как стать префектом Константинополя, занимал пост комита *regum privatarum* (363—364 гг.), а его брат Алипий 4 являлся примерно тогда же (363 г.) комитом Юлиана Отступника²⁵. Другим комитом Юлиана был Прокопий 4, притязавший впоследствии на императорскую власть²⁶.

Всего лишь один куриал — принцепал Антиохий Каллиопий 3 — стал *magister epistularum*²⁷. Только один представитель муниципальной аристократии оказался трибуном и нотарием — двоюродный брат Ливания Спектат (358 г.)²⁸, и опять-таки лишь один куриал по происхождению стал около 371—372 гг. нотарием — Вассиан, сын Фалассия 1, о котором мы упоминали выше²⁹. В свою очередь, брат Вассиана Фалассий 2 — единственный потомственный аристократ в должности *proximus libellorum*³⁰.

Остальные куриалы (27 из 40) вошли в сенат, занимая должности, связанные с управлением диоцезами и провинциями. Выходец из Антиохии Олимпий 9 получил пост проконсула Ахайи, после того как он в 363 г. отправлял посольство от родного города к императору Иовиану³¹. При сходных обстоятельствах был назначен на должность проконсула Палестины Иларий 8, также антиохийский аристократ, отправившийся по поручению своей курии послом к Феодосию I в 387 г. вскоре после известного восстания, в ходе которого были низвергнуты и разбиты на куски статуи императора и его родственников. Он произвел на Феодосия самое благоприятное впечатление, чему и был обязан своим назначением и саном сенатора³².

Два представителя муниципальной аристократии стали викариями: упоминавшийся уже не однажды Кесарий 1, исполнявший в 362—363 гг. должность викария Азии³³, и Аристофан из Коринфа — личность замечательная и в известной степени типичная для сенатора из куриалов, чтобы о ней сказать несколько слов. Его отец Менандр был включен в римский сенат, но отказался от этой чести, предпочтя остаться членом

¹⁸ PLRE. I. P. 25—26, 46—47, 247—248, 193, 283, 471, 665, 667, 887. См. также: *Petit P. Libanius*. . . P. 397—404; *Idem. Les sénateurs*. . . P. 380—382.

¹⁹ *Petit P. Les sénateurs*. . . P. 381—382. В «Просопографии» о роли Фемистия не говорится ни в одном из этих случаев, просто констатируется дата (359 г.) включения Аэтия 1, Кельса 3 и Юлиана 14 в сенат, в то время как Андроник 5, о чем мы уже упоминали, сенатором в ней не значится, но фигурирует как поэт. См.: PLRE. I. P. 25—26, 65—66, 193, 471.

²⁰ PLRE. I. P. 41. Здесь, однако, Александр 6 не обозначен как куриал. Мы следуем за П. Пети, который внес его в составленный им список антиохийских куриалов IV в. См.: *Petit P. Libanius*. . . P. 397 (Alexandre X).

²¹ *Petit P. Les sénateurs*. . . P. 380.

²² Феодора вышла замуж за комита Констанция II (345 г.), ставшего затем префектом претория Галла (351—353 гг.) Фалассия 1 (PLRE. I. P. 886, 895). Аристенета была женой Ельпидии 4 (PLRE. I. P. 104).

²³ *Lib. Or. XLII. 24—25*. Это был выходец из Пафлагонии, обладавший заурядной внешностью и отнюдь не блиставший даром речи, этим неотъемлемым качеством потомственного аристократа (*Amm. Marc. XXI. 6.9*). В 363 г. Ельпидий выдал свою дочь Приску замуж за сына Фалассия 1 Вассиана (PLRE. I. P. 414). Таким образом, благодаря брачным связям породнились семьи двух видных государственных деятелей эпохи Констанция II, в результате чего появился на свет Аристенет, который, будучи к тому же отпрыском родовитых аристократов, соединил в себе тягу к службе с высокой образованностью. Он являлся одним из блестящих учеников Ливания, к которому и по окончании срока обучения неизменно сохранял глубокую почтительность и, уже будучи высоким сановником, горячо откликался на все его просьбы и ходатайства за других его учеников, родных и друзей. См.: *Petit P. Les étudiants de Libanius: un professeur de faculté et ses élèves au Bas-Empire*. P., 1956. P. 140, 161, 185, 188, Not. 199.

²⁴ PLRE. I. P. 248, 471.

²⁵ *Ibid.* P. 168—169, 46—47. В 358 г. Алипий находился на Западе, исполняя должность викария Британии, в 363 г. он в Иерусалиме, где по поручению Юлиана ревностно занимался восстановлением «славного некогда» храма. Около 371—372 гг. он, уже находясь в отставке, вместе со своим сыном Иероклом был обвинен в отравительстве и приговорен к ссылке и конфискации имущества. См.: *Amm. Marc. XXIII. 1.2; XXIX. 1.44*.

²⁶ PLRE. I. P. 742—743.

²⁷ *Ibid.* P. 175. Каллиопий сначала помогал Ливанию как преподаватель, затем стал адвокатом, а в 388 г. получил должность магистра *epistolarum*. В посвященном ему разделе «Просопографии» он не назван куриалом, но это явствует из 18 письма Ливания: «*πολίτης ἐνός καὶ τῆς πόλεως τὰ πρῶτα...*»

²⁸ *Ibid.* I. P. 850—851.

²⁹ *Ibid.* P. 150. См. также примеч. 22—23.

³⁰ *Ibid.* P. 887. Фалассий занимал свою должность между 358 и 361 г. Поскольку *proximi* императорских канцелярий получили статус клариссима до вступления на трон Валентиниана I (26 февраля 364 г.) (*Jones A. H. M. Op. cit. Vol. 1. P. 143; Vol. 3. P. 26. N. 14*), можно допустить, что они были удостоены сенаторского звания к концу правления Констанция II, когда и происходило возвышение социального статуса многих групп чиновников.

³¹ *Petit P. Libanius*. . . P. 399 (Olympius V); PLRE. I. P. 645—646. В назначении Олимпия главную роль, по всей видимости, сыграло данное ему Ливанием рекомендательное письмо к комиту *regum privatarum* Ельпидию 4 (Ер. 1432), благодаря брачному союзу приходившемуся знаменитому ритору родственником. См.: PLRE. I. P. 415.

³² PLRE. I. P. 435. Иларий был сыном философа; образование получил у Ливания. См.: *Petit P. Les étudiants*. . . P. 18, 54—55, 184.

³³ PLRE. I. P. 168.

курии родного города. Аристофан начал службу при Констанции II в качестве *agens in rebus*, в 357 г. он был послан в Египет под начало своего земляка Парнасия 1, получившего пост префекта Египта, а в 359 г. по наущению нотариия Павла 4, изощренного в подобных делах, он стал жертвой скифопольского процесса за то, что «содействовал честолюбивым мечтам Парнасия». Аристофан был обвинен в государственной измене, магии и вымогательстве. Имущество его было конфисковано, а сам он отправлен в изгнание³⁴.

С приходом к власти Юлиана Отступника в его судьбу активно вмешался, как это он делал не раз по отношению к своим друзьям, Ливаний, написав в его защиту пламенную речь и отправив копию ее императору. Ритор просил, во-первых, помиловать Аристофана, во-вторых, освободить его от повинностей куриала и, в-третьих, назначить его на новую должность «в воздаяние незаслуженных страданий». Юлиан отнесся к просьбе весьма благосклонно и назначил Аристофана викарием Македонии. Некоторое время спустя он был смещен со своего поста и возвратился в Коринф, ожидая нового назначения. Семья Аристофана осталась в Коринфе, где его сын проходил курс обучения у местного ритора³⁵.

Возвращаясь к нашему перечислению должностей, полученных представителями старинной аристократии, отметим, что лишь один из них, Домикий 1, стал комитом Востока³⁶ и, в свою очередь, один куриал, Парнасий 1, получил в 357 г. пост префекта Египта³⁷. И напротив, весьма значительное число куриалов, а именно 17, стало консулярами и президами провинций³⁸, словом, занимало посты, имевшие, по свидетельству *Notitia dignitatum*, еще в V в., т. е. в тот период, к началу которого грация внутри сенаторского сословия на иллюстриев, спектабилей и клариссимов давно и прочно оформилась, самый низкий титул — клариссим³⁹.

Четыре представителя муниципальной аристократии получили должности, связанные с финансовым управлением провинций. Это Элладий 2, ставший в промежутке между 370 и 378 гг. перэкватором в Каппадокии⁴⁰, Юлиан 14, являвшийся в 363 г. цензором Вифинии⁴¹, Олимпий 9, испол-

нявший аналогичную должность в том же 363 г. в Сирии⁴², и Кесарий 2 — *comes thesaurorum* в Вифинии в 368 г.⁴³

Два потомственных аристократа стали дуксами: Аквилин 4⁴⁴ и Артемий 2, назначенный в 360 г. дуксом Египта⁴⁵. Один куриал, Иперехий, командовал войсками Прокопия, но его принадлежность к константинопольскому сенату лишь предположительна, о чем мы уже упоминали выше⁴⁶.

В целом можно констатировать, что основная масса сенаторов из куриалов была удостоена клариссимата *ex officio*, причем показательно, что ни один куриал не исполнял должности префекта претория Востока, магистра оффиций, квестора священного дворца и т. д. Более того, 27 из 40 сенаторов, вышедших из муниципальной аристократии, не имели местом своего пребывания Константинополь, находясь по долгу службы в провинции.

Иными словами, ни числом, ни могуществом в константинопольском сенате выходцы из сословия куриалов не выделялись⁴⁷. Предположение же о том, что куриалы, которые еще совсем недавно были полновластными хозяевами своих городов и для которых полисная жизнь была единственной нормой бытия, могли войти в число тех, кто не фигурирует в «Просопографии», составив безвестную массу, механически пополнявшую сенат до 2 тыс. человек, представляется маловероятным.

Нельзя обойти молчанием и тот факт, что Фемистий, которому исследователи отводят такую важную роль в комплектовании константинопольского сената, сам упоминает о привлечении им в столичный сенат не столько куриалов, сколько риторов. По его словам, в Константинополь были созваны риторы со всей империи и приглашены они в сенат без отправления повинности, состоящей в организации преторских игр, но с тем лишь, чтобы быть «украшением собрания»⁴⁸.

Вместе с тем, несмотря на то что и современники сравнивали влияние Фемистия с могуществом Зевса⁴⁹, просопографический анализ позволяет заключить, что в формировании константинопольского сената роль сыграл не только этот прославленный философ, но и другие лица из ближайшего

³⁴ *Lib. Or.* XIV. 10—16; *Ep.* 361. О Павле см.: *PLRE. I.* P. 683—684.

³⁵ *Lib. Or.* I. 125; XIV; *Ep.* 758, 1214, 1264; *PLRE. I.* P. 106—107.

³⁶ Домикий приходился родственником Ливанию, на основании чего мы и включили его в наш список сенаторов из куриалов. Ряд исследователей отождествляют его с Домикием Модестом 2, префектом претория Востока 369—377 гг. См.: *Petit P. Libanius. . .* P. 367, 386; *Dagron G. Naissance. . .* P. 242—244. Однако авторы «Просопографии» привели достаточно убедительные, на наш взгляд, доводы против подобного отождествления. См.: *PLRE. I.* P. 263—264 (Domicius 1), 605—608 (Domicius Modestus 2).

³⁷ *PLRE. I.* P. 667—668. Как и Аристофан, Парнасий пострадал по скифопольскому процессу.

³⁸ Консулярами Сирии стали: в 348 г. Иерокл 3, до этого являвшийся президом Аравии (*Ibid.* I. P. 431—432), в 363 г. Александр 5 (*Ibid.* P. 40—41), в 363—364 гг. Кельс 3 (*Ibid.* P. 193—194), около 382—383 гг. Пелагий 1 (*Ibid.* P. 686), около 384—385 гг. Евмоллий (*Ibid.* P. 295), в 386 г. Тисамен (*Ibid.* P. 916—917), консуляром Вифинии около 356—358 гг. Каллиоппий 1 (*Ibid.* P. 174), консуляром Македонии в 356 г. Олимпий 3 (*Ibid.* P. 643—644), консуляром (или только президом) Финикии до 358 г. Димитрий 2 (*Ibid.* P. 247—248), президом Аравии в 364 г. Антиох (*Petit P. Libanius. . .* P. 397), президами Евфратисии в 359 г. Паннухий (*PLRE. I.* P. 665), в 361 г. Юлиан 14, до этого (в 358 г.) презид Фригии (*Ibid.* P. 471), президом Фракии в 362 г. Миккал (*Ibid.* P. 602). Еще три куриала управляли провинциями, но, неизвестно, какими именно: в 336 г. Паноллий 1 (*Ibid.* P. 665), в 359 г. Эрос 2 (*Ibid.* P. 283) и Евагрий 6 (*Ibid.* P. 285—286).

³⁹ *Notitia dignitatum.* 44, 45. P. 99, 224.

⁴⁰ *PLRE. I.* P. 412.

⁴¹ *Ibid.* P. 471—472.

⁴² *Ibid.* P. 645—646.

⁴³ *Ibid.* P. 169.

⁴⁴ *Ibid.* P. 91.

⁴⁵ *Ibid.* P. 112. См. также примеч. 6.

⁴⁶ По предположению П. Пети, Иперехий стал сенатором, когда получил место при *castrensis sacri palatii* (364 г.), затем после смерти Юлиана Отступника был из сената исключен. См.: *Petit P. Les étudiants. . .* P. 164. См. также: *PLRE. I.* P. 449 и примеч. 16.

⁴⁷ Утверждения исследователей о том, что костяк константинопольского сената составляли куриалы, базируется в значительной степени на XVIII речи Ливания, в которой, однако, если цитировать соответствующий ее абзац дословно, говорится, что при Констанции II «курии превратились в ничто, ибо из куриалов, кроме совсем немногих, одни перешли в ряды *στρατιωτῶν*, другие в великий сенат (*τὸ μέγα συνέδριον*), третьих ожидала какая-либо другая деятельность». См.: *Lib. Or.* XVIII. 146. Таким образом, согласно этому высказыванию (при всем том, что упадок курий здесь, конечно же, преувеличен), сенат лишь один, причем не самый главный, институт, поглощающий куриалов. На первое место в данном случае Ливаний поставил ряды *στρατιωτῶν*, под которыми он имеет в виду не столько собственно солдат, сколько чиновников, в частности нотариев и *agentes in rebus*. См.: *Lib. Or.* XIV. 10—14; *Ep.* 333, 363, 656, 910, 1193, etc.

⁴⁸ *Themistii Or.* XXVI. P. 326 c-d. Среди других Фемистием были приглашены ритор Акакий 7 и философ Ямвлих 2. Оба они не числятся сенаторами в «Просопографии». См.: *PLRE. I.* P. 6—7 (Acacius 7), P. 451—452 (Jamblichus 2). Мы следуем за П. Петом и Ж. Дагроном, которые допускают обратное. См.: *Petit P. Les sénateurs. . .* P. 349—350; *Dagron G. Naissance. . .* P. 132—133.

⁴⁹ *Lib. Ep.* 368.2.

окружения Констанция II, от которых зависело назначение претендента на ту или иную должность, обеспечивающую сенаторский титул, в частности магистр официй Флорентий 3, трибун и нотариус Спектат 1, наконец, ритор и придворный врач Олимпий 4⁵⁰. Об этом очень хорошо знал Ливаний, который, ходатайствуя за своего школьного друга, ритора и адвоката Прискиана 2, не удовольствовался посланием к Фемистию⁵¹, кстати не имевшим благоприятных последствий, но снабдил своего протеже рекомендательными письмами ко всем трем только что названным лицам⁵².

Значительным влиянием при дворе пользовались также префект претория Востока тех лет Гермоген 3⁵³ и префект претория Иллирика 357—359 гг. Анатолий 3, в прошлом профессор права в Бейруте⁵⁴. А все эти сановные лица содействовали карьере тех, кто стремился в административный аппарат империи, исходя не столько из происхождения, сколько из их собственных достоинств. Анатолий 3, например, подбирал людей на те или иные должности, руководствуясь главным образом их квалификацией как юристов⁵⁵.

Нельзя не вспомнить здесь и о главном советнике Констанция II сыне антиохийского банщика Датиане, продвинувшемся благодаря ремеслу скорописца. В 345 г. он стал комитом Констанция, в 358 г. был удостоен консульского звания, а вскоре и самого высокого титула — патрикия⁵⁶. Возможно, не без совета этого «Нестора василевса», как называл Датиана Ливаний⁵⁷, был расширен круг должностей, удостоенных сенаторского звания. Известно, что в IV в. часть чиновников и лиц, обслуживавших нужды императора, по истечении срока службы (в одних случаях 10 лет, в других — 20) получали титул клариссима⁵⁸. Вот эти-то люди, вероятно, и довели число сенаторов до двух тысяч.

И все же, хотя число куриалов в константинопольском сенате было явно невелико, влияние их на сенаторское сословие Византии оказалось весьма ощутимым и значительным. Оно сказало, как справедливо отмечают исследователи, в специфике сенаторского землевладения, сходного с куриальным⁵⁹, а также (не в последнюю очередь) в особенностях менталитета сенаторов.

⁵⁰ См. о них: PLRE. I. P. 363 (Florentius 3), P. 644—645 (Olympius 4), P. 850—851 (Spectatus 1).

⁵¹ Lib. Exp. 62 (X. P. 60—62).

⁵² Idem. Ep. 61, 64, 65; Petit P. Les sénateurs... P. 353—354; PLRE. I. P. 727.

⁵³ PLRE. I. P. 423.

⁵⁴ Ibid. P. 59—60.

⁵⁵ Анатолий помог продвигнуться Домикию 1, который, побывав у него ассессором, получил пост комита Востока (PLRE. I. P. 263—264); адвокату префектуры претория Сабину 5, назначенному в 358 г. правителем Сирии; Януарию 4, возглавившему одну из канцелярий префектуры претория, и, напротив, отказал товарищу Ливания по школе в Афинах, философу и софисту Северу 9 (Ibid. P. 832—833). Ливаний не зря упрекал Анатолия в том, что он притеснял софистов в угоду адвокатам (Lib. Ep. 19). Юристы в самом деле возлагали на него большие надежды, и один из них, Аэтий 2 из Анкиры, узнав о смерти Анатолия, воспринял это как тяжелый удар. См.: PLRE. I. P. 26.

⁵⁶ PLRE. I. P. 243.

⁵⁷ Lib. Ep. 114 (X. P. 115).

⁵⁸ Это было зафиксировано законом Валентиниана и Валента от 18 ноября 365 г. См.: С. Th. VI. 35.7. Но, по всей видимости, подобная практика получила распространение раньше. Известно, например, что узурпатор Прокопий до провозглашения его августом скрывался у своего друга Стратигия 2, что имело место до сентября 365 г. А Стратигий уже тогда находился в отставке, имея титул клариссима, полученный им после того, как он отслужил полный срок в качестве палатина. См.: Amm. Marc. XXVI. 6.5; PLRE. I. P. 742—743, 858.

⁵⁹ Курбатов Г. Л. К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества: Межвуз. сб. Л., 1980. Вып. 3. С. 207.

Какими путями могло осуществляться подобное влияние? Определенную роль здесь, по-видимому, сыграли браки представителей военно-административного аппарата империи с женщинами из среды родовой аристократии, которым назначали в приданое поместья⁶⁰ и которые, получив соответствующее их происхождению воспитание, несомненно, оказывали воздействие на своих высокопоставленных мужей⁶¹. Мы уже упоминали о брачных связях префектов претория Востока Ельпидия 4, взявшего в жены аристократку Аристенету, и Фалассия 1, женившегося на двоюродной сестре Ливания Феодоре⁶². В аристократической семье знаменитого ритора это был не единственный случай: его тетка со стороны отца вышла замуж за прославленного полководца времен Констанция II⁶³. К муниципальной знати принадлежала жена сына выходца из низов, префекта претория Востока 329—337 гг. Авлавия—Селевка, комита Юлиана Отступника. Это Александра, сестра принсипала Антиохии Каллиопия 3⁶⁴. Вероятно, не без ее влияния Селевк, воспитанный в семье христианина, стал ревностным язычником и, вероятно, не без хлопот ее родных и друзей он получил пост комита при императоре-язычнике.

Насколько распространенным было такое влияние, сказать трудно, поскольку происхождение жен основной массы сенаторов остается неизвестным, хотя тот факт, что к среде родовой знати принадлежали жены высших сановников, задававших тон не только в политике, но и в повседневной жизни, выглядит весьма многозначительным.

Определенное воздействие на «новую» знать оказывал и сам *modus vivendi* куриалов. Так, Датиан, сын банщика, выросший в Антиохии, где перед его глазами во всем ее блеске разворачивалась жизнь муниципальной аристократии, став сенатором, во многом вел себя как куриалы времен его детства и юности, когда они и их образ жизни, вероятно, казались ему недостижимой вершиной. Датиан стал одним из главных эвергетов Антиохии, щедро украсив ее «как ожерельями» прекрасными постройками: портиками, банями, загородными виллами⁶⁵.

И все же главными проводниками влияния традиций куриалов и прежней, античной системы ценностей на «новую» знать, на наш взгляд, являлись не столько сами куриалы, сколько представители свободных профессий — риторы, поэты, философы, адвокаты.

Уже Константин, который категорически запрещал куриалам домогаться сенаторского звания⁶⁶, охотно допускал в свое окружение людей образованных. Ближайшим советником императора являлся философ Гермоген 9⁶⁷, а одним из его комитов был Стратигий, прекрасно писавший стихи как на греческом, так и на латыни, за что был любовно прозван Константином Музонианом⁶⁸.

К концу правления Констанция II большую роль в административном аппарате империи приобрели юристы, пришедшие на смену тахиграфам, этим обладателям «рабского ремесла»⁶⁹. И это уже само по себе было

⁶⁰ Lib. Or. XLVIII. 30. Ср. также: Ep. 1380.1, где говорится о поместье жены Вассиана, подаренном ей в качестве свадебного подарка неким Панкратием.

⁶¹ См., например: Lib. Ep. 1409 (XI. P. 450—451).

⁶² См. выше, примеч. 22—23.

⁶³ Petit P. Libanius... P. 343, 404.

⁶⁴ Petit P. Libanius... P. 398; PLRE. I. P. 44, 175, 818—819.

⁶⁵ Lib. Ep. 114. 5 (X. P. 114—115).

⁶⁶ С. Th. XII. 1.14, 18.

⁶⁷ PLRE. I. P. 424—425.

⁶⁸ Ibid. P. 611—612.

⁶⁹ Lib. Or. XVIII. 131.

известным шагом вперед с точки зрения роста образованности в среде имперского чиновничества, ибо юристы до получения ими собственного юридического образования обычно приобретали традиционные знания в школе ритора и впоследствии не забывали об этом. Вышеупомянутый префект претория Иллирика Анатолий 3, казалось бы заботившийся главным образом о пополнении имперской администрации высококвалифицированными юристами, устроил в Афинах состязания риторов, а затем позаботился о том, чтобы победитель этих состязаний Проэресий получил от императора титул и соответствующие дары⁷⁰. Прославленный ритор своего времени Гимерий посвятил Анатолию специальную речь, являющуюся, по существу, панегириком ему⁷¹.

В 355 г. Констанций пожаловал звание сенатора Фемистию, за его, как было сказано, высокую ученость⁷². А Фемистий (мы уже об этом упоминали) привлёк в константинопольский сенат немало риторов и философов⁷³.

Общее число представителей свободных профессий в константинопольском сенате составляло 184 человека (из 726)⁷⁴. Таким образом, учитывая и 40 куриалов, число образованных людей среди сенаторов составило по меньшей мере 224 человека. По всей видимости, количество их было больше, ибо данные относительно уровня грамотности константинопольских сенаторов далеко не полны, и если бы мы исходили из соотношения этих 224 человек не с общим числом известных нам сенаторов, а только с количеством тех сановников, уровень знаний которых известен, а обычно исследователи так и поступают⁷⁵, то оказалось бы, что образованные лица составляли в сенате Константинополя подавляющее большинство.

Но и указанное число достаточно внушительно, эти люди были уже серьезной силой, особенно если учесть, что представители свободных профессий нередко занимали самые высшие посты в имперской администрации, такие, как префект претория Востока⁷⁶, магистр официй⁷⁷, квестор священного дворца⁷⁸. Особенно же много представителей свободных профессий находилось на посту проконсула, а с 359 г. префекта

Константинополя — должности, которая давала право на первенство в сенате⁷⁹.

Входя в ближайшее окружение императора, эти люди, воспитанные еще в античных традициях, отнюдь не служили бессловесными исполнителями его воли, и часто именно они играли определяющую роль в законодательной деятельности, внутренней и внешней политике императора. Гермоген 9, например, способствовал, как утверждает Гимерий, смягчению законов, помогал тем, кто находился в опасности, обеспечивал назначение хороших людей на посты правителей провинций, выполнял роль посредника между Константином и его подданными⁸⁰.

Фемистий давал советы правящим императорам, побуждая их к умеренности, человеколюбию и религиозной терпимости⁸¹. Домикий Модест 2 вместе с другими лицами, входившими в окружение Валента, использовал свое влияние на императора, с тем чтобы он воздерживался от собственной юрисдикции⁸², а Татриан 5 явился вдохновителем новой политики Феодосия I по отношению к куриалам⁸³.

Нельзя забывать и о том, что представители свободных профессий и куриалы занимали не только те высокие посты, которые позволяли получить титул клариссима. Много таких людей оказалось на среднем, если так можно выразиться, уровне административного аппарата империи, пребывая в должности ассессора, адвоката или *agens in rebus* какого-либо высокого должностного лица⁸⁴. И здесь их роль была огромна, ибо они являлись влиятельными и знающими советниками своих патронов в самых различных делах, в том числе и в вопросах назначения тех или иных лиц на должности разного уровня, включая и те, которые влекли за собой получение сенаторского титула, а также и в том, каким мерам в политике будет отдано предпочтение, какие идеалы будут в моде⁸⁵.

⁷⁰ *Eunapii Vita sophistarum*. X.6.4—10; 7.6.

⁷¹ *Himerii Or.* XXXII.

⁷² *C. Th.* VI.4.12.

⁷³ Еще до Фемистия представители свободных профессий старался привлечь в Константинополь проконсул города 356 г. Араксий. Правда, он приглашал их не в качестве сенаторов, а как преподавателей школы на Капитолии с тем, чтобы повысить ее уровень. См.: *Petit P. Les sénateurs*. . . P. 350. N. 6.

⁷⁴ К сожалению, за неимением здесь места, мы не можем привести список представителей свободных профессий, попавших в константинопольский сенат, но мы надеемся, что это удастся сделать в подготавливаемой нами монографии, посвященной сенаторскому сословию Византии IV—VI вв.

⁷⁵ См., например: *Petit P. Les étudiants*. . . P. 170, 172, 173 etc.

⁷⁶ Из представителей свободных профессий на посту префекта претория находились: в 354—358 г. Стратигий Музоний (PLRE. I. P. 611—612), в 358—360 гг. Гермоген 3 (Ibid. P. 423), в 361—365 и опять после небольшого промежутка, когда пост префекта занимал Небридий 1, в 365—367 гг. Сатурний Секунд Салютий 3, выходец из Галлии, который, однако, прекрасно знал греческую литературу и философию и легко вошел в круг интеллектуальной элиты, став другом Юлиана Отступника и Ливания (Ibid. P. 814—816), в 365 или 366 гг. Араксий (Ibid. P. 94), в 369 г. большой друг Ливания Домикий Модест 2 (Ibid. P. 605—608), в 388—392 гг. Флавий Евмолхий Татриан 5 (Ibid. P. 876—878), в 399 г. Аврелиан 3 (Ibid. P. 128—129).

⁷⁷ Магистрами официй были: в 356—357 гг. Музоний 1 (Ibid. P. 612—613), в 358 г. Публий Ампейлий 3 (Ibid. P. 56), в 359—361 гг. Флорентий 3 (Ibid. P. 363), в 369—374 гг. старый друг брата Григория Назианзина Кесария 2 Софроний 3 (Ibid. P. 847—848) и до 393 г. Аврелиан 3 (Ibid. P. 128—129).

⁷⁸ Квесторами стали: при Константине I Гермоген 9 (Ibid. P. 424—425), при Юлиане Ювий 2 (Ibid. P. 464) и Секунд Салютий 3 (Ibid. P. 815) и до 393 г. Аврелиан 3 (Ibid. P. 128).

⁷⁹ Следующие образованные лица, не принадлежавшие к сословию куриалов, стали проконсулами и префектами Константинополя: до 353 г. Стратигий Музоний (Ibid. P. 611), в 354 г. Анатолий 3 (Ibid. P. 58—60), около 355—356 гг. Фотий (Ibid. P. 700—701), в 356 г. Араксий (Ibid. P. 94), в 358—359 гг. Фемистий, который занимал пост префекта и в 384 г. (Ibid. P. 889—894), в 359—361 гг. Гонорат 2 (Ibid. P. 438—439), в 362—363 гг. Домикий Модест 2 (Ibid. P. 605—606), в 364 г. Ювий 2 (Ibid. P. 464), в 365—366 гг. Фронимий (Ibid. P. 701), в 372—373 и 382—384 гг. Клеарх 1 (Ibid. P. 211—212), в 375—376 гг. ученик Ливания Виндаоний Магн 12 (Ibid. P. 536), в 382 г. Софроний 3 (Ibid. P. 847—848), в 388—392 гг. сын Татиана 5 Прокл 6 (Ibid. P. 746) и в 393—394 гг. Аврелиан 3 (Ibid. P. 128—129).

⁸⁰ *Himerii Or.* XLVIII. 28—30.

⁸¹ На этом совершенно справедливо акцентировал свое внимание Г. Л. Курбатов. См.: *Курбатов Г. Л. Риторика // Культура Византии*. М., 1984. IV—первая половина VII в. С. 339—341.

⁸² *Amm. Marc.* XXX. 4. 1—2.

⁸³ PLRE. I. P. 877.

⁸⁴ Куриал из Антиохии Сильван 3, изучив право, стал в 359 г. адвокатом при Домикии Модесте 2, когда тот был комитом Востока (PLRE. I. P. 841). Риторы Каллиопий 2 и Гермоген 5 получали должности ассессоров при правителях провинций (Ibid. P. 174, 841), а ученик Ливания Тускиан 2 был ассессором у Анатолия 3 (Ibid. P. 926). Куриал из Тарса Домн стал в 358 г. *agens in rebus* при том же Анатолии 3 (Ibid. P. 267). Агентами *in rebus* при других сановниках являлись куриал из Армении Картерий 2 (Ibid. P. 182), ритор и адвокат Александр 9 (Ibid. P. 41), школьный товарищ Ливания Олимпий 6 (Ibid. P. 645), ритор и адвокат Палладий 6 (Ibid. P. 659) и другие.

⁸⁵ Ливаний пишет о своем ученике Еветии 1, получившем в 364 г. должность ассессора президи Евфратисии, что он имеет теперь силу и влияние. См.: *Lib. Ep.* 1201. Ливанию известно также, что ассессор префекта претория Секунда Салютия 3 Каллисто дает своему патрону советы по назначению лиц на посты правителей провинций (Ep. 1233) и что ассессор другого префекта претория, Руфина 18, Анисий 2 может заручиться поддержкой друга префекта в том или ином деле. См.: *Lib. Ep.* 865, 981, 1029 (XI. P. 21—22, 113—114, 156).

Именно эти люди помогли сохранению многих традиционных ценностей греческого Востока. Особенно же ощутимо влияние культурной элиты византийского общества на чиновную знать проявилось в отношении к образованию как самому необходимому качеству служителя империи. Именно вследствие их влияния чиновники отдают своих детей в обучение риторам. Показательно, что из 105 учеников Ливания, происхождение которых известно, дети чиновной знати составляют, по подсчетам П. Пети, весьма многочисленную группу — 38 человек (36 %) ⁸⁶. А Ливаний, как бы он ни был знаменит, не являлся единственным ритором в империи, и дети многих чиновников получали образование не обязательно у него, но и у других преподавателей риторики. Так, выходец из чиновной семьи Клеарх 1 получил образование у Никоклеса в Афинах, а викарий Азии 367 г. (или 368 г.) Музоний 2 учился в Александрии у Евсевия 12, известного своим искусством составлять политические речи ⁸⁷.

В результате этого ораторское искусство отодвигает на второй план юриспруденцию, как это и было до появления на Востоке чиновной знати. Не раз мы слышим о том, что тот или иной претендент получил свой пост благодаря умению прекрасно составлять и произносить речи. Именно так произошло с Маркианом 7, назначенным в 364 г. консуляром Сирии ⁸⁸. Другой искусный оратор — Иовин 1 получил пост, связанный с финансовым управлением империи (он был в 364—365 гг. либо комитом священных щедрот, либо комитом *rei privatae*) и вообще пользовался большим влиянием при особе императора ⁸⁹.

Видной персоной при дворе стал благодаря своей блестящей образованности и Феодор 17, который, возможно, являлся около 379—395 гг. проконсулом Ахайи, а в 385 или 387 г. был префектом города Константинополя ⁹⁰. А с Икарием 2 произошел весьма прелюбопытный случай — он был удостоен высокого поста комита Востока за свой поэтический дар ⁹¹.

То, что риторическое образование открывает путь к богатству и успеху, было известно и рыботорговцу Гелиодору 2, который, овладев искусством оратора, сначала стал преуспевающим адвокатом в родном Коринфе, приобрел поместья в Македонии, Этолии и Аккарнии, и, наконец, получил пост наместника провинции ⁹².

Даже в судебную инстанцию префектуры претория Востока стали предпочитать брать прекрасных ораторов, а не знатоков закона. Именно по этой причине здесь оказались ритторы Андрагатий 1 (360 г.) ⁹³ и Гесикий из Милета (IV—V вв.) ⁹⁴, а позднее, на рубеже V—VI вв., брат известного ритора Прокопия из Газы Захария 1 ⁹⁵. Все они процветали здесь исключительно благодаря своему ораторскому мастерству.

⁸⁶ Остальные группы учащихся составляли дети куриалов — 50 человек, риторов — 8 человек, адвокатов и других представителей свободных профессий — 9 человек. См.: *Petit P. Les étudiants...* P. 172.

⁸⁷ PLRE. I. P. 211, 303, 613.

⁸⁸ Ibid. P. 554.

⁸⁹ Ibid. P. 461—462.

⁹⁰ Ibid. P. 898 (Theodorus 16), P. 899 (Theodorus 17, Theodorus 18).

⁹¹ Ibid. P. 455—456.

⁹² Ibid. P. 411.

⁹³ Ibid. P. 62.

⁹⁴ Ibid. P. 429.

⁹⁵ Позднее Захария был назначен на должность презида островов, после чего стал комитом консистории. См.: *Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1980. Vol. 2: AD. 395—527.* (Далее: PLRE. II). P. 1193—1194. Сходной оказалась судьба и у другого брата Прокопия — Филиппа 7. Проко-

Высшие константинопольские сановники, следуя моде, оказывают покровительство поэтам, риторам и философам, берут их к себе в советники, способствуют возникновению и процветанию интеллектуальных кружков. Так, магистр эквитум 364—367 гг. Флавий Люпикин, хотя и был христианином, покровительствовал литературе и философии, помогал людям, олицетворявшим собой свободные науки и искусства. Он оказал существенную поддержку Ливанию, защитив его (около 365—370 гг.) от нападок комита *largitionum per Orientem* Фиделия, который вместе со своими друзьями, такими же ревностными христианами, как и он сам, хотел возбудить против ритора дело по государственной измене ⁹⁶.

Аврелиан 3 оказывал всяческое содействие и помощь аристократу и философу Синезию из Кирены, водил дружбу с Иоанном Златоустом, который принимал деятельное участие в сложной судьбе этого любимого элитой государственного деятеля ⁹⁷. А вокруг префекта претория Востока 405—414 гг., правнука колбасника Анфимия, фактически правившего империей в последние годы царствования Аркадия и в малолетство Феодосия II, группировались философы и поэты, среди которых были выдающийся поэт своего времени Теотим ⁹⁸ и советник и друг Анфимия софист Троил ⁹⁹.

Все это, видимо, и дало основание Симмаху утверждать, что константинопольская сенаторская аристократия это собрание, отличающееся высокой культурой ¹⁰⁰. Показательно, что Ливаний, ходатайствуя за Сабина 5, утверждает, что другой его заслуживает *εὐχρη λαμπρότερον* уже по той причине, что он «искусен в речах» (*κράτει τοῖς λόγοις*) ¹⁰¹. В письме нет и намек на то, что у Сабина прекрасная генеалогия. Между тем для куриала, по мнению Ливания, благородное происхождение — вещь самонужнейшая ¹⁰².

Нельзя не сказать и о том, что влияние на сановную знать Константинополя оказали не только те куриалы и представители свободных профессий, которые оказались в административном аппарате империи, но и те из них, кто не принял на себя этого рода деятельности. Совершенно особая роль здесь принадлежит Ливанию. Поначалу он был категорически против того, чтобы «цвет городов» оказался в константинопольском сенате ¹⁰³. Затем, однако, поняв, что подобное «зло» одолеть невозможно, он развивает целенаправленную и весьма активную деятельность, с тем чтобы в имперский аппарат вошло как можно больше людей «достойных», т. е. именно куриалов и людей свободных профессий.

С этой целью он ведет обширную переписку с многочисленными представителями военно-административного аппарата империи. Среди его корреспондентов — 265 чиновников различного уровня. (Для сравнения

ний описывает его как очень занятого при дворе человека, с большой пользой приносящего *τέχνη* оратора. См.: *Prosop. Gaz.* Ep. 45; PLRE. II. P. 875—876.

⁹⁶ PLRE. I. 337, 520—521.

⁹⁷ *Synesii* Ep. 31; *Остроумов А.* Синезий, епископ Птолемаидский. М., 1879. С. 69—70.

⁹⁸ *Synesii* Ep. 47, 49, 99. Об Анфимии см.: PLRE. II. P. 93—95.

⁹⁹ PLRE. II. P. 1128. Современники сравнивали политическое искусство Троила с мастерством самого Анфимия. См.: *Synesii*. Ep. 73, 79, 118.

¹⁰⁰ *Symmachii* Ep. III. 74.

¹⁰¹ *Lib.* Ep. 545; PLRE. I. P. 791—792.

¹⁰² См.: *Lib.* Ep. 559, 862, 912, 1224, 1474 etc.

¹⁰³ См., например, его письмо к Аэтию 1, где он упрекает адресата в том, что он ради Константинополя «оставил и родину, и дом, и род, и надежды» (Ep. 76), а также письмо к отцу своего ученика Иперехия Максиму, где он дает ему совет отказаться от стремления видеть сына константинопольским сенатором. Адресат внял его словам и сделал сына членом курии их родного города Апамеи (*Lib.* Ep. 731, 805). Лишь позднее Иперехий оказался при особе василевса в качестве *castrensianus*. См.: *Amm. Marc.* XXVI. 8. 5.

отметим, что число куриалов, с которыми он состоял в переписке, всего лишь 124¹⁰⁴.) В своих письмах Ливаний просит, советует, льстит, и все для того, чтобы, включив как можно больше «достойных» в имперский аппарат, укрепить положение своего сословия и сохранить его идеалы.

Он во все вникает, обо всем печется. В письме к своему другу Кесарию 1 ритор высказывает надежду, что тот станет префектом претория Востока¹⁰⁵. Кесарий получил иную, но опять-таки весьма высокую должность — он стал, как мы помним, префектом города Константинополя. По смерти Юлиана Отступника единственным желанием Ливания было, чтобы на смену хорошему императору пришел хороший и чтобы префектура претория Востока находилась в руках человека добродетельного, каким и был в его глазах Сатурний Секунд Салютий¹⁰⁶. Ливаний вел с ним весьма оживленную переписку, обращаясь к нему со всевозможными просьбами и советами¹⁰⁷.

Немало усилий приложил он к осуществлению успешной карьеры своего друга Домикия Модеста 2, также оказавшегося на посту префекта претория¹⁰⁸. Печется ритор и о том, чтобы «во главе всякой провинции стояли ритторы, спасая города своей опытностью и получая награды за труды»¹⁰⁹.

Комиты Востока, консуляры его родной Сирии предпочитали жить с Ливанием в дружбе и спешили нанести ему визит¹¹⁰. Он не только умело создавал вокруг них то, что мы называем сегодня общественным мнением, но и оказывал им по временам более конкретные, но не менее важные услуги. Так, он явился посредником при знакомстве комита Востока 340 г. Архелая 1 с магистром милитум Люпкином 6¹¹¹. Между тем враги Ливания нередко оказывались смещенными¹¹². Неписаной привилегией знаменитого ритора являлась возможность игнорировать правителей, если они не приходились ему по душе¹¹³.

Авторитет Ливания был столь огромен, что данные им кому-либо рекомендательные письма являлись своего рода визитными карточками для получения той или иной должности, а следовательно, и определенного социального статуса. Можно с полным основанием утверждать, что он и близкие ему по духу лица поставляли кадры в административный аппарат империи и контролировали его пополнение.

Из учеников самого Ливания на государственную службу попал

¹⁰⁴ *Petit P. Libanius. . . P. 359.*

¹⁰⁵ *Lib. Ep. 1399. 1 (XI. P. 441).*

¹⁰⁶ *Ibid. 1429 (XI. P. 467—468).*

¹⁰⁷ *Ibid. 1185, 1224, 1428—1429, 1474 (XI. P. 270—271, 306—309, 466—468, 504—505).*

¹⁰⁸ *Ibid. 49, 55, 58, 791 etc. (X. P. 47—48, 53—54, 55 etc.).*

¹⁰⁹ *Lib. Ep. 1224. 5. Ср. письмо Василия Великого к Домикию Модесту 2, в котором он хлопочет о том, чтобы пост наместника Каппадокии достался Елпидию 7. См.: Bas. Ep. 78; PLRE. I. P. 415.*

¹¹⁰ *См.: PLRE. I. P. 100—101 (Archelaus 3), P. 628 (Nicentius 1).*

¹¹¹ *Lib. Or. I. 165—166. В одном из писем Ливания дана весьма типичная для его свободного от преподавания времяпровождения сценка, в которой изображено, как во время беседы Ливания с консуляром Сирии Кельсом у него в гостях явился Дий и начал торопить Ливания написать письмо Кесарию, тогда викарию Азии. См.: Lib. Ep. 1113 (XI. P. 219).*

¹¹² Это относится, в частности, к Лукиану 6, который, несмотря на то что обладал поддержкой при дворе, был отстранен от должности другом Ливания Татианом 5, прибегшим в данном случае к помощи магистра equitum. См.: *Lib. Or. LVI. 9, 21. К числу врагов Ливания принадлежал и Аноним 61 (комит Востока 387 г.), пытавшийся обвинить его в государственной измене, потерпел в этом полную неудачу и был переведен на другой пост. См.: Lib. Or. I. 255—256, 262—267; PLRE. I. P. 1015.*

¹¹³ *PLRE. I. P. 752 (Protasius 2).*

41 человек¹¹⁴, причем пять из них, будучи префектами города Константинополя, возглавляли его сенат¹¹⁵.

Правда, оказавшись в имперских канцеляриях, куриалы и представители свободных профессий не избегли обратного влияния со стороны военно-административного аппарата империи. Происходит заметная эатизация мышления культурной элиты общества. Если еще в IV в. главное для родовитой аристократии Востока — это «гражданский дух», служение родному полису, то позже, в VI в., и для потомственного аристократа, каким был, например, Иоанн Лид, главное — это продвижение по службе¹¹⁶. Если в первой половине IV в. куриал гордится тщательным исполнением литургии и большими расходами на украшение родного города, то в VI в. гордость аристократа — высокое жалование, получаемое им от императора¹¹⁷.

Элита общества, независимо от происхождения, начинает признавать и важность юридического образования¹¹⁸, которое представляется ей настолько необходимым, что в понятие «ритор» она (в том числе и такой яркий ее представитель, как Прокопий Кесарийский) в качестве весьма существенного компонента включает знание законов¹¹⁹ — факт, совершенно немыслимый для времени Ливания. И все же нельзя не отметить, что юридические познания растворялись и поглощались традиционной греческой *paideia*, а не наоборот.

Куриалы и представители свободных профессий определенно способствовали некоему «облагораживанию» военно-чиновной знати. Борясь за свое сословие и его идеалы, эти деятельные и энергичные люди сыграли огромную роль в том, что Византия, несмотря на то что ее сенат являлся собранием главным образом чиновников и военных, действительных и находившихся в отставке, не превратилась в сугубо бюрократическое государство. Ее служилая знать, изучая римское право, никогда не забывала Гомера, Платона, Демосфена, и ее нравственные идеалы вообрали в себя немало черт этики родовитой аристократии греческих полисов.

¹¹⁴ *Petit P. Les étudiants. . . P. 170. Они составляли в данном случае самую многочисленную группу учеников Ливания — 39,4 %, тогда как число куриалов снизилось с 50 до 22 (см. примеч. 86). Иными словами, число учеников, попавших в административный аппарат, превышало число тех, кто пришел к Ливанию из чиновной среды.*

¹¹⁵ Это в 375—376 гг. Виндаоний Магн 12 (*PLRE. I. P. 356*), в 392 г. Аристенет 2 (*Ibid. P. 104—105*), в 396—397 гг. Африкан 6 (*Ibid. P. 27*), в 398—399 гг. Северин 3 (*Ibid. P. 830*) и около 404—408 гг. Гемелл 2 (*Ibid. P. 388*). См. также: *Petit P. Les étudiants. . . P. 196. Здесь, правда, отсутствует указание на то, что Северин 3 был префектом Константинополя.*

¹¹⁶ *Ioannis Lydi. De magistratibus populi Romani libri tres / Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903. III, 28—30.*

¹¹⁷ *Ibid. III, 27, 29.*

¹¹⁸ *Lib. Or. LXII. 21. В письме 1203 (364 г.) Ливаний пишет: «Я готов дивиться, как сам-то я не окажусь среди тех, кто спешит в Бейрут, ибо дети, мужи, старики спешат туда по суше, морю и воздуху из-за того, как мне кажется, что преобладает мнение, будто плох тот адвокат, который не приплывет оттуда». В этом же письме Ливаний высказывает распространенное в его среде мнение, что знание юриспруденции отнюдь не обязательно для адвоката, так как «с Демосфеном легче победить, чем с увесистыми томами законов».*

¹¹⁹ *Procop. H. a. XX. 17.*

Л. МАКСИМОВИЧ

КОРНИ И ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПАТРИЦИАТА В ВИЗАНТИИ*

На продукцию сельского хозяйства на рынках Запада держались высокие цены, причем «в хороших деньгах» (*buona moneta d'oro* итальянских городов)¹. Не случайно в начале XIV в. отмечалось, *τόν* (*sc. πλούτον*) *μὲν γὰρ ἐκ γαιοπονίας συνήγον, τόν δ' ἐγ' ἀλλοδαπῆς συνέλεγον*².

Византийские власти время от времени препятствовали вывозу хлеба³, так как нередко он превосходил возможности экспорта, а это было одной из причин голода, который порой перерастал в жгучую проблему больших городов⁴. И все же вывоз в течение нескольких десятилетий осуществлялся более или менее регулярно, причем западные партнеры (что особенно интересно) часто вступали в непосредственные контакты с земельными магнатами⁵, представлявшими наиболее значительный слой покупателей мануфактуры и предметов роскоши с Запада. С одной стороны, эти товары были лучшего качества, чем византийские, а некоторые их виды в силу слабости византийского ремесла в империи вообще не производились⁶.

* Окончание. Начало в томе 52.

¹ О итальянских монетах см.: *Zakythinos D.* Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948. P. 10—20; *Bertelè Th.* L'iperpero bizantino dal 1261 al 1453 // *Riv. Italiana di Numism.* (N. S.). 1957. P. 3, 8; *Idem.* Moneta veneziana e moneta bizantina // *Venezia e il Levante fino al secolo XV.* Firenze, 1973. 1/1. P. 59 sq.; *Шутиков М. М.* Венецианское купечество в первой половине XV в. в его торговых сношениях с Византией // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1965. Т. 237. С. 109; *Hrochová V.* Byzantská města ve 13.—15. století. Pr., 1967. (Далее: *Města*). S. 40; *Matschke K.-P.* Geldgeschäfte, Handel und Gewerbe in spätbyzantinischen Rechenbüchern und in der Wirklichkeit (Geldgeschäfte) // *Jb. für Geschichte d. Feudalismus.* 1979. Bd. 3, T. 8. S. 181; *Balarud M.* La Romanie génoise (XIIe—début du XVe siècle). Genova: Roma, 1978. Vol. II. P. 656; ср.: *Pleth.* Oratio I // *PG.* T. 160. Col. 837 AB.

² *Pachym.* I. 2; I. 68. 16—17.

³ *MM.* T. III. 84; *Tafel G. L., Thomas G. M.* Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien, 1858. Bd. 3. 74, 179—180. Отправляясь в основном от этих текстов, ученые настаивали на тяжелом положении Византии. Между тем перерыв в торговле, который наступил из-за указанных трудностей, был короче, чем предполагалось. См.: *Laiou-Thomas A.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade system (13th—15th Centuries) // *DOP.* 1980. Vol. 34. 218 sq. О позиции византийского правительства по отношению к междоусобицам латинян см.: *Balarud M.* Gênes et l'Outre-mer. P.; La Haye, 1973. T. 1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto ti Sambuceto (1289—1290). N 55.

⁴ О голоде в поздней Византии см.: *Kyrris C. P.* Continuity and Differentiation in the Regime established by Andronicus III After His Victory of 23/24 5. 1328 // *ΕΣΒΕ* 1977/78. T. 43. Σ. 326—328.

⁵ *Krekić B.* Dubrovnik (Raguse) et le Levant (1280—1460). P., 1961. P. 90; *Он же.* Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956. С. 63—66. Автор показал, что дубровницкие купцы в XIV в. вывозили сельскохозяйственную продукцию прямо из крупных имений на Балканах.

⁶ См.: *BB.* T. 52. С. 29. Примеч. 14.

Установились пагубные для Византии ножицы цен между дорогими западными товарами и значительно более дешевым византийским сырьем⁷. С другой стороны, аристократия использовала, по-видимому, конкуренцию латинян для экономического притеснения средних городских слоев, своего единственного политического соперника в городах⁸.

Таким образом, переплетение внутренних и внешних факторов было причиной ставшего роковым для Византии отставания ремесленного производства и торговли. Империя не встала на путь современного ей хозяйственного развития, и это привело в XIV в. не только к углублению экономического кризиса, но и к окостенению ее общественной структуры, что особенно пагубно отразилось на среднем городском слое (*μέσοι* византийских текстов)⁹. Он еще не успел сформироваться как особый класс. Его наиболее активную часть составляли торговцы и богатые ремесленники¹⁰, которые могли обладать деньгами для вложения их в производство¹¹, но отсутствовала сама основа для развития экономической конкуренции и организованного общественно-политического сопротивления аристократии, и этот слой все больше оттеснялся от дел. В источниках первой половины XIV в. все реже встречается термин *μέσοι*, а во второй половине века он исчезает совсем¹². И все же наступление на интересы «средних» не прошло без отпора.

Как известно, гражданская война 40-х годов XIV в. (во многом фатальная для Византии) имела определенный, хотя не всегда легко уловимый, социальный аспект¹³. Если главное содержание социальной борьбы и не следует усматривать в отношениях аристократии и «средних» (еще менее оснований расценивать ее как столкновение феодальных сил и раннекапиталистических элементов)¹⁴, то все же известно, что сопер-

⁷ *Romano R.* Le prix au Moyen Age dans le Proche Orient et dans l'Occident chrétien // *Annales E. S. C.* 1963. Vol. 7/8. P. 699—702.

⁸ *Удальцова З. В.* Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания // *ВВ.* 1953. Т. 7. С. 98 и след.; *Горянов В. Т.* Византийский город XIII—XV вв. // *ВВ.* 1958. Т. 13. С. 171 и след.; *Соколов Н. П.* Венеция и Византия при первых Палеологах (1263—1328) // *ВВ.* 1957. Т. 12. С. 75; *Kyrris C. P.* Gouvernements et gouvernants à Byzance pendant la révolution des zélotes // *Gouvernés et Gouvernants.* Bruxelles, 1968. Vol. I. P. 312.

⁹ См.: *Maksimović Lj.* Charakter der sozial-wirtschaftlichen Struktur der spätbyzantinischen Stadt 13.—15. Jh. // *JÖB.* 1981. Bd. 31/1. S. 183. О выражении *μέσοι* ср.: *Горянов В. Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 349.

¹⁰ *Oikonomides N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe—XVe siècles). P.; Montréal, 1979. P. 116. Ср.: *Лушее С.* Българский средневековен град. С., 1970. С. 170.

¹¹ *Cant.* IV. 11; III. 71.14—16, 19—20.

¹² *Oikonomides N.* Op. cit. P. 119; *Maksimović Lj.* Charakter. S. 184; *Fossier R.* Le Moyen Age. P., 1983. Vol. III. P. 209 sq.

¹³ О социальном облике этой гражданской войны написано много, но строгого разграничения между ее социальными и политическими аспектами не проведено до сих пор. См.: *Kyrris C. P.* Op. cit. P. 305; *Sevcenko I.* Society and Intellectual Life in the 14th Century // XIVe Congr. intern. des ét. byz. Bucarest, 1971. Rapports. P. 85. Not. 56; *Максимовић Љ.* Алексиде Апокавк и друштвена кретања у Цариграду // *ЗРВИ.* 1978. Књ. 18. С. 165—188; *Поляковская М. А.* Общественно-политическая мысль Византии (40—60-е годы XIV в.). (Далее: *Мысль*). Свердловск, 1981. С. 14.

¹⁴ О второстепенной роли «средних» в гражданской войне см.: *Максимовић Љ.* «Богатшии» Алексиде Макремволита // *ЗРВИ.* 1981. Књ. 20. С. 103. О «средних» как о раннекапиталистическом элементе говорилось в советской историографии. Убедительнее мнение тех авторов, которые рассматривают предпринимателей, менял и торговцев как приверженцев и продолжателей византийских традиций. См. об этом: *Поляковская М. А.* Своеобразие развития городского сословия в Византии // *ВИ: Мат. науч. конф., посв. 150-летию со дня рожд. К. Маркса.* Уфа, 1969. С. 239; *Она же.* *Мысль.* С. 11, 13. Еще А. Диомидис (Αΐτια 150) обратил внимание на старые традиции в ведении дел византийскими менялами.

ничество именно аристократии и некоторых торгово-предпринимательских кругов на определенных этапах задавало тон войне. Действительно, пожалуй, можно отнести к одной стороне претендента на трон (а затем царя) Иоанна Кантакузина и множество знатных персон, которые как его сторонники пострадали в восставших городах, а к другой — зилотов Солуни и homo novus Алексея Апокавка, «первого министра» константинопольского правительства (регентов), который за год до войны был, может быть, наиболее ярким примером возвышения с помощью денег и использования служебного положения¹⁵. Наиболее красноречиво общественное и политическое значение этого соперничества раскрывается в сочинении Алексея Макремволита «Диалог богатых и бедных», в котором автор нападает на ведущую часть, выделившуюся из среднего общественного слоя города¹⁶. Гражданская война завершилась в начале 1347 г. победой Кантакузина. Закончилась вместе с тем и попытка ряда византийских городов освободиться от власти аристократии. Однако торговцы и ростовщики, наиболее значительные представители «средних», не были полностью оттеснены со сцены. В тот же год, когда окончилась война, Кантакузин на общем собрании в городе встретил противодействие введению новых налогов, причем решительным было сопротивление τῶν ἐν ἐργαστηρίοις ἐμπορευομένων ἀρτυραρίων¹⁷. Через год, стремясь к оживлению византийской торговли, Кантакузин начал войну с Генуей. Война завершилась в 1352 г. поражением, которое означало катастрофу для всех деловых людей, участвовавших в этих усилиях оздоровить экономику¹⁸. «Средние» утратили всякое значение. В марте 1354 г. турки начали свое продвижение на Балканы. В общественно-политический облик Византии был внесен новый важный элемент. Экспансия турок ознаменовала также начало процесса постепенного, но неуклонного сокращения земельных владений аристократии¹⁹.

Используя городские привилегии в своих интересах и контролируя большую часть ремесел, земельная аристократия была единственным общественным слоем, которому могло быть выгодным угасание ремесленного и торгового предпринимательства. Между тем с середины XIV в.

этот слой был единым меньше, чем когда-либо. Имущественные и иные различия в ее среде всегда существовали, но они углубились еще более, ибо многие семьи аристократов пострадали в гражданской войне, а другие, использовав плоды победы, еще более укрепились²⁰. Пример Солуни, на которой война сказалась сильнее всего, особенно впечатляющ. В начале восстания зилотов в 1342 г. из города была изгнана тысяча динатов, многие из которых уже никогда не вернулись, а в великой бойне 1 сентября 1345 г. было истреблено множество аристократических семей²¹. И все-таки во второй половине столетия в Солуни вновь имелись богатые аристократы, способные содержать целое войско²². Эта сохранившаяся, а может быть, и увеличившая свои богатства знать содействовала созданию предпосылок для превращения земельной аристократии в городской патрициат.

Многие из описанных явлений вели к становлению городского патрициата, однако ясно, что до второй половины XIV в. к византийской аристократии трудно применить это определение, а еще труднее рассматривать византийские города, несмотря на их привилегии, как патрицианские «республики»²³. Хотя присутствие аристократии оказывало сильное влияние на жизнь города, ее основные интересы были связаны с земельными владениями, которые были гораздо более значительным источником богатств, чем хозяйство обедневшего города, который и сам был аграрной агломерацией вне рамок сельскохозяйственного производства²⁴. Поэтому торговля, в которой участвовали и феодалы, велась, как уже было сказано, по преимуществу продуктами сельского хозяйства (прежде всего зерном). Ради этого и давались коллективные привилегии городам в виде освобождения их от пошлин или льготы отдельным лицам, чаще в виде права на беспрепятственную доставку товаров на собственных судах²⁵. По существу, эти привилегии представляли собой дополнение к феодальным изъятиям (экскуссиям), которых было немало в Византии²⁶.

¹⁵ Guillard R. Études de civilisation et de littérature byzantines. Rev. du Lyonnais, 1921. 1: Alexios Apocaucos. P. 523—541; Weiss G. Johannes Kantakuzenos—Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch—in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jh. Wiesbaden, 1969. S. 25, 27 ff.; Matschke K.-P. Fur. (см.: ВВ. Т. 52. С. 30. Примеч. 23). P. 134—143, 144. Продвижение в замкнутый круг аристократии было редким и достигалось главным образом благодаря государственной службе. См.: Ostrogorsky G. Observations on the Aristocracy in Byzantium // DOP. 1971. Vol. 25. P. 30; Laiou A. The Byzantine Aristocracy in the Paleologan Period: A Story of Arrested Development // Viator. 1973. Vol. 4. P. 139.

¹⁶ Максимовић Л. «Богатши» Алексиса Макремволита; Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981. S. 166. Макремволит был автором песни против менял (ἀργυροποιοί). См.: Manuelis Philae Carmina / Ed. E. Miller. P., 1855. 1.457—458. Менялы, во всяком случае, принадлежали к «богатым», но не к некоей прослойке «банкиров». См.: Laiou-Thomadakis A. The Greek Merchant of the Palaeologan Period: A Collective Portrait // πρακτικά τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν. 1982. Т. 57. Р. 111. Ср. о менялах: Maksimović Lj. Charakter. S. 167. Not. 89.

¹⁷ Cant. IV. 5; III.34.5—20; IV.6; III.40.16—17; 40.21—41.10. См.: Zakythinos D. Crise. P. 84, 93 sq; Oikonomides N. Op. cit. P. 64, 119; Laiou-Thomadakis A. Byzantine Economy. P. 192; Maksimović Lj. Charakter. P. 167. Not. 89, P. 183. Это были καταλλάτται, которых Marke с основанием не включает в круг аристократии. См.: Matschke K.-P. Geldgeschäfte. S. 185.

¹⁸ Ср.: Kyrris C. P. John Cantacuzenus, the Genoese, the Venetians and Catalans (1348—1354) // BYZANTINA. 1972. Т. 4. P. 342; Balard M. Romanie. I. P. 78 sq; Oikonomides N. Op. cit. P. 119; Laiou-Thomadakis A. Byzantine Economy. P. 192—195.

¹⁹ См. примеч. 40.

²⁰ Нет сомнения, что конфискации и террор нанесли удар феодальному классу, но было бы преувеличением говорить, что он не оправился от него, как считает А. П. Каждан. См.: Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII—XV вв. М., 1952. С. 197. Но и оправиться от этого удара было нелегко: в мае 1347 г. Кантакузин был вынужден распорядиться, чтобы из имущества, потерянного в войне, прежним владельцам возвращали только недвижимое, т. е. восстановили их положение, существовавшее после войны 1328 г. (Cant. II. 1: 1.312.10—18).

²¹ Cant. III.38; II.234.1—235.10; III.94; II.581.17—18.

²² D. Cydonis Occis. Thessalonicae Monodia // PG. T. 109. Col. 645 D.

²³ Э. Франчес (Francès E. Féodalité et villes. P. 86, 173) полагает, что не было разницы между земельной аристократией и городским патрициатом, существование которого отрицают Г. Л. Курбатов и В. Н. Рутенбург (Курбатов Г. Л., Рутенбург В. Н. Зилоты и чомпи // ВВ. 1969. Т. 30. С. 9, 11, 43, 19); Киприс (Kyrris C. P. The Political Organization of the Byzantine Urban Classes Between 1204 and 1341 // Liber Memor. A. Era, Et. présentées à la Comm. Int. pour l'Hist. des Assembl. 26. Bruxelles, 1963. P. 24) не без колебаний пишет о постепенном превращении nobility в town patriciate.

²⁴ Cant. I.28. 1.137.2—3; II.25; I.453.22—24; III.24; II.148.13—14; III.30; II.185. 3—9.

²⁵ Ο ἐξκουσσία πλοίων. См.: Maksimović Lj. Charakter. P. 173; Hrochová V. Dálkový obchod (см.: ВВ. Т. 52. С. 32. Примеч. 42). S. 133; ср.: Actes de Lavra. Vol. II. N 89, 192—98. Монастыри получали право держать ярмарки. См.: Hrochová V. Dálkový obchod. S. 132.

²⁶ См.: Каждан А. П. Формирование феодального поместья в Византии X в. // ВВ. 1956. Т. 2. С. 98—122; Он же. Экскурсия в экскуссаты в Византии X—XII вв. // ВВ. 1961. С. 186—216; Горянов Б. Т. Поздневизантийский иммунитет // ВВ. 1956. Т. 2. С. 177—199; 1957. Т. 12. С. 9—116; Острогорский Г. К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1958. Т. 13. С. 55—106 (ту же работу см.: Сабрана дела. Т. 1. С. 405—479); Лутаевин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960. С. 231 и след.

Во второй половине XIV в. между тем созрели условия для отхода аристократии от непосредственных занятий сельскохозяйственным производством и для ее вовлечения в финансовую и торговую деятельность. Эта деятельность не была чуждой для отдельных ее представителей, благодаря их имуществу в городе, и раньше, в конце XIII и начале XIV в. Классическим уже стал пример императорского придворного Гуделиса Тирана, который в конце XIII в. сдавал в аренду недвижности в Нимфее и Смирне²⁷. Не менее известны от начала XIV в. примеры Косты Панкала и Феодора Кантакузина из Серр²⁸, Феодора Сарандина из Верри²⁹, его родственника Алексея Дуки Сарандина из Солуни³⁰, великого стратопедарха Ангела из Водена³¹. Впрочем, в приведенных случаях речь идет о земледельцах, для которых ведение дел в городе имело второстепенное значение³². Амбивалентность их отношения к торговле наилучшим образом показывает поступок одного из динавов, который дал свободу своему рабу (1281), довольный тем, как раб вел за него торговые дела³³.

Спустя примерно полстолетия произошли изменения и в интересах и в занятиях аристократов. Отнюдь не исчезла их заинтересованность в обладании землей. Император Мануил II ясно показал, что сельское хозяйство, а не ремесло или торговля является основной заботой его экономической политики. Один же из его непосредственных предшественников (Иоанн V или Иоанн VII) занимался вывозом хлеба в широком масштабе³⁴. Очевидно, давно были забыты времена презрительного отношения аристократии к состояниям, нажитым торговлей (император Феофил в IX в. приказал сжечь корабль своей жены, чтобы не подумали, что он, император, ведет дела как судовладелец)³⁵.

Уже было частично сказано о причинах, обусловивших обращение аристократии к занятиям, связанным с земельными владениями. Возможности для переориентации ее интересов возросли вслед за ограничением деятельности профессиональных торговцев и ростовщиков, принадлежавших к среднему общественному слою. Однако главные причины были обусловлены внешним фактором. Прежде всего торговля хлебом (она, как уже было сказано, имела особое значение для аристократии, владевшей землей и участвовавшей в вывозе зерна) постепенно все менее благоприятствовала усилению экономического положения этого слоя. Напротив, со временем расходы в этой сфере стали превышать выгоды, в том числе для слоя крупных землевладельцев. Порча денег, которая в поздней Византии достигла невиданных размеров³⁶, обусловила резкий

рост цен на пшеницу. Поэтому византийские правители во второй половине XIII в. были вынуждены временно запрещать вывоз хлеба, чтобы оздоровить обстановку на внутреннем рынке³⁷. Эти меры затрагивали интересы итальянских торговцев и византийских земельных магнатов и не удержались надолго. Однако и их упразднение уже не обеспечивало в XIV в. верных выгод византийским землевладельцам.

Уже в правление Андроника II (1282—1328) крупные производители и экспортеры хлеба впервые встретились с конкуренцией итальянцев, которые начали вывозить пшеницу из своих причерноморских колоний. Андроник II долго пытался помешать этому занятию без особого позволения и пошлины, но в 1324 г. окончательно отступился³⁸. Наступили времена, когда уже сама Византия не могла обходиться без ввоза хлеба. Окончательная потеря западной части Малой Азии в первых десятилетиях XIV в. заметно сузила возможности византийской экономики, но положение быстро ухудшалось и в европейской части империи. Гражданские войны 20-х и 40-х годов, а до них каталанский разбой (начиная с Фракии вплоть до Фессалии), сербские вторжения и завоевания времени Стефана Душана, турецкое и латинское пиратство у побережий, во второй половине столетия турецкие опустошения, а затем и завоевание Фракии и Македонии — все это привело к небывалой зависимости Византии от ввоза хлеба, а непрекращавшийся рост цен на него сделал эту зависимость исключительно тяжелым бременем³⁹.

Описанные явления вызывались, несомненно, спадом производства зерна, находившегося под контролем аристократов, потому что их имения составляли большую часть всех обрабатываемых площадей. Запустение и уменьшение имений аристократов во второй половине XIV в. являлось, по всей вероятности, главной причиной того, что ее экономическая мощь все меньше основывалась на земельных владениях⁴⁰. Отсталая технология земледелия и устаревшая организация труда также усугубляли дело⁴¹.

²⁷ См. примеч. 3.

²⁸ Thomas G. M., Predelli R. *Diplomatarium Veneto-Levanticum Venetiis*, [1880. Т. 1. P. 125, 129, 141, 164, 200. Венеция укрепила на Черном море позже Генуи, но и ее присутствие там продолжалось до конца XIII в. См.: *Nystazopoulou-Pelikidi M. Venise et la Mer Noire du XIe au XVe s. // Θησαυρίσματα. 1970. Т. 7 (repr. Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. Vol. 1/2. P. 541—582). P. 22 sq.*

²⁹ Зависимость Византии от ввоза итальянцами хлеба впервые ясно проявилась уже в 1343 г. См.: *Greg. XIII. 12, 11, 686, 17—687.3; ср.: Maltezos Ch. A. 'Ο θρασυς τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Βενετοῦ Βασιλίου. (1268—1453). 'Αθήναι, 1970. Σ. 229—231; Zachariadou E. Op. cit. P. 294 ff. О причинах роста цен на хлеб на всем Востоке см.: Ibid. P. 291, 294, 298, 306. Последствия этого чувствовались и на Адриатическом побережье. См.: Храбак Б. Извоз житарица из грчких области у XIII, XIV и XV столетию // Ист. часопис. 1971. Т. 18. С. 220.*

⁴⁰ *Oikonomides N. Op. cit. P. 122 sq.; Matschke K. P. Schlacht. S. 143. Авторы излишне подчеркивали тяжесть удара, который турки нанесли византийской аристократии, уменьшив ее владения. Территориальные потери в это время были результатом не только вражеских завоеваний. См.: Максимовић Љ. Управа. С. 3. Примеч. 12.*

⁴¹ В частности, устарел способ упряжки, не использовали тяжелый плуг и т. д. См.: *Lefebvre des Noettes. L'attelage et le cheval de selle à travers les âges. P., 1931. P. 89 sq.; Handricourt A. G., Delamarre B. L'homme et la charrue à travers le Monde. P., 1955. P. 276—284 sq. Об отсталости городского производства см.: Лушев С. Средневековен град. С. 69. Ср., однако: Teall J. L. The Byzantine Agricultural Tradition // DOP. 1971. Vol. 25. P. 51 sq. Заметный спад переживала даже такая важнейшая сельскохозяйственная отрасль, как виноградарство. См.: Kondov N. K. Produktionsorganisatorische Verschiebungen bei dem Weinbau in der ersten Hälfte des 14. Jh. im Gebiet des unteren Strymons // EB. 1973. P. 67—76; Schreiner P. Produkte. S. 92.*

²⁷ MM. IV. 285—87 (1294).

²⁸ Actes de Kutlums. N 8, 12—13 (1313); 18, 86 (1323 или 1338).

²⁹ Teocharidis G. Op. cit. N 1 (P. 12). 27—37 (1324); N 2 (P. 22). 89—98 (1325); ср.: *Regel. Vator. N 4, 18 (1929); Goudas. Vator. N 15, 239 (1356).*

³⁰ Actes de Chilandar. N 4, 17 (1329).

³¹ *Regel. Vator. N 4, 17 (1329).*

³² Острогорски Г. Сербска област после Душанове смрти. Београд, 1965. С. 56. (ту же раб. см.: Сабрана дела. Т. 4. С. 502); Поляковская М. А. Городские владения. С. 207; Ферjanчић Б. Поседи византијских провинцијских монастыра у градовима // ЗРВИ. 1980. Т. 19. С. 232; Maksimovic Lj. Charakter. S. 178.

³³ Verlinden Ch. Traité des esclaves et traitants italiens à Constantinople (XIIe—XVe siècles) // Le Moyen Age. 1963. Т. 69. P. 793.

³⁴ Ср.: Laiou-Thomadakis A. Byzantine Economy. P. 219; Matschke K.-P. Schlacht. S. 224.

³⁵ Ср.: Toynbee A. Constantine Porphyrogenetos and His World. L., 1973. P. 39 sq.; Kažhdan A., Cutler A. Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byz. 1982. Vol. 52. P. 443.

³⁶ Ср.: Andréas A. De la monnaie et de la puissance d'achat des métaux précieux dans l'Empire byzantin // Byz. 1924. Vol. 1. P. 75—115; Zakythinos D. Crise. 5 sq.; 18, 23 sq. См. примеч. 45.

Философ Георгий Гемист Плифон считал крупные владения аристократов тормозом для эффективной обработки земли⁴². Но в первой половине XV в. (за исключением Пелопоннеса, где сам Плифон жил, уже не было настоящих земельных магнатов — поворот в экономической ориентации аристократии уже был к тому времени совершен)⁴³.

В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ НА ВОСТОКЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (X—XI вв.)

Система фем, не имеющая аналогов в современных Византии государствах, является одним из компонентов уникальности средневековой Византии. Эволюция фемного строя — коррелят сложных и противоречивых внутри- и внешнеполитических процессов, определявших исторический путь империи, — одна из «вечных» тем византиноведения. Среди многочисленных исследований (в основном посвященных становлению и развитию фемного строя¹) все большее место начинают занимать работы, рассматривающие кризис фем. Исследования по этой проблеме появились уже в конце прошлого века², византинисты второй половины XX в. (Э. Арвейлер³, Н. Икономидис⁴, А. Пертузи⁵, Я. Ферлуга⁶, С. Врио-

¹ В трудах А. Пертузи дана обширная библиография вопроса, сопровождаемая тщательным рассмотрением взглядов исследователей с 80-х годов прошлого столетия и до конца 50-х годов нашего века. См.: *Pertusi A. Nuovi ipotesi sull'origine dei «temi» bizantini* // *Aevum*, 1954. Т. 28; *Idem. La formation des thèmes byzantins* // *Berichte zum XI Intern. byz. Kongress. München*, 1958. S. 1—24; см. также: *Ostrogorsky G. L'Exarchat de Ravenne et l'origine des thèmes byzantins* // *Corsi di Cultura sull'Arte Ravennate et Byzantini*. 1960. Fasc. 1. P. 99—100; *Karayannopoulos I. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung* // *Byzantinisches Archiv*. 1959. Bd. 10; *Idem. Über die vermeintliche Reformtätigkeit des Kaisers Herakleios* // *JÖBG*. 1961. Bd. X. S. 53—72; *Antoniadis-Bibicou H. A. Études d'histoire maritime à Byzance: A propos du theme de Caravisiens*. P., 1966. P. 41, 100—113; *Στράτος 'Α. Τὸ Βυζάντιον στὸν ζ' αἰῶνα. 'Αθήναι*, 1966. Τ. Β'. Σ. 702—726 (там же библиография); *Kaegi W. E. Some Reconsiderations on the Themes* // *JÖBG*. 1967. Vol. XVI. P. 39—53; *Острогорски Г. Историја Византије*. Београд, 1969. С. 113.

² Н. А. Скабаланович, например, отметил резкое изменение классического облика фемы. См.: *Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в.* СПб., 1884. С. 184—188 и след.

³ *Glykatzis-Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX—XIe siècles*. P., 1960; *Eadem. La frontière et les frontières de Byzance en Orient* // XIVe Congrès International des études byzantines: Rapports. Bucarest, 1971. Т. II. P. 7—19.

⁴ *Oikonomides N. L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe—XIe siècles et le Taktikon de l'Escorial* // XIV Congrès International. . . P. 73—90; *Idem. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*. P., 1972. P. 344—346; *Idem. L'évolution de l'organisation administrative de l'empire byzantin au XIe siècle (1025—1118)* // *TM*. 1976. Т. 6. P. 148 sq; *Idem. L'«Εροπέε» de Digénis et la frontière orientale de Byzance aux Xe et XIe siècles* // *TM*. 1980. Т. 7. P. 375—397.

⁵ *Pertusi A. Tra storia e leggenda: akritai e ghazi sulla frontiera orientale di Bisanzio* // XIV Congrès International. . . P. 27—72.

⁶ *Ferluga J. Le clisure bizantine in Asia Minore* // *ЗРВИ*. 1975. Т. 16. P. 9—23.

⁴² *Lampros Sp. Παλαιολόγια καὶ Πελοποννησιακά*. Т. III. Σ. 260.1. — 261.7; *Masat F. Pléthon et le platonisme de Mistra*. P., 1950. P. 92 sq.

⁴³ Ср.: *Latou-Thomadakis A. Byzantine Economy*. P. 205; *Matschke K.-P. Schlacht*. S. 238.

нис⁷, Т. Василевский⁸) обратились к ней, обогащенные огромным материалом, вошедшим в научный оборот за истекшее столетие: печати и акты, эпиграфические и нарративные источники, среди которых важное место занимают тактики, в особенности Эскуриальский Тактикон или Тактикон Икономидаса. Накопление материала, естественно, расширило и круг изучаемых проблем; в современной историографии оживленно дискутируются вопросы о многозначности термина «фема», об объеме власти стратига, о соотношении функций стратига с прерогативами дуки и катепана, о колебаниях в объеме власти гражданских и военных чиновников, о фискализации воинских повинностей жителей фем и т. д.

При всей полярности точек зрения не оспаривается одно суждение: фемный строй сложился окончательно в X в. Есть и еще одно общее мнение, несколько парадоксально сосуществующее с первым: в конце X в. начинается кризис фемного строя. Большинство исследователей приняли как составные части «кризиса» фем или «провинциальной реформы X—XI вв.» замену фемных ополчений тагмами наемников и этериями крупных феодалов; появление «малых» («армянских») или акритских фем наряду, а иногда взамен больших «ромейских» фем; возникновение коменданств, объединяющих под военной властью дуки или катепана несколько административных округов (или же военные отряды этих округов). Однако связь между этими процессами не прослежена достаточно четко⁹, нет и ответа на вопрос о том, какая структура заменила фемы в результате их кризиса¹⁰ и явилась переходной к фемам эпохи Ангелов и Комнинов¹¹. Иными словами, концепция административного строя империи X—XI вв. все еще далека от полного завершения. Помочь ее созданию могло бы рассмотрение процесса складывания новых административных единиц в ходе длительного и противоречивого движения Византии на Восток в X—XI вв., предпринятое в нашей работе о становлении византийских военно-административных округов на территории армянских царств и княжеств¹². Проанализированный материал позволяет утверждать, что в X—XI вв. в восточных провинциях Византии не было простой перегруппировки фем в результате «провинциальной реформы XI в.»; в действие вступили иные принципы построения административных единиц. Эти принципы находились в прямой зависимости от развития феодальных отношений в завоевываемых регионах и в самой Византийской империи, а также от особенностей продвижения империи на Восток (захват небольших, стратегически удобных мест и закрепление в них, использование их в качестве плацдармов для дальнейшего наступления, обмен владетелями родовых земель на земли в глубине империи). Все это в сложных политических, социально-экономических и культурных условиях восточных лимитрофных областей империи обусловило не просто

распад фем или замену «больших» фем «малыми»: происходило формирование качественно новой, более гибкой и сложной социально-административной структуры, приспособленной к новым внутренним и внешнеполитическим условиям существования империи. При этом недостатки фемы (разделение власти в ней, нестабильность, изменчивость границ, дробление округов или соединения их под руководством либо стратига главного города, либо доместика Востока, либо одного из стратигов малых фем и т. п.) становятся достоинствами новой структуры¹³.

В состав пограничных территорий Византии, помимо имперских военно-административных округов, входили владения полузависимых княжеств восточной греческой аристократии, независимые и полузависимые армянские владения и арабские эмираты, признававшие суверенитет Византии. Но возникает кардинальный вопрос, осознавали ли современники появления и функционирования новой структуры в восточных лимитрофах Византии ее своеобразие, ее генетическое отличие от имперских административных единиц? Иными словами, следует ли искать в источниках термин, адекватно отражающий новую структуру?

Для армянских авторов их земли, пусть даже вошедшие в византийские округа, продолжали оставаться «Армянским царством» или «армянскими царствами»¹⁴. Аристакес Ластивертци (XI в.) пишет: «Помимо княжества [Давида] Куропалата и [территорий], подвластных ромеям, в Армении было четыре царских престола»¹⁵, т. е. земли, оказавшиеся во «власти ромеев» продолжали оставаться «Армянской». Иногда, впрочем, в армянских источниках X—XI вв. появляется слово *շրջան*

(земля, страна, территория) для обозначения тех частей Армении и соседних с нею регионов, которые вошли в состав Византии¹⁶. Однако это слово настолько многозначное, что как будто бы и не может считаться термином. Тем неожиданнее обнаруживается в византийских источниках того же периода равнозначное ему *χώρα* (или *χώρα*) для обозначения тех же территорий. Начало такому именованию положил Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей»¹⁷.

Византийская империя Константина Багрянородного делится на фемы, а вассалы империи владеют «хорами». Константин именует «хорами» и владения Багратидов (Ширакских, Таронских, Ивирских), и владения арабских эмиров. «Хоры» арабских эмиров и армянских владетелей, по крайней мере до активного вмешательства империи в их судьбы, были иерархически соподчинены (созеренами армянских и арабских династий были Ширакские Багратиды.)

Один из разделов трактата Константина Багрянородного назван «περί τῆς Χώρας τοῦ Ταρόν» («О хоре Тарона», обычно переводится «О стране Тарона») (43. 1). Григор Багратид владел, по-видимому, всей хорой Тарона. Он отказался посетить Константинополь, так как «хора» его осталась бы без попечения (43.25), он был признан стратигом Тарона (43.7—9), а его брат Апоганем был отправлен «в хору брата» (43.71, 77). Сын Григора Баграт, женившийся на сестре магистра Феофилакта, завещал свою «хору» детям от этого брака (43.156—157) и после бракосочетания отбыл «в свою хору» (43. 163).

¹³ Там же. С. 73—79.

¹⁴ Бартикан Р. М. О феме Ивирия // ВОН. 1974. № 12. С. 74—75; Арутюнова-Фиданян В. А. Еще раз о феме Ивирия // Кавказ и Византия. 1979. № 1. С. 48.

¹⁵ Повествование Аристакеса Ластивертци. Подгот. текста и примеч. К. Н. Юзбашьяна. Ереван, 1963. С. 98, 7—8 (др.-арм.).

¹⁶ Всеобщая история Степаноса Таронца-Асолика. СПб., 1885. С. 251, 260. (Далее: Асолик). (др.-арм.).

¹⁷ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik, R. H. Jenkins. Wash., 1967. (Далее ссылки в тексте по этому изданию).

⁷ Vriónis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. L., 1971. P. 2—6.

⁸ Wasiliewski T. Le katepanikon et le duche de Paristrion au XIe siècle // Actes du XIV Congrès International des études byzantines. Bucarest, 1975. T. II. P. 641—645.

⁹ См. выводы Э. Арвейлер (Glycatzi-Ahrweiler H. Recherches... P. 89—91), а также предположение Н. Икономидаса о том, что «большие коменданства» — дукаты и катепанаты — из восточных провинций Византии в XI в. распространились на всю империю. См.: Oikonomides N. L'évolution... P. 148 sq.

¹⁰ Oikonomides N. L'évolution... P. 125—152. Γρηγορίου-Πααννίδου Μ. Παράκλησις καὶ πῶς τὸν τοῦ θεματικῆς θεσμοῦ. Θεσσαλονίκη, 1985.

¹¹ Sesan M. Die administrative Einleitung des byzantinischen Reiches zur Zeit der Komnenen und Angeloi (1081—1204). Cernauti, 1942; Sesan M. Les themes byzantins à l'époque des Comnènes et des Anges (1081—1204) // RESEE. 1978. N 16. P. 45—55.

¹² Арутюнова-Фиданян В. А. Административные перемены на Востоке Византии в X—XI вв.: К вопросу о «кризисе» фемного строя // ВВ. 1983. Т. 44.

Апоганем при жизни Григора, очевидно, признавал брата азгапетом (главой рода) и верховным правителем страны. Однако уже тогда василевс ромеев установил прямые связи с Апоганемом и пожаловал ему сан протоспафария. «Облагодетельствованный василевсом, он вернулся в собственную хору» (43.77). Апоганему был пожалован также «Дом варвара» «по той причине, что он недавно подчинился» (43.85); иными словами, в трактате Константина подчеркивается определенная независимость Апоганеми от старшей ветви рода. Обособленность обеих семей Таронитов стала еще более ощутимой после смерти Григора и Апоганеми. Их сыновья не ладили между собой, и Торник, сын Апоганеми, решил передать «свою хору» ромеям (43.168). Он составил завещание, по которому «его хора подвластна василевсу ромеев» (43.173—174). Василевс отправил протоспафария Кринита принять «хору Апоганеми, т. е. долю патрикия Торника», разъясняет Константин Багрянородный (43.178—179). Сыновья Григора Баграт и Ашот сочли, что не «смогут прожить, если василевс овладеет хорой их двоюродного брата как своей собственной» (43.181—183), и отправили послов в Константинополь с просьбой оставить им эту «хору», а взамен взять Олнут. (43.181—183). Очевидно, у Апоганеми, кроме Торника, были еще сыновья, так как, хотя василевс согласился на эту просьбу и «хора» Торника была отдана Ашоту и Баграту, тем не менее посвященный Тарону раздел трактата завершается констатацией факта, что «хора» Тарона осталась разделенной «между сыновьями магистра Григора и сыновьями патрикия Апоганеми, их двоюродными братьями» (43.186—188). «Хора» Тарона, таким образом, по Константину Багрянородному, делилась на «хоры», принадлежавшие членам фамилии Таронских Багратидов, подчинившихся азгапету рода, а затем империи. Каждый из новых вассалов Византии, владетелей Тарона, был подвластен непосредственно василевсу, передав ему свою «хору».

Ашот Багратид Ширакский, по сведениям Константина, «владел всеми хорами Востока» (44.23). Ашот пожаловал кайсикам, а именно эмиру Абу-л-Варду, Манцикерт, Хлат, Арчеш и Беркри (44.21). Посвященный кайсикам раздел озаглавлен «О хоре Апахунис и о крепостях Манцикерт, Беркри, Хлат, Арчеш, Двин, Хер, Саламас, Цермацу» (44. 1). Абу-Савада, наследник Абу-л-Варды, в свою очередь, овладел «и крепостью Манцикерт и прочими крепостями и хорами» (44.29). Он подчинился василевсу ромеев, так как domestik Востока «нападал на их крепости, разорял и опустошал хоры» (44.30—33). Дядя Абд-ар-Рахима владел крепостью Манцикерт и всей вышеназванной «хорой» (44.70—71), а когда он умер, Абу-Салим стал править и Манцикертом и «всей прежде названной хорой» (44.73). Абу-Савада сидел в крепости Манцикерт и владел «этой хорой Апахунис, Кори и Харком» (44.87). Абу-ал-Асвад, его брат, был правителем «крепости Манцикерт и подчиненной ей вышеназванной хоры» (44.93—95). После смерти Абу-ал-Асвада крепостью Манцикерт вместе с ранее названными «*τῶν χορίων*» владел Абу-Салим (44.105). Здесь «хора» и «хорион» синонимичны так же, как и в пассаже, где указано, что кайсики платили дань василевсу ромеев за свои «крепости и хорионы» (44.34, 45). Кайсикам принадлежали «крепости, городки и хорионы» (44.40—41, 48, 60, 62, 67).

О территориях, прежде подчинившихся Ашоту и Смбаду, позже переданных кайсикам и плативших пакты василевсу ромеев, Константин пишет: «... все эти вышеназванные крепости и ранее упомянутые хоры» (44.116—124).

Страна Фасианы («хора Фасианы») находилась во власти арабских эмиров и была разорена Иоанном Куркуасом, великим domestikом во время похода на Двин (45.53, 57—57). В «хоре» Фасианы не осталось ни

одного нетронутого «хориона» (45.62, 63) (здесь хора — «страна», а «хорион» — «место», «местечко», также см.: 45.95—97). Совокупность «хорионов» Фасианы (Басена) составляет хору Фасианы (45. 99—100).

Земли Ивирских Багратидов также составляют единую «хору». Багратиды угрожали Роману Лакаину двинуть войска против «самой Романии», «если твоя царственность... вступит в глубь нашей хоры» (46.131—135). Эта общая «хора» делится на «хоры», принадлежащие ветвям рода Ивирских Багратидов. Давид получил во владение «иную хору» (46.6), Баграт разделил свою «хору» между сыновьями (46.8), а «хору» магистра Гургена делили силой оружия (46.25), Давид не отдавал свою «хору» василевсу, хотя она расположена вблизи границ империи (46.117—119). Основная тема раздела, посвященного Ивирским Багратидам, судьба крепости Артанудж и ее «хоры», которая является ключом и к Ивирии, и к Авагсии, и к «мисхиям» (т. е. к Месхети) (46.46—48). Император Византии в четырех разделах своего трактата («Об управлении империей») утверждает права империи на территорию от Тарона на западе до Ширака на востоке и от владений Ивирских Багратидов и арабских эмиратов Басена на севере до озера Ван на юге. Эмираты Басена вошли в состав Византии в результате кампаний Иоанна Куркуаса. Тот же domestik Востока заставил кайсиков платить дань Византии, но кайсики (*de facto*) сохраняли самостоятельность, так же как Ширакские и Ивирские Багратиды и владетели Васпуракана. Иное дело Тарониты. Разница в их статусе просматривается уже в вопросе, заданном византийскому императору Тагиком Васпураканским, Адрнерсе Ивирским и Ашотом Ширакским: «Какую особую, помимо нашей, несет он [Григорий Таронит] службу и в чем он больше приносит пользы ромеям» (43.115—116). Григорий Таронит и его наследник Баграт, назначенные византийским императором стратигами в собственном княжестве, руга, получаемая Григорием, а главное, постепенная передача «хор» Тарона их владетелями Византии — вот то различие, которого не заметили другие династы.

Армяно-византийская контактная зона начинает формироваться при наследниках Григория и Апоганеми Таронитов. Вся территория, на которую претендовала империя, является «хорой», отдельные ее части, принадлежавшие Багратидам Ширака, Тарона, Ивирии и кайсикам, — также «хоры». Внутри них находятся мелкие хоры принадлежавшие отдельным владетелям.

Лев Диакон¹⁸ часто употребляет термин *χώρα* в применении к восточным землям, которые завоевывали Никифор Фока (73.20) и Иоанн Цимисхий (176.14—21) и где проходили военные операции мятежника Варды Склира (169.19, 23—24). В «Истории» Льва Диакона очевидна разница между «хорами» (от Месопотамии до Ивирии) и фемами — владениями ромеев в Азии (170.14). Асолик также именует территории, охваченные мятежом Склира, «греческой или ромейской страной»¹⁹. Такое же терминологическое обозначение остается за этими землями и в византийских источниках XI в. Михаил Атталиат²⁰, описывая походы сельджуков, именует территорию Ивирии — «ивирскими пределами» (*τοὺς Ἰβηρικοὺς ὁρίους*) (44.21—22), а земли, подвластные Стефану Лихуду (т. е. Васпуракан), — Сирией (44.4—15). Однако как Стефан Лихуд именуется «ромейским правителем», так и эти земли называются «ромейскими хорами». Сельджуки «быстро завладели всей Ивирией, грабя городки и села,

¹⁸ *Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X* / E reconsiene C. B. Hasii. Bonnae, 1828.

¹⁹ *Асолик*. С. 151, 152, 190, 193.

²⁰ *Michaelis Attaliotae Historia* / Rec. G. Bekkerus. Bonnae. 1853. (Далее ссылки в тексте по этому изд.).

разрушая города», иными словами, «опустошая *χώρας*» (44.15—16). Упоминание о «воинственном войске», прежде находившемся в Ивирии, которое получало опсоний из государственной казны, Атталиат называет их «*σύντακτοι*» (союзниками) императора, и в этом термине сохраняется оттенок какой-то неокончательной их подчиненности империи ромеев (44. 22—45.9). Атталиат отличает «ромейские земли» от округи Феодосополя (так, Роман IV Диоген решил идти из Феодосополя «в ромейскую землю») (166.13, ср.: 147, 16—17). Атталиат именует Ивирию только «хорой» (44.18—23; 78.9; 147.16—17; 166.21) и считает, что она получила наименование от «западной Ивирии» (Испании): «Прежде эту хору населяли ассирийцы, потом мидяне, затем долгое время армяне» (222.3—17). После разгрома армии Романа Диогена под Манцикертом domestik Востока Филарет Варажнуни, объединивший под своей властью «земли, подвластные ромеям», по свидетельству Атталиата, возвел укрепления и «сделал эту хору недоступной для противника» (301.7—24). Михаил Атталиат упоминает о «хорах» Ивирии, которые опустошали сельджуки (44.7—15, 18—23). В результате «счастливая хора Ивирии была совершенно разграблена и опустошена, и той же страшной участи подверглись и находившиеся рядом с ней области: Месопотамия и Халдия, Мелитина и Колония и земли, лежащие по реке Евфрату» (78.9—16).

Размышляя над причинами победоносного движения сельджуков, Атталиат приходит к выводу, что «такое нашествие язычников и истребление народов, подвластных ромеям, было следствием божьего гнева против еретиков, населяющих Ивирию и Месопотамию до Ликанда и Мелитины: армяне, иудеи, исповедующие несторианскую и акефалическую ересь» (96.22—97.5).

В этом удивительно емком пассаже Атталиата представлена следующая информация. Прежде всего Атталиат знает, что существуют земли, подвластные ромеям, но отличающиеся от собственно ромейских земель: это территории от Ивирии до Месопотамии (т. е. земли Великой Армении, Ивирии, Васпуракана, Тарона и части Месопотамии до Ликанда и Мелитины). Атталиат осведомлен о том, что этими землями управляли византийские наместники, в крепостях стояли византийские гарнизоны, а местные военные силы получали содержание из имперской казны и могли быть распущены или вновь собраны по приказу василевса ромеев (44.7—15, 18—23; 45.2—9), и тем не менее историк не уравнивает их с имперскими фемами. На этих территориях живут еретики, среди которых на первое место поставлены армяне-монофиситы. Таким образом, Атталиат выделяет новые хоры и территориально и идеологически.

Иоанн Скилица²¹ один раз упоминает о Тароне, а именно о «хоре Тарона», которую братья Тарониты передали Никифору Фоке (279.82—84). «Хорой» Скилица называет Великую Армению — удел Ширакских Багратидов. Об Иоанне-Смбате он пишет: «Иованнесикий владетель хоры Ани», (435.77) ставший магистром и пожизненным архонтом «Ани и так называемой Великой Армении» (435.83—84). Константин Мономах приказал эмиру Двина напасть на «хору», подвластную Гагику II Анийскому (436. 12—13). «Хора» Великой Армении у Скилицы иногда синонимична «хорионам» или включает их в себя (437.30—31). Гагик II получил взамен родового царства *χωρία* в Каппадокии: Харсиану и Ликанд (437.28—29). Земли Ивирских Багратидов, вошедшие в фему Ивирия, Скилица также именует «хорой» (339.79; 438.62—66; ср.: 438.80; 460, 12), «хорой» он называет и Васпуракан (или Верхнюю Мидию) (446.1, 80; 448.49—51).

Продолжатель Скилицы²² очень четко отделяет Ивирию, Месопотамию (до Ликанда и Мелитины) и соседнюю Армению (эти «хоры» — *αἱ δὲ χῶραι*) от земель, исконно принадлежавших Византийской империи. Он пишет о нашествии язычников (турок-сельджуков) как о божьей каре, павшей на эти земли, населенные еретиками, в отличие от византийских провинций, где жили истинно верующие (141.1—5). Продолжатель Скилицы упоминает «счастливую хору Ивирии» (112.24) и Фаресмана Апокапа, происходившего из «хоры» ивиров (131.15—16). «Хорой» Продолжатель Скилицы называет Екелесену (137.4) и Алеппо (128.20).

Византийские источники X—XI вв. называют фемами старые «ромейские» фемы и те округа, которые возникали в борьбе с Арабским халифатом²³. В «Стратегиконе» Кекавмена области, находящиеся под управлением стратига, именуются и фемами²⁴, и хорами, причем о последних речь заходит именно в связи с восточными провинциями (известие о коммутации военной службы в Ивирии и Месопотамии). «Похвально, чтобы в любой хоре, в которой бы ты ни находился, обнаружив несправедливость, исходящую либо от казны, либо от практоров, ты искоренял ее, особенно на границах. . . Ведь многие хоры были погублены по этой причине»²⁵, и далее следует известный пассаж о роспуске местных войск в Ивирии и Месопотамии (обычно определяющийся исследователями как этап ликвидации фемного ополчения)²⁶. Стратиг хоры Кекавмена — это почти всегда пограничник. Кекавмен советует стратигу мирно договариваться с неприятелем, а не ввергать «свою хору» в войну. «Сочти убыток твоей хоры от врагов и от нашего войска, причисли неизвестность — что ждет, победа или поражение, прибавь злосчастье стратига — и обнаружь, что ущерб от войны огромен и неисчислим. Если неприятель домогается, чтобы ты дал ему хору в твоей хоре, не соглашайся, если он не обязуется быть твоим подчиненным и данником»²⁷.

Кекавмен советует василевсу посещать подвластные ему хоры восточные и западные²⁸, «посещай подвластные тебе хоры и фемы»²⁹, и, наконец, «пусть узнают ромейские фемы и подчиненные тебе *χῶραι ἐδνῶν*, что у них есть василевс и защитник, проявляющий о них заботу»³⁰. Далее это административное деление углубляется. «Узнаешь ты и силы каждой фемы, и крепости, и хоры»³¹. Кекавмен считает инспекционные поездки василевса гарантией от мятежей против «исполняющих должность»³². «Хоры иноплеменников» (упомянутые наряду с фемами), в которых правят лица, поставленные василевсом, и о которых он осуществляет постоянное попечение, — это не просто вассальные земли или вновь завоеванные территории. Это новая административная структура на Востоке империи, существование которой обусловлено в какой-то мере и «чересполо-

²² *Τσολάνης Ε. Θ.* 'Η συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη. Θεσσαλονίκη, 1968. (Далее ссылки по этому изд.).

²³ *Scyl.*, 203, 81, 92.

²⁴ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 128.24; 154.1—5; 154.13; 204.16, 210.23.

²⁵ Там же. С. 152. 23—28; 153.

²⁶ *Ahrweiler H.* Recherches. . . P. 10—24.

²⁷ Советы и рассказы. С. 150, 16—22; 151.

²⁸ Там же. С. 296. 11—12.

²⁹ Там же. 15—16.

³⁰ Там же. 18—20.

³¹ Там же. 20—21.

³² Там же. 22—24.

²¹ *Joannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Recensuit J. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973.* (Далее: *Scyl.*).

сицей» армянских и византийских, арабских независимых и полунезависимых политических образований.

Тарон, Вазпуракан, Великая Армения, Ивирия никогда не назывались в византийских источниках фемами — обычное наименование для этих земель «хора» (а также $\chi\eta$, $\tau\omicron\pi\omicron$; ³³). Возникновение и утверждение терминологического оформления восточной административной структуры Византии выявляется и в процессе анализа историографического материала о Киликии, дольше всех других восточных регионов входившей в состав империи.

Положение Киликии как части империи до сих пор не выяснено. Крупнейший русский византист прошлого века Н. А. Скабалавич, пожалуй, единственный ученый, который попытался охарактеризовать Киликию в терминах административного строя Византийской империи. По его мнению, Киликия это клисура — «крайний обсервационный пункт для наблюдения за сарацинами» ³⁴. Это утверждение вполне оправданно, однако только до походов Никифора Фоки, когда Киликия входила в пограничную область между Византийской империей и Арабским халифатом.

Мы не располагаем перечнем военно-административных округов империи от XI в., есть только список Константина Багрянородного от X в. и арабские списки ³⁵, новелла же Алексея III Ангела (1195—1203) фиксирует положение для конца XII—начала XIII в. ³⁶, и нигде мы не находим обозначения Киликии и входивших в нее областей как фемы (или фем). В труде Константина Багрянородного «О фемах» (первая половина X в.) Киликия упоминается как область, принадлежавшая Халифату, в связи с фемой Каппадокия, которая имела границу по горам Тавра с Тарсом, Аданой и Мопсуэстией ³⁷. В Эскуриальском же Тактиконе уже названы византийские коменданты киликийских городов и крепостей. Издатель Эскуриальского Тактикаона Н. Икономидис, комментируя этот источник, отмечает, что «новые стратегии и гарнизоны появляются в Тарсе, завоеванном в 965 г. ³⁸, в Анаварзе, расположенной в 26 км к северу от Пирама (Джейхан) и завоеванной в 964 г. ³⁹, Мопсуэстии (Мсисе), завоеванной в 965 г. ⁴⁰, и в Ейренополисе, расположенном в восточной Киликии и завоеванном в 965 г. ⁴¹ В «Хронографии» Феофана и в «Истории» Льва Диакона не упоминается Киликия в целом, а только отдельные города (Тарс, Адана, Мопсуэстия) ⁴². Для Скилицы, повествующего об арабских кампаниях Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия Киликия нечто единое, подвластное прежде арабам и отвоеванное у них ромеями ⁴³. Никифор Фока, по Скилице, завоевал более 100 городов и крепостей Киликии, Сирии и Финикии и среди них Анаварзу, Адану, Мопсуэстию, Тарс и

т. д. ⁴⁴ Продолжателем Скилицы названа Киликия ⁴⁵, и в ней Александретта ⁴⁶, равнина Тарса ⁴⁷, клисура Поданда ⁴⁸, Адана ⁴⁹.

В «Хронографии» Михаила Пселла (976—1078) Киликия упоминается всего один раз в связи с гражданской войной Михаила VII Дуки (1071—1078) и Романа IV Диогена (1068—1071) в чисто географическом смысле, как территория, куда бежал свергнутый император; в Адане, где укрылся Роман был, очевидно, византийский гарнизон ⁵⁰.

В «Истории» современника Пселла Михаила Атталиата, рассказывающей о событиях 1034—1079 гг., отмечается, что при Константине X Дуке (1059—1067) на Киликию было совершено нападение неких «варваров» ⁵¹, «северные хоры Киликии и Антиохии находились в крайней опасности из-за султана» ⁵². По Атталиату, в одно из первых своих нападений турки-сельджуки опустошили «хоры в окрестностях Келе-Сирии и Киликии и самой Антиохии» ⁵³. Турки напали на «хору» киликийцев ⁵⁴. Атталиат именует Поданд клисурой ⁵⁵, через которую византийские войска проникли «в Киликию» ⁵⁶, упоминает Тарс или «долину Тарса» ⁵⁷, Адану ⁵⁸, Мопсуэстию ⁵⁹. Для Атталиата Киликия «хора» ⁶⁰, и, возможно, в том же смысле он употребляет выражение «вся Киликия» ⁶¹.

Никифор Вриений вообще ничего не пишет о Киликии. В «Алексиаде» Анны Комнины так же, как у Атталиата, есть упоминание о «всей Киликии» ⁶². «Монастра, — пишет Анна, — двигаясь с конным войском по суше, захватил Лонгиниаду, Тарс, Адану, Мамисту и полностью всю Киликию» ⁶³. Монастра охранял Тарс, а Кантакузин Лаодикею ⁶⁴. Затем упоминается, что в Лаодикею был послан Пецей, а в Тарс и все находящиеся под властью Монастры $\chi\omicron\rho\alpha\varsigma$ и $\pi\omicron\lambda\epsilon\iota\varsigma$ — Аспиет ⁶⁵. ($\pi\omicron\lambda\epsilon\iota\varsigma$ здесь, возможно, центры хор.) В приведенном Анной Девольском договоре 1108 г. упомянуты находящиеся во власти Византии «фема Поданд, стратегат города Тарса, город Адана, Мопсуэстия, Анаварза и... вся та часть Киликии, которая расположена между Кидном и Гормоном, кроме того, стратегата Лаодикея в Сирии... стратегат Гавал и город Мараш» ⁶⁶. Но к 1108 г. Равнинная Киликия была отвоевана у Византии регентом

⁴⁴ Ibid. 271. 64—70.

⁴⁵ $\tau\omicron\omicron\lambda\alpha\chi\eta\varsigma$ E. Ө. Op. cit. 120, 4; 124, 24; 126, 19—20; 133, 3—4, 138, 10—12; 153, 17—19, 23.

⁴⁶ Ibid. 133.3—4.

⁴⁷ Ibid. 138.16.

⁴⁸ Ibid. 153.22—23.

⁴⁹ Ibid. 153.25.

⁵⁰ Арутюнова-Фиданян В. А. Несколько замечаний к положению на восточных границах Византии в 70-е годы XI в. // Кавказ и Византия. 1980. Т. 2. С. 33.

⁵¹ Attal. P. 94.13.

⁵² Ibid. P. 100.7.

⁵³ Ibid. P. 105.2.

⁵⁴ Ibid. P. 173.11.

⁵⁵ Ibid. P. 173.16—23; 174.1.

⁵⁶ Ibid. P. 174.3—4. О Поданде см. также: P. 121.13; 173.23.

⁵⁷ Ibid. P. 137.10; 174.1; 229.8.

⁵⁸ Ibid. P. 174.17—18; 229.9.

⁵⁹ Ibid. P. 137.18.

⁶⁰ Ibid. P. 173.11.

⁶¹ Ibid. P. 94.13; 100.7; 105.2; 120.5; 125.18; 137.13—14; 174.3.

⁶² Anne Comnène. Alexiade / Texte établie et trad. B. Leib. P., 1945. Т. III. P. 41, 29.

⁶³ Ibid. P. 41.20—29; Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 318.

⁶⁴ Ann. Comn. P. 56, 22—25.

⁶⁵ Ibid. P. 56, 27—29.

⁶⁶ Ibid. P. 135.1—6; Анна Комнина. Алексиада. С. 370.

³³ Ahrweiler H. Recherches... P. 79.

³⁴ Скабалавич Н. А. Византийское государство и церковь в XI в. С. 207.

³⁵ Tounbee A. Constantine Porphyrogenetus and His World. L., 1973. P. 252—274.

³⁶ Jus graeco-romanum. Lipsiae, 1857. Т. III / Ed. Zachariae à Lingenthal. P. 561.

³⁷ Costantino Porfirogenito. De Thematibus / A cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952. P. 120; Oikonomides N. L'organisation... P. 294; Idem. Les listes... P. 265, 15, 22; 267, 21.

³⁸ Oikonomides N. Les listes... P. 355.

³⁹ Ibid. P. 356.

⁴⁰ Ibid. P. 359.

⁴¹ Ibid. P. 362.

⁴² Лев Диакон. 51.23; 52.9—10; 56.13; 381. 1. О клисурах Востока см. 130.16.

⁴³ Scyl. 267, 74; 268.78; 268, 91, 94, 95, 5; 270, 34, 52; 271, 66; 272, 81; 278.77; 286.49.

Антиохийского княжества⁶⁷. И сам Девольский договор, и традиционное именование указанных в нем областей остались на бумаге.

В источниках как армянских, так и греческих довольно часты выражения «вся Ивирия», «весь Тарон», «весь Васпурикан», «вся Армения», «вся Киликия»⁶⁸, подчеркивающие историческую общность традиционно входящих в эти области земель, несмотря на выпадение некоторых районов в процессе военных действий или объединение их в результате административных перестановок.

Иоанн Зонара называет восточные провинции Византии Месопотамию, Мелитину, Сирию и Киликию «хорами»⁶⁹. В хронике Иоанна Киннама Киликия упоминается в связи с походами Иоанна II и Мануила I. По Киннаму, «Левон — муж армянский захватил множество ромейских городов и даже осаждал Селевкию. Узнав об этом, император [Иоанн II], собрав все силы, быстро двинулся на него»⁷⁰.

Император взял Тарс, Мопсуэстию и Адану⁷¹, а позже Анаварзу⁷². Киннам уравнивает «Армению» и «Киликию», рассказывая об экспедиции Мануила I «против правителей Армении и Антиохии»⁷³. Но чаще всего Киликия Киннама — «хора киликийцев»⁷⁴. У Атталиата, Анны Комнины, Зонары и Киннама Киликия названа «хорой», причем это обозначение употребляется наряду и вместо слов «вся Киликия». Итак, новая структура, образовавшаяся на армянском социально-экономическом и этническом субстрате, нашла отражение в такой традиционно консервативной области, как византийская терминология, получив наименование «χώρα».

«Хора» (арм. «ашхар»), кроме имманентного этому слову во все времена значения «земля, страна», обретает в X—XI вв. смысл специального термина для определения социально-административных реалий армяно-византийской контактной зоны с ясно прослеживаемой иерархичностью семантики. «Хора» — это прежде всего вся территория контактной зоны, куда входят не только военно-административные округа империи, но и независимые и полузависимые армянские, греческие, арабские политические образования, в свою очередь именуемые «хорами». Хора — это и крупный военно-административный округ империи (Васпуракан, Великая Армения и Ивирия и др.) и, наконец, это небольшая область, город и крепость с округой, которая располагается на территории большого округа («хора в хоре», как пишет Кекавмен).

Итак, армяно-византийская контактная зона — это «хора», включающая в себя «хоры» византийских военно-административных округов (больших и малых) и «хоры» независимых и полузависимых владетелей. Такое словоупотребление поддерживает единство структуры, каждый из элементов которой может быть обозначен одним и тем же термином (с расширением или сужением его пространственных характеристик), а также равнозначность этих элементов структуре в целом (*pars pro toto*), чему в реальности соответствовало прямое подчинение и владетелей, и фемных стратиггов императору.

⁶⁷ Степаненко В. П. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10—40-х годах XII в. // ВВ. 1988. Т. 49. С. 119—126.

⁶⁸ Арутюнова-Фиданян В. А. Административные перемены... С. 78.

⁶⁹ *Joannis Zonarae Epitome historiarum* / Ed. Buttner-Wobst Th. Bonnae, 1897. Vol. III. P. 68.10—12.

⁷⁰ *Joannis Cinnami Epitome*. Bonnae, 1836. P. 16.6; 23.1.

⁷¹ Ibid. P. 18, 20.

⁷² Ibid. P. 18.3—4.

⁷³ Ibid. P. 179.20.

⁷⁴ Ibid. P. 16. 11, 19; 20.16; 176.12—13; 179.7; 180.12.

И. П. МЕДВЕДЕВ

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В ТОЛКОВАНИИ ФЕОДОРА ВАЛЬСАМОНА

Введение смертной казни на заре человеческой цивилизации в систему уголовного права в качестве одного из главных ее институтов имело поистине эпохальное значение. Ведь тем самым упраздняясь архаический обычай кровной мести с его вакханалией непрерывной цепи убийств и взаимомордобийства родов, снимался первобытный анимистический «комплекс Эринии». Отныне государство брало на себя эту роковую обязанность — давать самое полное удовлетворение чувству возмездия, в то же самое время «ставя точку» в эскалации убийств: так как искупительная казнь стала теперь делом государства, а не частным делом родственника-обвинителя, то и месть за нее не могла быть обращена против последнего; смерть осужденного убийцы не призывала к жизни новой мстительной Эринии, она была не продолжением, а завершением¹.

Похоже, однако, что государство слишком быстро вошло во вкус, в полной мере оценив это крайнее средство уголовной репрессии, распространив его на весьма обширный круг правонарушений, порой весьма незначительных и даже не имевших никакой связи с кровной местью, а также проявив необычайную изобретательность в отыскании все новых, поражающих воображение своей жестокостью способов приведения этой казни в исполнение. Классическим образцом государственного фазиса в развитии идеи возмездия, сопряженной с идеей устрашения, было римское уголовное право, для которого *roepa capitis* означала прежде всего смертную казнь во всем ее жутком разнообразии, о котором нам повествуется, например, в сентенциях римского юриста Павла². Даже в тех случаях, когда *roepa capitis* заменялась какими-то альтернативными видами наказаний, связанными с утратой свободы и гражданских прав, она трактовалась как условная, «политическая» смертная казнь³. Смертная казнь явно выдвигается на первый план и фактически становится *roepa ordinaria* в буквальном смысле этого слова.

Ситуация не изменилась существенно и с наступлением христианства, так как церковь, отправляясь от известных библейских предписаний (Gen. 9, 6; Ex. 21. 12—17; 22.18), а также от учения апостола Павла,

¹ Зелинский Ф. Идея возмездия в античной трагедии и жизни // Русская мысль. 1912. Кн. XI. С. 1—46.

² *Julii Pauli Receptarum Sententiarum ad filium libri quinque* / Ed. G. Haenel. Bonnae, 1833 (см. особенно кн. V). О римском уголовном праве см.: *Mommsen Th. Römisches Strafrecht*. Leipzig, 1899 (Reed.: Graz, 1955). S. 907—916; *Brasiello U. La repressione penale in diritto romano*. Napoli, 1937; *Grodzynski D. Tortures mortelles et catégories sociales: Les summa supplicia dans le droit romain aux IIIe et IVe siècles* // Du châtimement dans la cité: Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique. Rome, 1984. P. 361—403.

³ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht*. S. 907 ff.

который утверждал, что власть «не просто так носит меч» (Rom. 13.4), отнюдь не оспаривала законности смертной казни. Воздерживаясь сама по себе от *effusio sanguinis*, от права *exercere gladium*, так как это право противоречит ее природе и ее целям, церковь тем не менее считала, что она *potest alteri gladii tribuere potestatem*, и этим «другим», которому и принадлежит *potestas gladii*, является именно государство, в соответствии с теократической идеей осуществляющее эту власть в качестве *minister Dei*⁴. От св. Киприана до Августина сохранилась целая серия текстов, подкрепленных соборными постановлениями, для авторов которых нет сомнения, что светская власть не только может, но и должна пользоваться правом карать смертью, хотя нет недостатка и в советах соблюдать умеренность в осуществлении «власти меча»⁵.

Не умножая здесь известных по специальной литературе примеров, иллюстрирующих позицию церкви в вопросе о культивировании смертной казни, хотел бы привести только один случай из нашей отечественной истории. Рассказывая о проведении Владимиром Святым судебной реформы, которая должна была стать ответом государства на увеличение числа разбоев, летописец в «Повести временных лет» сообщает: «И умножишася зело разбои, и реша епископы (а они, между прочим, были из греков. — И. М.) Володимеру: Се умножишася разбоиници; почто не казниши их? Он же рече им: Боюся греха. Они же реша ему: Ты поставленъ еси от бога на казнь злым, а добрым на милованье. Достойтъ ти казнити разбойника, но со испытанъ»⁶. Поскольку этот случай датируется христианским периодом правления Владимира (после введения христианства как официальной государственной религии в 988 г.), исследователи видели в нем попытку греческого духовенства ввести на Руси действие византийского уголовного права, «привить к русской жизни казнь разбойников, определяемую Кормчей книгой»⁷. И хотя недавно предпринята попытка оспорить подобную точку зрения и объяснить введение на Руси смертной казни «ростом классовых противоречий», стремлением «казнями прекратить разбой или сократить их количество»⁸, думается, что одно другому не противоречит: греческое духовенство могло воспользоваться усилением разбойничества как предлогом с целью распространить на ставшую христианской Русь действие «византийского закона». Имели ли «епископы» в виду конкретную норму, зафиксированную в Кормчей книге и предусматривавшую за разбой повешение на дереве, как предполагал проф. Загоскин, сказать трудно⁹. Для нас важнее констатировать, что и в этом случае как в капле воды отразилась позиция церкви по отношению к смертной казни, и остается лишь удивляться чутью русского летописца, который эту позицию не искажал.

Важно также отметить, что и при «преступлениях» против религии церковь предпочитала придерживаться той же тактики. В «еретическом процессе», например, обвиняемый «уступается» (*relinquitur*) церковью «светской руке» (*brachium saeculare*) для исполнения приговора, и опять же не без настоятельных просьб проявлять к осужденному снисхождение и щадить его жизнь, что, впрочем, не исключало возможности для светского судьи, проявившему такого рода снисхождение, самому быть запоз-

дозренным в ереси и стать добычей инквизиции¹⁰. Правда, с затуханием последних больших гонений на христиан¹¹ со смертной казнью в делах религии стали обращаться осторожнее, зарезервировав ее фактически только по отношению к вероотступникам и манихеям, так как апостасия и манихейство относились к разряду *crimen publicum*¹². Но ведь при желании, а также при теологической и исторической неопределенности статуса этих «делинквантов» (ни апостаты, ни манихеи не были еретиками в прямом смысле слова) под эти категории можно было подвести какую угодно ересь, что, впрочем (как показало замечательное исследование проф. Х.-Г. Бека), постоянно и делалось¹³. А все усиливавшееся на Западе партнерство в церковном судебном процессе государства и церкви привело к вызреванию классической формы «аутодафе», и от искры, вызванной такого рода «актом веры», запылали костры, дымом которых застлало на многие века все государства германо-романского мира.

Но это в католической Западной Европе. В отличие от нее на христианском Востоке церковь предпочитала оставаться в рамках древнехристианской покаянной дисциплины, а иногда и декларировала свой отказ от возможности «умывать руки» посредством выдачи еретика государственной юстиции. Феодор Студит, например, напоминая о том, что ни один церковный канон никогда ни для кого не предусматривал наказания смертью или даже бичеванием (и это сущая правда!)¹⁴, высказывает фундаментальный аргумент в пользу неприменения смертной казни к еретикам: ведь в этом случае у них отнимается всякая возможность однажды раскаяться¹⁵, — этаким конфессиональный вариант юридической проблемы необратимости наказания смертью. Государству, таким образом, не приходилось особенно рассчитывать на помощь церкви, оно вынуждено было бороться с ересями (с теми же павликианами или богомиллами) своими средствами, без необходимого идеологического, а порой и юридического обоснования. По мнению Х.-Г. Бека, лишь один-единственный раз за весь период с середины IX и до XV в. включительно в Византии имел место «еретический процесс», который можно подвести под категорию «аутодафе» и жертвой которого стал сожженный на костре богомил Василий¹⁶.

Впрочем, и в отношении «гражданских» преступлений византийское уголовное законодательство не оставалось неизменным в своей свирепости. Конечно, оно унаследовало от Рима всю «обойму» уголовных кар,

¹⁰ Beck H.-G. Actus Fidei: Wege zum Autodafé. München, 1987. S. 5.

¹¹ О карательно-правовом аспекте гонений на христиан по данным агиографии в последнее время появилось замечательное исследование Каллиопы Бурдари: Bourdara K. A. To díkaiο στὴ ἀγιογραφικὴ κρίσις. Ἀθήνα, 1987.

¹² Beck H.-G. Actus Fidei. P. 21; Giandomenici A. Considerazioni sulle Costituzioni contenute nella rubrica *De Apostatis* nei Codici Giustiniano o Teodosiano // Apollinaris. 1979. Vol. 52. P. 600—617; Maria Pia Baccari. Gli apostati nel Codice Teodosiano // Ibid. 1981. Vol. 54. P. 538—581; Troianos S. N. 'O «Ποινάριος» τοῦ Ἐκλογαίου. Frankfurt a. Main, 1980. S. 45—48.

¹³ Beck H.-G. Actus Fidei. Passim. Троянос считает, что за двумя наиболее важными группами еретиков — манихеи и монтанисты — скрывается «вся совокупность» ересей. См.: Troianos S. N. 'O «Ποινάριος» τοῦ Ἐκλογαίου. S. 117.

¹⁴ Каталог традиционных церковных епитимий, полагавшихся за «обыкновенное», совершенное неумышленно убийство, демонстрирует нам, например, приговор митрополита Иоанна Апокавка от 1228 г. См.: Fögen M. Th. Ein ganz gewöhnlicher Mord // Rechtshistorisches Journal. 1984. Bd. 3. S. 71—81.

¹⁵ Nova Patrum Bibliotheca / Ed. J. Cozza-Luzi. Roma, 1888. Vol. IX, 1. P. 21.

¹⁶ Beck H.-G. Actus Fidei. P. 64. На мой взгляд, Х.-Г. Бек мог бы присовокупить сюда, по крайней мере, еще один случай — осуждение на смерть вероотступника Ювеналия в середине XV в. и особенно юридическое и идеологическое обоснование Геннадием Схоларием этого процесса. См. о нем: Медведев И. П. Дело вероотступника Ювеналия с юридической точки зрения // The 17th Intern. Byz. Congress: Major Papers. N. Y., 1986.

⁴ Biondi B. Il diritto romano cristiano. Milano, 1954. Vol. 3. P. 447.

⁵ Ibid. P. 447—448.

⁶ Повесть временных лет: Текст и перевод // Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 86—87.

⁷ См., например: Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 17, 23.

⁸ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 80.

⁹ Загоскин Н. П. Очерк... С. 23.

запечатлев их в Дигестах и в юстиниановом Кодексе, но уже вскоре стало адаптировать их в духе большего ограничения и смягчения или, как сказано в Эклоге, «в духе большего человеколюбия» или «милосердия» (ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλάνθρωπότερον)¹⁷. Нам здесь не столь важно углубляться в феноменологию самого понятия «филантропия»: возможно, что и прав Т. Грегори, настаивая на том, что «наряду с влиянием христианской нравственности в законодательной деятельности Льва III сильно влияние древней классической идеи «филантропии», сплав всех основных элементов византийской цивилизации, из которых эллинистическое начало ничуть не меньше, чем римское и восточное»¹⁸. Важнее отметить общую «гуманизацию» уголовного византийского права. Конечно, немного странно звучит слово «гуманизация» по отношению к «пенальному» титулу Эклоги, характерная черта которого широта масштабов телесных и членовредительных наказаний (скорее всего, в уголовном праве исаврийцев отразилось обычное народное право, согласно которому преступник должен был наказываться потерей той части тела, при помощи которой он совершил преступление)¹⁹. Но, несмотря на всю свою варварскую жестокость, подобные наказания вполне могли рассматриваться законодателями в качестве провозглашенных «исправлений в духе большего человеколюбия»: ведь они, как правило, были заменой смертной казни, и даже в тех случаях, когда за те или иные правонарушения в Эклоге сохраняются смертная казнь (например, за инцест между близкими родственниками, гомосексуализм, умышленный поджог, отравление с летальным исходом, волшебство, убийство, разбой), мы наблюдаем тенденцию к отказу от особо жестоких способов казни (повешения, сожжения и т. д.)²⁰. В этом смысле именно к уголовно-правовой части Эклоги (к знаменитому 17-му «пенальному» титулу, который, будучи лишь одним из восемнадцати, из которых состоит сборник, тем не менее занимает 1/5 часть всего объема и 1/3 часть общего количества глав)²¹ только и относится понятие «филантропии», хотя и поднятые в преамбуле вопросы стоят и по сегодняшнему пониманию в центре проблематики о цели и эффективности наказаний. В целом же Эклога, по мнению проф. Трояноса, представляет собою первый законодательный памятник, пенитенциарная система которого ясно и недвусмысленно предусматривала обе основные цели наказания — служить средством справедливого наказания за причиненный вред (искупление вины) и средством устрашения (превентивная функция наказания)²².

Несмотря на попытки отказа от введенной в Эклоге системы наказаний и попытки реабилитации смертной казни (правда, с ограничением свободы судьи в выборе способа совершения казни: предусматривается исключительно «смерть от меча», т. е. обезглавливание), предпринимавшиеся позднее (в Приложении к Эклоге, в Эклогадие, в частной распространенной Эклоге)²³, этот новый дух имперского уголовного права продолжал

сохраняться и приносить свои плоды. Так, византийское законодательство стало запрещать пытку как противоречащий «филантропии» институт²⁴, частично были элиминированы наказания смертью и в законодательстве императоров македонской династии, например в Василиках Льва VI. К сожалению, уголовное право Исагоги, Прохирона и Василик еще плохо изучено (возможно, только что опубликованный 8-й том Василик, где как раз и содержится уголовное право, даст импульс такому изучению), но в какой-то мере это было сделано самими византийцами, в частности героем нашего рассказа, знаменитым канонистом XII в. Феодором Вальсамоном, к которому мы (наконец-то!) и переходим.

По достоинству оцененный уже своими современниками, этот (по словам Никиты Хониата) «совершенный законоискусник» и «светило юриспруденции» не забыт и современной наукой, о чем свидетельствуют хотя бы программы двух последних коллоквиумов по истории канонического права XII в.²⁵ Тем не менее не все его творческое наследие достаточно хорошо изучено. От внимания исследователей ускользнуло, например, толкование им понятия уголовного наказания²⁶, в то время как высказанные им при этом идеи знаменуют собою качественный сдвиг в вопросе о применимости смертной казни и, как мне кажется, предвосхищают в какой-то мере аболиционистское движение нового времени.

Дело в том, что осуществленная императорами Македонской династии грандиозная программа «очищения древних законов», заключавшаяся в пересмотре и классификации всего писаного правового наследия, прежде всего содержащегося в *Corpus Iuris Civilis*, с точки зрения его применимости в новых исторических условиях, отмены устаревших законов и адаптации законов, остающихся в силе, «эксэллинизации» юстиниановых законов, т. е. их перевода в греческую языковую систему, и окончательного упразднения всех остатков латинской юридической терминологии²⁷, осталась незавершенной. Она осталась незавершенной прежде всего потому, что вне внимания юристов, практически осуществлявших реформу, оказался один из основных правовых сборников — Номоканон в XIV титулов, известный в науке под названием «Номоканон Фотия»²⁸, в каждой главе которого, помимо церковных правил, содержались соответствующие им гражданские постановления — извлечения из Юстинианова законодательства (Кодекса, Дигест, Институций и Новелл). И хотя возможно, что Фотием была сделана какая-то попытка адаптировать эти законы в духе реформы, в целом эти *κείμενα* контрастировали своим анахронизмом на фоне все более входившего в силу, а к XII в. ставшего единственно действующим нового свода законов — Василик. Это все и заставило пересмотреть гражданскую часть Номоканона и исправить ее, согласно действующему законодательству, — задача, которая была

¹⁷ Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt a. Main, 1983. S. 160. Z. 6.

¹⁸ Gregory T. E. The Ekloga of Leo III and the Concept of Philanthropia // *Βυζαντινά*. 1975. T. 7. P. 278—287.

¹⁹ Troianos S. Bemerkungen zum Strafrecht der Ecloga // *Ἀφιέρωμα στὸν Νίκο Σβέρωνα*. Ῥεθύμνο, 1986. T. 1. S. 106.

²⁰ Ibid. P. 105.

²¹ Troianos S. Ἡ διαμόρφωση τοῦ ποινικοῦ δικαίου στὴ μεταβυζαντινὴ περίοδο μετὰ τὸν Ἰσαυρὸν καὶ Μακεδόνων // *Βυζαντινά*, 1982. T. 2. S. 87.

²² Troianos S. Bemerkungen. . . S. 100.

²³ Медведев И. П. Развитие правовой науки // *Культура Византии (вторая половина VII—XII в.)*. М., 1989. С. 225.

²⁴ *Ius graeco-romanum* / Ed. I. Zepos, P. Zepos. Aalen, 1962. Vol. 6. P. 355—356. Ср.: Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'empire byzantin. P., 1975. P. 53. Not. 2.

²⁵ Τὸ Βυζάντιο κατὰ τὸν 12 ο αἰῶνα. Ἀθήνα, 1989 (Οἱ Βυζαντινοὶ συγγραφεῖς κανονικοῦ δικαίου καὶ οἱ ἐξουσίαι); 1990 (Οἱ Βυζαντινοὶ συγγραφεῖς κανονικοῦ δικαίου καὶ ἡ κοινωνία).

²⁶ Единственное, пожалуй, исключение см.: Beck H.-G. Actus Fidei. P. 52—53.

²⁷ В последнее время картина законодательной реформы императоров Македонской династии кардинальным образом пересмотрена. См.: Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt a. Main, 1986; Subseciva Groningana: Studies in Roman and Byzantine Law. Groningae, 1989. Vol. III. (Proceedings of the Symposium on the Occasion of the completion of a New Edition of the Basilica. Groningen, 1—4 June, 1988).

²⁸ О памятнике и о спорной роли Фотия в его редактировании см. в последнее время: Troianos S. N. Οἱ πηγὲς τοῦ βυζαντινοῦ δικαίου. Ἀθήνα: Κορυφαία, 1986. Σ. 88—89.

поручена Вальсамону императором Мануилом Комниним и патриархом Михаилом Анхилом и с блеском им выполнена²⁹.

Теперь об интересующем нас отрывке из комментария Вальсамона. Речь идет о главе 25 Номоканона — «О клириках-отступниках, жрецах, волшебниках, обаятелях, астрологах, числогадателях, прорицаниях, отравках и амулетах». После указания относящихся к этому церковных канонов (62-й апостолов, 1 и 2-й Анкирского собора, 36-й Лаодикийского собора, 73-й св. Василия) Номоканон содержит «текст» (1), в котором приводится подборка цитат из древних римских законов, заимствованных автором Номоканона преимущественно из девятой книги 18-го титула Кодекса Юстиниана и трактующих вопросы разрешенных и неразрешенных видов магии, а также санкций за последние, среди которых фигурируют сожжение, конфискация имущества, ссылка, обезглавливание³⁰. «Наткнувшись» на этот «пакет законов» и сличив их с соответствующими статьями Василия (B.60.39.22—25)³¹, Вальсамон выявляет расхождения в тексте двух памятников, обращая особое внимание на те изменения, которые можно было бы, с его точки зрения, трактовать в духе «большого человеколюбия». Так, даже замену сожжения нарушителей запрета прорицать посредством жертвоприношений наказанием «мечом» и более сурового вида ссылки (τὸ δεπορτάτευσθαι) для подстрекателей к этому менее суровым (ἐξορία) Вальсамон склонен трактовать в том смысле, что «древние законы изменились в более человеколюбивую форму и уже не в такой силе изложены в ревизии (имеются в виду Василики. — И. М.), как прежде». И хотя такого рода «прогресс» с современной точки зрения выглядит весьма сомнительным (Нарбеков, например, вообще не видит «большой разницы между изложением Кодекса и Василики»³²), именно он дал повод Вальсамону выступить с собственной концепцией уголовного наказания и с собственной позицией в вопросе о смертной казни. Приводим текст этого отрывка целиком (в переводе В. Нарбекова с некоторыми нашими поправками):

«Заметь на основании помещенных в толковании настоящей главы постановлений, что если по Дигестам и Кодексам, имевшим силу до реформы по очищению, под уголовное наказание подводилось и сожжение, и обезглавление, и повешение, то автор очищения царских законов и составитель Василики не принял этого и в изложенных в Василиках постановлениях Кодекса не поместил этих трех наказаний. Так что не обра-

²⁹ Ibid. P. 148—151; Stevens G. P. De Theodoro Balsamone: Analysis operum ac mentis iuridicae. Roma, 1969. Не следует забывать и работы старых русских авторов, прежде всего важное исследование о Вальсамоне и комментированный перевод Номоканона с его схолиями, принадлежащие В. Нарбекову: Нарбеков В. Толкование Вальсамона на Номоканон Фотия. Казань, 1899; Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона / Изд. В. Нарбекова. Казань, 1899. Ч. 1: Историко-каноническое исслед.; Ч. 2: Русск. пер. с пред. и примеч.

³⁰ Rhallès G. A., Potles M. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἐξῶν κανόνων. Ἀθήνη, 1852 ('ανατύπ. Ἀθήναι, 1966). Т. 1. С. 188—200. В последнее время все эти касающиеся «магии» юридические тексты обстоятельно изучены в работе: Troianos S. N. 'Η μαγεία στὴ βοῦζαντινὰ νομικὰ κείμενα // 'Η καθ' ἑρμηνείαν ζωὴ τοῦ Βυζαντίου. Ἀθήνα, 1989. С. 549—572.

³¹ По-видимому, в том экземпляре Василики, которым располагал Вальсамон, нумерация глав не совпадала с той, которую демонстрирует новое groningenское издание: Basilicorum Libri LX, Series A // Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda, N. van der Wal. Groningen, 1988. Vol. VIII. P. 3009.

³² Номоканон. Ч. 2. С. 310. Примеч. 3. Нарбеков полагает, что exilium (=ἐξορία) юридически почти равносложно deportatio (=περιποριζμός), «так как и то и другое есть такое изгнание из отечества, которое влекло за собою потерю прав римского гражданства и конфискацию имущества» (Там же). Разница тем не менее существует. См. об этом: Медведев И. П. Очерки византийской дипломатии: Частноправовой акт. Л., 1988. С. 195—196.

щай внимания на содержащиеся в I титуле VII книги (как замечает Нарбеков, здесь нужно читать — 60-я книга Василия. — И. М.) законы, которые суть Дигесты и говорят, что уголовное наказание есть и сожжение, и обезглавление, и повешение³³. Ибо если позднейшие постановления (имеется в виду, несомненно, Юстинианов Кодекс. — И. М.), говорящие об этом, не приняты, то тем более Дигесты. Так что обращай внимание на позднейшие законы, содержащиеся в главе 39 (читай: в титуле 39 книги 60 Василия. — И. М.), а не на Дигесты, как более древние и утратившие свое значение.

Заметь также на основании настоящей главы, что как не принял император того, чтобы кто-нибудь подвергался сожжению, как мы сказали в толковании настоящей главы, так не принял он усекновения и обезглавления халдеев и магов, а вместо этого положено наказание содержанием в оковах³⁴. Итак, приняв во внимание как многое другое, так равным образом и то, что обезглавление, сожжение, отравление ядом, побиение камнями, низвержение в пропасть есть не уголовное наказание, а бесчеловечное убийство (курсив мой. — И. М.), уголовное же наказание — это изгнание, ослепление, отсечение руки и прочее, что дает наказываемому время для раскаяния (в результате) удаления виновного и по причине продолжительности наказания, скажи, что если какие законы из содержащихся в Василиках противны настоящему учению, так это Дигесты, и они не должны иметь силы. Узаконено ведь, что постановления (Василики) предпочтительнее Дигест, когда они узаконивают что-либо относительно одного и того же предмета, и что по законам и всем новеллам мы должны толковать законы в духе большого человеколюбия и сообразно с этим выносить приговоры. Так что не удивляйся, что собор в Константинополе во дни святейшего патриарха кир Михаила (II Куркуаса) Оксита (1143—1146) постановил и поручил предать огню богомилов³⁵. Ибо о законах тогда, естественно, не было и речи, тем более что богомилы, неуклонно держась своей ереси, заранее принимали сожжение как мученичество³⁶. Я же, зная, что никакой церковный канон никогда не допускал казни, что церковный закон вообще не ведает телесных наказаний, а (ведает это) закон гражданский, до сих пор еще удивляюсь, каким об-

³³ Имеется, по-видимому, в виду D.48.19.28-B.60.51.26. Из этого отождествления вытекает еще одно тождество — понятий ἡ κεφαλὴ καὶ ποινὴ у Вальсамона и ἡ ἐσχάτη τιμωρία, ибо именно о последней идет речь в указанной статье Василия.

³⁴ В. Нарбеков переводит словосочетание ἡ διὰ σιδήρου τιμωρία словами «наказание мечом» (Номоканон. С. 312), что, конечно же, было бы предпочтительнее. Но ведь это противоречит как всему контексту мысли Вальсамона, так и смыслу фразы, так как «наказание мечом» — это лишь описательное обозначение обезглавливания. В то же время διὰ σιδήρου вполне может означать «оковы», «кандалы», что и засвидетельствовано Михаилом Гликой (XII в.): он пишет о содержащихся в столичной тюрьме преступниках, которые τὰς χεῖρας ἐφεραν σιδήρῳ δεδεδεμένους. См.: Tsolakas E. Th. Μιχαὴλ Γλυκὴ Στίχοι οὗς ἐγραφε κατ' ὄν κατὰ τὴν αἰών. Θεσσαλονίκη, 1959. С. 20.

³⁵ Поразительное свидетельство! Оно тем более поразительно, что является уникальным: ни в одном другом источнике оно не упоминается. По мнению Бека, Вальсамон, возможно, нашел в архиве проект (Ein Konzept) такого постановления, которое, однако, не получило одобрения в синоде или после составления решения под чьим-то давлением было немедленно отменено, как в свое время решение синода при патриархе Никифоре I. Может быть, именно с этим решением, предполагает Бек, связана отставка патриарха Михаила в 1146 г. См.: Beck H. G. Actus Fidei. S. 53. Как бы то ни было, не доверять Вальсамону мы не имеем оснований: ведь многие тексты императорских новелл, соборных и патриарших постановлений, приведенные в комментарии Вальсамона, только здесь и сохранились (ср.: Нарбеков В. Толкование... С. 240).

³⁶ Не думаю, что в этих словах содержится намек на случаи самосожжения богомилов, «подобно некоторым из наших раскольнических толков», как предполагает В. Нарбеков (Нарбеков В. Толкование... С. 312, примеч. 3).

разом собор вынес тогда такое постановление; ибо отсекают еретиков от тела христиан мы научены, а наказывать их не учились; но упорствующих следует предавать гражданскому закону, и приговоры против них должны выноситься (светскими) властями»³⁷.

Итак, несмотря на всю лапидарность приведенного здесь текста, можно, мне кажется, констатировать, что мы имеем перед собой достаточно развинутую систему представлений об основных принципах уголовного права. Во-первых, налицо принципиальный отказ от отождествления уголовного наказания, и в частности высшей меры уголовного наказания, со смертной казнью, замена последней целой шкалой альтернативных видов наказания. Тем самым удовлетворялось требование, которое выдвигалось новейшей прогрессивной криминалистикой: высшую ступень в «лестнице наказаний» не должны занимать излишне жестокие наказания, так как в этом случае невозможно сохранить соразмерность между преступлениями и наказаниями (если будет совершено особо «вредное и ужасное преступление», а высшая ступень наказаний уже использована для менее тяжких преступлений)³⁸.

Во-вторых, налицо фактический отказ от смертной казни вообще как вида уголовной кары, как не отвечающей ни религиозным, ни теоретическим, ни практическим целям наказания. Вальсамон, конечно, отдает необходимую историческую дань той позиции, которую, как мы видели, занимала церковь в данном вопросе: он за передачу преступников для наказания светским властям в соответствии с «гражданским законом». Но ведь сам этот «гражданский закон» отождествлялся им с Василиками, в которых, как было уже отмечено, предписанные законодательством прежних веков наказания смертью были частично (а Вальсамон, по-видимому, считал, явно выдавая желаемое за действительное, что полностью) элиминированы. Во всяком случае, как с полным основанием полагает проф. Бек, Вальсамон явно не связывает с уступкой церковью еретика государству для наказания никакого права церкви требовать совершенно определенного вида наказания, как на это претендовали западные церковные инквизиционные суды³⁹. И уж тем более он не мог под этим «определенным видом наказания» иметь в виду смертную казнь, ибо, назвав ее «бесчеловечным убийством, а не уголовным наказанием», он тем самым определил и свою позицию по отношению к той проблеме, которую ныне известная правозащитная организация «Международная амнистия» определяет словами: «Когда убивает государство».

Конечно, в арсенале аргументов Вальсамона против смертной казни превалируют традиционные, и прежде всего ссылка на то, что церковное каноническое право не знает телесных наказаний. Традиционна и мысль о невозможности для казненного раскаяться, чреватая уже идеей необратимости смертной казни, хотя представления о судебной ошибке и невозможности ее исправить в случае казни (один из основных аргументов нынешних сторонников отмены смертной казни) у Вальсамона, по-видимому, еще не сложилось. Зато «свежей» представляется мысль о преимуществах изоляции преступника от общества (ἡ ἐπταζόμενου ἀπόστασις) и «длительности наказания» (τὸ ἐπὶ πολὺ τιμωρεῖσθαι), о чем ратуют и современные аболиционисты, полагая, что в этом случае обеспечивается достаточная и повторяющаяся наглядность наказания. Наконец, уникальным кажется соображение Вальсамона, высказанное им по поводу дела с сож-

жением богомилов, — соображение о недейственности, а стало быть, и о неправомерности и нецелесообразности смертной казни⁴⁰.

Жаль, конечно, что Вальсамон не развил полное своих взглядов по этим вопросам, но общая направленность его мысли просматривается достаточно четко. Она характеризует его как предшественника такого апостола новейшего аболиционизма, как итальянский юрист XVIII в. Чезаре Беккария, своей бессмертной книгой *Dei delitti e delle pene* (1764 г.) совершивший переворот во взглядах цивилизованного человечества на проблему смертной казни: и смертная казнь и жестокие устрашительные наказания признаны быть безусловно исключенными из уголовных кодексов всего мира. И когда говорят, что в 28-й главе трактата Беккарии («О смертной казни») «впервые разум и чувство сошлись в безусловном осуждении смертной казни»⁴¹, то допускают неточность: это уже было, и было в Византии. Жаль, что и сам Беккария ничего не знал о Вальсамоне, а отмечал лишь те заполненные предписаниями смертной казни «обрывки законов древнего народа-завоевателя, собранные повелением государя, царствовавшего в Константинополе двенадцать веков назад (имеется в виду, конечно, Юстиниан и его *Corpus Iuris Civilis*. — И. М.), перемешанные впоследствии с обычаями лангобардов и скрытые в груды фолиантов, наполненных запутанными толкованиями частных лиц», которые «составляют собрание преданий, в значительной части Европы именуемых, однако, законами»⁴².

Жаль, наконец, и нам (русским), что Номоканон в 14 титулах пришел на Русь без смягчающих комментариев Вальсамона⁴³, и тем самым вся содержавшаяся в его гражданской части «лестница уголовных кар», на верхних ступенях которой непременно фигурировала смертная казнь, а также богатый набор членовредительских и телесных наказаний, через посредство Кормчей широко отразилась в древнерусском (и вообще русском) праве, достигнув кульминации в знаменитом Соборном Уложении 1649 г.⁴⁴ Таким образом, «византизм (скорее «римский» правовой элемент» византизма. — И. М.) оказывает решительную победу над русским светским уголовным правом, которое в течение целых шести столетий упорно ему противодействовало, начиная со времен Владимира, отказывавшегося от совета греческих епископов казнить разбойников, и Владимира Мономаха, оставившего своим сыновьям завет не казнить смертью ни правого, ни виновного»⁴⁵.

⁴⁰ Следует также отметить, что Вальсамон создавал свой комментарий по поручению императора Мануила Комнина, при котором смертная казнь, как кажется, вообще не применялась. По свидетельству Евстафия Солунского, Мануил смягчал судебные приговоры, предписывавшие смертную казнь, меняя ее на увещье. В то же время он добивался более строгого и неукоснительного выполнения всех прочих наказаний, в частности для убийц, указывая на неприемлемость снисходительного отношения к ним, даже воспользовавшимся правом убежища («те, кто убивает намеренно, не заслуживают милосердия и не нуждаются в нем»), и фактически выдвигая принцип неотвратимости наказания. В его новелле обращает также на себя внимание ссылка на народы, у которых нет священного закона, действовавшего как средство устрашения, и у которых тем не менее совершается мало преступлений, связанных с убийствами, — еще одна констатация неправомерности смертной казни. См.: *Macrides R. Justice under Manuel I Komnenos: Four Novels on Court Business and Murder* // *Fontes Minores*. 1984. Vol. VI. P. 99—204.

⁴¹ *Venturi F. Cesare Beccaria* // *Dizionario biografico degli Italiani*, 1965. Vol. VII. P. 8.

⁴² *Cesare Beccaria. Dei delitti e delle pene* / A cura di Franco Venturi. Torino, 1978.

⁴³ См. об этом: *Шапов Я. Н.* Византийское и южно-славянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. С. 119—120.

⁴⁴ См. новое академическое издание этого памятника: *Соборное Уложение 1649 года* / Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1987.

⁴⁵ *Загоскин Н. П.* Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 44—45.

³⁷ *Rhalles G. A., Potles M. Σύσταμα...* Т. 1. Σ. 189—191.

³⁸ Ср.: *Решетников Ф. М.* Беккариа. М., 1987. С. 62.

³⁹ *Beck H.-G.* *Actus Fidei*. S. 53.

З. Г. САМОДУРОВА

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ИСТОЧНИКОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ВИЗАНТИИ VII—XII вв.

Исследование развития научной мысли в Византии является важным компонентом изучения византийской культуры, поскольку естественнонаучные знания составляют ее неотъемлемую часть. Без анализа их невозможно определить общий уровень культуры, а также характер представлений византийцев об окружающем их мире. Хотя в VII—XII вв. особое внимание уделялось рассмотрению морально-этических, религиозно-правственных и богословских вопросов, тем не менее определенный интерес византийцы проявляли как к математическим, так и к естественнонаучным дисциплинам. Об этом свидетельствуют довольно часто встречающиеся в богословских и экзегетических трудах, в хронографических, исторических, риторических, эпистолографических и агиографических памятниках описания различных природных явлений.

Так, Иоанн Дамаскин в своем фундаментальном труде «Источник знания» наряду с систематическим изложением знаний, необходимых каждому верующему христианину, рассказывает и об окружающей природе¹. В третий раздел своей работы, озаглавленный «Точное изъяснение веры», он включает главы «О свете, огне и светилах — солнце, луне и звездах», «О воздухе и ветрах», «О водах», где ведет речь о неподвижной небесной сфере, о зодиакальных созвездиях, о семи планетах, вращающихся в противоположную движению Земли сторону, о солнечном и лунном затмении, о влиянии солнца и луны на природу, о распределении воды на Земле, об Океане, обтекающем всю Землю и питающем моря и реки, об образовании облаков и дождей, о происхождении источников термальных вод².

Патриарх Фотий в своем обширном экзегетическом сочинении «Амфилохии», представляющем собой собрание вопросов и ответов на самые разнообразные вопросы, главным образом теологического характера, касается и естественнонаучных тем³. В 131 вопросе он затрагивает проблему магнитных камней, говорит о силе притяжения оков и восхищается мастерством творца. Обсуждает он и медицинские вопросы, а также дает объяснение календарным терминам: календам, идам, нонам, говорит о начале года и новолунии (Вопрос 242)⁴.

Византийские хронографические произведения также полны рассказов о различных явлениях природы. Михаил Атталиат описывает лунное затмение, происшедшее в 1078 г., а также рассказывает о жирафе и слоне, привезенных в Константинополь при Константине IX Мономахе и показанных населению столицы⁵. Баснословные сведения о происхождении и жизни растений и животных поместил в свою хронику Михаил Глика⁶.

В хронографической работе Георгия Кедрина много места отведено сообщениям о появлении комет⁷. О «хвостатой звезде», приносящей несчастья, говорит Кекавмен. Он дает также рекомендации своим детям о способах лечения различных болезней: простуды, желудка, печени и др.⁸

Михаил Пселл, рассказывая о политических событиях, происходящих в государстве, уделяет довольно много внимания и проблемам медицины и астрономии. Он подробно описывает заболевание Константина IX Мономаха и Исаака I Комнина, приводит высказывания Гиппократов, употребляет медицинскую терминологию, сообщает о приготовлении императрицей Зоей всевозможных благовонных масел и лекарственных препаратов. Изучающим астрономии он советует в первую очередь приобрести знания о восходах, наклонных эклиптики, затмениях, полнолуниях, эпициклах и т. п.⁹

В своем историческом труде Анна Комнина весьма часто прибегает к сравнению тех или иных событий, происшедших в правление Алексея I, с физическими явлениями. Обстоятельно описывает она и методы лечения своего царственного отца придворными медиками Николаем Калликлом, Михаилом Пантехни и евнухом Михаилом, показывая свою образованность в медицине. Рассказывая о многочисленных походах императора, Анна Комнина со знанием дела говорит об осадных машинах и других военных приспособлениях, используемых в византийской армии¹⁰.

В «Похвале св. Димитрию» Евстафий Солунский описывает городские сады Фессалоники и растения, в них произрастающие¹¹. Михаил Италик в речи, произнесенной по случаю коронации Мануила I в 1143 г., сравнивает императора с солнцем, расположенным в центре Вселенной¹². В «Житии» Андрея Юродивого приведены его ответы на вопросы ученика о дожде, радуге, граде, громах и молнии и его объяснения строения космоса¹³.

Из сказанного видно, что сведения по естествознанию и математике встречаются не только в специальных научных трактатах, но и в литературных и богословских сочинениях. Цель настоящей статьи — выяснить, откуда византийцы черпали сведения о природных явлениях, дать характе-

⁵ Attal. P. 287, 48—50.

⁶ Vogel K. Byzantine science // CMH. Cambridge, 1967. Vol. 4: The Byzantine Empire. Pt 2; Government, Church and Civilisation / Ed. J. M. Hussey. P. 286; Авилюшкина Л. Т. К вопросу о месте «Хроники» Михаила Глика в системе византийского образования // Проблемы социальной истории и культуры средних веков: Межвуз. сб. Л., 1987. С. 184—187.

⁷ Cedr. II. P. 488, 499, 500, 507—508, 511, 525, 543.

⁸ Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 224—227, 254—255.

⁹ Mich. Ps. I. P. 148—149; II. P. 31—34, 49, 76—77, 129—133.

¹⁰ Ann. Comn. III. P. 64, 98—99, 230—234, 236.

¹¹ PG. T. 136. Col. 213.

¹² Wirth P. Zur Kenntnis heliosatellitischer Planetentheorien im griechischen Mittelalter // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. H. 2. S. 363—366.

¹³ PG. T. 111. Col. 625—888; Рудakov А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 228; Da Costa-Louillet G. Saints de Constantinople aux VIIIe, IXe et Xe siècles // Byz. 1955. T. 24, Fasc. 1. P. 179—214.

¹ Die Schriften des Johannes von Damaskos / Hrsg. Byzantinischen Institut der Abtei Scheyern. Besorgt von B. Kotter. B., 1969—1975. Bd. 1—3.

² Jo. Dam. Schriften. 2. S. 7—239.

³ PG. T. 101. Col. 45—1190, 1277—1296.

⁴ Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1971. P. 199—204; Wilson N. G. Scholars of Byzantium. Baltimore, 1983. P. 115.

ристику источникам, из которых они были заимствованы, и оценить их научную значимость.

Памятники естественнонаучной мысли Византии VII—XII вв. уже давно привлекали внимание ученых. Однако они ограничивались в основном анализом и изданием конкретных трудов по математике и естествознанию либо их суммарным описанием. В связи с этим в византийской историографии отсутствует обобщающая характеристика уже опубликованных сочинений, а также их классификация. Накопление же все большего материала требует комплексного исследования всей совокупности этих источников, данные которых способствовали формированию представлений византийцев об окружающей их Вселенной.

Одним из основных источников естественнонаучных знаний византийцев были труды античных мыслителей, в которых разрабатывались математические и натурфилософские проблемы, и их ранневизантийских комментаторов. Перепиской их сочинений усиленно занимались в IX—XII вв. От этого периода мы имеем довольно значительное число манускриптов с трактатами, посвященными исследованию указанных вопросов.

Особое внимание уделяли копированию работ по математике. В 888 г. скриптором Стефаном был создан приобретенный Арефой Кесарийским кодекс, в состав которого были включены «Начала» Евклида. Правда, они представляли собой не оригинальную версию, а переработанное издание, подготовленное в IV в. Феоном Александрийским. В манускрипте имеется заметка об использовании Львом Математиком греческих букв в качестве алгебраических символов. В настоящее время упомянутый кодекс хранится в бодлейанской библиотеке Оксфорда¹⁴. В Византии был известен и оригинальный текст «Начал» Евклида, он находится в ранней, пока не датированной рукописи Cod. Vat. gr. 190, где помещен и другой трактат Евклида — «Данные»¹⁵. «Начала» Евклида входят в состав Cod. Laur. 28.3 (X в.)¹⁶ и Cod. Vindob. phil. gr. 31 (XII в.). На полях последней рукописи приведены схолии, где впервые употреблены индийские (арабские) цифры¹⁷. Другие сочинения Евклида («Данные», «Оптика», «Катоптрика», «Явления»), толкования Марина к его «Данным» и комментарий Евтокия к «Коническим сечениям» Аполлония Пергского включены в Cod. Vat. gr. 204 (XII в.)¹⁸. К пропавшей рукописи IX в. восходят два ватиканских кодекса (XII—XIII вв.): Cod. Vat. gr. 206 (XII—XIII вв.) и Cod. Vat. gr. 203 (XIII в.), содержащие «Конические сечения» Аполлония Пергского¹⁹. Имеющий огромное значение для традиции трудов Диофанта манускрипт, с которого был скопирован самый древний в настоящее время кодекс XIII в., был создан в IX в.²⁰ Математические

сочинения Паппа Александрийского и Анфимия из Тралл встречаются в Cod. Vat. gr. 218 (X в.)²¹.

В XI—XII вв. переписка математических трактатов античных ученых не прекращалась. От этого времени до нас дошли манускрипты, в которых помещены труды Евклида («Начала», «Данные», «Явления»), Прокла, Аполлония Пергского, Марина, Герона Александрийского²².

В IX в. Лев Математик завершил работу по подготовке к изданию собрания трудов Архимеда, начатую еще в VI в. Исидором Милетским, которому не удалось ее закончить. Лев заставил собрать все доступные кодексы с трактатами Архимеда и переписать их. Именно эта публикация и стала архетипом всей традиции произведений Архимеда. В XII в. указанный архетип находился в библиотеке норманнских королей Сицилии и после битвы при Беневенте попал в хранилище Ватикана, где им воспользовался Вильгельм Мербек при переводе на латинский язык сочинений Архимеда. В XVI в. этот манускрипт бесследно исчез²³.

Наряду с математическими работами античности в Византии IX—XII вв. были распространены и трактаты по астрономии классического и эллинистического периодов. Наиболее популярным среди них был труд Клавдия Птолемея «Великое построение астрономии», известный под арабизированным названием «Альмагест». Его считали самой удобной для обучения книгой. От IX в. сохранились три его копии: Cod. Paris. gr. 2389, Cod. Vat. gr. 1594; 1291. В первых двух кодексах за «Альмагестом» следовали таблицы. В средние века произведение Клавдия Птолемея неоднократно комментировали. От рассматриваемого периода до нас дошло несколько толкований к «Альмагесту». В Cod. Leiden. B. P. G. 78 и Cod. Laur. 28.18 помещен комментарий Феона Александрийского, в последнем манускрипте содержится также и толкование Паппа Александрийского. Фрагмент объяснения Феона Александрийского к «Альмагесту» Клавдия Птолемея находится также в уже упомянутом кодексе Cod. Vat. gr. 190²⁴.

Заметка, оставленная на полях ватиканского манускрипта (Cod. Vat. gr. 1594), — «книга самого сведущего в астрономии Льва», — свидетельствует о возможной принадлежности его Льву Математику²⁵.

«Альмагест» Клавдия Птолемея встречается также в рукописях X—XII вв. Один из этих кодексов при Мануиле I был отослан в Сицилию и использован в работе по переводу данного произведения на латинский язык²⁶. В изучаемый период переписывали не только труд великого Александрийца, но и трактаты других древнегреческих мыслителей. Так, в уже упомянутом Cod. Vat. gr. 204 (IX в.) помещены работы Аристарха Самосского («О величине и расстоянии Солнца и Луны»), Феодосия («Небесная механика», «О занятиях»), Автолика («О вращающейся сфере», «О восходе и заходе звезд»), Гипсикла («О восходе светил»). Встречаются

¹⁴ Cod. Oxon. d'Orville gr. 301; *Euclidis Elementa* // Opera omnia / Ed. J. L. Heiberg. Lipsiae, 1888. Vol. 5. P. XXVIII; *Vogel K. Op. cit.* P. 271; *Lemerle P. Op. cit.* P. 224—225; *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner.* München, 1978. Bd. 2. S. 238; *Wilson N. G. Op. cit.* P. 86, 120—121; *Самодурова З. Г. Естественнонаучные знания* // Культура Византии. Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 299.

¹⁵ *Vogel K. Op. cit.* P. 271; *Wilson N. G. Op. cit.* P. 86.

¹⁶ *Vogel K. Op. cit.* P. 271.

¹⁷ *Euclidis Elementa*. P. XIX; *Tannery P. Les chiffres arabes dans les manuscrits grecs* // Mémoires scientifiques. 1920. T. 4. P. 200; *Hunger H. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek.* Wien, 1961. T. 1. S. 159; *Vogel K. Op. cit.* P. 271.

¹⁸ *Vogel K. Op. cit.* P. 271; *Wilson N. G. Op. cit.* P. 86.

¹⁹ *Apollonii Pergaei, quae graece exstant* / Ed. J. L. Heiberg. Lipsiae, 1893. Vol. 2. P. LXVIII.

²⁰ *Diophanti Alexandrini Opera omnia, cum graecis commentariis* / Ed. P. Tannery. Lipsiae, 1895. Vol. 2. P. XVIII.

²¹ *Wilson N. G. Op. cit.* P. 129, 139.

²² *Vogel K. Op. cit.* P. 273; *Самодурова З. Г. Указ. соч.* С. 299.

²³ *Vogel K. Op. cit.* P. 270—271; *Lemerle P. Op. cit.* P. 170—171; *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur.* . . S. 238.

²⁴ *Vogel K. Op. cit.* P. 270; *Wilson N. G. Op. cit.* P. 85—86; *Самодурова З. Г. Указ. соч.* С. 302—303.

²⁵ *Claudii Ptolemaei Opera quae exstant omnia* / Ed. J. L. Heiberg. Lipsiae, 1907. Vol. 2. P. XXXII. Pl. I; *Giannelli C. Codices Vaticani graeci. Codices 1485—1683.* Vatican, 1950. P. 225; *Vogel K. Op. cit.* P. 270; *Lemerle P. Op. cit.* P. 169—170; *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur.* . . S. 238; *Wilson N. G. Op. cit.* P. 83; *Самодурова З. Г. Указ. соч.* 303.

²⁶ *Vogel K. Op. cit.* P. 270—271, 273; *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur.* . . S. 238; *Самодурова З. Г. Указ. соч.* С. 303.

в манускриптах IX—XII вв. и сочинения по астрологии. В Cod. Laur. 28.27 содержатся астрологические поэмы Манефона и Максима²⁷.

Не менее интенсивно в IX—XII вв. в Византии переписывали произведения древнегреческих ученых, посвященных физическим проблемам. От IX в. до нас дошел кодекс (Cod. Vindob. phil. gr. 100), содержащий естественнонаучные работы Аристотеля: «Физику», «О небе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорологику», «Метафизику», а также «Метафизику» Феофраста²⁸. В XII в. названные труды Стагирита привлекли внимание двух скрипторов: грека Иоанникия и анонимного итальянского писца. Ими были подготовлены два манускрипта: Cod. Paris. gr. 1849, куда они поместили «Метафизику», и Cod. Laur. 87.7, в который они включили «Физику», «О небе», «О возникновении и уничтожении» и «Метеорологику»²⁹. Версия «Физики» из последней рукописи значительно отличается от редакций, известных по другим спискам данного произведения³⁰.

В IX—XII вв. византийцы проявляли интерес не только к оригинальным трактатам Аристотеля, но и к комментариям к его сочинениям, созданным античными и ранневизантийскими учеными, которые стремились сделать их доступными для читающей публики. Эти комментарии имеют неопределимое значение. Они во многом облегчают понимание произведений Аристотеля, особенно наиболее трудных их мест. От IX в. мы имеем Cod. Marc. gr. 226 с толкованием Симпликия к «Физике» Стагирита, а от XII в. Cod. Vat. Barb. gr. 591 — с комментарием Иоанна Филопона³¹.

В IX в. был составлен манускрипт Cod. Marc. gr. 258, в который вошли трактаты по физике и о природе души, написанные Александром Афродисийским, комментатором и защитником философии Аристотеля³². В X в. был скопирован кодекс, в который было включено переиздание «Оптики» Евклида, осуществленное в IV в. Феомом Александрийским, а также рукопись с его псевдоевклидовой «Катоптрикой». Оба сочинения были снабжены схолиями³³.

Знания по зоологии и ботанике в изучаемую эпоху византийцы черпали как из сочинений Аристотеля, так и из трудов других древнегреческих мыслителей, посвященных этой проблематике. До нас дошли переписанные в этот период манускрипты, в состав которых были включены трактаты Аристотеля, Феофраста, Никандра из Колофона и др. Так, в кодекс IX в. (Cod. Oxon. Christi College 108) был помещен ряд биологических произведений Аристотеля, а в Cod. Paris. Suppl. gr. 1156 мы находим фрагмент его «Истории животных»³⁴. В рукописи Cod. Laur. 87.4, скопированной в XII в. писцом Иоанникием и его анонимным итальянским коллегой, содержатся зоологические работы Стагирита³⁵. Доказательством довольно широкого распространения в Византии IX—XII вв. кодексов с естественнонаучными трактатами Аристотеля служит тот факт,

²⁷ Wilson N. G. Op. cit. P. 85—86.

²⁸ Hunger H. Katalog. S. 208—209; Wilson N. G. Op. cit. P. 86.

²⁹ Wilson N. G. Op. cit. P. 207.

³⁰ Ross W. D. Aristotle's Physics. Oxford, 1936. P. 108—109; Joachim H. H. Aristotle on Coming-to-be and Passing-away. Oxford, 1922. P. VIII; Moraux P. Aristote Du ciel. P., 1965. P. CLXXXI.

³¹ Wilson N. G. Op. cit. P. 87, 206—207.

³² Ibid. P. 87.

³³ Vogel K. Op. cit. P. 283.

³⁴ Irigoin J. L'Aristote de Vienne // JÖBG. 1957. Bd. 6. S. 8—9; Astruc Ch., Concasty M.-L. Catalogue des manuscrits grecs. Pt. 3: Le supplément grec. P., 1960. T. III. N 901—1371. P. 319; Wilson N. G. Op. cit. P. 86.

³⁵ Wilson N. G. Op. cit. P. 207.

что в середине XIII в. Вильгельм Мербек, духовник римской курии, будущий архиепископ Коринфа, использовал их в своей работе по переводу его «Истории животных» и «О поколениях животных» на латинский язык³⁶. В иллюминированном манускрипте Cod. Paris. Suppl. gr. 247 находится дидактическая поэма Никандра из Колофона «О противоядиях от укусов змей, скорпионов и пауков»³⁷. Собрание произведений по ветеринарии, подготовленное для императорской библиотеки, представлено в Cod. Berglin. Philipps. 1538³⁸.

Труды «отца ботаники» Феофраста, в которых содержится богатый материал о флоре Греции и сопредельных стран, а также сведения практического характера по растениеводству и прежде всего его трактат «О причинах растений», дошли до нас в кодексе IX—X вв. Cod. Vat. Urb. gr. 61³⁹. Сочинение Диоскорида «О врачебной материи», где дано подробное и довольно систематизированное описание 600 растений, применяемых в медицинской практике, охарактеризованы их целебные свойства, указаны места их произрастания и происхождения, встречается в парижском манускрипте IX в. Cod. Paris. gr. 2179⁴⁰.

В области медицины главным источником знаний византийцев в IX—XII вв. были труды величайших медиков древности: Гиппократ и Галена, пользовавшихся в средние века высоким авторитетом, а также произведения ранневизантийских врачей: Аэция из Амиды, Александра из Тралл, Павла Эгинского и др. Их сочинения неоднократно переписывались. До настоящего времени сохранилось множество их копий, составленных в указанную эпоху. От этого периода до нас дошли кодексы Cod. Marc. gr. 269 (X в.) и Cod. Vindob. med. gr. 4 (X в.), в которых приведены работы Гиппократ, заложившие прочный фундамент науки и содержащие наиболее полный свод знаний по медицине, анатомии, физиологии и эмбриологии классической Греции⁴¹. В Византии IX—XII вв. копировали не только оригинальные произведения Гиппократ, но и комментарии к ним, составленные в более позднее время. Так, в Cod. Escorial C-II-10 помещено толкование к «Афоризмам» Гиппократ, созданное в VI в. византийским врачом Стефаном⁴². Широкое распространение в Византии в IX—XII вв. получили труды считавшегося непогрешимым Галена, в которых было приведено в порядок большое число данных и сведена в целостную систему вся совокупность достижений медицины после Гиппократ. Сочинения Галена включены в ряд рукописей: Cod. Paris. Suppl. gr. 1297 (X в.)⁴³, Cod. Laur. 74.5; 74.18; 74.25; 75.5; 75.17; 74.30. Последние шесть кодексов были подготовлены писцом Иоанникием и анонимным итальянским скриптором⁴⁴.

³⁶ Rudberg G. Textstudien zur Tiergeschichte des Aristoteles. Uppsala, 1908; Vogel K. Op. cit. P. 285; Tusculum-Lexikon griechischer und lateinischer Autoren des Altertums und des Mittelalters / Dritte, neu bearbeitete und erweiterte Auflage von W. Buchwald, A. Hohlweg, O. Prinz. München; Zürich, 1982. S. 845—846.

³⁷ Wilson N. G. Op. cit. P. 140.

³⁸ Ibid. P. 143.

³⁹ Einarson B., Link G. K. K. Theophrastus De causis plantarum. L.; Cambridge (Mass.), 1976. P. LIX; Wilson N. G. Op. cit. P. 137, 140.

⁴⁰ Wilson N. G. Op. cit. P. 85.

⁴¹ Hunger H., Kresten O. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1969. T. 2. Codices juridici, Codices medici. S. 46—47; Wilson N. G. Op. cit. P. 139.

⁴² Apollonii Citiensis, Stephani, Palladii, Theophili, Meletii, Damascii, Ioannis, aliorum Scholia in Hippocratem et Galenum, e codicibus mss. Vindobonens., Monacens., Florentin., Mediolanens., Escorialens., etc. / Ed. F. R. Dietz. Königsberg, 1834. Bd. I—II; Tusculum-Lexikon. S. 744; Wilson N. G. Op. cit. P. 136.

⁴³ Astruc Ch., Concasty M.-L. Op. cit. P. 563.

⁴⁴ Wilson N. G. Op. cit. P. 207—208; Tusculum-Lexikon. S. 263—264.

Медицинская энциклопедия Аэция из Амиды, основанная на трудах Гиппократов, Галена, Дионисия Эгейского, Оливасия и других античных медиков, также была довольно популярна в Византии IX—XII вв. Она входит в состав нескольких манускриптов: Cod. Paris. Suppl. gr. 1240 (XII в.)⁴⁵, Cod. Laur. 75.5; 75.7; 75.18; 75.20⁴⁶, скопированных в XII в. уже упомянутыми скрипторами: Иоанникием и его итальянским коллегой. Извлечение из 16-й книги энциклопедии Аэция из Амиды, посвященное гинекологии, содержится в манускрипте ГНБ, греч. 115, являющемся палимпсестом. Первоначальный смытый текст его и представляет собой отрывок из медицинского трактата византийского врача. Е. Э. Гранстрем, исследовавшая и опубликовавшая обнаруженный ею фрагмент, датировала его X—XI вв.⁴⁷

Известна была в Византии изучаемого периода и «Терапевтика» Александра из Тралл, брата видного математика и строителя св. Софии Анфимия, служившая основным руководством по лечению внутренних болезней многим поколениям византийских врачей. Она находится в парижском кодексе X в. Cod. Paris. Suppl. gr. 1297⁴⁸.

Широкой популярностью в Византии IX—XII вв. пользовалось произведение о болезнях и их лечении, принадлежавшее перу Павла Эгинского, знаменитого хирурга и акушера VII в. Число списков медицинского трактата Павла Эгинского довольно велико. В кодексах IX—XII вв. он чаще всего встречается в отрывках. Эксерпты из него содержатся в Cod. Paris. Coisl. gr. 8; 123⁴⁹, Cod. Paris. Suppl. gr. 1156 (IX в.)⁵⁰; 1297 (X в.); 1284 (XI в.)⁵¹. Кроме того, сочинение Павла Эгинского включено в Cod. Laur. 74.26, написанную в XII в. уже упомянутыми Иоанникием и итальянским копиистом⁵².

Собрание эксерптов из трудов античных медиков по лечению переломов и вывихов помещено в рукописи Cod. Laur. 74.7, созданной в конце IX—X в. В манускрипте помещены иллюстрации, изображающие пациентов в перевязочных материалах либо стянутых ремнями, лежащих на подобии операционного стола. В XII в. кодекс принадлежал константинопольской больнице, основанной в конце XII в. при церкви 40 мучеников, что подтверждено записью, находящейся в кодексе⁵³.

Убедительным свидетельством наличия в Византии VII—XII вв. рукописей с естественнонаучными трактатами античных ученых является библиографический труд патриарха Фотия, так называемый «Мириобиблион», или «Библиотека», где собраны сведения о 279 произведениях древнегреческих и византийских писателей. В своих заметках Фотий сообщает биографические данные об авторе прочитанного сочинения, содержание последнего, нередко приводит отрывки из текстов, высказывает критические замечания. Тематика охарактеризованных в «Библио-

теке» трудов чрезвычайно разнообразна. В ней проанализированы не только работы по истории, философии, риторике, грамматике и лексикографии, но и сочинения по медицине, биологии и агрикультуре⁵⁴. Так, в Cod. 221 Фотий дал характеристику медицинскому трактату Аэция из Амиды, которому он отдает перед всеми медиками предпочтение. В Cod. 185 и 211 он включил перечень глав и аннотацию книги по медицине Дионисия Эгейского. В Cod. 164 Фотий кратко изложил работу Галена «De sectis», сопроводив свои записи о нем критическими замечаниями. В двух кодексах 217 и 218 он останавливается на характеристике работ Оливасия: в первом кодексе помещена заметка о состоящем из 70 книг «Врачебного собрания» Оливасия, которое Фотий высоко оценивает за ясность изложения и всесторонность охвата материала и рекомендует его врачам-практикам; во втором кодексе дана аннотация другой книги Оливасия, представляющей собой сокращение вышеназванного обширного свода. В Cod. 178 говорится о работе Диоскорида, которая, по словам Фотия, является лучшим источником информации о морфологии и происхождении растений. В Cod. 163 кратко пересказывается содержание сочинения Виндания Анатолия по агрикультуре. По мнению Фотия, оно является лучшей работой по данной тематике. В Cod. 187 Фотий обсуждает трактат Никомаха Герасского о символике чисел.

Перед исследователями, занимавшимися анализом «Библиотеки» Фотия, постоянно возникал вопрос, где он мог найти такое количество рукописей с сочинениями античных мыслителей? П. Лемерль, тщательно изучивший жизнь и деятельность патриарха Фотия, а также общественно-политическую обстановку эпохи, убедительно доказал, что только в столице могли быть найдены анализируемые Фотием труды. Именно в Византии, в Константинополе, а не в Багдаде, как думали некоторые византилисты, хранились бесценные сокровища античной мудрости. О многих из них мы знаем только по описанию патриарха Фотия⁵⁵.

Еще одним, правда косвенным, подтверждением правильности нашего предположения о наличии в Византии IX—XII вв. рукописей, содержащих естественнонаучные трактаты античных мыслителей, является тот факт, что отдельные византийские деятели в составе своих библиотек имели труды древнегреческих и эллинистических писателей.

На основании анализа Палатинской Антологии было доказано, что Льву Математику принадлежал ряд книг по математике и астрономии: а именно, трактат по механике Кирина и Маркелла, «Конические сечения» Аполлония Пергского, работа по астрономии Феона Александрийского, сочинение по геометрии Прокла. Можно предположить, что он был владельцем «Альмагеста» Клавдия Птолемея и руководства по астрологии Павла Александрийского⁵⁶. В библиотеке афинского митрополита Михаила Хониата находилась копия кодекса с сочинениями Евклида, пропавшая после завоевания Афин крестоносцами в 1205 г.⁵⁷ Известно также, что Иоанн Цец владел математическими текстами⁵⁸.

Из сказанного видно, что рукописи с естественнонаучными трактатами древности, откуда образованная элита Византии черпала свои представ-

⁴⁵ Astruc Ch., Concasty M.-L. Op. cit. P. 436—437.

⁴⁶ Aetii Amideni Libri medicinales / Ed. A. Olivieri // Corpus medicorum graecorum. Leipzig; B., 1935—1950. T. VIII. Vol. 1—2; Tusculum-Lexikon. S. 15; Wilson N. G. Op. cit. P. 207.

⁴⁷ Гранстрем Е. Э. Отрывок медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X—XI вв. // ВВ. 1956. Т. IX. С. 159—169.

⁴⁸ Alexander von Tralles / Hrsg. Th. Puschmann. Wien, 1878—1879. Bd. I—II; Astruc Ch., Concasty M.-L. Op. cit. P. 560—561; Tusculum-Lexikon. S. 38.

⁴⁹ Devreesse R. Bibliothèque nationale: Département des mss. Catalogues des mss. grecs. II: Le fonds Coisl. P., 1945. P. 8, 118.

⁵⁰ Astruc Ch., Concasty M.-L. Op. cit. P. 320; Wilson N. G. Op. cit. P. 85—86.

⁵¹ Astruc Ch., Concasty M.-L. Op. cit. P. 560, 562, 533.

⁵² Paulus Aegineta / Ed. J. L. Heiberg // Corpus medicorum graecorum. Lipsiae; B., 1921—1924. T. IX. Vol. 1—2; Tusculum-Lexikon. S. 602—603; Wilson N. G. Op. cit. P. 207.

⁵³ Wilson N. G. Op. cit. P. 136—137.

⁵⁴ Photius. Bibliothèque. / Texte établi et trad. R. Henry. P., 1959—1974. T. 1—7.

⁵⁵ Browning R. Byzantine Scholarship // PP. 1964. N 28. July. P. 9—10; Гранстрем Е. Э. Наука и образование // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 357; Lemerle P. Op. cit. P. 37—42, 189—196; Wilson N. G. Op. cit. P. 94, 102—105.

⁵⁶ Lemerle P. Op. cit. P. 163—172; Wilson N. G. Op. cit. P. 83.

⁵⁷ Wilson N. G. Op. cit. P. 205.

⁵⁸ Ibid. P. 190.

ления об окружающем мире, были довольно широко распространены в империи в IX—XII вв.

Кодикологический и текстологический анализ дошедших до нас от этого времени манускриптов дает возможность с полной уверенностью утверждать, что созданные в IX—XII вв. рукописи являются лучшими греческими кодексами, содержащими сочинения древнегреческих авторов. Подготовленные в рассматриваемую эпоху византийцами копии произведений античных мыслителей образовали важное звено в научной традиции и были использованы учеными нового времени при их публикации.

(Окончание следует)

Ф. ВИНКЕЛЬМАН

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Тема церковной историографии гораздо более насыщена перешенными проблемами и существенно шире по своему охвату, чем может показаться на первый взгляд. В ней можно выделить два аспекта. Речь идет прежде всего об исторических сочинениях особого вида, снабженных заголовком «ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία». Эта линия историографии начинается в IV в., с Евсевия, и заканчивается в VI в. — Евагрием. Позже в роли их подражателя выступил Никифор Каллист Ксанфопул. Второй аспект темы связан с самим предметом историографии в данном ее подразделении, т. е. с историей церкви в противоположность светской истории. Сложности в освещении темы возникают, во-первых, потому, что для обоих историографических явлений нельзя найти четкие дефиниции, а во-вторых, по той причине, что они вовсе не взаимозаменяют друг друга, но лишь пересекаются между собой. Попытка ограничиться изучением одного только вида исторического творчества — это кажущееся решение проблемы.

Разумеется, в рамках статьи не представляется возможным рассмотреть все вопросы темы — мы коснемся лишь некоторых из них.

Попытаемся прежде всего определить предметную сферу церковной историографии, исходя из содержания того, что, собственно, понимается под историей византийской церкви. Здесь следует выделить два обстоятельства.

1. История византийской церкви тесно связана с государственным развитием Византийской империи и с ее культурной жизнью, следовательно, в начальный период своего существования, в пору ранней Византии, охватывает весьма значительный культурно-географический ареал; велики также ее теологические и политические рамки, определяющиеся вселенским характером церкви, которая благодаря широте находящейся в сфере ее воздействия христианской и государственной ойкумены приобретает особую силу. После VII в. ареал византийской церковной истории сужается, хотя последующий период отнюдь не лишен интереса в церковно-политическом плане: достаточно упомянуть такие важные вехи эволюции церкви, как иконоборчество, павликианство, споры с папством, паламизм, миссионерская деятельность.

Изменению масштабов исторического развития — от вселенского охвата до узкогреческого мира — соответствует и изображение церковной истории. Для ранней Византии это означает непременно включение в церковную историографию сочинений на коптском, сирийском, армянском, латинском языках и произведений, созданных в провинциях, где эти языки употреблялись. Кроме того, применительно к указанному периоду необходимо дать изложение особенностей всех теологических и церковно-политических направлений. Окончательный разрыв с монофизитами в 680—681 гг. привел к тому, что в трудах сирийских и арабских

авторов последующие события византийской церковной истории нашли лишь косвенное отражение.

Михаил Сириец в своей хронике указал две причины, по которым он, описывая события, происходившие после 711 г., не упоминает больше патриархов Рима и Константинополя: первая заключается в том, что сирийцы и египтяне не являлись более подданными Византийской империи и поэтому не нуждались в сведениях о своих халкидонитских угнетателях; вторая причина — в том, что византийцы, по его мнению, все больше и больше впадали в ересь¹.

Латинская хронография в рамках исследуемой темы представляет интерес и для более позднего времени, поскольку в Италии византийское владычество продолжалось дольше.

Само собой разумеется, что такое широкое понимание византийской церковной историографии возможно лишь в том случае, если мы будем принимать во внимание не только полностью сохранившиеся, как правило ортодоксальные, сочинения, но и произведения, дошедшие до нас во фрагментах и свидетельствах. Лишь сопоставляя сочинения различных направлений и характера, можно нарисовать исчерпывающую картину. Именно поэтому представляется неверной сама постановка проблемы в работе Глена Ф. Чеснута — «Первые христианские исторические сочинения»; ее автор концентрирует свое внимание лишь на трудах Евсевия и синоптиков — Сократа, Созомена, Феодорита и Евагрия²⁻³.

2. Из изложенного явствует, что история церкви в Византии была самым тесным образом связана с внутренней и внешнеполитической историей империи и сливалась с той и другой. Действующие лица истории церкви — нередко те же самые, что и всей византийской истории. Применительно к проблеме церковной историографии это означает, что события церковной истории описываются в большинстве исторических сочинений независимо от их жанра и тематики.

Попытаемся теперь выявить характерные черты византийской церковной историографии, которые обусловили ее особое место в исторической литературе Византии. Чем отличаются церковные истории от остальных исторических сочинений? Является ли церковная историография особым видом исторического творчества наряду с историей, хроникой и исторической биографией? В чем заключаются ее особенности? Специфика церковных исторических сочинений заключается не в содержании, а в методе. А. Момильяно, например, считает церковные истории и христианские биографии наиболее важным вкладом в историческую литературу в период между V и XVI вв., особо подчеркивая документированность церковной историографии⁴.

Вместе с нею в греческую историческую литературу вошло новое отношение к слову и традиции. Эта черта тесно связана со спецификой самой теологии, разработавшей, например, теорию Логоса и стремившейся

утвердить авторитет Библии как «слова Божьего». Теологи видели свою задачу в сохранении, толковании и использовании старого, испытанного, изначального. В связи с этим значительное место в их произведениях занимали цитаты. Уже Новый завет свидетельствует о применении подобного метода аргументации в религиозной литературе.

Позднее точному цитированию подлежала Библия, высказывания епископов и богословских авторитетов, решения церковных соборов. Участники Четвертого Вселенского собора в Халкидоне (451 г.) отказались, например, от выработки нового символа веры под тем предлогом, что соответствующие формулировки были выработаны еще в Никее (325 г.).

Этой теологической тенденции соответствовал апологетический метод. Его применение требовало точности, необходимой для того, чтобы доводы авторов выглядели убедительными⁵. Их аргументы использовались в полемике против язычников или представителей иного теологического направления.

Евсевий первый применил оба этих метода в своей хронике, в «Церковной истории» и в «Demonstratio et Praeparatio evangelica». Однако оба они, и это следует особо подчеркнуть, не являлись методами, присущими лишь церковной историографии, но были характерными чертами христианской по своему характеру науки того времени.

Таким образом, специфика всех византийских исторических сочинений, испытывавших влияние подобного рода (включая хронографию и христианские биографии), состояла в документированности, в заботе о простоте и ясности языка, которые, разумеется, варьируются в зависимости от происхождения и способностей каждого отдельного автора. Ясность и простота языка у некоторых из них выступали даже признаками принадлежности к христианскому направлению, отмежевания их от образованности, находившейся под влиянием античной и эллинистической традиций. В качестве примера можно упомянуть таких историков, как Сократ и Иоанн Эфесский, и привести выражение хрониста Георгия Монаха (Амартола): «Лучше правдиво записывать, нежели лживо философствовать» (*Georg. Amart. / Ed. C. de Boor. I. 2. P. 9f.*). Здесь нет искажения истины. Конечно, на творчестве большинства христианских историков в той или иной степени сказалось влияние античных и эллинистических образцов, но все же главной особенностью их произведений были отмеченные выше черты.

Рассматривая проблему объекта изучения, следует обратиться прежде всего к Евсевию. По словам этого историка, новое в его труде, о чем он говорит в предисловии к «Церковной истории», используя в данном случае античный тоpos, заключается не в методе, а в тематике. Евсевий не стремился к созданию нового исторического жанра, но хотел лишь описать историю развития церкви на основе примененных им оригено-неоплатонических принципов.

Заключается ли отличие церковной историографии от других направлений последней в объекте изучения? На этот вопрос невозможно ответить твердым и определенным «да». Исходная позиция Евсевия, взявшегося за большое историческое сочинение, была ясна. Он хотел изложить определенные аспекты теологии и истории церкви, распределив их по времени правления отдельных императоров. Однако в процессе редакци-

¹ *Mich. Syr.* XI. 18 / Ed. Chabot. II. P., 1901. P. 487.

²⁻³ *Chesnut G. F.* The first Christian histories. P., 1977 (Théologie historique, 46). Общий обзор ранневизантийской церковной историографии см.: BS. 1976. Т. 37. P. 1—10, 172—190. Об александрийской церковной историографии см.: *Brakmann H.* Eine oder zwei koptische Kirchengeschichten? // *Museon.* 1974. Т. 87. S. 129—142. Об Евагрии см.: *Allen P.* Evagrius Scholasticus the Church Historian. Löwen, 1981 (Spicilegium sacrum Lovaniense, 41).

⁴ The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century. Oxford, 1964. P. 88, 92. О документированности см.: *Winkelman F.* Probleme der Zitate in den Werken der oströmischen Kirchenhistoriker // *Das Korpus der griechischen christlichen Schriftsteller.* B., 1977 (Texte und Untersuchungen, 120). S. 195—207; *Lawlor H. Y.* On the Use by Eusebius of Volumes of Tracts // *Eusebiana.* Oxford, 1912. (Reprint: Amsterdam, 1973). P. 136—178.

⁵ Сам по себе апологетический метод не был ни нововведением, ни особым способом аргументации, свойственным лишь христианским историкам. Ср.: *Ruggini L. C.* The Ecclesiastical Histories and the Pagan Historiography, Providence and Miracles // *Athe naeum.* N. S. 1977. Т. 55. P. 107—126; *Brown P.* Sorcery, Demons and the Middle Ages // *Brown P.* Religion and Society in the Age of Saint Augustine. L., 1972. P. 119—146.

рования, необходимость которого обусловили события начала IV в., первоначальный план был изменен. Сочинение завершалось сообщением о признании христианства императорской властью. О событиях, последовавших в правление Константина, Евсевий повествует в других, уже не исторических сочинениях: *De vita Constantini* и *Laus Constantini*.

Таким образом, Евсевий не оставил четкой концепции церковной истории в рамках христианской *Imperium Romanum*. Поэтому у его последователей встречается разный подход к способу изложения. Резко противоположными примерами могут служить, с одной стороны, труд сирийца Феодорита, чья история считается «конфессиональным историческим сочинением», и с другой — «Христианская история» Филиппа Сидского (мы знаем о ней лишь по сохранившимся свидетельствам). Между этими двумя полюсами существовали и иные «варианты».

Из сказанного очевидно, что в Византии отсутствовало четкое разграничение между церковным и светским направлениями в историографии. Яркое подтверждение тому — *Cod. 67* Библиотеки Фотия. Фотий дает здесь характеристику одного не дошедшего до нас и известного лишь по этому упоминанию исторического сочинения некоего Сергия Исповедника (IX в.), который, как это видно по его прозвищу и характеру его труда, являлся иконопочитателем (если принять за основу не только оценку Фотия, но и фактическое содержание этого сочинения). Фотий пишет: «Я прочитал сочинение Сергия Исповедника. Оно начинается с изложения деяний Михаила (Михаила II, 820—827 гг. — *Ф. В.*), затем возвращается к гнусным делам Копронима (Константина V, 741—755 гг. — *Ф. В.*), затем отсюда изложение продолжается, доходя до восьмого года правления Михаила (827 г. — *Ф. В.*). Он описывает деяния императора в связи с историей государства и церкви, равно как и военными мероприятиями императора и его позицией в вопросах веры (речь, конечно, в данном случае идет об иконоборчестве. — *Ф. В.*). Обо всем он сообщает правдиво» (I.99.30—44). Итак, Сергий создал светскую историю, включив в нее изложение религиозных споров того времени, а также рассказав о церковной политике и о позиции императора. Два последних обстоятельства вполне понятны, поскольку иконоборчество имело важное внутривнутриполитическое значение, а Сергий как иконопочитатель проявлял к этой теме особый интерес. Дальнейшие рассуждения на тему о том, принадлежало ли это сочинение к жанру церковной историографии, вряд ли могут привести к чему-либо определенному.

Ясно одно, ранневизантийские церковные сочинения являются воплощением христианской историографии своего времени. Поэтому они представляют для историков-византистов первостепенную важность. В дальнейшем церковные сочинения утрачивают эту функцию, поскольку им уже не противостояла более антихристианская историография. Освещению церковной истории отводится теперь существенное место в других нарративных источниках — в первую очередь в хрониках, христианских биографиях и историях. Этот процесс можно хорошо проследить, изучая методику использования источников Никифором Каллистом Ксанфопулом. До конца VI в. он базируется главным образом на церковной исторической литературе, дополняя полученные в ней сведения данными хронографии и агиографии. Изучив труд Евагрия, он обращается к сочинениям Феофилакта Симокатты, Феофана и к произведениям агиографического характера.

Насколько нам известно, между Евагрием и Ксанфопулом нет ни одного исторического сочинения, специально посвященного истории церкви. Труд Ксанфопула — церковная история в «чистом» виде. Однако именно по этой причине, а также из-за своего языка он не был позитивно принят

современниками и не пользовался сколько-нибудь заметным влиянием. Это сочинение сохранилось лишь случайно. На рубеже XIX—XX вв. предполагалось, что Ксанфопул использовал сочинение X в., но Г. Генц на основе изучения *Cod. Barocc. gr. 142* убедительно показал необоснованность этой точки зрения⁶. Не так давно А. Ф. Маркопулос высказал мысль о том, что Ксанфопул и Псевдо-Симеон в своем изображении Фотия основываются на утраченной церковной истории Никиты Давида, автора жития патриарха Игнатия⁷. В том виде, в каком он сохранился, труд Ксанфопула доходит до 610 г. От последующих пяти книг остался лишь перечень их содержания. Оно подразделено в этом перечне на отдельные темы и восходит к известным хроникам и произведениям агиографии. Перечень этот не дает повода делать вывод о существовании какой-то неизвестной нам церковной истории того времени. Перечень приведен в *PG. T. 145, 617A—620A*. Но, поскольку напечатанный текст не вполне точен, приведем его по единственной рукописи церковной истории Ксанфопула — *Cod. Vindob. hist. gr. 8. Fol. 13b/14a*:

‘Ο δ’ ἐννεκαιδέκατος, αὐτόν τε Ἡράκλειον τοὺς τε παῖδας καὶ ἐγγόνους αὐτοῦ καὶ τὰ ἐπ’ αὐτοῖς γέγονε περιέξει· τὰ τε τῆς Περσῶν κινήσεως καθ’ ἡμῶν, τοῦ τε ἀκαθίστου Ὑμνου καὶ τῆς Ἱεροσολύμων ἀλώσεως· καὶ ὡς ὁ μουσάρης τρηναῦτα ἀνεφάνη Μωάμεθ· ἔτι δὲ καὶ τὰ περὶ τῆς αἵρέσεως τῶν Μονοθελητῶν καὶ τῶν ἐπ’ αὐτῇ γενομένων, Σεργίου τε καὶ Πόρρου, Παύλου τε καὶ Πέτρου, Μαξίμου τε τοῦ θεοῦ καὶ ὁμολογητοῦ, περὶ τε τῆς εὐσεβοῦς βασιλείας Κωνσταντίνου τοῦ Πρωτομάγου καὶ τὰ κατὰ τὴν ἁγίαν ἔκτῃ καὶ οἰκουμένην συνόδον καὶ τὰ ἐπ’ αὐτῇ πραχθέντα καὶ μετ’ αὐτῇ, ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Ῥινόστητου, καὶ τῶν καθέξης βασιλέων ἄχρι δὴ καὶ αὐτῆς ὅλης ἀρχῆς Ἀναστασίου τοῦ Δικίου καὶ Θεοδοσίου τοῦ Ἀτραμυτηνοῦ, τῶν αὐτοκρατόρων.

Ἡ μὲν τοι περιοχὴ τοῦ εἰκοστοῦ τόμου ἔσται Λέων Κόνων ὁ Ἰσαυρος καὶ Εἰκονομάχος, ὅθεν τε ἡ τῶν Εἰκονομάχων αἵρεσις ἀνεφύη, πρὸς δὲ καὶ ὁ Κοπριανός Κωνσταντίνος καὶ τὰ δι’ αὐτοῦ γεγεννημένα ἀθέως· ἐν ταύτῃ δὲ καὶ Γερμανοῦ καὶ τοῦ Δαμασκῶθεν Ἰωάννου Στεφάνου τε τοῦ νέου καὶ τῶν λοιπῶν θεωριστῶν αὐτοῦ ἔργων μνησθήσεται· καὶ ὡς διεφθάρη αὐτός τε καὶ ὁ παῖς Λέων ὁ ἐκ τῆς Χαζάρας τὴν ἐπωνυμίαν κεκληρωμένος. ἔτι συνδιαλήψεται καὶ τὰ περὶ τῆς εὐσεβοῦς βασιλείας καὶ Εἰρήνης Κωνσταντίνου καὶ τὰ κατὰ τὴν ἁγίαν ἐβδόμην καὶ οἰκουμένην συνόδον καὶ τῆς τῶν εἰκόνων τιμῆς· πρὸς δὲ Ταρασίου καὶ Νικηφόρου ἔτι δὲ Πλάτωνος καὶ Θεοδώρου τοῦ Σπουδίτου καὶ τῶν γεγονότων ἐν αὐτοῖς σχισμάτων καὶ ὡς ὁ ἀπὸ γενικῶν Νικηφόρος Σταυράκιος τε καὶ ὁ Ῥαγκαβὲς Μιχαὴλ τὸν βίον μετέλλαξαν.

Ὁ εἰκοστόπρωτος τὰ κατὰ τὸν δυσσεβῆ Λέοντα τὸν Ἀρμένιον διηγήσεται, ὅπως τε ἡ δευτέρα γέγονεν εἰκονομαχία καὶ τίς ὁ ταύτης πατήρ καὶ ὡς ὑπερόριος διὰ ταύτην ὁ πατριάρχης Νικηφόρος ἐγένετο, καὶ ὁ Σπουδίτης Θεόδωρος καὶ ἄλλοι πλῆστοι· περὶ τε τῆς βασιλείας τοῦ Ἀμορέου Μιχαὴλ καὶ περὶ Μεθοδίου τοῦ πατριάρχου καὶ τὰ ἐν τῇ βασιλείᾳ Θεοφίλου πραχθέντα· καὶ τῆς παρηρησίας τῶν τρηναῦτα ἁγίων ἀνδρῶν, τῶν γραπτῶν μάλιστα, καὶ Μεθοδίου τοῦ ἱεροῦ καὶ Ἰωσήφ τοῦ ὁμολογάρου· καὶ ὡς ἐν τέλει γενομένος ὁ Θεόφιλος ταῖς ἱεραῖς εἰκόσι προσέθετο.

Τῷ δὲ εἰκοστῷ δευτέρῳ ἔσται διηγουμένη ὅσα ἐπὶ Μιχαὴλ καὶ Θεοδώρᾳ τῆς ἁγίας αὐτοῦ μητρὸς τῇ ἐκκλησίᾳ ἐπράχθη καὶ ἡ ἀναστήλωσις τῶν ἁγίων εἰκόνων ἐγένετο· περὶ τε Ἰωαννικίου τοῦ μεγάλου καὶ τῆς διακρίσεως Μεθοδίου καὶ τῆς τῶν ἀνιέρων καθαιρέσεως ἱερέων καὶ τῶν τότε σχισμάτων· περὶ τε Λιζικιανῶν καὶ Μανιχαίων καὶ ὡς τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος τὸν Χριστιανισμὸν παρεδέξατο· ἔτι δὲ καὶ περὶ Ἰγνατίου καὶ Φωτίου τῶν πατριαρχῶν καὶ τὰ μετὰ τῶν δύο τούτων συμβάντα

⁶ См.: *Gentz G., Winkelmann F. Die Kirchengeschichte des Nicephorus Callistus Xanthopulus und ihre Quellen. 2. Aufl. B., 1966. S. 4. Anm. 1.*

⁷ *Markopoulos. Hē chronographia tou Pseudosymeon kai hoi pāges tes. Diss. Ioannina, 1978. P. 169 f., 132. О Никите Давиде см.: Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 565 f.*

καὶ τὰ μέσων Φωτίου καὶ Νικολάου τοῦ πάπυ γεγεννημένα καὶ ὡς ἐσφάγη Βάρδας ὁ Καῖσαρ καὶ ὁ αὐτοκράτωρ ἀνήρηται Μιχαήλ.

Τοῦ δὲ εἰκαστοῦ τρίτου ἡ περίληψις ἐστὶν Βασίλειος ὁ Μακεδὼν καὶ οἱ παῖδες αὐτοῦ Δέων ὁ Σοφός καὶ Ἀλέξανδρος καὶ τὰ ἐπὶ τούτων τῇ ἐκκλησίᾳ συμβάντα· καὶ αὖθις τὰ κατὰ Φώτιον καὶ Ἰγνατίον καὶ τὰ περὶ τῆς λεγομένης ὁδοῦς οἰκουμένης συνόδου καὶ τῶν τηλικαῦτα σκανδάλων διὰ τὸν Φώτιον· καὶ ὅπως τὸ ἔθνος τῶν Ῥώσων τὸν Ὑριστιανισμόν παρεδέξατο· καὶ περὶ τοῦ μετὰ τὸν Φώτιον πατριάρχου Στεφάνου καὶ τοῦ δι' αὐτὸν σχίσματος. ἔτι δὲ καὶ τῆς τετραγαμίας τοῦ βασιλέως Λέοντος τοῦ Σοφοῦ καὶ τῶν δι' αὐτὴν γενομένων σχισμάτων τε καὶ συνόδων· περὶ τε Νικολάου καὶ Εὐθυμίου τῶν τῆς Κωνσταντίνου πατριαρχῶν καὶ τὰ ἐπὶ τούτοις καὶ ὡς ἀπεβίω Λέων ὁ σοφώτατος βασιλεὺς.

Треть fol. 14 a и весь fol. 14 b остались чистыми, и это дает основание заключить, что Ксанфопул предполагал изложить здесь содержание последующих, шестой и седьмой, книг, поскольку Cod. Vindob., как уже показано ранее⁸, является посвященным экземпляром Ксанфопула. Наличие проекта шестой и седьмой книг означало, по всей видимости, что Ксанфопул собирался довести повествование до того времени, когда он жил сам, однако по какой-то причине не смог осуществить свое намерение.

Вернемся еще раз к Cod. 67 Библиотеки Фотия. Именно на основании приведенного пассажа делают вывод, будто произведение упомянутого выше Сергия представляло собой церковную историю⁹. Прочитируем Фотия дальше: «Его стиль, — пишет он, — в большей степени, чем у других, отмечен ясностью и простотой в том, что касается точного подбора слов, построения фразы и связности речи, отчего создается впечатление, что сочинение писалось экспромтом. Язык отличается естественной грацией и не производит впечатления искусственности. Этот стиль более всего подобает церковной истории. К этому он и стремился». Фотий не указал названия сочинения. Обычно он группировал сходные по характеру произведения в отдельные части. Так, Cod. 27—31 включает церковные истории Евсевия, Сократа, Созомена, Евагрия, Феодорита; Cod. 40—42 — церковные истории Филосторгия, Иоанна, Василия Киликийского; Cod. 88—89 — церковные истории Геласия из Кизика и Руфина, кн. X—XI (Геласий из Кесарии). Напротив, Cod. 67 находится в тесной связи с разделами Cod. 62 ff., рисующими события общей истории. Издатель Библиотеки Фотия Р. Анри говорит об этом кодексе: «Я хочу обратить внимание на тот факт, что кодексом 67 завершается серия заметок (62—67), посвященных произведениям, излагающим историю Византии, каждое из которых, по существу, является продолжением предыдущего»¹⁰. Равным образом и данные об его содержании, в чем мы уже могли убедиться, вовсе не указывают на специфически церковный характер сочинения. Последнюю фразу Фотия, вероятно, можно понять лишь в том смысле, что стиль произведения Сергия лучше всего подходит для изложения событий церковной истории, однако это отнюдь не означает, что Сергей написал церковную историю.

* * *

Для уяснения описанных выше явлений остановимся кратко на их богословско-философских и социальных основах.

а) Прежде всего о христианской концепции истории. Мы не будем

⁸ Gentz G., Winkelmann F. Op. cit. S. 1 f, 196 f.

⁹ Ср.: Barišić F. // Byz. 1961. T. 31. P. 263 f.

¹⁰ Photius. Bibliothèque / Ed. R. Henry. P., 1959. I. 199.

касаться общезвестных истин. Существовало известное согласие относительно начала истории и ее эволюции до воплощения Логоса. Примером может служить Евсевий. Он мыслил христианскую историю в виде истории церкви во всемирно-исторической, точнее, «священноисторической» перспективе. Подобное представление об истории развивается в большинстве его сочинений: Praeparatio et Demonstratio evangelica, в «Хронике», «Церковной истории», Laus Constantini, De vita Constantini¹¹. Всемирная и священная история, с точки зрения Евсевия, имеют одну и ту же цель — идея, свидетельствующая о наличии у автора целостной историко-философской основы. Центр ее тяжести в представлении о Логосе. Историческое развитие до «воплощений» излагается у Евсевия отрывками — о заповедях божьих, об Аврааме, Моисее и передаче законов; в третьем отрывке события передаются с «воплощения» Логоса в человека и продолжают до времени образования Римской империи. Собственно история церкви ведет свое начало с возникновения христианства¹².

Трудности возникают при определении автором цели исторического развития. Евсевий видит ее в освобождении церкви от притеснения, в торжестве церкви. Поскольку, однако, дальнейшее развитие происходило в новых условиях, а именно в условиях существования Imperium Romanum Christianum, постольку возникали новые проблемы.

Что предлагали историкам в качестве теоретической основы византийские теологи и философы? Христологическое учение о двух природах, казалось, давало всеобъемлющее объяснение — спасение человека в ходе истории. Тем не менее в Византии при разрешении христологических проблем этот аспект не играл особой роли. Максимальное, что было достигнуто в результате иконоборчества, — это идея, в соответствии с которой акцент переносился на византийское hic et nunc как фазу без исторической цели, но сохраняющую религиозную цель. Идеи Апокалипсиса и парусия не занимают сколько-нибудь важного места. Эсхатологические моменты, как показал Г. Подскальский, использовались лишь для подкрепления идеи византийского превосходства¹³. В качестве примера сошлемся на одного из наиболее значительных византийских theologов — Максима Исповедника. Х.-Г. Бек писал: «Истинная история в смысле осуществления спасения совершается для Максима лишь между первой парусией Логоса и второй парусией в преображении на горе Фавор, последняя в душе и сознании (PG. T. 90. Col. 1121—1124). Примечательно, что парусии в конце света не придается существенного значения»¹⁴. Это — мистическая линия, которая определяет всю византийскую теологию более позднего времени и хорошо прослеживается у Ксанфопула. Для него созерцание и постижение бога и божественных действий заключает в себе смысл исторического развития (I. 22). Иными словами, речь идет о постижении священных таинств, совершенствовании в боге¹⁵.

Другая линия — это линия так называемой политической идеологии, тесно связанной с имперской. Мы не будем ни цитировать соответствующие

¹¹ Ср.: König-Ockenfels D. Christliche Deutung der Weltgeschichte bei Euseb von Caesarea // Saeculum. 1976. T. 27. P. 348—365.

¹² Euseb. Hist. eccl. I. 2.

¹³ Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie. München, 1972.

¹⁴ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978. S. 199 f. Ср.: Hausherr I. Les grands courants de la spiritualité orientale // OCh. 1935. T. 1. P. 114—138; Losky V. The Mystical Theology of the Eastern Church. L., 1957.

¹⁵ Gentz G., Winkelmann F. Op. cit. S. 31 f. Относительно проблемы судьбы ср. Chesnut G. F. Op. cit.

шие изложения Евсевия¹⁶, ни описывать его теологические представления, ни давать характеристику эволюции теологической мысли в Византии¹⁷. Обратимся к весьма красноречивому поздневизантийскому свидетельству: датированному 1393 г. письму константинопольского патриарха Антония Великого московскому князю Василию I. Патриарх и император рассматриваются здесь как главные элементы существующей системы. Вот что говорится, в частности, об отношении императора к церкви: «Император играет большую роль в делах церкви. . . Нехорошо ты говоришь: „Мы имеем церковь, но не имеем императора“. Невозможно для христиан иметь церковь и не иметь царя. Ведь императорская власть и церковь образуют совершенное единство и общность. Невозможно отрывать их друг от друга»¹⁸.

б) Другой вопрос связан с представлениями о византийской церкви и имеет как теологический, так и социальный аспекты.

Что касается теологической стороны дела, то экклесиология (она определяет своеобразие данной церкви и отделяет ее от других учреждений) не играла в Византии никакой роли. У христологии, литургии, мистики были свои излюбленные крупные темы. Изображения церкви встречались, конечно, и в произведениях искусства, но можно с полным правом предполагать, что они уступали западным. Если же обратиться к понятию церкви, как оно раскрывается в источниках, то нетрудно заметить, что речь почти всегда идет о какой-либо конкретной, а не о вселенской церкви.

Этим скудным теоретическим понятиям соответствует и представление о церкви как социальном институте. Исследования Х.-Г. Бека позволили достигнуть в этой области уровня понимания, полностью противоположного вульгарным представлениям о Византии¹⁹. «Поскольку византийский клир, — по словам ученого, — не смог развить собственного понятия о своем сословии, все более подчиняясь стандартам классического идеала воспитания, у него не было возможности выступать в качестве определенного сословия наряду с иными сословиями. Клирики принадлежали к беднякам, к среднему сословию, к динамам и архонтам в зависимости от своего материального положения и успеха, либо сами искали удачи, как это делали незначительные по своему политическому значению философы и риторы»²⁰.

* * *

В заключение затронем еще два аспекта византийской историографии. Изучение церковной историографии не позволяет говорить о ней как об узкой, специальной области (ни с точки зрения ее объекта, ни в плане выделения особого литературного жанра), но наводит на мысль о широте диапазона византийской историографии в целом. Обычно методы классификации и присущий им схематизм здесь оказываются неуместными. Мы неизбежно сталкиваемся с проблемой социальных и идеологических основ, глубинных истоков исторического творчества в Византии.

Выше были выявлены некоторые характерные черты христианского понимания истории, которые послужили идейным фундаментом не только

византийских церковных исторических сочинений, но в той или иной степени определяли или, во всяком случае, оказывали влияние на все творчество византийцев в сфере историописания. Этому пониманию в известной степени противостояло антично-эллинистическое представление об истории. Однако было бы ошибочно думать, что этим двум основным линиям соответствовало определенное деление исторической литературы на жанры. В сохранившихся памятниках в большинстве случаев присутствуют и переплетаются между собою обе линии, причем в зависимости от обстоятельств степень преобладания той или другой меняется. В изучении их взаимодействия, коренившегося в факторах социального порядка и, в свою очередь, оказывавшего влияние на общество, — отправной пункт для нового плодотворного исследования византийской историографии.

Социологическим обобщением необходимо предпослать тщательный анализ содержания бытовых хроник. Было бы неверно априорно считать, что исторические сочинения, написанные с христианских позиций, выражали воззрения лишь низших слоев населения, а написанные в антично-эллинистическом духе — аристократии. Поскольку христианство было распространено среди всех слоев населения, а социальные связи являлись доминирующими по сравнению с религиозными, определявшими принадлежность к внерегиональной церкви, постольку и историки христианского направления могли принадлежать к различным социальным группам и ориентировались на соответствующие круги читателей. Вместе с тем поскольку проблемы развития христианства и споры об «истинности веры» интересовали более широкие слои населения, нежели темы, которые обсуждались в сочинениях, рассчитанных исключительно на аристократию, постольку можно говорить о некоем общественном резонансе христианских сочинений.

Если мы действительно хотим постигнуть «тайны» византийской историографии, то нужно руководствоваться не их поствизантийским значением, но их ролью в самой Византии. Следует подумать также и о разработке иной классификации, чем та, которую предложила Эвелин Патлажан²¹. По ее мнению, агиография якобы отчасти пустила корни во внегородской среде, в то время как историография, один из разделов которой образует церковная историография, имела распространение главным образом в городах. По всей видимости, столь четкое разграничение не есть путь плодотворного решения проблемы.

В целом можно сказать, что христианская историография занимала более широкие круги населения, нежели другие виды исторических сочинений. Очевидна необходимость объяснять отдельные факты исходя из общего историографического процесса и в то же время использовать достижения частного характера для создания общей картины. Поэтому приходится сожалеть, что в византиноведческих работах все еще удерживается деление на светскую и теологическую литературу, а христианские исторические сочинения отграничиваются от остальной историографии²². Подобный подход обрекает решение проблемы на неудачу, поскольку в его рамках христианская историография не может быть оценена по достоинству как памятник историографии, а ее изучение не в состоянии служить стимулом для понимания остальной историографии.

¹⁶ Ср. об этом прежде всего: *Enslin W.* Gottkaiser und Kaiser von Gottes Gnaden. München, 1943; *Sansterre.* Eusèbe de Césarée et la naissance de la théorie «césaropapiste» // *Byz.* 1972. Т. 42. Р. 131—195, 532—593.

¹⁷ См.: *Jugie M.* Theologia dogmatica christianorum orientaliū. P., 1931. Т. 4. Р. 598—610.

¹⁸ *MM.* N CCCXLVII. P. 190.

¹⁹ Ср. прежде всего: *Beck H.-G.* Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz // *REB.* 1966. Т. 24. Р. 1—24; *Idem.* Das byzantinische Jahrtausend. S. 241 f.

²⁰ *Beck H.-G.* Kirche. . . P. 23.

²¹ *Annales.* 1968. Т. 23. Esp. P. 120 ff. et P. 119. Ann. 1.

²² *Beck H.-G.* Kirche. . .; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner.

О. Р. БОРОДИН

ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ В СЕРЕДИНЕ VII в. И «ДЕЛО» ПАПЫ РИМСКОГО МАРТИНА I*

Корабль с папой Мартином I на борту пришел в Константинополь около 10 часов утра 17 сентября 654 г.¹ и пришвартовался в гавани св. Евфимии недалеко от дворца Аркадион. Лица, сопровождавшие Мартина отправились за инструкциями, а арестованный папа остался лежать на корабле на своем ложе, подвергаясь издевательствам сбежавшихся городских люмпенов. Пришли в порт и сторонники папы, в том числе и автор «Commemoratio», который писал: «Весь день я провел на берегу, изнемогая от скорби и любви, поскольку столь униженным видел святого мужа»². Однако никаких попыток оградить папу от надругательств, как видно, не удалось предпринять.

К вечеру в порт прибыл отряд экскувитов во главе с императорским нотарием Саголейбой, и папа был перенесен в примыкающую к казарме экскувитов тюрьму Прандеарии, где и содержался в полном одиночестве, «так чтобы никто в городе не знал», что он находится в этом здании³. Но сторонники папы довольно скоро выяснили место его заключения, нашли способ установить с ним контакт и даже вступили в переписку. Письма папы, поступавшие из тюрьмы, широко распространялись в антимонофелитской среде, и благодаря этому два из них (адресованные монаху Феодору) сохранились до сих пор. В них папа описывает перипетии своего пленения и трудный путь до Константинополя, жалуется на продолжающуюся дезинтерию и полное отсутствие лекарств, высказывает убежден-

* Окончание. Начало в томе 52.

¹ Хронология пребывания папы Мартина I в изгнании и ссылке разработана В. Пайтцем. См.: Peitz W. M. Martin I und Maximus Confessor: Beiträge zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645—668 // Historisches Jahrbuch. München, 1917. Bd. 38, H. 2/3. Э. Михаэль предлагал передвинуть пребывание папы Мартина в Константинополе на год назад, так чтобы его прибытие в столицу приходилось на сентябрь 653 г., а отъезд в ссылку (см. ниже) — на апрель 654 г. (Michael E. Wann ist Papst Martin I bei seiner Exilierung nach Konstantinopel gekommen? // Zeitschrift für katholische Theologie. 1892. Bd. 16. S. 375). Однако В. Пайтц убедительно опроверг выводы Э. Михаэля (Peitz W. M. Op. cit. S. 436—440). Тем не менее некоторые историки, очевидно незнакомые с публикацией В. Пайтца, приняли хронологию Э. Михаэля, и потому в современной историографии сосуществуют две хронологические версии последних лет жизни папы Мартина I. Неверных датировок придерживаются, например, П. Ллевеллин (Llewellyn P. Rome in the Dark Ages. L., 1970. P. 152 sq.), О Бертолини (Bertolini O. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941. P. 344—350), Р. Хааке (Haacke R. M. Rom und die Cäsaren: Geschichte des Cäsaropapismus. Düsseldorf, 1947. S. 95) и др.

² Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae... // Mansi. X. Col. 855.

³ Ibid.

ность в своей невинности и правильности своих вероисповедных принципов.

Друзьям папы Мартина удалось сообщить ему в тюрьму о существовании некоторых обвинений, которые ему намеревались предъявить. В частности, он узнал, что обвиняется в сношениях с арабами; в том, что якобы посылал им деньги и подарил том Библии с целью обращения неверных в христианство. Кроме того, он будто бы протестовал против наименования Девы Марии Богоматерью, так как разделял божественную и человеческую природы Христа и полагал, что Пресвятая Дева произвела на свет лишь человеческую оболочку («creaturam et naturam humanam»). Сына божьего. В первом письме Феодору папа клянется, что не имел никаких контактов с арабами, — разве только к ним случайно могли забрести встречавшиеся прежде с папой миссионеры. Он провозглашает анафему тем, кто «не любит и не чтит» Богородицу, и отвергает все обвинения в ереси⁴. Возможно, данное письмо стало известно обвинителям папы и показало им, что понтифик располагает аргументами для защиты своей позиции: во всяком случае, на самом процессе папы Мартина мариологические проблемы не затрагивались.

Мартин I провел в заключении в Прандеарии 93 дня. В пятницу 19 декабря 654 г. он был доставлен на заседание Сената в резиденцию сакеллария, «Нуромнестикум» сообщает имя этого сакеллария — Вуколеон⁵. Под его председательством и состоялся суд над папой Мартином, о ходе которого пойдет речь ниже (процесс и все последующие события вплоть до высылки папы из Константинополя подробно описываются в «Commemoratio»).

Первым делом папе было приказано встать и отвечать на вопросы стоя. Но ослабленный болезнями старик был не в силах держаться на ногах, и потому стражникам было велено поддерживать его с двух сторон. Поскольку папа не владел греческим языком, в процессе участвовал переводчик — некто консул Иннокентий из Африки. Сакелларий начал с вопроса: «Скажи, несчастный, что плохого сделал тебе император? Обидел тебя чем-нибудь? Притеснял тебя силою?» Папа молчал. «Молчишь? — продолжал сакелларий. — Ввести обвинителей!»⁶

Ввели многочисленных свидетелей обвинения, большую часть которых составляли византийские военные командиры из Италии. Некоторые из них служили в войске узурпатора Олимпия и теперь стремились загладить вину перед императором. Разумеется, их показания были согласованы заранее и, как отмечает автор «Commemoratio», «предумышленны и сфабрикованны» («praemeditatae et preparatae»). Выслушав обвинявших, папа саркастически заметил: «Это — свидетели? Ну и порядки!» («Isti sunt testes? Sic habet ordo!»)⁷. Но поток свидетелей не прекращался, и папа обратился к суду: «Умоляю вас перед Богом, не заставляйте их клясться. Пусть без клятвы говорят, что хотят, а вы делайте, что хотите. Зачем нужно, чтобы клятвами они губили свои души?»⁸

Однако основное обвинение, предъявленное папе, — участие в возмущении экзарха Олимпия — было не так-то просто опровергнуть. Первым его сформулировал патрикий Сицилии Дорофей, заявивший, что папу

⁴ Ep. XIV. Mansi. X. Col. 850.

⁵ Scholion sive Nурomnesticum // PL. T. 129. Col. 685. Сакелларий — хранитель личной императорской казны. Должность известна со времен императора Зинона (474—491). См.: Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284—602. Oxford, 1964. Vol. II. P. 567—568.

⁶ Commemoratio. Col. 855.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. Col. 855—856.

«следовало бы лишить жизни, имея он хоть 50 голов, поскольку он один смутил, разрушил и отнял (у империи. — О. Б.) весь Запад, был искренним союзником Олимпия и смертельным врагом императора и римского государства»⁹. Это же обвинение было повторено еще несколькими выступавшими. Собравшись с мыслями, папа решился отвечать: «Если вы хотите знать правду, то скажу вам следующее: когда *tyrus* был составлен и направлен императором в Рим . . .» В ту же секунду с мест раздались негодующие крики, и папе помешали говорить. Префект города (эпарх) Троил, перекрывая шум, вскричал: «Нечего рассуждать здесь о вере, как ты пытаешься делать, — ведь и римляне и мы православные христиане!» «Если бы! — отвечал папа. — Ведь почему-то вы и здесь хотите запугать меня этой толпой свидетелей!»¹⁰.

Троил вновь обратился к обвиняемому: «Что ты за человек, если, узнав, что Олимпий злоумышляет подобное против императора, ты не воспрепятствовал ему, но, напротив, сам вступил с ним в согласие!» Спокоен и ироничен был ответ папы: «Господин Троил! В тот день, когда, как вы хорошо знаете, да и мы слышали, Георгий, бывший магистрат и монах¹¹, из военного лагеря пришел в город, и такие же дела творил, и то же говорил, — где был ты и те, что сейчас с тобою? Почему не воспротивился ты ему? Напротив, он выступал перед вами и тех, кого хотел, удалил и выслал из дворца. Потом при Валентине, который с согласия императора облачился в пурпур и воссел рядом с ним (на престол. — О. Б.)¹², куда вы девались? Или вас здесь не было? Почему не воспрепятствовали ему, заявив: «Не трогай того, что не принадлежит тебе!»? Так как же мог я противостоять этому человеку, если он командовал всем итальянским войском?

⁹ Патрикий Дорофей за год до этого, по всей вероятности, принял личное участие в высылке папы Мартина из Италии; как мы помним, корабль для отправки папы на Восток дождался его прибытия из Рима в Мессине на Сицилии.

¹⁰ *Commemoratio*. Col. 856.

¹¹ Не вполне понятно, о ком здесь идет речь. Незадолго до описываемых событий в составе высшей имперской знати находился карфагенский экзарх Георгий, чрезвычайно авторитетный в Африке, но он никогда не играл самостоятельной роли в Константинополе. Позволительно высказать предположение, что в текст вкралась описка, и следует читать не «Георгий» («Georgius»), а «Филагрий» («Filagrius»). Комит царских щедрот Филагрий вскоре после смерти императора Ираклия попытался отсечь от власти его вдову вассилиссу Мартину. С этой целью он с согласия молодого императора Константина III решился обратиться за помощью к армии и направил на Восток для переговоров со стратигами одного из своих подчиненных — Валентина Аршакуни. Но вскоре Константин III скончался от чахотки, к власти пришла партия Мартини и ее сына Ираклеона, Филагрий был насильственно пострижен в монахи и сослан в крепость Септем на берегу Гибралтара. Тем временем Валентин Аршакуни договорился со стратигами, выступил в поход к Константинополю, сперва остановился с войском в Халкидоне, а затем вступил в столицу, расправился с Мариной и ее сыновьями и сделался, в сущности, диктатором рядом с несовершеннолетним царем Константом II. Валентин сразу же возвратил из ссылки Филагрия. Таким образом, к последнему вполне подходит странная характеристика «*a magistratibus qui erat ex monachis*». «*Ingressus est huc in urbem a castris*» также можно отнести к нему и его покровителю Валентину, пришедшему в Константинополь с войском. Кроме того, папа мог иметь в виду заключение Филагрия в крепости (*castrum*) Септем. Вполне понятно, что, вернувшись в столицу, Филагрий имел возможность при поддержке Валентина расправиться с их общими противниками в Сенате. С предлагаемой версией вполне сочетается и следующая фраза папы Мартина, в которой прямо говорится о Валентине. Сведения об описанных событиях сообщают патриарх Никифор, Себеос, Иоанн Никиусский. См. подробнее: Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1915. Т. III. С. 174—181.

¹² Речь идет о попытке захвата императорского трона, предпринятой в 643 г. тем же Валентином Аршакуни. Пытаясь придать узурпации вид легальности, последний, видимо, заставил юного императора Константа II объявить себя соправителем и, в самом деле, восседал рядом с ним на престоле. Однако в столице произошло восстание, и узурпатор был растерзан толпой. См.: Кулаковский Ю. Указ. соч. Т. III. С. 189.

Может быть, это я поставил его экзархом? («*An potius ego illum feci exarchum?*»). Однако, вновь прошу вас, поскорее исполняйте то, что вы решили со мною сделать. Ибо ведает Бог, что вы принесете мне большое благо, если приговорите к казни»¹³.

Итак, в своем выступлении на суде папа Мартин применил эффектный полемический прием: оправдываясь, он сам перешел в наступление, обвинив Троила и сенаторов в преступном бездействии в ходе государственных переворотов в Константинополе. Мартину, конечно, помогло здесь великодушное знание политической жизни столицы, приобретенное в те годы, когда он был здесь апокрисиарием. Между тем очевидно, что, указывая на невозможность бороться с Олинием, папа кривил душой: ведь именно до тех пор, пока Олимпий не перестал бороться с папой, его преследовали постоянные неудачи; в первую очередь папу, а не Олимпия воспринимало как своего лидера римское войско. Однако доводы папы произвели сильное действие на обвинителей: они смешались, не зная, что говорить дальше. Сакелларий обратился к нотарию Саголебе: «Есть ли еще те, кто должен нынче свидетельствовать?» Саголеба отвечал: «Есть, господин; еще — во множестве». Опрос свидетелей продолжился. Но теперь папа более не молчал, а, напротив, решительно опровергал даваемые против него показания. Не выдержав, сакелларий закричал переводчику: «Зачем переводить то, что он говорит? Не смей повторять, что он говорит!»¹⁴ Затем, прервав заседание, отправился к императору доложить о ходе процесса и узнать, что следует делать дальше.

Папу же тем временем вывели во двор и поставили посредине под охраной солдат на виду у толпы. Вскоре сакелларий получил необходимые инструкции, и Мартина потащили на ипподром, где должна была теперь состояться церемония его низложения и поругания. На ипподроме собрался Сенат; трибуны заполнили толпы горожан. Папу поставили в центре ипподрома, как отмечает источник, «таким образом, чтобы император мог видеть из окна триклиния, что произойдет дальше»¹⁵. Из императорского триклиния вышел сакелларий. Он приблизился к Мартину и вскричал: «Видишь, к чему привел тебя Господь, передав в наши руки! Вот покинул ты Бога, и Бог покинул тебя!» Затем подозвал экскувита и приказал лишить Мартина знаков папского достоинства. С папы сорвали облачение («псахсион») и изорвали его в клочья, с ног сняли особые сандалии («кампаги») ¹⁶. Сакелларий обратился к Троилу: «Возьми его, господин префект, и четвертуй немедленно», и призвал толпу проклинать Мартина. Но, очевидно, большинство присутствующих испытывало сострадание к папе. Из толпы раздалось лишь несколько разрозненных выкриков с проклятиями. Папу передали в руки палачей, которые быстро раздели его донага, привязали к шее железную цепь и потащили по улицам города, неся перед осужденным обнаженный меч. Предполагалось, что толпа будет издеваться над опозоренным понтификом, но, как отмечает автор «*Commemoratio*», вели себя так лишь немногие¹⁷.

Мартина приволокли в преторий и временно поместили в камере с уголовными преступниками, а спустя час перевели в другую тюрьму — «*custodia Diomedis*», где он должен был провести свои последние часы. Измученный папа был не в силах подняться по лестнице; стражники втащили его за руки и бросили на скамью. К тюрьме пришли единомышлен-

¹³ *Commemoratio*. Col. 856.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Ibid.* Col. 856—857.

¹⁶ См.: *Glossarium Modiae et Infimae Latinitatis* // Ed. Du Cang. P., 1845. Т. IV. P. 497 (Psachion); *Ibid.* P., 1842. Т. II. P. 58—59 (Campagi).

¹⁷ *Commemoratio*. Col. 857.

ники папы Мартина и стали просить допустить их к нему с тем, чтобы перевязать ему раны, одеть его и покормить. (Напомним, что стояла зима.) Но лишь одного мальчика-клирика допустили в темницу. Жена и дочь охранника, имевшие ключи от камеры, хотели помочь папе, но опасались начальника стражи. Однако, дождавшись момента, когда начальника вызвали из здания по какому-то делу, женщины принесли в камеру тюфяк, переложили на него узника и укрыли одеялом.

Прошло несколько часов. Мартин ожидал казни. Между тем судьба его еще не была решена; император колебался. Вечером в тюрьму явился его посланец — кубикюлярий Григорий. Он приказал расковать Мартина и немного покормить, а затем попытался даже приободрить приговоренного: «(Скажу. — О. Б.), чтобы ты не изнемог от мук: мы уповаем на Господа, что ты не погибнешь»¹⁸. Папа в ответ лишь застонал.

А на следующий день произошли события, резко изменившие ситуацию и нуждающиеся в специальном комментарии. В своей резиденции в эти дни лежал при смерти константинопольский патриарх Павел, рьяный поборник монофелитства, проклятый Мартином на соборе 649 г. Назавтра после экзекуции на ипподроме император Константин II навестил больного и рассказал ему о том, как был наказан мятежный папа. Умиравший патриарх просил проявить к несчастному милосердие, и василевс дал ему такое обещание. В тот же день папе сообщили, что он останется в живых¹⁹.

Не следует ставить визит кубикюлярия Григория к папе Мартину в связь со встречей императора и патриарха Павла. В единственном источнике, в котором описываются эти события, прямо говорится, что император имел беседу с патриархом на следующий день после суда над папой, а Григорий был к нему прислан в тот же день вечером²⁰. В таком расположении событий есть своя логика. Неправильно было бы считать, что патриарх убедил Константа II пощадить пленника, которого сам император однозначно решил казнить. Василевс не мог не знать, что у папы немало сторонников в столице. Он был хорошо информирован о ходе судебного разбирательства в Сенате и понимал, что объективно судьи потерпели поражение в полемике с подсудимым. Он видел на ипподроме, что издевательства над больным стариком вызвали неодобрение народа. Становилось все более очевидно, что задуманная казнь папы не только не укрепит авторитет власти, но будет способствовать ее дискредитации. Император уже искал другое решение проблемы, и просьба патриарха Павла была лишь последним аргументом в пользу пересмотра приговора.

В общих чертах Константин II представлял себе, что следует делать. За несколько месяцев до суда над Мартином (10 августа 654 г.) в Риме был избран и утвержден в должности новый папа Евгений — незаметный и тихий клирик из числа служащих римской курии, более всего опасавшийся каких-либо конфликтов с властями или с папством. Папа Мартин в момент суда, видимо, еще не знал об этом. Император же был, конечно, досконально осведомлен о событиях в Риме и доволен тем, что смена лиц на римском престоле, формально оправданная с точки зрения правительства, но совершенно противозаконная в глазах римлян, не вызвала крупных эксцессов. Для того чтобы окончательно разрядить ситуацию, не нужно было казнить Мартина: вполне достаточно было изолировать его таким образом, чтобы он был лишен возможности оказывать влияние на события. Тюрьма в Константинополе, откуда поступали на волю его подстрекательские письма, была, очевидно, не лучшим местом для этого. Наиболее удачным выходом представлялась дальняя ссылка.

¹⁸ Ibid. Col. 858.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

Подобному решению способствовало и еще одно обстоятельство. На место умирающего патриарха Павла предполагалось поставить Пирра. Пирр, человек безнравственный и ничтожный, уже занимал патриарший престол в 638—641 гг., являлся монофелитом и был низложен в 641 г. по подозрению в политическом убийстве, а вовсе не за свои религиозные взгляды²¹. Будучи сослан в Африку, бывший патриарх имел в июле-августе 645 г. в Карфагене знаменитый диспут о «единой воле» с Максимом Исповедником, был побежден в споре и признал правоту оппонента²². Затем вместе с Максимом он приехал в Рим, был дружелюбно принят папой Феодором I, которому и представил исповедание веры, антимонофелитское по содержанию. Феодор признал в нем законного патриарха константинопольского²³. В 646 г. экзарх Платон пригласил его в Равенну. Бывший патриарх с удовольствием переехал в этот самый византийский город Италии, здесь стал всячески демонстрировать свою лояльность по отношению к центральной власти и вскоре отправил в Рим папе письмо, в котором отрекался от подписанного им в Риме исповедания веры и подтверждал свою преданность монофелитству. За это Пирр был отлучен от церкви папой Феодором²⁴, но получил возможность возвратиться на жительство в Константинополь, что и сделал. На Латеранском соборе 649 г. он был проклят вместе с патриархами Сергием и Павлом. Вновь претендуя на пост патриарха в 654 г., Пирр, конечно, имел все основания опасаться присутствия в столице папы Мартина I, знавшего все о его поведении в Италии и способного систематически его компрометировать как в письмах, так и в судебных показаниях. Тем временем в столице готовился новый процесс, на этот раз над Максимом Исповедником. Вследствие этого Пирр, конечно, был очень заинтересован в том, чтобы получить от Мартина благоприятные для себя показания, в противном же случае — в том, чтобы плененный римский папа был немедленно выслан из столицы.

Патриарх Павел умер 27 декабря 654 г. Спустя 8 дней, т. е. 3 января 655 г., в камеру к папе Мартину явился помощник сакеллария Демосфен с тем, чтобы задать узнику ряд вопросов, связанных с прошлым патриарха Пирра. Между ними состоялся показательный разговор. Демосфен начал так: «Государь наш превосходнейший император послал нас к тебе, сказав: „Вот в каком почете ты прежде находился и до какого состояния самого себя довел; никто другой тебе этого не сделал, но исключительно только ты сам!“ („tu ipse tibimet ipsi“), „Лишь от Бессмертного Царя все милости и почет“, — отвечал папа²⁵. Чиновник продолжал: «Повелел тебе государь: расскажи нам по порядку, что делал здесь и в Риме бывший патриарх Пирр? По какой причине приехал в Рим: по приказу или по своей воле?» — «По своей воле», — отозвался папа. Демосфен достал текст предъявленного Пирром в Риме исповедания веры. «Каким образом написал он эту книжонку? Кто его заставил?» — «Никто, — отвечал Мартин, — по своему желанию!» — «Когда Пирр прибыл в Рим, как встретил его святой муж, твой предшественник папа Феодор? Как епископа?» — «А почему бы и нет? — прозвучал ответ Мартина. — Блажен-

²¹ Пирр подозревался в отравлении отца Константа II императора Константина III (640—641). См.: *Theophanis Chronographia* Rec. C. de Boor. Lipsae, 1885. T. I. P. 341; см. также: Кулаковский Ю. Указ. соч. T. III. С. 178.

²² См. об этом, например: *Montmasson E. Chronologie de la vie de saint: Maxime le Confesseur* (580—662) // *Echos d'Orient*. 1910. T. 82. P. 153. Протоколы диспута опубликованы: PG. T. 91. Col. 288—353.

²³ *Liber Pontificalis* / Texte, intr. et comm. L. Duchesne. P., 1886. (Далее: LP). I. P. 332.

²⁴ LP. I. P. 332; *Theophanis Chronographia*. P. 331.

²⁵ Здесь и далее: *Commemoratio*. Col. 858—859.

ный Феодор еще до приезда Пирра в Рим прямо написал Павлу, что тот повел себя недостойно и захватил трон предыдущего. И когда после этого Пирр по своей воле прибыл в Рим под защиту Святого Петра, почему было моему предшественнику не принять и не приветствовать его как епископа?» — «Видно так оно и есть...» («Vere veritas sic se habet»), — произнес сбитый с толку Демосфен. — Но от кого он получал необходимое для себя пропитание?» — «Конечно, от патриарха римского», — отвечал Мартин. — «И что за хлеб вы ему давали?» — поинтересовался чиновник. «Вы, господин мой, наверно, не знаете римскую церковь? Тогда скажу вам, что если какой-нибудь несчастный человек приходит к ней за пропитанием, то все потребное предоставляется ему; и никого не оттолкнет Святой Петр, не наделив своими дарами; так что лучший хлеб и вино давались не только ему, но и людям его. Если случилось так, что в числе страждущих людей пришел к нам достойнейший епископ, то какое же он должен получать пропитание?»

Как мы видим, характеристики, которые папа Мартин давал бывшему патриарху Пирру, вполне уважительные по форме, были уничтожающими по существу. И чиновник, ожидавший других ответов, не выдержал: «Мы заявляем, что в Риме Пирра силой заставили написать книжку! что он находился в деревянных кандалах и перенес много мучений!» — «Ничего подобного, — последовал ответ папы. — Разве только они (т. е. свидетели. — О. Б.) из-за какого-то страха не имеют возможности говорить правду. Здесь в Константинополе находятся многие, которые тогда были в Риме и знают, как было дело. И первый из них — патрикий Платон, кой был тогда экзархом и послал своих людей в Рим к Пирру: спросите его, не лгу ли я. Что в конце концов еще надо выяснять? Вы держите меня в своих руках, вот и делайте со мной, что хотите, ибо, по воле Божьей, это в вашей власти! По крайней мере, если вы меня четвертуете, как приказал префект, я не вступлю в общение с константинопольской церковью. Вот я: выясняйте, испытывайте, — вы обнаружите, что я благодарен Богу и предан его рабам»²⁶.

Тем и закончился допрос. Русский византист Ю. Кулаковский отметил, что разоблачения Мартина «не воздействовали, и 4 января 655 г. Пирр вновь занял патриарший престол»²⁷. В связи с этим хотелось бы высказать одно предположение. Вопрос о назначении патриархом Пирра наверняка решался не вечером 3 января; он был решен в пользу последнего задолго до того, и, возможно, еще при жизни патриарха Павла. Не случайно автор «Commemoratio» отмечает, что сам Демосфен и все те, кому впоследствии приходилось читать протокол, поражались смелости папы Мартина²⁸, причем говорит он о Пирре как о действующем патриархе. Вероятно, описанный допрос был организован не императором, желавшим получить подтверждение своему мнению о Пирре, — в таком случае василевс наверняка скорректировал бы это мнение. Допрос был организован по инициативе самого Пирра, надеявшегося получить из уст сломленного духом Мартина показания, оправдывающие претендента на патриарший престол в глазах императора. Добиться этого Пирру не удалось, и после этого он должен был сделаться наиболее рьяным поборником скорейшего удаления Мартина из столицы.

В камере тюрьмы custodia Diomedis Мартин I провел 85 дней. На 86-й день появился нотариус Саголеба и сообщил, что имеет приказ пере-

везти папу в свой собственный дом, откуда его отправят в ссылку. Мартин спросил, куда именно, но это ему отказались сообщить. Папа просил оставить его в тюрьме до отъезда, но получил отказ. Находясь в доме Саголебы, незадолго до отправления, Мартин узнал, что местом его ссылки назначен Херсон. Вскоре его тайно перенесли на корабль и подняли паруса. Как отмечает автор «Commemoratio», сторонники Мартина лишь спустя несколько дней после отъезда папы узнали, что его нет в столице. По-видимому, именно с этой целью Мартин был предварительно перемещен в дом одного из своих мучителей. Однако по прибытии Мартина I в Херсон его константинопольские единомышленники сумели установить с ним контакт. Бывший папа отправил в Константинополь несколько писем, два из которых сохранились до нашего времени²⁹. Эти письма до сих пор остаются важнейшими источниками по истории Крыма в VII в.³⁰

Истощенный и измученный, папа Мартин I провел в Херсоне лишь несколько месяцев и скончался там от болезней и голода 16 сентября 655 г. До самой смерти он оставался врагом монофелитства и сохранял полную убежденность в правильности своей политической линии, о чем свидетельствует последнее письмо, написанное им за несколько дней до кончины (Ер. XVII).

Папа Мартин I был одним из наиболее значительных деятелей римской церкви в эпоху раннего средневековья. Приняв на себя роль лидера ортодоксального христианства как на Западе, так и в пределах самой империи, он с успехом проводил самостоятельную религиозную политику в условиях разрыва с Константинополем. Его соратники и союзники, в том числе и греки (Максим Исповедник, Стефан из Доры), признали в эти годы его политическое лидерство³¹. Практически Мартин I стал виднейшим продолжателем политической линии папы Григория Великого (590—604)³². Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения, что трагедия папы Мартина явилась следствием его «попыток сохранить верность как Риму, так и Константинополю»³³. Несомненно, что в конфессиональном плане о верности ортодоксального папства монофелитской Византии не приходится говорить. Но еще важнее то, что папа Мартин осмелился бросить Константинополю политический вызов. За многие десятилетия он был первым римским понтификом, занявшим папский престол без императорской ординации. Блокировавшись с узурпатором Олимнием, он впервые в истории римской церкви добился независимости от империи и сохра-

²⁹ Ер. XVI—XVII. Mansi. X. Col. 861—864. Следует предположить, что до нас дошли не все письма. Автор «Commemoratio» указывает, что папа писал из Крыма о своих невзгодах, причем «не только о страданиях телесных, но и о притеснениях со стороны местных жителей и правителей... видимо, по указанию правящих в Византии» (Ibid. Col. 860). В сохранившихся письмах папа не высказывает подобных предположений и не жалуется на притеснения властей.

³⁰ Их русский перевод и комментарий, а также сведения о пребывании папы Мартина I в Крыму, его погребении в Херсоне и о посмертном культе папы Мартина как одного из «таврических чудотворцев» см.: Вородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 173—190.

³¹ Burn-Murdoch H. The Development of the Papacy. L., 1955. P. 288.

³² Дополнительным доводом в пользу такой оценки может служить и то обстоятельство, что папа Мартин в разгар монофелитских споров не забывал об укреплении власти римской церкви на христианском Западе. Помимо упоминавшегося письма к епископу Аманду, в этой связи следует указать на грамоты, в которых он принимает под юрисдикцию римской курии ряд монастырей во Франкском королевстве, предоставляя им значительные иммунитетные привилегии. См.: PL. T. 87. Col. 205—212.

³³ Falco G. La Santa Romana Respublica: Profilo storico del Medio Evo. Milano; Napoli 1954. P. 152.

²⁶ «... fidelium servorum ejus» — аллюзия на папский титул «servus servorum Dei».

²⁷ Кулаковский Ю. Указ. соч. Т. III. С. 216.

²⁸ Commemoratio. Col. 859. Прямое указание на то, что автор «Commemoratio» «имел возможность использовать подлинные протоколы допросов папы Мартина».

нял ее в течение четырех лет. Его арест, осуждение и ссылка стали первым звеном в цепи религиозно-политических процессов над противниками монофелитства в Византии (самым значительным из них был суд над Максимом Исповедником в 656 г.). Объективно эти процессы не только не способствовали укреплению монофелитства, но дискредитировали это учение в глазах большей части верующих, приближая его неизбежный крах. Для римской же церкви расправа над Мартином I имела особое значение, превратив его в папу-мученика, в один из сакрализованных символов самоотверженности в борьбе за церковную и политическую самостоятельность папства³⁴.

Е. М. ЛОМИЗЕ

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТ И ОСМАНСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В КОНЦЕ XIV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

К концу XIV в. османское завоевание толкнуло Константинопольский двор к активным поискам религиозного компромисса с латинским Западом. В этих условиях османская религиозная политика могла оказать большое влияние на жизнь церкви в Византии. Ниже мы намерены охарактеризовать эту политику и реакцию на нее в византийских церковных кругах.

Говоря об османской религиозной политике в отношении иноверцев, исследователи обычно описывают систему миллетов — национально-религиозных общин. Православный миллет возглавлял Константинопольский патриарх, осуществлявший в своей общине правосудие, отвечавший за выплату своей общиной хараджа и за ее лояльность и представлявший перед султаном ее интересы, являясь, таким образом, инструментом власти государства османов в отношении его христианских подданных. Однако сформировалась система миллетов лишь при Мехмете II (1451—1489)¹. Как соотносилась с ней османская религиозная политика доконстантинопольского периода?

Среди причин, побудивших Мехмета II гарантировать статус Вселенского патриарха, обычно называют фискальную заинтересованность в сохранении численности христианской райи и политический расчет на поддержание условий существования раскола между восточной и западной церквами. Обе причины действовали и до падения Константинополя, но породить разумную политику в отношении церкви они могли лишь в том случае, если ни османское правительство, ни все общество не были охвачены антихристианским фанатизмом. Судя по данным С. Вриониса, толерантное отношение к христианам было достаточно распространено в османском обществе, чтобы служить базой для конструктивной политики в отношении православной церкви². Следовательно, мы вправе рассматри-

³⁴ Автор «Commemoratio» отмечает: «Он стал образцом для подражания всех, кто решил и предпочел жить во благе и бороться за него» (Commemoratio. Col. 861). При раскопках церкви Santa Maria Antiqua в Риме была выявлена фреска с изображением папы Мартина, написанная в правление Иоанна VII (701—705). См.: *Grisar H. Una vittima del despotismo bizantino: Papa S. Martino (649—654/655)* // *Civiltà cattolica*. Roma, 1970. T. LVIII. P. 656. Таким образом, уже спустя несколько десятилетий после смерти он входил в число наиболее популярных и почитаемых римских пап.

¹ *Hering G. Das islamische Recht und die Investitur des Gennadios Scholarios* // *Balkan Studies*. 1961. T. 2. P. 231—256; *Karpat K. H. Ottoman Views and Politics towards the Orthodox Christian Church* // *The Greek Orthodox Theological Review*. 1986. Vol. 31. P. 131—155; *Pantazopoulos N. J. Church and Law in the Balkan Peninsula During the Ottoman Rule*. Salonica, 1967; *Papadopoulos C. Les privilèges du Patriarchat oecuménique dans l'Empire Ottoman*. P., 1924; *Papadopoulos Th. Studies and Documents Relating to the History of the Greek Church and People under Turkish Domination*. Brussels, 1952; *Runciman S. The Great Church in Captivity*. Cambridge, 1968; *Zakythinos D. The Making of Modern Greece: From Byzantium to Independence*. Oxford, 1976. P. 43—49.

² *Vryonis S. The Conditions and Cultural Significance of the Ottoman Conquest in the Balkans* // *Vryonis S. Byzantium: Its Internal History and Relations with the Muslim World*. L., 1971. Vol. IX; *Idem. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and*

вать немногие сохранившиеся османские документы, касающиеся отношений с ней, как проявления этой политики.

Такому подходу противоречит мнение С. Вриониса о том, что в до-константинопольский период османские власти враждебно относились к православному духовенству, видя в нем агентуру Византии³. Однако об османской религиозной политике он судил по упадку православной церкви на завоеванных землях, который мог быть вызван не политикой правительства, а эксцессами военного времени. Наиболее сильным его аргументом в пользу враждебного отношения османских властей к церкви являются факты изгнания ими православных епископов. Однако прямые указания на запреты османских властей как на причину разлучения епископов с паствой относятся к 1400 г. — моменту решительного столкновения Византии с османами⁴. Для остальных случаев характерны общие указания на ненормальное положение вещей, связанное с захватом епархий варварами⁵. Частой причиной разлучения пастыря с паствой было пленение архиерея в ходе военных действий⁶. Все эти случаи связаны с военными обстоятельствами, а не с религиозной политикой мирного времени. На пути епископов к пастве вставало также взяточничество местной администрации. Именно этим был вызван отказ пропустить в 1339 г. Матфея Эфесского в его епархию, и, не оказавшись у него опытного советчика, он повернул бы назад⁷.

Между тем многие современники утверждали, что церковная организация все же продолжала свободно функционировать на завоеванных землях, и если свидетельства об этом Иосифа Вриенния⁸, патриарха Нила (1379—1387)⁹ и Иоанна (Иоасафа) Кантакузина¹⁰, высказанные в контексте антилатинской полемики, можно заподозрить в стремлении приукрасить положение Восточной церкви, то в показаниях критского купца Эммануила Пилоти¹¹ и анонимной справки «Нынешние земли греков, их светские и церковные владения», составленной в 1437 г. для Базельского собора¹², трудно заподозрить такую тенденцию. Из последнего документа следует, что в XV в. османы даже на время военных столкновений с Византией отказались от санкций против греческого духовенства контролируемых ими епархий.

Не препятствуя Вселенскому патриарху поставлять епископов в завоеванные земли, турки в XIV в. не гарантировали ему и дисциплинарного

контроля над ними. Так, в 1381 г. митрополит Периферия Дорофей, отпущенный от сана и брошенный императором в тюрьму, бежал и с помощью турок вновь занял кафедру¹³. В XV в. порядок изменился: православные иерархи должны были предъявлять османам грамоты, подтверждавшие их полномочия. В 1441 г. Марк Эфесский бежал из Константинополя в свою епархию, опасаясь репрессий за отказ признать Флорентийскую унию, но был выдворен оттуда «нечестивыми» из-за отсутствия у него такой грамоты¹⁴.

Церковь получала и некоторые имущественные права. Согласно шариату, в сдавшихся туркам городах она сохраняла все, чем владела. На таких условиях сдалась в 1430 г. Янина¹⁵. Если город брался с бою, имущество церкви подвергалось тотальному грабежу, однако затем турецкие власти предоставляли ей храмы и земли — в меньшем количестве и хуже того, чем она владела при православных императорах¹⁶. Сохранился берат 1456 г.¹⁷, подтверждающий поставление некоего митрополита, по которому он мог располагать храмом и землями на тех же условиях, что и его предшественник, т. е. не платя хараджа и ряда иных османских податей¹⁸. О наличии в доконстантинопольский период практики защиты имущества церкви и предоставлении ей налоговых льгот говорят и османские грамоты, данные монастырям¹⁹. Преобладание среди турецких грамот доконстантинопольского периода касающихся монастырей не говорит о более выгодном положении их имущества в Османском государстве, ибо объясняется лучшей сохранностью монастырских архивов.

Гарантии в отношении имущества церкви были обусловлены лояльностью паствы султану. Так, результатом поддержки, оказанной жителями Охрида брату Мехмета I (1413—1421) Мустафе при попытке переворота, стал карательный поход на Охрид зимой 1416/1417 г., в ходе которого многие храмы подверглись поруганию, церковь св. Климента монастыря св. Пантелеймона была обращена в мечеть, а сам монастырь упразднен²⁰. Между тем прежде архиепископы Охрида пользовались покровительством турок и с их помощью захватили к 1411 г. Видинскую и Софийскую митрополии Вселенского патриархата²¹. Акции, подобные охридскому походу Мехмета I, стали одной из причин упадка церкви в Болгарии в XV в. Христиане этих земель в 1402—1404 гг. участвовали в восстании под предводительством болгарских царевичей Константина и

the Process of Islamisation from the XIth through the XVth Century. L., 1971; *Idem*. Religious Change and Continuity in the Balkans and Anatolia from the XIVth through the XVth Century // *Islam and Cultural Change in the Middle Ages*. Wiesbaden, 1975. P. 127—140; *Idem*. Religious Changes and Patterns in the Balkans (XVth—XVIth Century) // Birnbaum H., Vryonis S. Aspects of Balkans: Continuity and Change. Hague, P., 1972. P. 151—177.

³ Vryonis S. The Conditions. . . P. 7; *Idem*. The Decline. . . P. 349; *Idem*. The Decisions of the Patriarchal Synod in Constantinople as a Source for Ottoman Religious Policy in the Balkans prior to 1402 // ЗРВИ. 1980. Кн. 19. P. 296; *Idem*. Religious Changes and Patterns. . . P. 166.

⁴ MM. T. 2. P. 390, 450, 561—562.

⁵ MM. T. 1. P. 34, 40, 69—70, 89, 243, 331—332, 355—356.

⁶ MM. T. 2. P. 18—49, 77.

⁷ Matthaios, *Metropolit von Ephesos*. Veber sein Leben und seine Schriften. Potsdam, 1901. P. 54.

⁸ Ἰωσήφ μοναχὸς τοῦ Βρυεννίου τὰ εὐρηθῆντα / Εὐγένιος Βουλγαρέως. Λειψία, 1768. Τ. 1. Σ. 478; 1784. Τ. 3. Σ. 152.

⁹ MM. T. 2. P. 87.

¹⁰ Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 / Изд. Г. М. Прохоров // ВВ. 1969. Т. 29. С. 333.

¹¹ Piloti E. Traité sur la passage en Terre Sainte / Ed. P. Dopp. P., 1958. P. 121—122.

¹² Ὑπόμνημα περὶ τῶν Ἑλληνικῶν χωρῶν καὶ Ἑκκλησιῶν κατὰ τὸ XV αἰῶνα / Ἐκδ. Ε. Δάμπρος // ΝΕ. 1910. Τ. 7. Σ. 366.

¹³ MM. T. 2. P. 38.

¹⁴ Oeuvres anticonciliaires de Marc d'Ephèse / Ed. L. Petit // PO. P., 1923. T. 17, Fasc. 2. P. 182.

¹⁵ MM. T. 3. P. 182—183; Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975. Bd. 1. S. 654.

¹⁶ Matthaios. . . P. 54—55.

¹⁷ Zakythinos D. The Making of Modern Greece. P. 46.

¹⁸ Beldiceanu N. Les actes des premiers sultans conservés dans les manuscrits turcs de la Bibliothèque Nationale à Paris. P., 1960. T. 1. P. 137.

¹⁹ Изчиев Д. Турските документи на Рилския манастир. М., 1910. С. 4; Стайнова М. Опис турски документи за църковно-националната борба в Османската империя XV—XX в. С., 1971. С. 56; Binon C. Les origines légendaires et l'histoire de Xeropotamou et de Saint-Paul de l'Athos. Louvain, 1942. P. 274, 295; Boskov V. Ein Nisan des Prinzen Orchan, Sohn Suleyman Celebis aus dem Jahre 1412 im Alhoshkloster Sankt Paulus // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1979. Bd. 71. S. 130; Guillou A. Les archives de Saint-Jean-Prodrôme sur le Mont Ménéce. P., 1955. P. 156; Zachariadou E. Early Ottoman Documents of the Prodromos Monastery // SF. 1969. T. 28. P. 3—7.

²⁰ The Politico-Historical Works of Symeon, Archbishop of Thessalonika (1416/17—1429) / Ed. D. Balfour. Wien, 1979. P. 50, 129—138.

²¹ Баласчев Г. Кореспонденция между цариградския патриарх и охридския архиепископ от XV в. // Минало. 1909. Т. 1, кн. 1. С. 9—11; кн. 2. С. 127—130.

Фружина²², а в 1416 г. в восстании шейха Бедреддина²³. О последовавших репрессиях говорит участь Рильского монастыря, который в 1402 г. получил фирман, предписывавший местным властям восстановить монастырь во владении всем, что ему принадлежало до завоевания²⁴, и который, несмотря на это, вскоре подвергся полному разорению²⁵.

Усвоенная султанами роль гарантов церковных имуществ делала их арбитрами в имущественных спорах внутри церкви. Вопреки запрету синода²⁶ греческое монашество и духовенство еще до падения Византии в спорах об имуществе стало обращаться к их суду, как прежде оно прибегало к суду императоров²⁷. Эта практика не означала стремления султанов уничтожить собственно церковную юрисдикцию. Следуя шариату, они вмешивались в споры немусульман, если те обращались к их суду, но не всегда находили желательной эту практику. Так, в 1427 г. Мурад II предписал кади в Серрах не вмешиваться в спор тамошнего митрополита со священником²⁸. В 1430 г. в ультиматуме Янине митрополиту было обещано право свободно «вершить свой суд»²⁹.

Таким образом, османская религиозная политика доконстантинопольского периода характеризовалась предоставлением Вселенскому патриарху возможности назначать епископов в завоеванные епархии, обеспечением его дисциплинарного контроля над ними, неприкосновенностью оставшихся за церковью имуществ, налоговыми льготами, сохранением церковной юрисдикции. Политика эта нигде не была закреплена в общей форме и складывалась в виде суммы постановлений султанов по частным вопросам, которые теряли силу по смерти издавшего их монарха. Тем не менее она была довольно стабильна. Даже настроенный против христиан султан Мехмет I не стал ломать сложившиеся до него отношения с ними. Он подтвердил грамоту своего предшественника монастырю св. Иоанна Предтечи³⁰ и пожаловал налоговые льготы монастырю св. Маргариты в Серрах³¹. Османы стремились опираться в завоеванных землях на духовенство. Не случайно ультиматум Янине был адресован в первую очередь митрополиту через голову светских властей. Возлагая на церковь ответственность за лояльность прихожан, турки-османы сохраняли и условия для независимой религиозной жизни христиан.

В то же время в латинской Романии православное духовенство до рукоположения должно было клясться в том, что признает примат папы, и было подчинено латинскому епископату³².

Кроме того, православная церковь терпела притеснения от светских властей. Так, Генуя и Венеция часто закрывали православным епископам доступ в их епархии³³. В своих владениях Венеция ограничивала число православных приходов, осуществляла предварительный отбор православных претендентов на священство³⁴ и изменяла границы православных епископий³⁵.

На фоне такого вмешательства латинян в жизнь православной церкви османская религиозная политика могла казаться меньшим злом, что благоприятствовало распространению туркофильских настроений. О симпатии греков к туркам писал Бертрандон де ла Брокьер, пересекший в 1433 г. континентальную Грецию³⁶. Туркофильство своих соотечественников обличали латинофил Димитрий Кидонис³⁷ и Симеон Фессалоникский, по словам которого жители Фессалоники четверть века спустя по освобождении города от турок были снова готовы сдаться им³⁸. В 1454 г. 12 архонтов из Морейского деспотата просили Мехмета II считать их с фамилиями «своим народом»³⁹. Когда в 1398 г. Баязид I шел через «греческие земли» на Константинополь, греки встречали его и «поклонялись с тщанием»⁴⁰.

Протурецкие настроения встречались и среди греческого духовенства. Так, в 1393 г. митрополит Афин Дорофей⁴¹, а в 1395 г. его преемник Макарий пытались призвать в город турок⁴². В 1430 г. митрополит Янины принял ультиматум Синан-паши. В 1453 г. епископ Имброса возглавил посольство от Имброса, Лемноса и Фасоса, просившее Мехмета II принять их под свою власть⁴³. В 1424 г. монахи Афона, узнав о походе Мурада II на Фессалонику, изъявили ему покорность⁴⁴. Однако в первых трех случаях находившиеся под властью латинян архиереи не причиняли ущерба Византии, епископ Имброса обратился к османам после падения Константинополя, а святогорцы, прежде чем покориться султану, испросили одобрения у правившего в Фессалонике деспота Андроника.

³³ *Diplomatarium Veneto-Levanticum* / Ed. G. M. Thomas. Venezia, 1880. T. 1. P. 105—108; *Jorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XV siècle. P., 1902. T. 3. P. 10; *The Politico-Historical Works*. . . P. 58; *Oeuvres complètes de Genade Scholarios* / Ed. L. Petit, A. Siderides, M. Jugie. P., 1935. T. 4. P. 208; *Ἱστορία*. . . Σ. 365.

³⁴ *Fedalto G.* La Chiesa. . . T. 3. N 53, 340, 363; *Notret H.* Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne en Crète de 1380 à 1485. P., 1892. P. 136, 354, 362, 366, 436; *Sathas K.* Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Age. P., 1881. T. 2. P. 143, 192; 1882. T. 3. P. 82, 146—154; *Thiriet F.* Regestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. P., 1961. T. 3. P. 22; *Idem.* La situation religieuse en Crète au début du XV s. // *Byz.* 1966. Bd. 36. P. 201—212; *Tomadakis N.* La politica religiosa di Venezia à Creta verso i cretensi ortodossi dal XIII al XV secolo // *Venezia e il Levante*. Firenze, 1973. T. 1, Fasc. 2. P. 783—800; *Μανούσσης Μ. Ι.* Μέτρα της Βενετίας ἐναντί της ἐν Κρήτῃ ἐπιρροῆς τοῦ πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως κατ' ἀνέκδοτα βενετικά ἐγγράφα // *ΕΕΒΣ*. 1960/1961. T. 30. Σ. 85—144.

³⁵ *Sathas K.* Documents. . . T. 3. P. 337—338, 371.

³⁶ *Le voyage d'outremer de Bertrandon de la Broquiere* / Ed. Ch. Schefer. P., 1892. P. 148—149.

³⁷ *Démétrios Cydonés. Correspondance* / Ed. R. Loenertz. Città del Vaticano. 1960. T. 2. P. 249.

³⁸ *The Politico-Historical Works*. . . P. 55—57, 85.

³⁹ *MM.* T. 3. P. 290.

⁴⁰ *Bogdan I.* Ein Beitrag zur bulgarischen und serbischen Geschichtsschreibung // *Archiv für slawische Philologie*. 1891. Bd. 13. S. 532.

⁴¹ *MM.* T. 2. P. 165.

⁴² *I Libri Commemorativi della Repubblica di Venezia* / Ed. R. Predelli. Venezia, 1883. T. 3. P. 309—310.

⁴³ *Critobuli Imbriotae De rebus per annos 1451—1467 a Mechmete II gestis* / Ed. V. Grecu. Bucuresti, 1963. P. 165.

⁴⁴ *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. . . T. 1. S. 473; *Oikonomides N.* Monastères et moines lors de la conquête ottomane // *SF*. 1976. T. 35. P. 1—10.

²² *Петров П.* Въстанието на Константин и Фружин // *Известия на Института за История при Българския Академия на науките*. 1960. Т. 9. С. 187—214.

²³ *Новичев А. Д.* К истории народного восстания в Турции под руководством шейха Бедреддина Симави // *Общество и государство на Балканах в средние века*. Калинин, 1980. С. 21—38; *Он же.* Крестьянское восстание в Турции в начале XV в. // *Проблемы востоковедения*. 1960. № 3. С. 67—81; *Тверитинова А. С.* К вопросу об изучении первого антифеодального восстания в средневековой Турции // *ВВ*. 1956. Т. 11. С. 200—225; *Babinger F.* Scheich Bedr-ed-din der Sohn des Richters von Simav. B.; Leipzig, 1921; *Werner E.* Scheich Bedreddin, Bürklüge Mustafa und Chios // *Sitzungsb. des Sächsischen. Akad. der Wissensch. zu Leipzig. Philol.-Hist. Kl.* 1974. Bd. 116, H. 5. S. 27—57.

²⁴ *Итчиев И.* Турските документи. . . С. 4.

²⁵ *Дуйчев И.* Рилският светец и неговата обител. С., 1947. С. 282—286; *Старобългарски разкази* / Под ред. Й. Иванова. С., 1935. С. 227.

²⁶ *MM.* T. 2. С. 98.

²⁷ *Binon C.* Les origines. . . P. 295; *MM.* T. 2. P. 200.

²⁸ *Стайнова М.* Опис турски документи. . . С. 56.

²⁹ *MM.* T. 3. С. 182—183.

³⁰ *Zachariadou E.* Early Ottoman Documents. . . P. 55.

³¹ *Стайнова М.* Опис турски документи. . . С. 56.

³² *Fedalto G.* La Chiesa Latina in Oriente. Verona, 1973. T. 1. P. 191—201; T. 3. N 380, 390; *Ἱστορία μοναχῶν τοῦ βρεννίου*. . . Т. 1. Σ. 1—25.

Создается впечатление, что туркофилство в церковных кругах в Византии в XV в. не доходило до измены интересам империи. О том, что церковь в Византии до последнего момента связывала свою судьбу со Вторым Римом, говорит и почти полное отсутствие в византийской церковно-полемической литературе XIV—XV в. интереса к возможному положению церкви под османами и размышлений о ее участии в случае гибели империи.

Подробные свидетельства о положении церкви при турках оставили лишь Матфей Эфесский, описавший свой путь в епархию и первые месяцы пребывания там (1339—1340)⁴⁵, и Григорий Палама, побывавший в 1355 г. в качестве пленника в Прусе и Никее⁴⁶. Сторонники разных позиций по исихастским спорам, эти авторы дали противоположные оценки и религиозной политике турок, хотя в основе их впечатлений лежали одни и те же явления. Оба видели заброшенные или обращенные в мечети храмы, захваченные турками имущества церкви и многочисленных пленных христиан. Оба публично спорили с мусульманами о вере и подвергались опасности нападения со стороны разгоряченных слушателей. Все это угнетало Матфея Эфесского, который ехал в свою епархию в надежде добиться возврата всех прежних имуществ церкви и тяжело переживал утрату ею земного богатства. Для Григория Паламы важнее было, что церковь и в этих условиях продолжала существовать. Пожалуй, главным его впечатлением стали встречи с паствой, хранившей веру среди нечестивых. Симптоматично, что Матфей Эфесский, считавший положение церкви при турках невыносимым, сумел все же завязать отношения с завоевателями и с их помощью в 1342 г. изгнал митрополита из Пиргия, чтобы подчинить себе его епархию⁴⁷.

Предположив, что сочетание резко негативного восприятия Матфеем Эфесским религиозной политики турок с его антиисихастскими убеждениями не было случайным, что между его обостренным восприятием внешнего положения церкви и отрицанием мистического опыта исихастов была связь, мы увидим во взглядах Григория Паламы и Матфея Эфесского выражение двух основных линий в отношении византийских церковных кругов к османскому завоеванию. Такие авторы латинофильской ориентации, как Димитрий Кидонис⁴⁸, Виссарион Никейский⁴⁹, Исидор Киевский⁵⁰ или Георгий Схоларий (в период его увлечения унией)⁵¹, в отношении к туркам тяготели к позиции Матфея Эфесского, воспринимая их как абсолютное зло и не видя возможности для сосуществования с ними христиан. Виссарион Никейский⁵² и Феодор Газа⁵³ прямо говорили о гибели своего народа как о неизбежном следствии завоевания османами Византии. Вместе с тем и в богословском плане византийское

латинофильство конца XIV—XV в. выросло из оппозиции исихастскому учению о божественных энергиях⁵⁴.

Отношение к туркам православных авторов было ближе ко взглядам Григория Паламы. Из них лишь Симеон Фессалоникский видел в османах абсолютное зло⁵⁵, в то время как патриарх Нил, Иоанн Кантакузин и Иосиф Вриенний утверждали возможность нормального существования церкви под их властью. Последний, в противоположность Виссариону Никейскому и Феодору Газе, говорил, что, если даже Византия падет, народ ее, хотя и рассеется, но не погибнет⁵⁶. Такой подход действительно позволял оправдывать пренебрежение интересами Византии, которое, однако, не было характерно для авторов этого круга, так что встречающееся в литературе отождествление позиций противников унии с политическим туркофильством⁵⁷ представляется безосновательным. Хотя защитники православия были менее политизированы, чем униаты, их призывы исходить в вопросах веры из «божественного», а не из «человеческого»⁵⁸ не означали безусловного ухода от политической реальности. Тот же Иосиф Вриенний считал защиту Константинополя «делом благочестия» и убеждал горожан давать средства на ремонт его стен⁵⁹. Он же, рассуждая о возможности реконкисты долины Истра, Фракии и Македонии, утверждал, что Вселенский патриарх должен стать вдохновителем борьбы с турками⁶⁰.

Особенно часто политические мотивы звучали в антиуниатских памфлетах Геннадия Схолария⁶¹ и у Иоанна Евгеника⁶². Они писали о том, что широкомасштабная помощь Запада Византии не будет бескорыстной и может стать для империи началом новых бед, о неэффективности прежних антитурецких кампаний латинян, о том, что Запад заинтересован в противодействии наступлению турок независимо от того, примет ли Византия церковную унию. Падение Константинополя Иоанн Евгеник⁶³ и Геннадий Схоларий⁶⁴ оплакали как вселенскую катастрофу. Сторонники православия в Византии в XV в. оставались верными идее православной империи, идее единства «царства» и «священства», подробно изложенной в послании Константинопольского патриарха Антония (1389—1390) Великому князю Московскому⁶⁵. Верность Византии они сохраняли и при императорах-униатах Иоанне VIII и Константине XI. Так, Геннадий Схоларий, возглавивший после смерти Марка Эфесского (1445) оппозицию Флорентийской унии в Византии, осудил попытку деспота Феодора с помощью

⁴⁵ *Matthaios*. . . P. 54—55.

⁴⁶ *Arnakis G. Gregory Palamas Among the Turks and Documents of His Captivity as Historical Sources // Speculum*. 1951. Bd. 26. P. 108—118; *Philippidis-Braat A. La Captivité de Palamas chez les Turcs: Dossier et Commentaire // TM*. 1970. T. 7. P. 109—221.

⁴⁷ *MM*. T. 1. P. 235—237.

⁴⁸ *Cydonès*. T. 2. P. 151, 165—249.

⁴⁹ *Kardinal Bessarion als Theolog, Humanist und Staatsmann / Ed. L. Mohler. Paderborn*, 1942. T. 3. S. 376—393, 550—553.

⁵⁰ *La caduta di Constantinopoli / Ed. A. Pertusi. Mailand*, 1976. T. 1. P. 82, 106; *PG*. T. 159. Col. 953; *Testi inediti e poco noti sulla caduta di Constantinopoli / Ed. A. Pertusi. Bologna*, 1983. P. 16.

⁵¹ *Orationes Georgii Scolari in Concilio Florentino Habitaе / Ed. J. Gill. Roma*, 1984. P. 5—20.

⁵² *Kardinal Bessarion*. . . T. 3. S. 480, 485.

⁵³ *Ibid*. T. 3. S. 582.

⁵⁴ О значении учения о божественных энергиях для греко-латинской полемики XV в. см.: *Lourié V. L'attitude de S. Marc d'Ephèse aux Debats sur la Procession du Saint Esprit à Florence: Ses fondements dans la théologie post-palamite P*. 317—333.

⁵⁵ *The Politico-Historical Works*. . . P. 83—84; *Balfour D. Saint Symeon as a Historical Personality // The Greek Orthodox Theological Review*. 1983. Vol. 28. P. 55—72.

⁵⁶ *Ἰωσήφ τοῦ Βρυεννίου μετὰ τινος Ἰσραηλίτου Διάλεξις // 'Εκδ. Α. Ἀργυρίου // ΕΕΒΣ*. 1966. T. 35. Σ. 177.

⁵⁷ *Ducellier A. L'Islam et les musulmans vue de Byzance au XIVe siècle // Βυζαντινά*. 1987. T. 12. Σ. 177.

⁵⁸ *Oeuvres anticonciliaires de Marc d'Ephèse*. . . P. 317, 325; *Oeuvres complètes de Gennade Scholarios*. . . T. 3. P. 91, 114, 147.

⁵⁹ *Ἰωσήφ μοναχοῦ τοῦ Βρυεννίου*. . . T. 2. Σ. 281.

⁶⁰ *Ibid*. T. 3. Σ. 146—148.

⁶¹ *Oeuvres complètes de Gennade Scholarios*. . . T. 3. P. 77—100, 136—152, 166—171.

⁶² *Petrides S. Les oeuvres de Jean Eugénikos // EO*. 1910. Vol. 13. P. 280.

⁶³ *Μονωδιαι καὶ θρηνοὶ ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Κωνσταντινουπόλεως // 'Εκδ. Σ. Λάμπρος // ΝΕ*. 1908. T. 5. Σ. 219—226.

⁶⁴ *Oeuvres complètes de Gennade Scholarios*. . . T. 1. P. 287—291.

⁶⁵ *MM*. T. 2. P. 188—192; см. также: *Ломизе Е. М. Византийский патриотизм в XV в. и проблема церковной унии // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 96—106.*

турок низложить подписавшего унию императора Иоанна VIII ⁶⁶. Симптоматично, что аргументация классического представителя византийского политического туркофильства историка Критовула носила исключительно светский характер ⁶⁷.

Собранный нами материал позволяет утверждать, что османская религиозная политика в отношении православной церкви уже до падения Константинополя строилась в основном на тех же принципах, что и позже в рамках системы миллетов. Православная церковь при турках сохраняла внутреннюю свободу, которой не имела под властью латинян, что способствовало распространению среди греков туркофильских настроений, коснувшихся и православного духовенства. Однако проявления туркофильства были характерны главным образом для православного духовенства находившихся под властью латинян епархий и не задевало интересов Византии. Несмотря на униатскую политику последних императоров и перспективы, которые открывала в той ситуации перед православной церковью османская религиозная политика, политическое туркофильство в Византии в XV в. не получило санкции церкви.

⁶⁶ Oeuvres complètes de Gennade Scholarios. . . T. 3. P. 117—136.

⁶⁷ Cayla M. C. Trois Chronographs de la Prise du Constantinople représentant des trois courants idéologiques // BF. 1987. Bd. 11. S. 287—297.

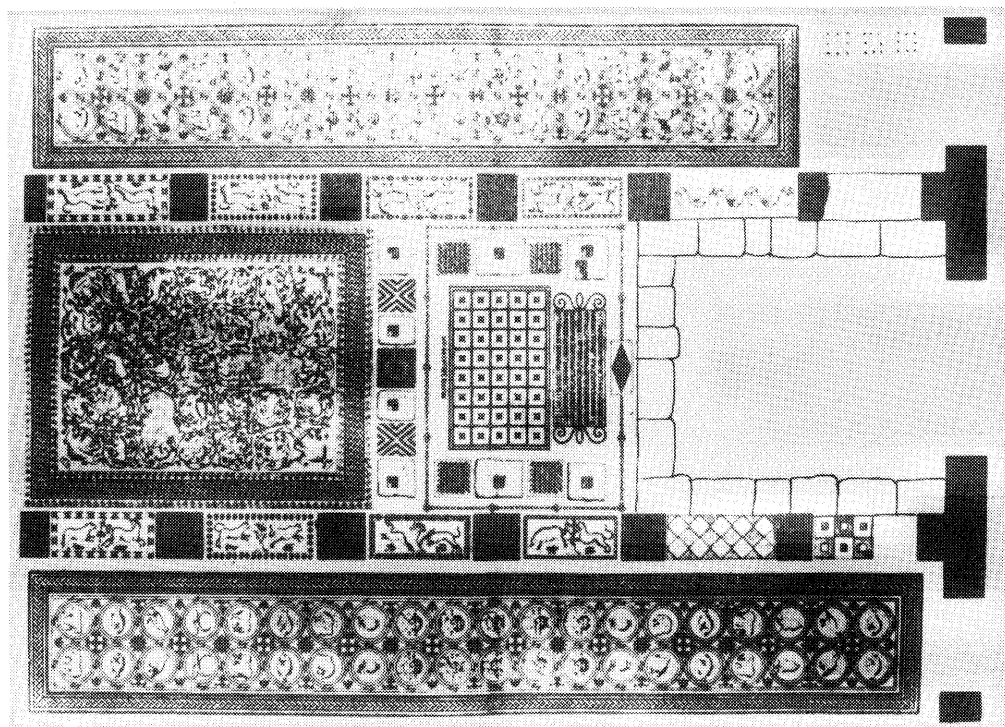

Рис. 1.
Мозаика церкви
в Кабр-Хирам.
План

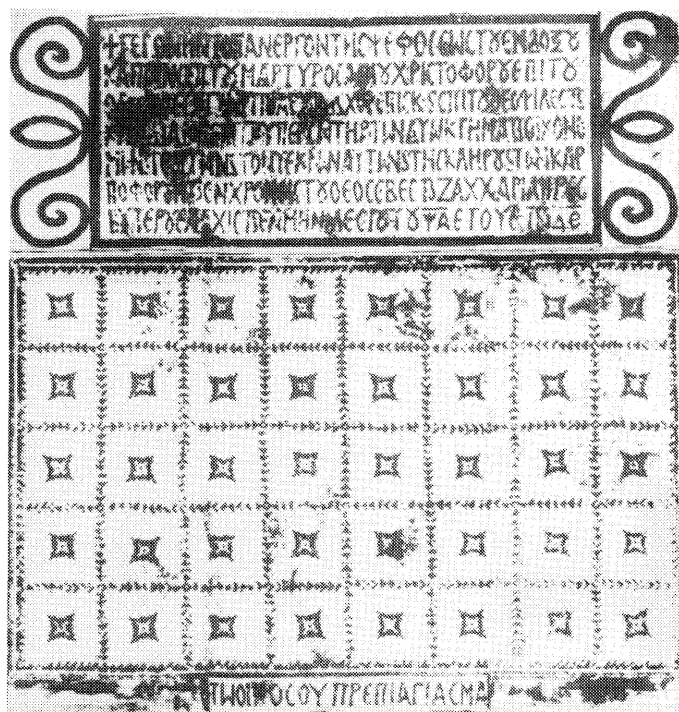

Рис. 3.
Средний неф.
Надпись

Рис. 2. Мозаика среднего нефа

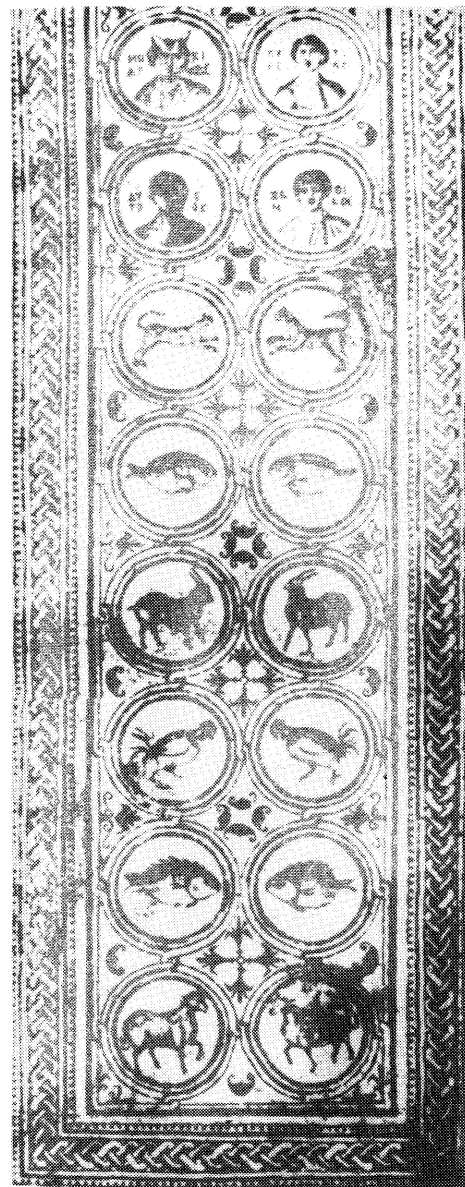

Рис. 4. Северный неф

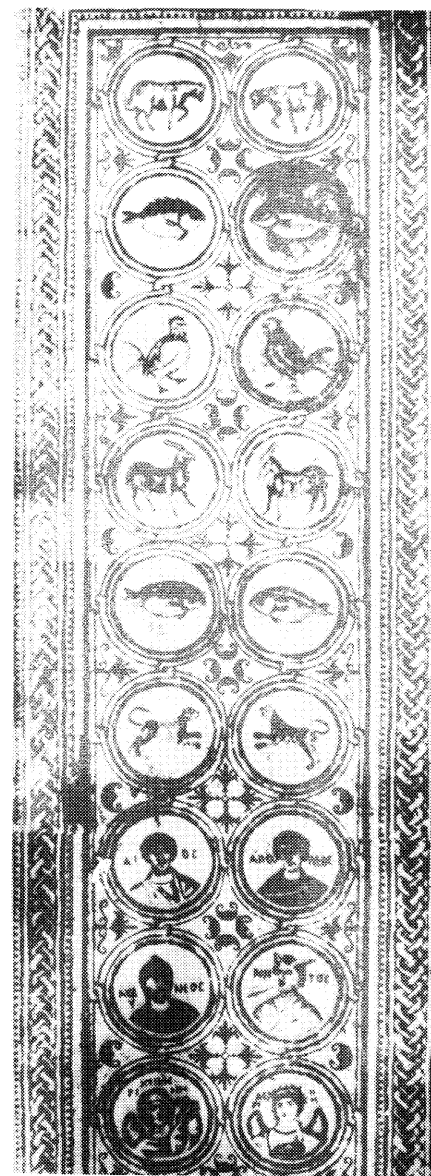

Рис. 5. Северный неф

Рис. 6. Южный неф

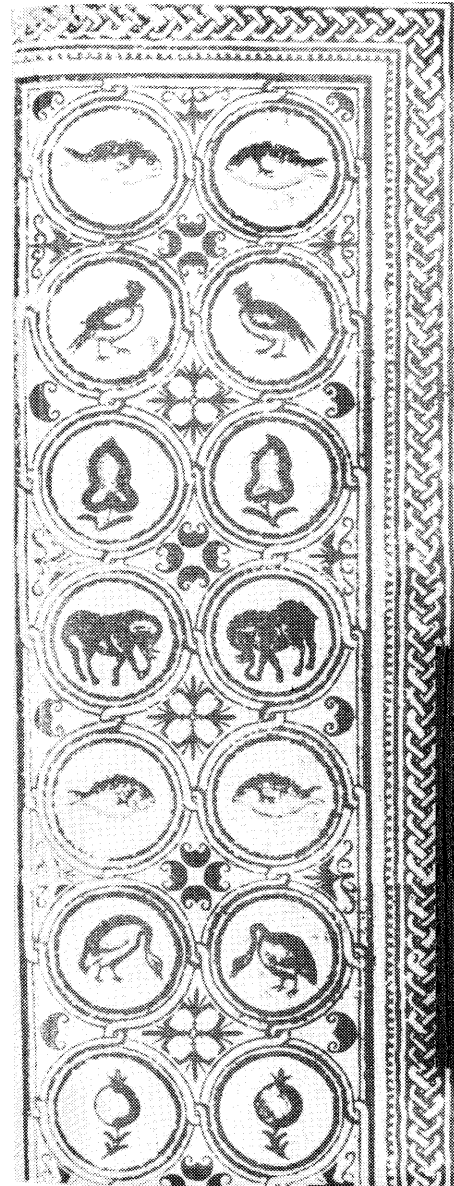

Рис. 7. Южный неф

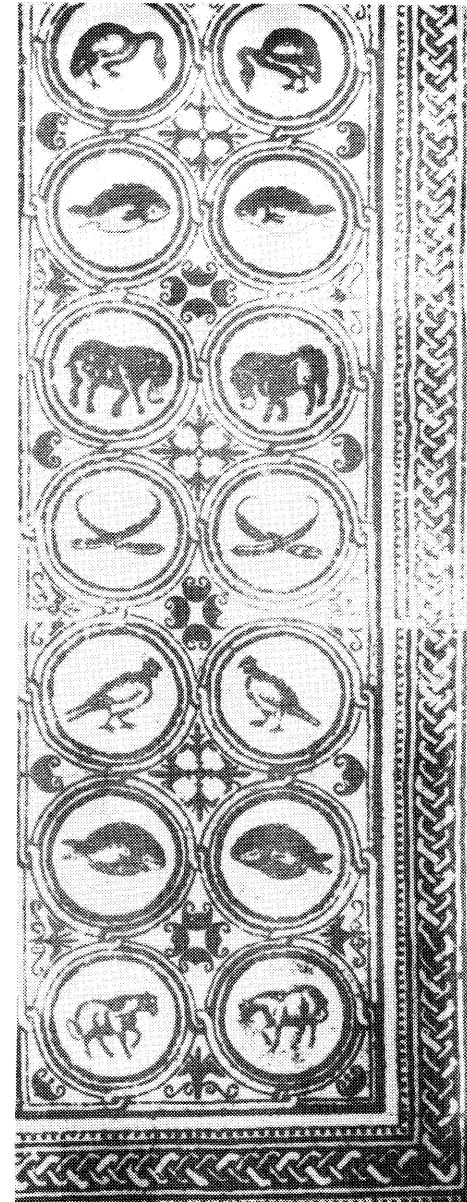

Рис. 8. Южный неф

Рис. 9. Зима

Рис. 10. Весна

Рис. 11. Лето

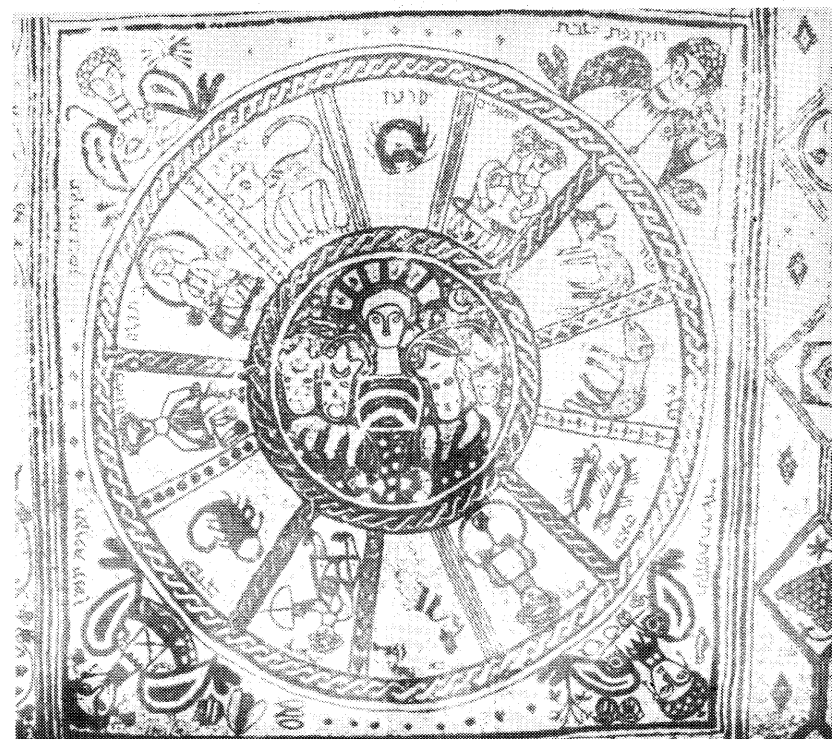

Рис. 12. Осень

Рис. 13. Мозаика
с изображением Земли,
Месяцев и Времен года
из Карфагена

Рис. 15. Мозаика
с изображением знаков
Зодиака и Времен года
из синагоги в Бет-Альфе

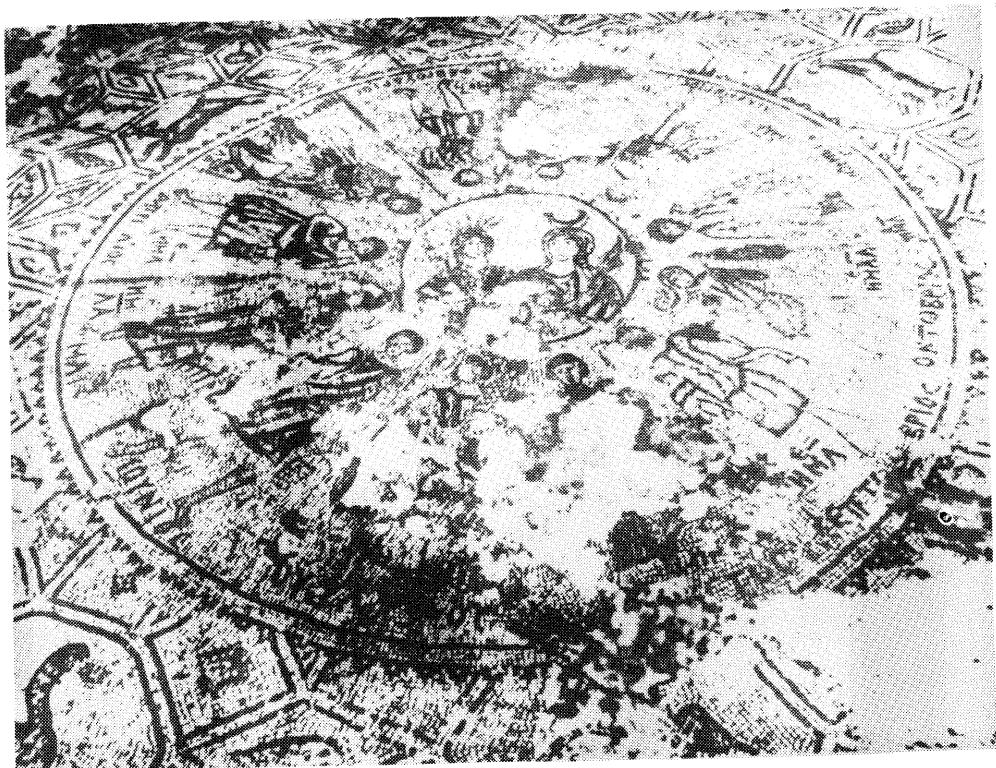

Рис. 14. Мозаика с изображением месяцев в Бет-Шане

К статье Т. Г. Тимашковой

Рис. 1. 1—2. Иконки с изображением св. Димитрия
из Одесского музея

А. Б. ЧЕРНЯК

ВИЗАНТИЙСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О РОМАНСКОМ (романизированном) НАСЕЛЕНИИ БАЛКАН V—VII вв.*

Ответить на вопрос, какой язык был родным для населения Диоцеза Фракия, помогут следующие два свидетельства.

III. *τόρνα, τόρνα, φράτρε*. Феофилакт Симокатта II.15 (=100.13—21 De Boor).

Παρηγεῖται γὰρ τοῖς πολλοῖς ἡ φωνή, καὶ παράστημον ἦν τὸ λεγόμενον καὶ φυγὴν ἐδόκει δηλοῦν, ὡς οἷα τῶν πολεμίων ἐπιφανέντων ἀνθρώπων αὐτοῖς καὶ παρακλεψάντων τὴν δόκησιν. μεγίστου δὲ συμπεσόντος τῷ στρατεύματι θρύλου, θροῦς παρ' αὐτῶν πολὺς ἐπανίσταται, παλιννοστεῖν τε ἐβόα πᾶς γεγωνὸς διαπύσιον, ἐπιχωρίῳ τε γλώττῃ εἰς τοῦτίσω τραπέσθαι ἄλλος ἄλλῳ προσέταττεν, «τόρνα, τόρνα» μετὰ μεγίστου ταραχῆς φθεγγόμενοι, οἷα νυκτομαχίας τινος ἐνδημούσης ἀδοκῆτως αὐτοῖς.

«... большинство, услышав крик, превратно истолковало его, ложно поняв то, что там хотели сказать; им показалось, что это знак к отступлению, как бывает, когда внезапно появляются враги и нарушают этим все предположения. Войско охватило великое смятение, а от этого произошел сильный шум; всякий зашедший далеко стал кричать, чтобы возвращались назад, и каждый советовал друг другу, говоря на своем родном языке, повернуть назад: „торна, торна“, — кричали они в величайшем смятении, как будто ночная битва неожиданно завязалась у них за спиной»¹.

Φεοφάν Ἰσποведνικ Α. Μ. 6079 (=p. 258.14—19 De Boor). ἐνὸς γὰρ ζώου τὸν φόρτον διατρέψαντος, ἕτερος τὸν δεσπότην τοῦ ζώου προσφωνεῖ τὸν φόρτον ἀνορθῶσαι τῇ πατρῴᾳ φωνῇ «τόρνα, τόρνα, φράτρε.» καὶ ὁ μὲν κύριος τῆς ἡμιόνου τὴν φωνὴν οὐκ ἡσθάνετο, οἱ δὲ λαοὶ ἀκούσαντες καὶ τοὺς πολεμίους ἐπιστῆναι αὐτοῖς ὑπονόησαντες εἰς φυγὴν ἐτράπησαν, «τόρνα, τόρνα» μεγίσταις φωναῖς ἀνακράζοντες.

«Так как один лошак сбросил выюк, сосед кричит хозяину на родном наречии „торна, торна, фратер“, чтобы тот поправил выюк; хозяин лошака не слышал этого крика, но солдаты слышали и, думая, что на них напали враги, обратились в бегство, крича множеством голосов: „торна, торна“»².

Рассказ выдающегося византийского историка Феофилакта Симокатты о ночном рейде спустившегося с гор Хема византийского войска

* Окончание. Начало в томе 51.

¹ *Theophylacti Simocattae Historiae* / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1887; Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957. С. 64—65.

² *Theophanis Chronographia* / Rec. De Boor C. Lipsiae, 1883. Vol. I. О чтении φράτρε см. ниже. Мы не воспользовались имеющимся переводом (см.: Летопись византийца Феофана / Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1890. С. 197), так как переводчики следовали чтению ἀνορθῶσας бониского издания, засвидетельствованному рядом рукописей. См. аппарат изд. Де Боора.

с целью заставить врасплох опустошавшего в 568 г. южную Фракию аварского кагана, когда сорвавшаяся с мула поклажа стала причиной неразберихи, что позволило аварам уйти, — известен в науке начиная с XVI в.³ Но собственно дискуссия возникла лишь после статьи К. Иречека, в которой было высказано предположение, что знаменитое *torna, torna, fratre* является ничем иным как военной командой (в ранневизантийской армии команды по традиции были латинскими), и, следовательно, никак не может служить свидетельством в пользу романизации фракийцев⁴. К мнению Иречека присоединился целый ряд ученых, в том числе В. Бешевлиев (В. Томашек, естественно, был сторонником традиционной точки зрения) и Х. Михэеску. Но в 1983 г. Э. Косериу выдвинул новые и весьма существенные доводы, начисто исключающие возможность подобной трактовки⁵. К сожалению, выдающийся румынский лингвист не был знаком со статьей Х. Михэеску (кроме того, оба эти автора не упоминают работы И. Глодару⁶) и вообще ограничил свое исследование сугубо текстологическими рамками, так что нижеследующая попытка синтеза уже достигнутого, равно как и некоторые дальнейшие соображения, окажется далеко не лишней.

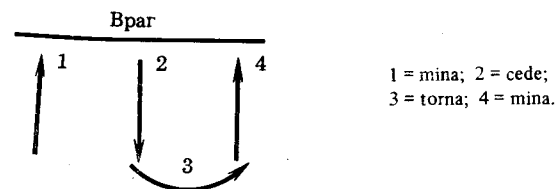
Аргументация Михэеску сводится к следующему: 1. Вслед за Г. Колиасом⁷ он указывает на тот факт, что обороты *ἐπιχώριος γλῶσσα* и *πάτριος φωνή* у ранневизантийских писателей означают просто «латинский язык», в подтверждение чего приводится целый список примеров из авторов III—X вв. 2. В византийской армии VI в. официальным языком был латинский и *torna* является всего лишь одной из латинских военных команд, засвидетельствованных в «Стратегиконе Маврикия» (датируется концом VI в.); 3. Эта армия была все время в движении, так что присутствие латиноязычных солдат во Фракии (автор явно имеет в виду додиоклетиановскую Фракию) еще ничего не говорит о романизации последней; 4. Существование на территории Фракии романизованного населения маловероятно ввиду решительного преобладания греческих надписей над латинскими (соответственно 1645 : 200).

Из этих четырех пунктов у Е. Косериу по вышеуказанным причинам мы найдем возражения только на первый, где он решительно отвергает трактовку Г. Колиаса⁸. Взамен ему удалось обнаружить факт, мимо

которого прошли все предыдущие исследователи: военная команда *torna!* «назад», на которой зиждется вся гипотеза Иречека, в действительности оказывается незасвидетельствованной, так как в «Стратегиконе Маврикия» конца VI в., где ее якобы открыли, фигурирует лишь *torna, mina!*⁹, кавалерийский сигнал, означающий «изменить направление марша» (чтобы снова атаковать): команда «назад» подавалась латинским *cede*, «поворот кругом» — *transforma* и т. д.¹⁰ Тем самым роль лат. *torna* в пассаже Феофилакты сводится практически к нулю, и если сам Косериу еще находит ему в своей интерпретации какое-то место, то лишь потому, что он понимает *παράσημον* как существительное «сигнал»¹¹; ставшая давно уже традиционной трактовка этого слова в данном пассаже как прилагательного со значением «обманчивый», «ложный» опирается не столько на авторитет де Боора, далеко не безупречного палеографа и филолога¹², сколько на свидетельство Суды, в словаре которого *παράσημος* (интерпретируемое как *ἀδόκιμος*) иллюстрируется как раз данным примером из Феофилакты¹³, равно как и на сам контекст: отметим анафору *παρῃχεται ... παράσημον*, объединяющую оба предложения в своеобразный гендиатийн; напротив, вряд ли удачна попытка Е. Косериу толковать *παράσημον ... δηλοῦν* как пояснение (*erklärender Einschub*) к *παρῃχεται*, ср. его перевод: «(denn) das Gesagte war auch ein Signal und schien Flucht zu bedeuten»¹⁴ — вместо *καί* в этом случае мы ожидали бы *γάρ*. Таким образом у нас есть все основания снять и второй (самый существенный) аргумент Х. Михэеску.

Кто же были солдаты, кричавшие *τόρνα, τόρνα*? П. Нэстурел высказал предположение, что это были местные жители, служившие в военном обозе

Абонутейха. — А. Ч.), если кто спрашивал его на отеческом языке, по-сирийски или по-кельтски, с легкостью отсылая приезжих той же национальности, что и заказчики» (цит. по: Schmitt R. Die Sprachverhältnisse in den östlichen Provinzen des Römischen Reiches // ANRW. B.; N. Y., 1983. Bd. II, T. 2. S. 568, Anm. 52).
⁹ Mauricii Strategicon / Ed. H. Mihaescu. Bucarest, 1970. 108. P. 5 (III. 5.44); Das Strategikon des Maurikios / Einf., Ed. und Ind. G. T. Dennis. Wien, 1981. 158.
¹⁰ Coseriu E. Op. cit. P. 26. Автор предлагает любопытную схему маневров византийской кавалерии:

- ¹¹ Coseriu E. Op. cit. P. 25 (3.3.4).
¹² Ср. критику М. Н. Крашенинникова и посвященное ей сообщение И. А. Левинской на Четвертых Доватурских чтениях (Ленинград, октябрь 1985).
¹³ Suidae Lexicon / Rec. G. Bernhardt. Halle; Braunschweig, 1853. T. 2. Appendix. Col. 91, s. v.
¹⁴ Coseriu E. Op. cit. P. 24 (3.3.2). Произвольна и трактовка *παρῃχεται*, ср.: «Der Wortlaut klingt der Menge der Soldaten vertraut, причем приведенный Де Бором для данного места общепринятый перевод «perverse sonum refero» (Index graecitatis. 415 s. v.) даже не упоминается! Румынский ученый явно опирался на словарь Liddell-Scott-Jones'a, где дается значение to resemble in sound (от которого он, впрочем, отошел довольно далеко!), но не приводятся контексты, которые несомненно убедили бы Косериу в неосновательности его интерпретации. Последние он мог бы найти в: Thesaurus Graecae Linguae / Ab H. Stephano constructus. Tertio ediderunt C. B. Hase, G. Dindorfius, L. Dindorfius. Parisiis, 1842—1847. Vol. VI. P. 506, s. v. *παρῃχέω*. Там упоминается и причастие *παρῃχόμενος* («dissonans»), засвидетельствованное у Григория Нисского, т. е. примерно с тем же значением, что и у Феофилакты. Последний случай, к сожалению, оказался неучтенным в обоих словарях (вещь в греческой лексикографии не столь уж и редкая!), что и явилось причиной затруднений для Э. Косериу. Не будем, однако, судить его слишком строго — с *παρῃχεται* и

³ Lepschy G. G. Giusto Lipsio e il volgare nel VI secolo // Italia medioevale e umanistica. 1965. Vol. 8. P. 295—303.

⁴ Jireček C. Über die Vlach von Moglena // Archiv für slavische Philologie. 1893. Bd 15. S. 98—99.

⁵ Tomaschek W. Zur Kunde der Hämus-Halbinsel // Sitzungsberichte der k. k. Akad. der Wissenschaften. Ph.-hist. Kl. Wien, 1882. S. 57; Idem. Die alten Thraker. 1: Übersicht der Stämme // Ibid. Wien, 1893. Bd. 128. S. 78; Бешевлиев В. Проучвания върху личните имена у траките. С., 1985. С. 72—74; Mihaescu H. Torna, torna, fratre // Вост.-слав. 1976. Т. 8. P. 23—25; Coseriu E. Theophylactus, II. 15: Ein Beitrag zur Deutung von *τόρνα, τόρνα, φράτρε* // Analele științifice ale universității «Al. I. Cuza» din Iași (AUI). Serie nouă. Sect. III. Linguistică. 1982/1983. Т. 28/29. P. 21—27.

⁶ Glodariu I. În legătură cu «torna, torna, fratre» // Acta Musei Napocensis. Cluj, 1964. Т. 1. P. 483—487.

⁷ Kolias G. «Τόρνα, ἐπιχώριος γλῶσσα» // ΕΕΒΣ. 1938. Т. 14. Σ. 294—299; Бешевлиев В. Über manche ältere Theorien von der Romanisierung der Thraker // EB. 1964. Т. 1. P. 152—153.

⁸ Coseriu E. Op. cit. P. 22 (2.2.2). Это мнение Е. Косериу нетрудно подкрепить примерами: Ср. цит. Х. Михэеску пассажа из Приска (Prisc. 131.12 De Boor): *ἀντί δὲ οἶνον ὁ μέδος ἐπιχώριος καλοῦμενος* — «вместо вина [давали нам] напиток, на местном наречии именуемый „медос“» (об этом месте см.: ВВ. Т. 51. С. 137. Примеч. 38); Lukian. Alexandros. 51: *ἀλλὰ καὶ βαρβάρους πολλὰκις ἔχρησεν, εἰ τις τῇ πατρίῳ ἐροῖτο φωνῇ, Συριοὶς ἢ Κελτικῇ, ῥᾶδιως ἐξευρίσκειν τινὰς ἐπιθρηνοῦντας ὁμοειμένους τοῖς δαδωκόσιν*, — «Но также и варварам он нередко давал пророчества (оракул Александра и

(τοῦλδον)¹⁵. Идея эта выглядит вполне убедительной, так как перевозка грузов являлась одним из традиционных промыслов балканских владов и, кроме того, профессиональные военные в столь ответственный момент не стали бы поднимать шум по поводу отвязавшегося тюка. Но крик обозначков подхватили все византийское войско, к которому, собственно, и относятся слова ἐπιχωρίῳ γλώττῃ Феофилакта, — стало быть, оно тоже состояло из местных уроженцев.

В пользу этого говорит прежде всего описание этого войска в самом начале компании (*Theophyl.* II. 10. 8—9. P. 90. 1—11 De Boor), в частности из сообщения автора, что стратег Коментиол собрал войска в Анхиале, вполне можно сделать вывод, что речь идет не об экспедиционном корпусе, с которым тот явился во Фракию, а о заурядной региональной армии, состоящей из *limitanei* и *comitatenses*¹⁶, причем из 10 тыс. человек 4 тыс. оказались небоеспособными и потому отряжены были охранять лагерь. Чужеродным, т. е. небалканским, элементом в этой армии могли быть только букелларии (личная гвардия) Коментиола, число которых вряд ли было значительным. Не забудем также, что в это время на востоке шла уже не один год тяжелая, как всегда, война с Персией; что казна империи была истощена недопустимой расточительностью Тиберия и его преемнику Маврикию, в правление которого (582—602) произошел рассказанный Феофилактом эпизод, все время приходилось отчаянно экономить, что вызывало недовольство у армии и в конце концов стоило ему трона и жизни; что со времен Юстиниана на вторжения варваров из-за Дуная привыкли смотреть сквозь пальцы, предпочитая справляться с ними не оружием, а деньгами и дипломатическими интригами, благо Константинополь, Халкидика, Фермопилы и другие важнейшие города были надежно защищены укреплениями¹⁷; наконец, что Фракия издавна сама поставляла империи отличных солдат и для успеха там нужны были только деньги и хорошие полководцы, что, кстати, еще раз полностью подтвердилось в ходе войны с аварами.

Переходя к пункту 4 X. Михэеску (преобладание во Фракии греческих надписей), следует, как нам кажется, подчеркнуть то обстоятельство, что наряду с греческим языком довольно долго сосуществовал и собственно фракийский: еще в IV в. слова «на местном языке» означали здесь «по-фракийски», ср. недавно обнаруженное греческое житие Филиппа Гераклеяского (9 октября 304)¹⁸: χωρίον γιγύστορα προσαγορευόμενον[ν] τήκν> ἐγχωρίῳ διαλέκτῳ, ὁ μεθερμηνεύετε ἑλληνιστῇ κλητόρων τόπος — «местечко

(вилла около Адрианополя, где был похоронен святой. — А. Ч.) на местном языке Гитистора, в переводе на греческий „место владельцев“». Но в VI в. немногие упоминания фракийского (точнее, языка бессов) идут исключительно из Палестины, где еще местами существовали общины фракийских монахов, служивших по традиции на родном языке¹⁹; в самой Фракии его место уже, по-видимому, занял балканороманский, вероятно, так как военная служба стала едва ли не главным занятием без конца разоряемого вторжениями варваров сельского населения.

В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что в пересказе Феофана Исповедника появляется еще одно романское слово: φράτερ (в ряде рукописей и у Де Боора) или φράτρε (в двух рукописях, одна из которых XI в. — *Par. Reg.* 1711, положенная в основу *editio princeps*). Высказывались мнения, что Феофан использовал другой источник²⁰. Но для описываемого периода в распоряжении хрониста, помимо сочинения Феофилакта, была, скорее всего, лишь не дошедшая до нас константинопольская городская хроника²¹, в которой трудно предполагать наличие эпизода с *tórna*, *tórva*. Гораздо вероятнее, что φράтер, или скорее отвергнутый Де Боором вариант φράтρε принадлежит самому Феофану, который весьма свободно обращался с текстом своего знаменитого предшественника²². В данном случае, стало быть, он опирался на собственный опыт. Своим, впрочем, вряд ли особенно глубоким знакомством с языком романизованных жителей Фракии Феофан, вероятно, обязан пребыванию в Константинополе, где он жил до 780 г., когда смерть императора Льва IV позволила двадцатилетнему чиновнику удалиться вместе с женой в монастырь²³. Кто были эти романцы — пастухи, приехавшие в столицу продать сыр и изделия из домотканой шерсти²⁴, или воины фракийской фемы²⁵, знать нам не столь уж важно: существенно здесь то, что спустя много лет византийский хронист не поколебался узнать в них потомков фракийских солдат Феофилакта²⁶.

IV. Происхождение Мавра (Чудеса св. Димитрия. II.5. 291=I. 229. 20—24 Lemerle)²⁷.

... καὶ ταύτην χρῆσθον βουλὴν ἰσθᾶ, ὥστε τινὰ τῶν ἐαυτοῦ ἀρχόντων ἔξοχον ὄντα καὶ πανοῦργον ἐν πᾶσι, καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς ἐπιστάμενον γλῶσσαν καὶ τὴν Ῥωμαίων, Σκλάβων καὶ Βουλγάρων... ἀνάστατον γενέσθαι... καὶ δοῦλον ἐαυτὸν προσποιήσασθαι τοῦ πιστοῦ βασιλέως.

«... и тайно задумал Кувер так, что один из его начальников, человек выдающийся и очень изворотливый, а также знающий наш язык, и языки римлян, славян и болгар... восстанет... и притворится рабом верного императора».

¹⁹ Бешевлиев В. Проучвания. ... 62—63; Тодоров Т. Библия Бесика // *Thracia*. 1984. Т. 6. P. 259—275.

²⁰ *Năsturel P. S.* Torna, torna, fratre... P. 182—184; *Whitby L. M.* The Theophanes' Chronicle Sources for the Reigns of Justin II, Tiberius and Maurice (565—602) // *Byz.* 1983. Bd. 53. T. 1. S. 327—328.

²¹ Любарский Я. Н. Феофан Исповедник и источники его «Хронографии» // *ВВ.* 1984. Т. 45. С. 73—74 (там же см. лит.).

²² См.: Там же. С. 74—79.

²³ О биографии Феофана см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора: Тексты, пер., коммент. М., 1980. С. 17. «Хронография» датируется 810—814 гг. (Там же. С. 18).

²⁴ См. стихи Феодора Протропа (1166): *FHDR.* 1975. Т. III. P. 186—189.

²⁵ О феме Фракия, основанной в конце VII в., см.: *Irmischer J.* Zur Verwaltungsgeschichte Thrakiens in Byzantinischer Zeit // *Thracia*. 1974. T. 2. P. 163—173.

²⁶ В научной литературе всерьез обсуждалось мнение, что лат. *frater* было общепринятым обращением в византийской армии. См.: *Năsturel P.* Torna, torna, fratre... P. 183—184; *Mihaescu H.* Op. cit. P. 33—34.

²⁷ *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius. P., 1979—1981. T. 1: Le Texte; T. 2: Commentaire.

παράσημον не справился и такой компетентный византист, как П. Шрайнер (ср. его перевод: «Den Ruf hörte nämlich die Menge, und sie namen ihn als ein Zeichen auf» usw. (*Theophylaktos Simokatta Geschichte* / Übers. und erl. P. Schreiner. Stuttgart, 1985. S. 82) (на этот пер. мне любезно указал Я. Н. Любарский).

¹⁵ *Năsturel P. S.* Torna, torna, fratre: O problemă de istorie și lingvistică // *Studii și cercetări de istorie veche*. 1956. A. 7. 1—2. P. 179—188; *Idem.* Quelques mots de plus à propos du «torna, torna» de Théophylacte et du «torna, torna, fratre» de Théophan // *Bb.* 1966. T. 2. P. 217—222.

¹⁶ О византийской армии конца VI в. см.: *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. 2. P. 685 ff.; *Teoll J. L.* The Barbarians in the Justinian's Armies // *Speculum*. 1965. Vol. 40. P. 305—322; *Тяпкова-Займова В.* Нашествия и этнические процессы на Балканах през VI—VII в. С., 1966. С. 36—51.

¹⁷ Ср. эпизод с вторжением котригуров во главе с Заберганом в марте 559 г., когда варварам удалось проникнуть за Длинные Стены, но Велисарий с 300 всадниками сумел нанести поражение двухтысячному отряду; неудачным был и штурм Херсонеса, а за Дунаем возвращающегося с добычей Забергана уже поджидали предупрежденные Юстинианом утигуры (*Agath.* V. 11—25).

¹⁸ *Lochner-Hüttenbach F.* Zum Ortsnamen Getistytton // *Die Sprache*. 1972. Bd 18/2. S. 196—198. Рукопись датируется X в. Ранее этот пассаж цитировался по опубликованному в *Acta Sanctorum* лат. пер. Ср.: *Бешевлиев В.* Проучвания. ... С. 55 (там же лит.).

Эпизод об уходе «сирмисиан» (потомков пленников, угнанных в 621 г. аварами и поселенных около г. Сирмий на р. Сава) во главе с их вождем болгаринном Кувером от аваров на византийскую территорию и попытка последнего хитростью захватить Фессалоники, заслав туда якобы отложившегося от него военачальника Мавра с его людьми (около 680 г.), давно известен в научном мире, и пассаж о незаурядных лингвистических способностях Мавра уже не раз привлекал к себе внимание. Многозначность этнонима Ῥωμαῖοι и здесь, как и в рассмотренном выше отрывке из Приска²⁸, явилась камнем преткновения. Обычно его переводят как латинский (романский), а под «нашим языком» понимают греческий²⁹, но В. Томашек и сам П. Лемерль идентифицировали второй глоттоним с греческим, а в первом усмотрели указание на некий местный язык: для Томашека это был «македонский», под которым следовало понимать романский³⁰, в то время как Лемерль говорит о «фессалоникийском диалекте» (le dialecte thessalonicien), не решаясь уточнить его языковую принадлежность³¹. Возникшие перед ним трудности при ближайшем рассмотрении оказываются в значительной степени мнимыми, так как, во-первых, в указанной им аналогии *Mir.* II. 4. 233 (Т. I. 209. 30 Lemerle): καὶ λαλῶν τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ³², — речь идет явно о греческом языке, знание которого позволило славянскому вождю Пербунду (жившему, впрочем, в Фессалониках!) осуществить дерзкий побег из Константинополя, где он содержался под стражей, а во-вторых, в *Mir.* I. 4.49 (Т. I. Р. 86. 8—9 Lemerle): . . . ἔφθασεν αὐτὸς τῇ Ῥωμαϊκῇ γλώττῃ ἐρωτῶν αὐτοὺς ἀπροσδοκῆτος («опередил их сам, неожиданно спросив их на ромейском языке») — опять имеется в виду греческий, способность говорить на котором получает вместе с исцелением от душевной болезни проводивший ночь в храме святого Димитрия стратиот; этот факт не вызывает сомнения у издателя, но он задает вопрос, не говорил ли солдат до излечения по-

фессалоникийски? ³³ Здесь можно привлечь для сравнения «Житие Илариона» блаженного Иеронима (гл. 22), где рассказывается о воине-франке, который отвечает отшельнику по-сирийски и по-гречески, хотя до того он умел говорить только по-франкски и по-латыни³⁴. Воин, приведенный товарищами к мошам св. Димитрия, был, скорее всего, романизованным фракийцем, во всяком случае, как солдат Римской империи он должен был знать в той или иной степени латинско-романский, являвшийся тем «нормальным» языком, на котором он говорил со своими товарищами³⁵. Наконец, нет никаких оснований считать, что оборот τῇ Ῥωμαίων (γλώττῃ) не может означать «латинский/романский» ввиду того, что под Ῥωμαῖοι автор «Чудес» обычно понимает греков³⁶; еще Константин Багрянородный (913—959) употреблял выражения ἡ Ῥωμαίων διάλεκτος, Ῥωμαῖσι в значении «по-латински»³⁷, так что следует признать именно этот вариант глоттонима основным для периода, по крайней мере вплоть до начала XI в. (заметим попутно, что второй сборник «Чудес», в котором содержится рассматриваемый эпизод, датируется концом VII в.).

Таким образом, гипотезу о македонском или фессалоникийском языке можно отправить в архив, и мы оказываемся перед последней проблемой — кем был этот говоривший на четырех языках (и к тому же не родственник!) Мавр? Для автора «Чудес» он был болгаринном, что следует уже из самого заголовка «Περὶ τοῦ μελετηθέντος . . . πολέμου . . . παρὰ τοῦ Μαύρου καὶ Κοῦβερ τῶν Βουλγάρων». В подтверждение этого мнения, разделяемого абсолютным большинством ученых, можно указать на тот факт, что у него было несколько жен (II. 5. 304=233. 21 Lemerle). С другой стороны, он носит христианское имя, возможно даже являющееся греческим эквивалентом рум. Negrul, весьма популярного имени среди валахских воевод³⁸.

²⁸ См.: ВВ. Т. 51. С. 136. Примеч. 31.

²⁹ Cornelius Byesus (1780) // PG. T. 116. Col. 13 (Romanorum lingua); Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung // Abhandl. der kgl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaft., Ph.-hist. Kl. Leipzig, 1899. 18.5. S. 49; Tafrali O. Thessalonique des origines au XIVe siècle. P., 1919. P. 129—130. Not. 2; Grégoire H. L'origine et le nom des Croates et des Serbes // Byz. 1944/1955. T. 17. P. 113; Баршум Ф. Чуда Димитрија Солунског као историски извори // САН. Београд, 1953. Т. ССХХ. С. 127; Гръцки извори за българската история. С., 1954—1974. Т. 1—9. (Далее: ГИБИ). Т. 3. С. 159; Византијски извори за историја народа Југославије. Београд, 1955. Т. 1. С. 214; Ангелов Д. Образуване на българската народност. С., 1971. С. 208; Beševliev V. Randbemerkungen über die «Miracula Sancti Demetrii» // BYZANTINA. 1970. Т. 2. Σ. 294; Бешевлиев В. Първобългари. С., 1984. С. 48; Charanis P. Kouver, the Chronology of His Activities and Their Ethnic Effects on the Region Around Thessaloniki // Balcan Studies. 1970. Vol. 11. Т. 2. P. 231; Idem. The Slavs, Byzantium and the Historical significance of the first Bulgarian kingdom // Ibid. 1976. Vol. 17. P. 19; Rusu M. Avars, Slave, Romanic Population in the 6th—8th c. // Relations Between the Autochthonous Population and the Migratory Populations. Bucarest, 1975. P. 130; Петров П. Образуване на Българска Държава. С., 1981. С. 297; Grégoriou-Ioannidou M. // Byzantiaka. 1983. Т. 1. P. 29 sq. (цит. по: Lemerle P. Les plus anciennes. . . Т. 2. P. 244—245); 1983. Т. 3. P. 85—90; Idem. Une remarque sur le récit des «Miracles de Saint Démétrius». Athènes, 1987; Иванова О. В. К вопросу об этнополитической ситуации в районе Фессалоники в начале 80-х годов VII в. // Античная балканистика. М., 1987. С. 48. Примеч. 13.

³⁰ Tomaschek W. Zur Kunde. . . 477: «Mauros. . . war ausser der bulgarischen, slowenischen und griechischen auch der „makedonischen“ Sprache mächtig; darunter kann das Romanische gemeint sein». Впервые «македонский» язык появляется в работе: Tafel T. L. F. De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica. Berolini, 1839. P. XCIX: «Maurum. . . linguarum Macedonicae, Graecae, Slavicae et Bulgaricae gnarum» etc. Цит. по: Grégoriou-Ioannidou M. Une remarque. . . P. 11. Not. 32.

³¹ Lemerle P. Op. cit. T. 2. P. 150. Not. 233.

³² Но ср. пер.: Ibid. T. 1. P. 199: «Le roi Perboundos, qui est habillé à la grecque et parle grec».

³³ Ibid. P. 83. Not. 4.

³⁴ PL. T. 23. Col. 39. См.: Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 2. P. 622; Vol. 3. P. 183. Not. 29. Обретает дар говорить по-гречески Ефрем Сирий после того, как его рукополагает в дьяконы Василий Великий. См.: Dagron G. Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d'état // Revue historique. 1969. T. 241. P. 52—53.

³⁵ М. Григориу-Иоаниду полагает, что исцеленный стратиот заговорил на латыни (Grégoriou-Ioannidou M. Une remarque. . . P. 12 ff.), но это маловероятно уже из общих соображений: Фессалоника конца VII в. — это преимущественно греческий город, а св. Димитрий — национальный греческий святой. Аргументация автора зиждется на обширной коллекции примеров, свидетельствующей, что вплоть до X в. под «ромейским» языком понимался латинский, однако этот usus следует рассматривать как сугубо литературный, так как в обиходной речи этот термин давно был перенесен на греческий язык. Ср. IV в.: μετῆνεγκε ταῦτα εἰς τὴν Ῥωμαϊκὴν διάλεκτον. См.: Acta Pilati. P. 287 Tischendorf (цит. по: Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 1219 (указ. в таб.: Kramer J. Antike Sprachform und moderne Normsprache II: Die griechische Sprache zwischen Tradition und Erneuerung // Balkan-Archiv. Neue Folge. 1986. Bd. 11. S. 128)). Наш пример, по всей видимости, второй по времени. За ним следуют: Theoph. Cont. 308. 13—14 Bonn (вторая половина X в.) и 407. 15—16 Bonn. См.: Grégoriou-Ioannidou M. Une remarque. . . P. 15. Not. 58. См. также: Mantubale M. Ρωμαῖος — Ρωμῆς καὶ Ρωμιοσύνη: Κριτικὴ βιβλιογραφία // Μαντατοφόρος. 1983. Т. 22. Σ. 34—72. BZ. Bd. 78/1. S. 178 — осталась нам недоступной.

³⁶ Lemerle P. Op. cit. T. 2. P. 150. Not. 233.

³⁷ Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. Oxford, 1973. P. 552—553. См. также: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 440. Примеч. 44. Неосновательна, на наш взгляд, попытка М. Григориу-Иоаниду (Grégoriou-Ioannidou M. Une remarque. . . P. 14—15. Not. 58) толковать некоторые пассажи с этими оборотами у Константина применительно к греческому языку (Конст. Багр. 27. 69—70; 29. 263—264; 32. 12—13).

³⁸ Tafrali O. Thessalonique. . . P. 132—133. Not. 3. Привлекалось также и тюрк. кара. См.: Византијски извори. . . Т. 1. P. 214. Примеч. 63 (с дальнейшей лит.).

Последнее предположение выглядит маловероятным, но, во-первых, известны три свинцовые печати VII—начала VIII в., принадлежавшие некоему «патрицию Мавру», причем на одной из них он назван также «архонтом сирмисиан и болгар»; во-вторых, в breviarii Никифора и у Феофана под 711 г. упоминается еще один патриций Мавр, по мнению Лемерля, одно лицо с владельцем печатей и сын героя фессалоникийского эпизода³⁹, и, в-третьих, у Феофана патриций Мавр именуется также «Бессом», т. е. фракийцем (*Theoph.* P. 379. 18 De Boor) стало быть, его отец тоже был родом из Фракии. Примечательно, что фракийского языка Мавр-отец при всех своих несомненных лингвистических способностях уже не знает: этот язык не привился в Паннонии, где тот родился и вырос, а может быть, угас задолго до 621 г. в самой Фракии; во всяком случае, среди окружающих Мавра в Фессалониках сирмисиан, славян и болгар он не имел хождения.

Происхождение Мавра объясняет и его многоязычность, весьма удивительную для язычника-тюрка (славянский и романский вряд ли принадлежали к числу престижных в Паннонии языков): романский и греческий он знал с детства, от своих родителей и их ближайшего окружения, славяне были ближайшими соседями сирмисиан, а тюркский (как и аварский!) болгарский был ему нужен из конъюнктурных соображений. Тем самым мы получаем прямой ответ на вопрос, поставленный в самом начале нашего исследования, т. е. на каком языке говорило угоняемое варварами за Дунай население балканских провинций Византии — оно было романским и греческим и, вероятно, по большей части двуязычным.

* * *

Подведем итог. Рассмотренные нами пассажи сообщают следующее:

I. (Приск.). На греческом говорят в диоцезе Фракия и на адриатическом побережье Иллирика вплоть до современного Шкодера, но в качестве международного и дипломатического языка гунны предпочитают латинский/романский.

II. (Лид). В диоцезе Фракия до 540 г. делопроизводство велось на латинском языке, так как им владели даже греки, в особенности же должностные лица; переход на греческий повлек за собой обособление Нижней Мизии и Скифии в особую административную единицу.

III. (Феофилакт Симокатта). «Местным языком» солдат-фракийцев в конце VI в. является романский.

IV. (Второй сборник «Чудес св. Димитрия»). Уведенные в плен аварами в 621 г. ромеи были романо- и грекоязычными.

Из этих фрагментарных сведений, зачастую неочевидных из-за расплывчатости используемых авторами этнонимов и топонимов (для понятия «латинский»/«романский» применяются четыре (!) обозначения: *Λατίνων*, *Ῥωμαίων*, *Ῥωμαῖοι* и *ἐπιχθόνιοι*) и естественно ставших предметом научной полемики, вырисовывается весьма сложная языковая ситуация с двумя существующими бок о бок в одном географическом ареале и более или менее равноправными языками (в начале периода более высокий статус имеет латинский/романский, с середины и в конце — греческий, язык Константинополя и Фессалоник). Такая ситуация является идеальной средой для широкого развития билингвизма, и источники действительно называют нам целый ряд лиц, владевших обоими языками: Приск и члены

византийского посольства, купец из Виминая (I), греческое население и администрация фракийского диоцеза и толмач сириец, нанятый во Фракии послами Витигеса (II), излеченный св. Димитрием солдат-фракиец и архонт сирмисиан Мавр (IV), наконец, историк Феофан, дополнивший рассказ своего предшественника удачно подобранным романским словом (III). Проистекающее отсюда взаимовлияние и взаимопроникновение романского и греческого языковых комплексов, осуществлявшееся, естественно, на всех уровнях от письменности до разговорной речи, несомненно должно было стать фундаментом еще складывающейся лингвистической общности, которую впоследствии назовут балканским языковым союзом⁴⁰.

³⁹ Lemerle P. Op. cit. T. 2. P. 152—153. Его поразительная карьера началась с того, что он донес о планах своего отца (возможно, не без ведома последнего!).

⁴⁰ В обсуждении работы принимали участие С. Р. Тохтасев и А. Н. Анфертьев, которым приношу благодарность за сделанные замечания.

М. В. БИБИКОВ

РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ СПИСКОВ ПРОТОТИПА ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1073 гг.

Многолетняя коллективная работа по подготовке академического издания Изборника Святослава 1073 г., предпринятая по инициативе Института истории СССР АН СССР, Института русского языка АН СССР, Государственного Исторического музея, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и др. при участии Я. Н. Шапова, Л. П. Жуковской, И. В. Левочкина и др., включает в себя по существующему замыслу и публикацию греческого текста византийского источника этого выдающегося памятника славянской книжности. С этим проектом и связана наша задача определения рукописной традиции греческого прототипа Изборника¹.

Методика текстологического анализа изучаемых греческих сборников, рассматриваемых в качестве источников Изборника, в принципе не нова: описанная О. Штэлином техника колляцияирования² вполне применима в условиях настоящей работы. Отличие от общих принципов О. Штэлина в данном случае состоит лишь в том, что с самого начала была ясна невозможность использовать в качестве основы для подведения различий какое бы то ни было уже готовое издание, ибо, как показано ранее³, и издание Я. Гретсера⁴ и его воспроизведение в «Патрологии» Ж.-П. Миня⁵ не представляют собой текста изучаемого памятника в той редакции, которая послужила прототипом древнеславянского перевода Изборника, что, собственно говоря, определяется сравнительным анализом состава глав «Вопросов и Ответов» Псевдо-Анастасия Синаита по указанным существующим изданиям и по отобранным десяти греческим спискам, привлеченным для подготовки издания текста (подробнее об этом ниже).

Впрочем, вспомогательный материал оказалось возможным использовать при колляции списков. Им стала рукописная копия середины

XIX в. со списка Coisl. gr. 120, заказанная О. М. Бодянским для готовившегося издания «Протографа» («оригинала»), как тогда считалось, Изборника Святослава. В настоящее время эта рукописная копия находится в Фонде О. М. Бодянского в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина⁶. Все разночтения, в том числе и самого Куаленовского списка № 120, предварительно вносились на поля ксерокопии данной рукописной копии XIX в.⁷

Методика работы включила в себя оба направления, предложенные О. Левдлем в издании энкомия Григория Нисского для работы с большим числом списков⁸, но она применяется в настоящей работе с учетом особенностей изучаемого памятника, представляющего собой, в свою очередь, сборник различных сочинений или выдержек из них.

Первым этапом работы было сличение прежде всего состава всего объема сохранившихся греческих списков с «Вопросами и Ответами» Псевдо-Анастасия Синаита с целью выявления определенной группы списков, которые можно было бы рассматривать как варианты непосредственно греческого прототипа славянского Изборника. Текстологический анализ здесь ограничен выявлением сходных по составу элементов («глав» или разделов) сборников, т. е. он, как правило, не выходит за рамки сличения текстов лемм, incipit и desipit, хотя в ряде случаев распространяется и на большие объемы сравниваемых пассажей. Целью данной, предварительной, работы является отбор основных списков для подготовки непосредственного издания. Итогом ее стало выделение десяти греческих рукописей, которые представляются списками византийского прототипа Изборника:

- С — Куаленовский (старший) список: Coisl. gr. 120, начало X в.;
- V — Ватиканский список: Vat. gr. 423, первая половина X в.;
- П — Патмосский список: Patm. 109, первая половина X в.;
- A — Амбросианский список: Ambros. L 88 sup., середина X в.;
- P — Парижский (старший) список: Paris. gr. 922, XI в.;
- K — Куаленовский (младший) список: Coisl. gr. 258, XII в.;
- L — Афонский список Лавры св. Афанасия: Athos. Laura Г 115, XII в.;
- B — Оксфордский список: Barocc. 206, XIII в.;
- Pa — Парижский (младший) список: Paris. gr. 1259 A, XIV в.;
- E — Эскуриальский список: Escog. R III 2, XIV в.

Следующим этапом работы явилось уже непосредственное пословное сличение текстов по выделенным спискам с целью выявления разночтений, т. е. обычная текстологическая практика. Результат данной работы оказывается двояким. С одной стороны, исследователь в итоге получает свод всех разночтений, что необходимо для подготовки критического издания любого письменного памятника. С другой стороны, целью анализа выявленных разночтений становится выяснение «родственных» связей между отдельными списками, затем между отдельными группами и уже на основе определения групп списков их «семей» — воссоздание истории эволюции изучаемого текста в виде стеммы.

⁶ ОР ГБЛ. Ф. 36. Карт. 6, ед. 5.

⁷ Хочется сердечно поблагодарить сотрудников отделов рукописей ГБЛ и ГИМ за помощь в работе. Возможностью выполнения настоящего исследования автор во многом обязан содействию Фонда Хардта (Швейцария) и Гумбольдтовского фонда (Германия), что также считаю своим приятным долгом отметить.

⁸ Lendle O. Gregorius Nyssenus. Encomium in sanctum Stephanum Protomartyrem. Leiden, 1968. P. 49 ff.; ср.: de Stryker E. Suggestions pratiques pour la collation des manuscrits d'un texte hagiographique grec à tradition riche // Corona gratiarum. Miscellanea Patristica, Historica et Liturgica. . . II (Instrumenta Patristica. XI). Brugge, 1975. P. 345—366.

¹ См. также: Бибигов М. В. Сравнительный анализ состава Изборника Святослава 1073 г. и его византийских аналогов // ВВ. 1990. Т. 51; Он же. Оксфордский список византийского прототипа «Изборника Святослава» // ВВ. 1991. Т. 52; Он же. «Изборник Святослава 1073 г.» и его византийские прототипы: Итоги и задачи изучения // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1991; и др.

² Stählin O. Editionstechnik. Leipzig; B., 1914. S. 31—32.

³ Бибигов М. В. Из истории культурных связей Византии и славян: Изборник Симеона—Изборник Святослава и его греческие прототипы // Материалы к VI Междунар. конгр. по изучению стран Юго-Восточной Европы (История, этнография). Москва, 1989. С. 18—27.

⁴ S. Anastasii Sinaitae patriarchae Antiocheni Quaestiones et responsiones de variis argumentis CLIV nunc primum graece et latine / Ed. curae Iac. Gretseri. . . Ingolstadtii, 1617 (Opera Iacobi Gretseri. Ratisbonae, 1740. T. XIV, Pars II).

⁵ PG. T. 89. Col. 311—324.

Наиболее емкой формой представления материала (фактически методом доказательства) может служить таблица разночтений. Использование предложенной О. Лендлом модели таблицы в данном случае оказалось возможным опять-таки с известными ремарками. Прежде всего, как представляется, методически важно не просто крестиками, как в издании энкомия Григория Нисского, пометать совпадение того или иного чтения текстов, но указывать точно лист рукописи, содержащий разночтение (в идеале следовало бы указывать и строку и, если есть, столбец на листе манускрипта). В противном случае всякий новый исследователь не сможет использовать данные уже выполненной работы предшественника, ибо вынужден сам, повторно пройдя по стопам текстолога-предшественника, искать в исследуемых списках места фактически уже известных разночтений. Особенно это важно в условиях настоящей работы, где отобранные для анализа десять списков представляют собой лишь часть объема всех сохранившихся рукописей свода псевдо-анастасиевых флорилегий «88 Вопросов и Ответов»⁹, которые сами по себе составляют лишь определенную ветвь всего анастасиева корпуса, который, в свою очередь, восходит к изначальной оригинальной редакции этого сложного составного памятника. Таким образом, только в случае точного указания места обнаруженного разночтения текстолог, занимающийся, скажем, первоначальной редакцией «Вопросов и ответов», каковым в настоящее время является оксфордский профессор И. Мунитис, готовящий издание Анастасия Синаита в серии «Corpus christianorum»¹⁰, может использовать и, если надо, проверить результаты исследования текста одной определенной редакции памятника, положенной в данном случае в основу славянского перевода.

Наконец, поскольку исходным моментом настоящей работы было сличение греческого текста с Изборником Святослава и конечной же целью является определение соотношения этих текстов, представляется необходимым помещение в таблицу разночтений и соответствующих мест Изборника Святослава (по списку 1073 г.), что уже сразу может дать перспективу уяснения истории распространения текста памятника в том или ином его виде в славянской книжной среде. Сам Изборник Святослава (по Воскресенскому списку 1073 г. — ГИМ. Син. 161) исследовался по факсимильному изданию¹¹.

Удачное с визуальной точки зрения размещение О. Лендлом в его таблицах последовательности списков представляется в нашем случае неприемлемым по двум по крайней мере причинам. Во-первых, «Вопросы и Ответы» по своему объему значительно превосходят объем энкомия Григория Нисского и представляют собой к тому же памятник сводного, «сборного» характера, где затруднительно столь четкое и строгое выделение групп списков, как в случае изучения одного, пусть пространного и сохранившегося во множестве вариантов, произведения, каким является указанный выше энкомий. Во-вторых, с методической точки зрения группирование анализируемых списков по принципу редакционной близости представляется преждевременным забеганием вперед в ходе конструирования искомой стеммы. Лишь в результате совокупного рассмотрения разночтений списков станет возможным их объединение в группы и подгруппы, или редакции.

⁹ Richard M. Les véritables «Questions et Réponses» d'Anastase le Sinaïte // Richard M. Opera minora. Leuven, 1977. Vol. III. N 64.

¹⁰ Пользуясь случаем сердечно поблагодарить проф. И. Мунитиса за внимание к данной работе и помощь.

¹¹ Изборник Святослава 1073 года. М., 1983. Кн. 1: Факсимильное издание; Кн. 2: Научный аппарат факсимильного издания.

В условиях настоящей работы представляется более приемлемой хронологическая последовательность (условная в пределах века) расположения в таблице списков по горизонтали — от кодексов X в. к спискам XIV в. К тому же следует сказать, забегая чуть вперед, это дает возможность увидеть следование славянского перевода то одной, то другой группе списков, что, как будет видно выше, является особенностью текста славянского перевода греческого прототипа.

На основе данных, представленных в таблицах в приложении, строится дальнейшая работа по выявлению групп списков и определению связей между ними (recensio codicum)¹². Построение схем связей кодексов между собой внутри выделяемых групп, а затем связей самих групп между собой служит целям воссоздания схемы развития текста, изучаемого как бы в восхождении снизу вверх, как правило, к постулируемому прототипу¹³.

Промежуточным этапом в определении «путей к прототипу» является моделирование недостающих звеньев — рукописей, не дошедших до нас, но чье существование в прошлом представляется необходимым при реконструкции истории текста¹⁴. При этом наличие отдельных предполагаемых звеньев-списков может быть факультативно, что должно быть отражено на стемме графически. В настоящей работе сиглы таких списков помещаются в скобках. Еще более гипотетичны устанавливаемые связи между списками, или их предполагаемыми протографами, различными групп, определяемых в ходе текстологического анализа. В этом случае подобные связи также выделяются в стемме графически: у нас они обозначены пунктиром.

Особо следует остановиться на последней фазе реконструкции истории текста — на определении архетипа (буквенно обычно изображаемого на стемме «a»). Понимание архетипа в науке неоднозначно¹⁵. Так, А. Дэн в архетипе видел «самое древнее свидетельство определенной традиции, где авторский текст сохраняется в той форме, в которой доходит до нас»¹⁶. Напротив, для К. Лахмана архетип — это «самый общий» предок «традиции»¹⁷. Представленное в настоящей работе понимание архетипа строится с учетом того, что, в то время как текст какого бы то ни было одного произведения можно себе представить в виде однократного рукописного «издания» в древности, которое становится затем как бы классическим для более поздних копиистов (таким, например, по А. Дэн, представляется архетип поэм Гомера в виде «издания» александрийцев), то для сборников, переживающих с течением времени многократное «рождение», подобных «изданий» может быть сколь угодно много, когда ядро свода постепенно обрастает дополнительными статьями и текстами.

Кроме того, понятиям «подархетипа» и «предархетипа» (Hyparchetyp, Präarchetyp)¹⁸, употребляемым часто в литературе, здесь предпочитается термин «архетип редакции».

¹² О методике см.: Maas P. Textkritik. Leipzig, 1957. S. 15 f. Ср.: Greeven H. Erwägungen zur synoptischen Textkritik // New Testament Stud. 1960. Bd. 6. P. 285.

¹³ Greeven H. Der Urtext des Neuen Testaments. Kiel, 1960. S. 15; Erbse H. Überlieferungsgeschichte der griechischen klassischen und hellenistischen Literatur // Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur. Zürich, 1961. Bd. 1. S. 209.

¹⁴ Ср.: Van Groningen A. Traité d'Histoire et de Critique des textes grecs. Amsterdam, 1963. P. 104 f.

¹⁵ Irigoin J. Quelques réflexions sur le concept d'archétype // Revue d'Histoire des Textes. P., 1977. T. 7. P. 235—245.

¹⁶ Dain A. Les manuscrits. P., 1949. P. 96.

¹⁷ Lachmann C. Erforschung des Mittelalters. Leipzig, 1941. S. 109.

¹⁸ Pasquali G. Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1934. P. 195; Idem. Bespr. zu: A. Dain. Les manuscrits // Gnomon. 1951. Bd. 23. S. 233—242 (цит. по:

Говоря о византийском прототипе славянского Изборника, мы подразумеваем не столько конкретный предполагаемый список, сколько определенную форму греческого текста в той редакции, которая послужила основой для славянского перевода. В этом отличие значения употребляемого здесь понятия от представления о прототипе у А. Дэна, для которого прототипы «являют древние памятники, происходящие непосредственно или опосредованно от копируемых экземпляров и составляют тип каждого из ответвлений изучаемой традиции»¹⁹. Прототипами в этом случае оказываются наиболее ценные конкретные манускрипты в наших архивах и рукописных собраниях.

Колляция греческих списков, результаты которой отражены в приведенной таблице основных разночтений, наиболее отчетливо обнаруживает связи, во-первых, старшего Куаленовского списка С с Амброзианским А, во-вторых, Ватиканского V с Патмосским П, и, наконец, практически идентичность чтений старшего Парижского списка Р с эскуриальским Е. При этом С и V дают всякий раз диаметрально противоположные чтения, с которыми совпадают (или не совпадают) варианты прочих списков. Рассмотрим взаимоотношения этих вариантов с целью определения групп греческих списков.

СА

Сходство чтений этих двух списков последовательно оттеняется прежде всего отличием от текстов двух других манускриптов X в. Причем идентичность таких чтений, как на л. С. 87 об. = А 22, 83 об. = 22, 88 = 22, 113 об. = 60 об., 116 об. = 63 об. и многих других, характерна исключительно для этой пары списков.

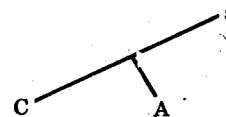
Максимальная близость состава и разночтений двух этих списков заставляет говорить о принадлежности их к одной группе, причем список С сохраняет текст в более полном объеме, чем А, что исключает зависимость текста С от А. Так, в А отсутствуют тексты, имеющиеся в С (а также в V и в Изборнике Святослава!): это схолия текста Исидора (С 8 об., V 11, Изб. 9 об.), схолия (С 11 об., V 16 об., Изб. 9 об.), лишь обозначенная на полях П 27 об. «схол.», но самого текста при этом нет; схолия Кирилла Иерусалимского на полях (С 33 об., V 59 об., Изб. 30 — в основном тексте); леммы отрывков из Григория Нисского и Иоанна Златоуста (С 33 об., V 59 об., 60, Изб. 29 об., 30) и др.; текст «От апостольских заповедей» (V 63 об., Изб. 32) с последующим пропуском лемм статей в П; фрагмент «Иакова апостола» (С 62 об., V 120 об., Изб. 66); «Имена великих рек» и «Имена великих гор» (С 113 маргин., V 224); о сыновьях Симы (С 120 об., V 236, Изб. 137 об. — 138); о сыновьях Иафета (С 121, V 237 об., Изб. 138 об.); текст перед фрагментом «из Иоанна Златоуста» (С 122, V 241, Изб. 140 об.); схолия перед текстом «из Кирилла Александрийского» (С 124 маргин., V 243 об., Изб. 142 об.); схолия об Аписе (С 139 об. маргин., V 275 об. — 276; Изб. 161 об.); схолия из псалмов (С 143 маргин., V 282; в Изб. здесь, на л. 163 об., пропуск большой группы текстов, имеющих в греческих списках); статья о помыслах человека (С 144 об., V 285 об.; Изб. 164 повторяет здесь последовательность глав в V, а не в С); схолия (С 156 об. маргин., V 308, Изб. 178); о богослужении (С 157 маргин., V 309 — 309 об.; в Изб. нет).

Вместе с тем в ряде случаев чтения А не совпадают с С, но совпадают с другими вариантами: л. 3 об. (пропуск фразы в С 76 об.), 12 об. (отсутствует *diati*, имеющееся только в С 81 об.), 15 об. (*συνεχῆς* вместо *σὺν ὑ-*

κρίν, как — только в С 83 об.), 18 (*φρῖν τὸν κόριν*, хотя только в С 85 обратный порядок слов; там же опущено *φρῖν*, имеющееся в С); 19 (дополнено фразой, отсутствующей в С 85 об.), 60 (дополнено текстом, отсутствующим только в С 113), 61 (в отличие от С 115), 62 об. (дополнено текстом, отсутствующим в С 115 об.; там же отсутствует лакуна в середине фразы, имеющаяся только в С), 63 (изменен порядок слов по сравнению с С 116), 63 об. (вставка текста, опущенного в С 116), 65 об. (*ἀνθρῶπος* вместо *ὁρατός* в С 117), 66 об. (*τῷ ὀνόματι* вместо именительного падежа в С 118), 68 (пропуск текста только в С 118 об.), 69 об. (подобно другим греческим спискам, а также Изборнику Святослава, пропущена строка текста, имеющаяся в С 119 об.), 78 (*ἐστὶν* вместо *ἐπὶ* в С 125), 98 об. *αὐτοὶ* вместо *αὐτό* в С 138), 101 (*ἀλλὰ τῷ μόνῳ* вместо *ἀλλ' αὐτῷ νόμῳ* в С 139 об.), 102 (*ἀρασία* вместо гапакса С 140 об. *ἀκρασία*), 109 об. (*ὡς*, пропущенное в С 146 об.), 132 об. (*καλῶν* вместо *καλῶν* в С 162), 144 (подобно V, пропуск строки, имеющейся в С 167 об., П 218 об., Изб. 191 об.), 146 об. (в С 169 об. пропущен текст), 150 (*ἀνάμνησιν* вместо гапакса С 171 *ἀνάστασιν*), 190 об. (только в С 193 обозначена лакуна в две строки текста).

Еще несколько случаев аналогичных явлений связано с итацизмом в написании местоимений и энклитик и с неразличением на письме долготы и краткости гласных (например, *ο/ω*).

Все это свидетельствует о том, что А не происходит непосредственно из С. Скорее всего, они восходят к общему протографу группы, при этом С, сохраняющий максимальный объем текста, как бы «первичен» в этой «связке» по отношению к А.

Наблюдения над текстом показывают, что С представляет текст свода вообще в наиболее полном объеме; он сохраняет в виде маргиналий статьи, либо часто включаемые в V в основной текст, либо часто совсем опускаемые писцом. Так, в С на л. 32, 36 об., 37 об., 49 об. (тексты Соломона, Исая, Осии), 52 об., 56, 58 об. — 59, 64, 66 об., 67 об. (отрывок фразы), 68 об., 76 — 76 об., 102, 108, 132, 139 об., 157, 195, отсутствующие как в древнейших греческих списках, так и в Изборнике Святослава. Текст, находящийся в С на л. 196 — 205 об. (= Изб. 224 об. — 237), из древнейших греческих списков сохранился только в этом. С другой стороны, на л. 216 об. в С ошибочное повторение текста, а после л. 213 — пропуск листов, так что текст восполняется только списками V (= V 404 об. — 408) и П. В свою очередь, в V на л. 408 — 409 также ошибочное повторение текста.

САК

Из таблиц состава и разночтений греческих списков хорошо видна и близость к двум рассмотренным только что спискам младшего Куаленовского (К). Показательно прежде всего, что чтения К последовательно идентичны чтениям С в начальной части свода Анастасия, отсутствующей в А. Здесь важны случаи тождества чтений, свойственных исключительно С и К: С 47 = К 5 об.; 47 об. = 6, 50 об. = 10, 51 об. = 11, 52 = 11 об., 54 об. = 13 об., 54 об. = 14 и т. д., — они многочисленны (см. таблицу разночтений).

Одновременно следует указать и на случаи несовпадения чтений К с древнейшими сходными кодексами. Они единичны: это К 26 об., где в соответствии с V 126 об. и др., пропущена фраза (ер. С 65 об.), 42 (но = А),

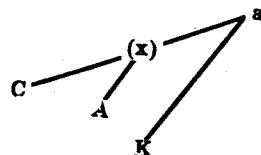
Griechische Kodikologie und Textüberlieferung / Hrsg. v. D. Harlfinger. Darmstadt, 1980. S. 30).

¹⁹ Dain A. Op. cit. P. 120, 127.

48 об. (=A), 50 об. (пропуск слова — в отличие от всех прочих списков), т. е. это либо пропуски слов, отражающие в одном случае, вероятно, чтение общего протографа группы, в другом — индивидуальную особенность списка К, либо, в случаях совпадения чтений с А при несовпадении с С, отражение индивидуальных особенностей списка С, не имеющих аналогий в других списках. Совпадение чтения К 11 с L и Изборником Святослава при пропуске как в С, так и в V может объясняться тем, что данное чтение восходит к общему архетипу всех списков, однако ни С, ни V его не сохранили.

Близость в подавляющем большинстве случаев К к СА заставляет объединить их в одну группу. Вместе с тем характерные отличия в нескольких случаях чтений К, либо сближающие его с другими списками, либо остающиеся уникальными для К, не позволяют возводить этот список непосредственно к какому-либо из старших списков этой группы. Отмечаемые случаи совпадения чтений К с другими списками, не относящимися к группе СА, отражают более отдаленное «родство» списка К с древнейшими списками группы. Скорее всего, список К восходит непосредственно к субархетипу группы (а).

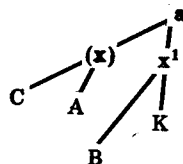
Таким образом, группу (а), которую можно назвать Куалено-амброзианской, графически следует представить следующим образом:

«а» обозначает субархетип группы, «х» — возможный (но необязательный, поэтому сигла заключена в скобки) протограф списков С и А. Неоднозначность списков С и А также отражена графически.

KB

Состав текста и разночтений Оксфордского списка В практически полностью соответствует особенностям младшего Куаленовского списка К. Значительная часть текста, причем в одинаковом объеме, отсутствует в начале обоих списков. Текстологические особенности этих списков — К и В, отмеченные в ходе колляции текста, позволяет предположить с достаточной степенью вероятности их происхождение от одного протографа, обозначаемого сиглой X¹.

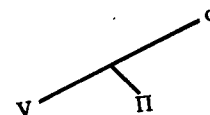
Таким образом, подобный вид обретает стемма рукописной традиции Куалено-амброзианской группы (названной так по старшим спискам) греческого прототипа славянского Изборника.

VII

Близость Ватиканского и Патмского списков также очевидна. Взаимоотношения их подобны взаимоотношениям С и А: Ватиканский список полнее, «лучше», в то время как Патмский ущербнее, «вторичнее». В П также отсутствуют перечисленные выше тексты, сохранившиеся в V, С и в Изборнике Святослава (как правило, это маргиналии или бывшие маргиналии, схолии, пояснения и т. п.). Таким образом, V не может восходить к П.

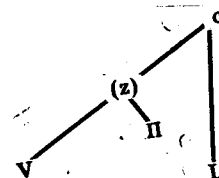
Следует, однако, указать и случаи нарушения последовательного сходства в чтениях V и П: Патмский список совпадает с С, а не с V в следующих случаях: 29 об. (=пропуск строки в V 20 об.), 31 (Δα(βι)δ — пропуск в V 23), 32 (γε), 34 (пропуск двух строк в V 29), 34 об. (пропуск строки в V 29 об.), 36 (η), 36 об. (ἐπίσης вместо ἐπὶ τῆς, как в V 33 об.), 40 (пропуск строки в V 39 об.), 45 (δεύτεραν, чего нет в V 47 об.; τῶν ἀγίων нет в V там же), 49 об. (ἐσω), τοῦ Εὐαγγελίου — в заглавии — л. 58 об. (V 72 — Ἀγγέ(λου), 66 (в V 84 об. здесь ошибочное повторение фразы); 67 об. (ὁν вместо οἶον в V 87 об.), 70 (ἀπῆλθε, отсутствующее в V 91 об.), 77 (пропуск строки в V 104), 84 (пропуск строки в V 116 об.), 87 об. (εἰς τὴν вместо ἐκ τῆς в V 121 об.), 90 об. (пропуск строки в V 126), 91 об. (ошибочный повтор текста в V 128 об.), 96 об. (имеется заглавие, отсутствующее в V 136); 104 (пропуск фразы в V 147 об.), 118 об. (τοῦ κόσμου — опущено в V 162 об.), 115 об. (в V 166 ошибочное повторение фрагмента текста), 121 об. (пропуск фрагмента фразы в V 176), 123 (пропуск фразы в V 178); 146 (пропуск фрагмента фразы в V 214), 146 об. (Ἰ(σρα)ήλ вместо Ἰ(ερουσαλ)ήμ, как — только в V 214), 156 об. (в V 229 об. — пропуск строки), 163 об. (в V 241 пропущена строка), 166 об. (εἶπεν вместо πῶς в V 246), 175 об. (в V 259 об. — пропуск строки; там же — пропуск в V 260); 178 (εἰς вместо ἐκ, как в V 263 и других списках, а также в Изб.), 178 об. (συνθῆναι вместо гапакса V 264 σωθῆναι), 182 (в V 269 об. — пропуск текста), 213 (в V 320 об. опущена энклитика σου), 216 (пропуск строки в V 325 об.), 218 об. (в V 329 об., как и в A 144, пропущена строка, имеющаяся в других списках), 242 (пропуск строки в V 368), 246 об. (пропуск в V 375 об.), 249 об. (пропуск строки в V 381); 253 об. (пропуск текста в V 388).

Таким образом, некоторые отличия в чтениях П от V заставляют предположить, что оба эти списка (с учетом их общей близости между собой) могут восходить к одному протографу.

VIII

Лаврский список в основном повторяет чтения Ватиканской группы. Отличия (л. 6 об., 11, 13 об., 14 об., 16 об. — OM., 17 об., 19, 21, 28 об., 31, 38, 44 об., 45, 99, 162), идентичные чтениям группы «а», обнаруживают опосредованный характер связи L с VII: Лаврский список мог восходить лишь к субархетипу Ватикано-патмской группы («с»). Еще более дальними связями — с общим архетипом всех списков может объясняться тождество чтений L 24 об. с К и Изборником Святослава, что отличает их как от С, так и от V. Графически стемма группы «с» выглядит следующим образом:

Сигла «с» обозначает субархетип группы — вероятный (но необязательный) протограф V и П. Неоднозначность списков V и П также должна быть отражена графически на стемме.

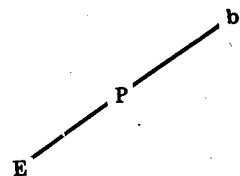
Основные списки каждой из двух рассмотренных групп — С и V — дают чтения противоположные. Остальные греческие списки — Р, Ра и Е, а также Изборник Святослава представляют собой как бы промежуточ-

ную группу списков: их чтения следуют поочередно то за группой «а», то за группой «с».

РЕ

Старший Парижский и Эскуриальский списки не только представляют практически идентичные чтения, но Е даже повторяет внешнее оформление Р, расположение в нем маргиналий, систему нумерации глав, порядок следования статей, пропуски, описки и т. п.

Сходство Е с Р позволяет с достаточной степенью вероятности говорить о происхождении Е из Р:

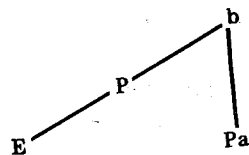
РЕРа

Если списки Р и Е, занимая как бы промежуточную позицию между С и V, следуют, однако, чаще за V, то младший Парижский список (Ра) в еще большей степени приближается к Ватикано-патмосской группе. Вместе с тем в некоторых случаях (л. 21, 21 об.) Ра дает совершенно самостоятельные чтения.

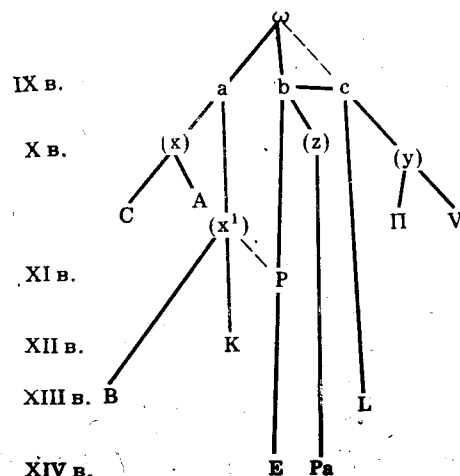
Важнейшее значение для нас имеют уникальные текстовые совпадения Изборника Святослава исключительно с чтениями Ра в ряде случаев (например, в Ра 24, 38 об.).

Для характеристики данной, «промежуточной», группы списков («b») показательны тождества в чтениях Р и Ра (а также Изборника Святослава!), например, соответственно л. 234 об. и 154 об. (Изб. 246 об.), что отличает эту группу от чтений аналогичных пассажей в С 213, V 403, П 262.

В результате стемма группы «b» сохранившихся греческих списков выглядит следующим образом:

Общая стемма греческих списков с учетом взаимоотношений трех выделенных групп списков представляется так:

ω — общий архетип византийского сборника. Положение осей в РЕ и Ра указывает на близость первой к группе «а», второй — к группе «с». «z» — возможный (факультативный) протограф Ра. Группа «с» может и непосредственно восходить к общему архетипу, что отражено пунктиром.

Однако данную стемму нельзя пока считать полной: в ней необходимо определить место для предположительного греческого сборника, с которого был сделан славянский перевод памятника.

ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА И ЕГО МЕСТО В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ВИЗАНТИЙСКИХ СБОРНИКОВ

Как явствует из приведенной таблицы разночтений, славянский текст в случаях разночтений, дающих как раз основание для выделения групп списков, следует попеременно то чтениям группы «а», то чтениям группы «с». Характер разночтений позволяет объединить предполагаемый прототип в одну группу со списками Р → Е и Ра. Решающими являются общие чтения этих списков в таких случаях, как Изб. 176 об.=Р 181 об.=Ра, Изб. 246 об.=Р 234 об.=Ра 154 об., и даже более конкретно: Изб.=Ра 38 об. и Изб. 21а=Ра 24, т. е. греческий прототип Изборника Святослава следует поместить на стемме в группе «b» на оси Ра. При этом следует учесть и графически отобразить наибольшую близость среди списков группы «b» предполагаемого прототипа Изборника (Изб.) к Ватикано-патмосской группе. Основанные на анализе разночтений количественные подсчеты совпадений чтений Изборника и Р с V и С, а также между собой дали такие результаты:

	совпадение чтений с		совпадение и несовпадение чтений между Изборником и Р	
	V	C	+	—
Изб.	206	146	229	80
Р	162	147		

Таким образом, примерно в 60 % случаев разночтений Изборник Святослава совпадает с Ватиканским списком; старший Парижский список в несколько меньших объемах, но все же тоже близок группе «с». Эта связь также должна быть отражена в стемме.

Изборник и список Р более чем в каждом четвертом случае дают разные чтения, хотя эти «аномалии» укладываются в рамки одной группы. Вместе с тем отмеченная близость чтений Изборника с Ра дает основание сближать их в стемме.

Разумеется, все количественные выкладки сами по себе лишь приблизительно могут характеризовать взаимоотношения изучаемых текстов. При их оценке важнее качественные, т. е. содержательные, изменения (перестановки, пропуски, эмендации, произвольные повторения) текстов, о которых речь шла выше и которые зафиксированы в таблице разночтений.

Но дело не только в соотношении разночтений, но и в композиционном построении памятника: как и Ватиканский список, Изборник Святослава включает в основной текст многие из маргиналий Куаленовского (старшего), опускаемые, в свою очередь, как говорилось выше, в Патмосском, Амброзианском и других списках. Вместе с тем значительный объем текста Изборника Святослава (л. 224 об.—237 и 258 об.—263 об.) сопоставим

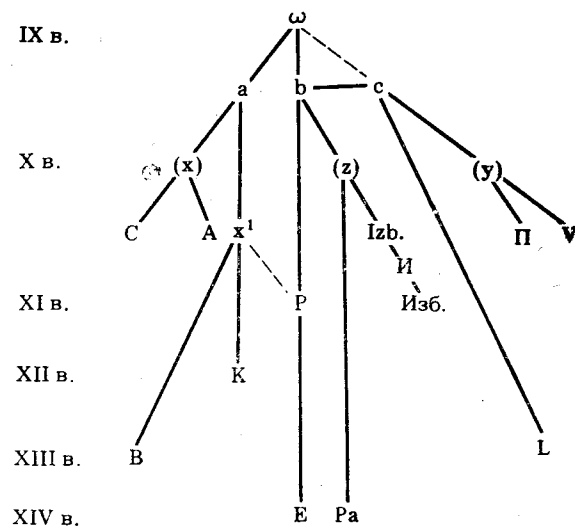
именно с Куаленовским (среди старших списков), а не с Ватиканским списком, так как оба старших кодекса Ватикано-патмосской группы не имеют соответствующего текста (утрата листов, тетрадей; лакуны), причем обрыв текста в обоих списках группы в произвольном месте с присоединением далее другого сочинения говорит о лакуне уже в протографе V и П.

Только в Ватиканском списке, л. 234 об., имеется маргинальная схолия, отсутствующая в других греческих списках X—XI вв., но зато имеющаяся, как отмечалось выше, в Изборнике Святослава (л. 136 г—137а). Пропуск текста в V 73 об. имеет соответствие только в Изборнике (л. 38), тогда как и в С 40, и в П 59—59 об. в этом месте имеется дополнительный текст. То же самое можно сказать относительно текста о сыновьях Хама (V 236 об. = Изб. 138 об.). Правда, последний текст восходит к маргиналиям старших списков X в., а, как уже сказано, маргиналии в более поздних кодексах часто не воспроизводились или, реже, включались в основной текст. В этом причина того, что все эти тексты («Сыновья Симы», «Сыновья Хама» и «Сыновья Иафета») не дошли в составе греческих списков группы «b».

Однако есть и следы возможного использования в Изборнике в процессе перевода греческих списков разных групп. Имеются в виду случаи повторений текста в Изборнике Святослава — на л. 120 (бывш. 151) — 129 и особенно на л. 213в-г, где повторяемые тексты не идентичны друг другу, но представляют собой различные переводы греческого оригинала и при этом однажды следуют разным группам греческих списков. Так например, Изб. 213 в. 5 «богоу» = 367 об. тоб ѓгоу: 213 г. 15—16 «бого о нась» = С 186 тоб ѓгоу пері ѓмѡν ADD.

Вместе с тем другие разночтения двух вариантов славянского перевода нельзя объяснить следованием переводчика разным группам списков греческого оригинала: мы имеем дело лишь с разными вариантами славянского перевода одного и того же греческого текста.

В результате проведенного анализа стемма греческих списков протографа Изборника Святослава с учетом реконструируемого протографа славянского перевода выглядит следующим образом:

Помещение в стемму модели протографа славянского Изборника (Izb.) возможно лишь при одном серьезном допущении, а именно что чтение Изборника Святослава (Изб.) эквивалентно соответствующим местам смо

делированного греческого протографа переводного славянского кодекса (И).

В ряде случаев чтения Изборника не соответствуют ни одному из греческих списков. На л. 15 б. 2 «отъ того» в заглавии не соответствует греческим леммам, где читается Μαῖμο (V 33 об., П 37). В заглавии Изборника на л. 16 б. 21—23 не указан автор, хотя в греческом тексте значится τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου (V 35 об.). В заглавии статьи МГ' Изборника (л. 35 г. 19—20) добавлено, по сравнению с греческим (V 69 об., П 57), «архи-епископа». На л. 58 г. 2 в заглавии статьи РГ' указано «Васили И», в то время как в греческом следует «Ἀθανασίου» (V 108 об., С 56 об., П 79 об., Р 45 об., К 16 об., L 29 об., Pa 52).

В Изборнике Святослава «жѣртва вечерняя» (30 г. 6) не соответствует греческим спискам, где эта фраза опущена писцами или редакторами (V 61, П 52, Р 11 = Е, Pa 31; в других списках в этом месте утрачены листы кодексов). В конце статьи НГ' Изборника опущены две фразы (л. 38 а. 17), имеющиеся в греческих списках (V 73 об., С 40, П 59—59 об., Р 19бис об. = Е, Pa 36; в А, К, L в данном месте утрачены листы кодексов). Пропущена фраза и в начале статьи Nθ (л. 39в) Изборника (ср. V 75 об. — 76, С 41, П 60 об. — 61, Р 21 = Е, Pa 37). В статье РКГ' («Павла апостола») опущена фраза после «его же приемлеть» (л. 66 г. 7—8), вслед за чем в греческих списках следует «εἰ παιδείαν ὑπομένετε». А в статье Изборника РКН' («Златоуста к коринфянам»), наоборот, в славянском тексте «добавлена» фраза «да о семь оубо поспѣшимъ всѣи» (68 г. 29—69 а. 1), отсутствующая в греческих списках. И некоторые другие греческие слова не находят отражения в тексте Изборника: Изб. 151 (бывш. 120) ≠ греч. φάντασμα или φῶμα, а 252 г. 25—26 «съписана» ≠ греч.

По сравнению с греческими списками в Изборнике имеются пропуски: между л. 4 и 5 (=V 2—6; интересно, что в С здесь тоже частично пропущен текст на утраченных двух листах: его продолжение — л. 4 об. — 6 об.); между л. 7 и 8 (=V 12—16 об., С 9 об. — 11 об.); на л. 126 — пропуск фразы (=V 28 об., С 17 об.).

В заключение несколько примеров возможного разрешения неясных вопросов толкования древнерусского текста с использованием греческих параллелей рассмотренных списков.

Ряд неточностей славянского перевода, а отсюда и трудности понимания, обусловлен визуальными ошибками при чтении греческого текста. Так, «питания» (Изб. 57 в. 1—2) является «переводом» греческого τροφή («наслаждение», «удовольствие»), сохраненного в маргиналиях обоих Куаленовских списков (С 55 об. марг., К 15 марг.; в других списках — пропуск этой фразы: V 106, П 78, Р 44, L 28, Pa 51) и понятого переводчиком как τροφή — «пища». Та же причина появления слова «пиштею» на л. 60 б. 4 Изборника при параллельном чтении во всех греческих списках (только в А этот текст совсем отсутствует) «τροφή».

«Вълноуюштеесе море» (Изб. 60 в. 3) появилось как перевод греческого χιμανωμένῃ θάλασσῃ, хотя в трех списках X в. — море «χοιμεωμένη», т. е. как раз наоборот, спокойное («спящее»).

На л. 6 г. 5 Изборника «чоудьныи наречи Павѣль» не совсем точно передает соответствующее место Ватиканского и Патмосского списков — δεσπότης ἡμῶν ἐφ' ἡμῶν Παῦλος, т. е. глагол «наречи», воспроизводящий обычное греческое ὀνομάζει, произошел здесь из сочетания «намъ рече», где конечное -мъ могло быть изображено (в древнеболгарском протографе?) в виде титла или надстрочно.

В перечислении народов на л. 138 в. 21—22 Изборника упоминаются непонятные «кевизакину»; в соответствующем месте в С читаем οἱ βηζακηνοί,

однако в трех других греческих списках X в. здесь следует *οὐ καὶ βῦλα γινώσκει*, что и объясняет облик неожиданного славянского «этнонима»: союз *καὶ* (=«и») в его звуковом виде переводчик понял как элемент имени «ке-». Наконец, следует указать на значение одного слова, не зафиксированное «Словарем русского языка XI—XV вв.» и понятное лишь в сопоставлении с греческим текстом. В Иерониме слово «куръ» передает греческое *εἰδωλον* — «идол». Нельзя ли в этой связи понимать конец диспутной фразы «Слова о полку Игореве» о Всеславе, который из Киева дорыскивал «до куръ Тматорокана», как аналог выражения «Слова» «Тматороканьскыи блъвань», т. е. «идол»?

ПРИЛОЖЕНИЕ

			С	V	A	Π	P	K	L	Pa	E
5a. 29—6. 1	свѣкне	ἀποτάτω ἀποποτάτω ἐν τῷ ἀπλοτάτω	7	6V	197V	22	248V	—	4V	8	198V
56. 19—20	такы имь мьнать	τὸν τοιοῦτον νοῦν ὑπειλήφασιν τὸν τοιοῦτον ὑπειλήφασιν τῶν τοιοῦτων ἀπειλήφασιν τῶν τοιοῦτων ὑπειλήφασιν	7		197V			—	—		
6r. 7—8	развѣ . . . развѣ	πλήν . . . πλήν πάρεξ . . . πλήν	8	10	200	23V	248V 250V—251	—	—	8R-V	200V
7a. 19	(ом.)	(ом.) (ом.)						—	—	9V	
7a. 22	въ Хоривѣ	ἐν τοῖς προφήταις τοῖς προφήταις ἐν Χωρήβ ἐν Χωρίφ ἐν Χωρίβ	8V	10V	200V	24	251V 251V	—	—	9V	201 201
7a. 28	(ом.)	(ом.)	8V		200V	24	251V	—	—	9V	201
76. 10	мимо идетъ	φησὶν παρελεύσεται παρελεύσονται		10V 11	200V	24V		—	—	10	201
7в. 19	глазѣ	παρελεύσονται ἔφασκεν ἔφέστηκεν	9		201 201V	24V	252V	—	—	10	201V
7г. 16—18	живѣтъ въ васъ	οἶκεῖ ἐν ὑμῖν	9 marg. add.	11V	202				5		

			С	V	А	Π	P	K	L	Pa	E
... из мертвыхъ	... ἐκ νεκρῶν			12		24 ^v	252 ^v	—	5	10	202
ЧОИДР, 15 (ом.)	(ом.)			13 ^v		26		—	6	11	
» възметъ	οὐσῆς	10			203		254	—	6 ^v		203
	λήψεται	10 ^v			203 ^v		254 ^v	—			203 ^v
ЧОИДР, 16 (ом.)	λαμβάνει			14		26		—		11	
	(ом.) ἔστιν			14 ^v		26		—	6 ^v	11 ^v	
	ἐν ἔστιν	10 ^v					254 ^v				
» бы	ἔνεστιν				204			—	7 ^v	12	
	ἄν	11 ^v		16	205 ^v	27 ^v		—			
8а. 2	γάρ						256 ^v	—	7 ^v	12	205
	τότε δὴ			16 ^v				—			
	τὸ δὲ δὴ	11 ^v				27 ^v	256 ^v				205
	τὸ δὲ δεῖ				205 ^v						
8а. 17	ἀπόστολος			16 ^v		27 ^v	256 ^v	—	7 ^v	12 ^v	205
96. 9	Παῦλος	12 ^v marg.			206			—	—		
	κύριος	12 ^v			208			—	—		
96. 9	θ(εὸς)			19		28 ^v	258 ^v	—	—	13	206 ^v
	(ом.)			19		28 ^v	258 ^v	—	—		206 ^v
	καὶ διαιρέσεις	12 ^v			208						
	ἐνεργημάτων εἰσὶν										
96. 25	ἐγὼ λαλῶ			19		29		—	—	13 ^v	
	ἐλάλησα	13			208		258 ^v				207
9в. 21—23	ἰδικῶς τε ἅμα	13			208 ^v	29	259			13 ^v	207
	καὶ ἀλλήλαις προσεχῶς										
	ἡ			19 ^v				—	—		
9г. 7	πρόσωπόν σου			16 ^v			256 marg.			13 ^v	205
				marg.							

			С	V	A	Π	P	K	L	Pa	E
9г. 28	(ом.)	πρόσωπον	11		—	27 ^v		7 ^v			
	(ом.)	(ом.)		20	—	29	ом.	—	—	14	ом.
106. 23—24	и дхъ проиде	λόγος περὶ πίστεως	13			29				14	
(и т. д.)		τὸ πνεῦμα προήγαγεν	13 ^v								
	(ом.)	(ETC.)		20 ^v	—		ом.	—	—		ом.
11в. 26	Давидъ	Δαβὶδ	15		212	31	ом.	—	—	15	
	(ом.)	(ом.)		23				—	—		ом.
126. 13—14	божиемъ словомъ	τοῦ θ(εο)ῦ λόγου		28 ^v		34	ом.	—	—	17 ^v	ом.
		τοῦ λόγου	17 ^v		218			—	—		
126. 19—21	кромѣ первожъ бывъ-	παρὰ τὸ πρότερον	17 ^v		218	34	ом.	—	—	17 ^v	ом.
	шааго помышля и	γενόμενον νόμιζε		28 ^v							
		παρὰ τὸ πρότερον									
		νόμιζε		28 ^v		34	ом.	—	—	17 ^v	ом.
12в. 6	оуставъ	τὸν ὅρον						—	—		
		τῶν ὠρῶν			218 ^v						
		τῶν ὅρων	17 ^v								
12г. 1—2	нишьстиемъ	οὕτε κήνισιν	18		219	34				17 ^v	
	равномъ ристаше	ἑταλὴν διέτρεχεν						—	—		ом.
		(ом.)		29			ом.	—	—		
13а. 1—5	едино солнце принять	εἰς ἥλιος, τότε	18		219 ^{R-V}	34 ^v				18	
	и свѣтъ и примѣше	δεχθὲν φῶς, καὶ									
	тѣло. пакы яко же	τὸ δεξάμενον σῶμα									
	единъ свѣтъ оубо и	πάλιν ὡς ἐν μὲν φῶς καὶ									
		(ом.)		29 ^v			ом.	—	—		ом.
13а. 26	(ом.)	(ом.)		30		34 ^v	ом.	—	—	18	ом.
		φησὶν (ὁ λόγος)	18 ^v								
		(ὁ λόγος) φησὶν			219 ^v						

			С	V	A	Π	P	K	L	Pa	E
136. 24	(ом.)	(ом.) ἢ κατ' οὐσίαν παρῆν, εἰ μὲν οὖν κατὰ συμβεβηχός	18 ^v	30	220	35	ом.	—	—	18	ом.
14a. 8	(ом.)	(ом.) πάλιν ἐρωτήσομεν πῶς εἰς τὴν οὐσίαν τοῦ λόγου μετεβλήθη τὸ σῶμα	19	31 ^v	221 ^v	35 ^v	ом.	—	—	18 ^v	ом.
14a. 19	рекаъ	φησὶν φύσιν	19	31 ^v	221 ^v	35 ^v	ом.	—	—	18 ^v	ом.
15a. 9	равно	ἐπίσης ἐπὶ τῆς	20	33	—	36 ^v	—	—	—	19 ^v	—
156. 14	къ достойнымъ (и т. д.)	(ом.) ἐν τοῖς ἀξίοις ETC.	20 ^v	33 ^v	—	37	ом. 259 ^v	—	8 ^v 8 ^v	19 ^v	ом. 207 ^v
156. 18	соединение	(ом.) ἐνωσις ἐνοίκησις	20 ^v	33 ^v	—	—	259 ^v	—	8 ^v	19 ^v	207 ^v
15в. 5	къ соштинъ (и т. д.)	παρεστὶν τῇ οὐσίᾳ ETC.	20 ^v	34	—	37	—	—	—	—	—
15г. 4	(ом.)	(ом.) καὶ (ἐνα υἱόν)	21	34 ^v	—	37 ^v	260	—	9	20	208
16в. 12	аште	καὶ	21 ^v	36	226	38	ом.	—	10	20 ^v	ом.
17a. 5—6	можетъ глгати	φησεὶν φησι φείσεσιν	22	36 ^v	—	38 ^v	ом.	—	10	21	ом.

			С	V	A	Π	P	K	L	Pa	E
17в. 1	ѡмоу, ѡже	αὐτοῦ τὸ ἄν τοῦτο αὐτοῦ τῷ	22 ^v	37 ^v	—	39	261	—	10 ^v	21 ^v	208 ^v
17в. 3—4	да бждетъ	ἔστω ἔσται ἔστί	22 ^v	37 ^v	—	39	261	—	10 ^v	21 ^v	208 ^v
17г. 3	не можемъ	οὐ δυνάμεθα δυνηρόμεθα	22 ^v	38	—	39 ^v	261	—	11	21 ^v	209
17г. 10	недовѣдомки	ἀπείρω ἀπόρρω	22 ^v	38	—	39 ^v	261 ^v	—	11	21 ^v	209
17г. 21	не възмогу	μὴ δύνωμαι μὴ δύναμαι μὴ δύνομαι μὴ δύναи	23	38 ^v	—	39 ^v	261 ^v	—	11	21 ^v	209

(окончание следует)

Б. Л. ФОНКИЧ

П. П. ДУБРОВСКИЙ И НАЧАЛО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ В РОССИИ

Более двух с половиной тысяч греческих рукописей IV—начала XX в. советских хранилищ — фонд, огромный в количественном отношении и выдающийся по своему научному значению, — формировался на протяжении почти 600 лет¹. Историю его сложения можно разделить на два периода.

Первый период обнимает собой время с начала XV до конца XVIII в. Появление греческих рукописей в России, на Украине, в Закавказье на протяжении этих четырех столетий было вызвано существовавшими тогда тесными связями указанных территорий с православным Востоком: рукописи приносились из греческого мира в виде отдельных книг или небольших коллекций, покупались на Востоке — иногда большими партиями — для нужд просвещения и книгопечатания, наконец, переписывались жившими длительное время вне дома или навсегда покинувшими свою родину греками либо их местными учениками².

Второй период начинается в конце XVIII в. и продолжается до начала XX в. Это время коллекционирования греческих рукописей в целях прежде всего научного интереса к такого рода материалам и во вторую очередь книжного собирательства, удовлетворения библиофильских интересов. Примерно за полтора столетия второго периода в частных собраниях и государственных хранилищах России появилось около тысячи греческих рукописей самых разных эпох. Среди собирателей, которым русские библиотеки и музеи обязаны пополнением своих книжных фондов

¹ Из сохранившихся греческих рукописей наших собраний самым древним манускриптом, созданным сравнительно недалеко от того места, где он находится в настоящее время, является написанное, по нашему мнению, во второй половине X в. Коридетское евангелие. См.: *Фонкич Б. Л.* Заметки о греческих рукописях советских хранилищ. 3: О греческих записях X в. Коридетского евангелия // *ВВ.* 1974. Т. 36. С. 135—136, рис. 4—7. Это, насколько можно сейчас судить, — единственная греческая рукопись советских хранилищ, которая не покидала своей родины на протяжении целого тысячелетия.

Древнейшие из сохранившихся греческих рукописей, родившихся на русской почве, относятся к началу XV в. См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 10—24. Сохранился также кодекс, который находился в России с 20-х годов XIV в. до 30-х годов XV в., а затем вместе с некоторыми другими рукописями московской митрополичьей библиотеки был перевезен в Италию. См.: *Фонкич Б. Л.* Палеографические заметки о греческих рукописях итальянских библиотек. 11. *Vat. gr.* 840: Еще раз о материалах по истории России второй четверти XIV в. // *ВВ.* М., 1982. С. 254—262.

² См.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи. . . : *Он же.* Греческое книгописание в России в XVII в. // *Книжные центры Древней Руси. XVII век.* СПб., 1992. С. 18—63.

греческими манускриптами — деятели русской науки и образования, видные церковные деятели, писатели, путешественники. Назовем здесь имена лишь наиболее крупных собирателей — Х. Ф. Маттеи, А. С. Норова, В. П. Орлова-Давыдова, В. И. Григоровича, Порфирия Успенского, К. Тишендорфа, А. Н. Муравьева, Антонина Капустина, П. И. Севастьянова, А. И. Пападопуло-Керамевса, А. А. Дмитриевского, Н. П. Лихачева³. Однако во главе этой блестящей плеяды коллекционеров следует поставить Петра Петровича Дубровского (1754—1816). Второй период истории формирования греческих рукописных собраний России начинается с деятельности именно этого выдающегося собирателя.

Славу П. П. Дубровскому как коллекционеру принесло его знаменитое собрание западноевропейских рукописей⁴. Между тем Дубровскому

³ О греческих рукописях Х. Ф. Маттеи см.: *Gebhardt O. v. Christian Friedrich Matthaei und seine Sammlung griechischer Handschriften // Centralblatt für Bibliothekswesen.* 1898. XV. S. 345—357, 393—420, 441—482, 537—566; *Белокурова С.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 1—192. О рукописях А. С. Норова, В. П. Орлова-Давыдова, В. И. Григоровича, Антонина Капустина и А. Н. Муравьева см. соответственно следующие работы: *Кудрявцев И. М.* Рукописное собрание А. С. Норова // *Зап. Отдела рукописей Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина.* 1956. Т. XVIII. С. 48—63 (особенно С. 53—56); *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи В. П. Орлова-Давыдова // *ВВ.* 1983. Т. 44. С. 117—125; *Он же.* Греческие рукописи Одессы // *ВВ.* 1978. Т. 39. С. 185—200, рис. 1—28; 1982. Т. 43. С. 99—101; *Он же.* Антонин Капустин как собиратель греческих рукописей // *Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. третий.* М., 1983. С. 368—379; *Fonkič B. L.* Les manuscrits grecs d'Antonin Kapustin // *Scriptorium.* 1984. Vol. XXXVIII, 2. P. 254—274. Pl. 12—13; *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи А. Н. Муравьева // *Археограф. ежегодник за 1984 год.* М., 1986. С. 235—247; *Fonkič B. L.* The Greek Manuscripts of A. N. Murav'ev // *Modern Greek Studies Yearbook.* 1988. Vol. 4. P. 235—254.

История образования греческих рукописных коллекций Порфирия Успенского, К. Тишендорфа, П. И. Севастьянова, А. И. Пападопуло-Керамевса, А. А. Дмитриевского и Н. П. Лихачева остается неизученной. Из имеющихся сейчас опубликованных материалов об этих собраниях см. о рукописях Порфирия: *Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1883 год.* СПб., 1885. С. 80—163; *Ернштедт В. К.* Список датированных греческих рукописей Порфириевского собрания // *Там же.* Прил. II. С. 1—21 = *Victoris Jernstedt Opuscula.* СПб., 1907. С. 241—255; *Васильевский В. Г.* Описание Порфириевского сборника византийских документов (Греч. № ССЛ) // *Там же.* Прил. IV. С. 1—30; о рукописях К. Тишендорфа: *Выставка Тишендорфского собрания в Имп. Публичной библиотеке // ЖМНП.* 1859. № 12. Отд. 7. С. 150—153; о рукописях П. И. Севастьянова: *Викторов А.* Московский Публичный и Румянцевский музеи: Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881; о рукописях А. И. Пападопуло-Керамевса: *Гранстрем Е. Э.* Греческие рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // *Тр. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.* 1957. Т. II (V). С. 216—217, 237; о рукописях Н. П. Лихачева: *Путеводитель по архиву Ленингр. отд. Ин-та истории.* М.; Л., 1958. С. 403—413, 502—503. Греческие рукописи из собраний Порфирия, Тишендорфа, Пападопуло-Керамевса, Дмитриевского и Лихачева описаны в работах: *Гранстрем Е. Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 1—8 // *ВВ.* 1959—1974. Т. XVI, XVIII, XIX, XXIII—XXV, XXVII—XXVIII, 31, 32; *Treu K.* Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR: Eine systematische Auswertung der Texthandschriften in Leningrad, Moskau, Kiev, Odessa, Tbilisi und Erevan. B., 1966. S. 16—202; рукописи Дмитриевского, хранящиеся в БАН, описаны в раб.: *Лебедева И. Н.* Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1973. Т. 5: Греческие рукописи. См. также: *Гранстрем Е. Э.* Греческие средневековые рукописи в Ленинграде // *ВВ.* 1956. Т. VIII. С. 192—207; *Она же.* Греческие рукописи Государственной Публичной библиотеки. . . С. 211—237; *Она же.* Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР // *Ист. очерк и обзор фондов Рукописного отд. Библ. Акад. наук. М.; Л.,* 1958. С. 272—284.

⁴ О П. П. Дубровском и его собрании западноевропейских рукописей и документов существует большая специальная литература. Эта библиография увеличивается по мере роста интереса исследователей к разным частям коллекции, к истории ее формирования, хранения и изучения. Укажем здесь лишь некоторые работы: *Г*** (=Шихов А. С.).* О Музее г-на Дубровского: (Письмо к издателю) // *Вестн. Ев-*

удалось создать также огромное собрание и греческих рукописей, с которым впоследствии из-за трудных обстоятельств ему пришлось расстаться, удержав в своих руках лишь 25 манускриптов.

Рукописная коллекция Дубровского формировалась на протяжении его многолетней дипломатической службы в Европе. Начало его собирательству было положено в 1778 г., когда Дубровский приступил к своим обязанностям при русской посольской церкви в Париже. Основная часть рукописного собрания сложилась во время пребывания Дубровского главным образом во Франции в конце 70-х—начале 90-х годов XVIII в. В августе 1792 г. он покинул Париж, но находился в Европе еще несколько лет и возвратился в Петербург только 12 февраля 1800 г.

Что касается его рукописей, то они стали прибывать сюда значительно позднее. Существуют два составленных самим Дубровским документа, которые позволяют установить, что в мае 1803 г. и затем, по-видимому, не позже середины 1804 г. им была получена большая часть его собрания, т. е., как можно думать, все те манускрипты, которые хранятся теперь в наших библиотеках и известны как «коллекция П. П. Дубровского».

Первый документ (ГПБ. Франц. F. XVIII. 42) имеет на л. 1 следующее заглавие: «Extrait du grand Catalogue de Mr Doubrovsky, concernant les Manuscrits envoyés de Paris à Hambourg par le Ministre de Danemarck en 1800 et reçus en 1803, au mois de May». Поскольку «Большой каталог Дубровского», который содержал бы все внесенные в него рукописи его собрания, не существует, можно предположить, что Дубровский, получив в мае 1803 г. часть своих рукописей из Гамбурга, принялся за их описание, намереваясь затем, по получении всей коллекции, включить готовую уже

ропы. 1805. Ч. XX, № 5. С. 48—55; *Он же*. Известие о славном собрании рукописей г-на Дубровского // Северный вестн. 1805. Ч. V. С. 210—229; *Adelung F.* Nachricht von der Dubrowskischen Manuscripten-Sammlung in St. Petersburg // Russland unter Alexander dem Ersten. St. Petersburg; Leipzig, 1805. Bd. VI. S. 254—276; Bd. VII. S. 383—384; 1806. Bd. VIII. S. 82—113; *Васильчиков А. А.* О собирателе рукописей Дубровском // Русский архив. 1878. № 8. С. 437—441; *Люблинская А. Д.* Западные рукописи в ленинградской Публичной библиотеке // Советская наука. 1940. № 9. С. 96—107; *Луизова Т. В.* Собрание рукописей П. П. Дубровского в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вопр. истории. 1952. № 8. С. 150—154; *François M.* Pierre Dubrowsky et les manuscrits de Saint-Germain-des-Prés à Léningrad // Mémorial du XIVe centenaire de l'Abbaye de Saint-Germain-des-Prés. P., 1959. P. 333—341; *Алексеев М. П.* Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960. С. 36—62; *Воронова Т. П.* Французские средневековые книги в собрании Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: (Из истории средневековых библиотек и коллекций) // СВ. 1962. Т. XXII. С. 258—266; *Бернадская Е. В., Воронова Т. П.* Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского. Л., 1963; *Воронова Т. П.* П. П. Дубровский и сен-жерменские рукописи // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 101—114; Сборники документов коллекции П. П. Дубровского: Каталог / Сост. Т. П. Воронова, Т. В. Луизова. Л., 1979; *Воронова Т. П.* П. П. Дубровский — первый хранитель «Депо манускриптов» Публичной библиотеки // Археограф. ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 123—130; *Она же*. Первые описи собрания П. П. Дубровского // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 167—172; *Она же*. Материалы к биографии П. П. Дубровского // Историко-культурное изучение памятников письменной культуры. Л., 1984. С. 120—130; *Мокрецова И. П., Романова В. Л.* Французская книжная миниатюра XIII в. в советских собраниях. 1200—1270. М., 1983. С. 43—44; *Стерлигов А. Б.* «Часовник Людовика Орлеанского» из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Музей 6. Художественные собрания СССР. М., 1986. С. 84—115; *Жемайтис С. Г.* Источники по истории Смоленской войны (1632—1634 гг.) в собрании П. П. Дубровского // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг [ГПБ]. Л., 1988. С. 41—50; *Люблинская А. Д.* Бастильский архив в Ленинграде: Аннотированный каталог. Л., 1988.

часть работы в будущий «Большой каталог». В этом «Извлечении из Большого каталога» описаны семь греческих рукописей:

- (л. 5)
87. Constitutiones apostolicae graece. Mss sur velin de l'an 1111. 4to sans reliure.
88. Evangelia, Acta apostolorum et Epistolae s^{ti} Pauli apostoli. Graece. Mss sur velin du XI. siècle orné de 9 miniatures. 4to sans reliure. (л. 5 об.)
95. Psalterium cum commentariis graece. Mss sur velin du X. siècle. 4to s(ans) r(eliore).
101. Apologia graece. Mss du XV. siècle sur velin tres fin, executé en Italie Grand. 8° s(ans) r(eliore).
102. S^{ti} Basilii Exameron — Ibid. S^{ti} Gregorii Nysseni Exameron — Ibid. Petri Alexandrini Chronicon ab Adamo ad Leonem Sapientem et Alexander Basilii Macedon. Mss graec. de la fin du IX siècle sur velin pet. fol. s(ans) r(eliore).
103. Dialogi carnis et animae, graece. Mss sur velin de l'an 1318 pet. 4to s(ans) r(eliore). (л. 6)
122. Liber comitum montis Synai. Mss grec sur velin écrit par Michel prêtre moine l'an 6528 (1020). pet. 4to, reliure en bois. Ce Mss d'après une note mise au verso du dernier feuillet avoit appartenu dans le XIV. siècle à l'abbaye de St Denys en France. Probablement il a été pris au pillage de cette abbaye fait vers le milieu du XVI. siècle.

Второй документ (ГПБ, Франц. F. XVIII. 41), писанный и скрепленный по листам самим Дубровским, озаглавлен следующим образом (л. 1): «Extrait du Catalogue général des manuscrits qui sont ici. Le reste est encore dans l'Etranger. P. Doubrowsky». Из заметки Дубровского на с. 40 следует, что это, второе по счету, «Извлечение из Генерального каталога» было составлено 16 октября 1804 г., когда в Петербурге все еще не были получены все ящики с манускриптами его собрания: «Cet aperçu est fait à la hâte. J'aurai l'honneur de faire plus détaillé la note qui concerne ma collection générale des manuscrits tant anciens que modernes. Elle ne pourra être prête que lorsque mes caisses, qui sont déjà embarquées à Hambourg, seraient rendues ici. St Petersburg, le 16.X.1804. P^{re} Doubrowsky». Пометка о времени составления данного «Извлечения» находится также на с. 17. На с. 1 имеется важное, предваряющее каталог указание Дубровского на то, что из нескольких сотен древних рукописей, которые ему удалось приобрести в Европе и удержать в своих руках к моменту отъезда в Россию, в октябре 1804 г. в его распоряжении находилось, по крайней мере, 400 рукописей: «Note. La Collection des Manuscrits anciens, que j'ai rassemblé dans les différentes Parties de l'Europe, quoique diminuée de plus de Moitié par des Circonstances Malheureuses, monte encore à quelques centaines de Volumes. Quatre cent au moins sont déjà ici et forment deux Parties principales: Littéraire et Historique».

Это «Извлечение», хотя и сделанное, как отмечает Дубровский, наспех, явилось тем официальным документом, по которому описанные в нем рукописи были приняты от их владельца и переданы вскоре после его составления, весной 1805 г., в учрежденное по распоряжению Александра I Депо манускриптов Императорской Публичной библиотеки. Об этом свидетельствует следующая запись на с. 38, сделанная графом А. С. Строгановым, главным директором императорских библиотек: «Значущиеся на тридцати осьми страницах сего каталога рукописи приняты от г-на коллежского советника и кавалера Дубровского и отданы в высочайше учрежденный Депо Манускриптов под его расписку яко хранителя

сего Дено. Граф Александр Строганов». Судя по заметкам самого Дубровского и других лиц на полях «Извлечения», оно служило в XIX в. основным документом при хранении и работе с рукописями этой коллекции.

Именно из этого документа, т. е. от самого Дубровского, мы узнаем, что все его собрание греческих рукописей, за несколькими исключениями, осталось за границей; на с. 6—7, перечисляя свои греческие рукописи, Дубровский пишет: «Dans ce qui me reste du Recueil des Manuscrits grecs (les autres ont passé en totalité dans l'Etranger) on remarque. . .».

Приведем описание находившихся у Дубровского в октябре 1804 г. греческих рукописей, сделанное им в «Извлечении из Генерального каталога».

(с. 1—3) Le premier de ces Recueils vient originairement de la fameuse et antique Abbaye de Corbie: ce Recueil fut fondu dans celui de Saint-Germain-des-Près vers le 13me siècle. Il est placé au rang des quatre premiers de l'Europe, qui sont ceux du Vatican, de l'Empereur à Vienne, du Roi de France et du Roi d'Angleterre. C'est sur ces Monuments que Mabillon, Montfaucon et autres célèbres Auteurs établirent leurs règles diplomatiques et fixèrent l'âge de tous les Manuscrits connus. La description de ceux, dont il est question ici et les Fac-similis de leurs différentes écritures se trouvent dans le Traité diplomatique en 6. volumes in 4to, où ces Monuments marchent de paire avec les plus célèbres de l'Europe; quelques uns même méritèrent le premier pas: tel est celui que Mabillon place à la tête de son ouvrage De Re Diplomatica tom. 1er page 363 de l'édition de Naples. Ce Volume connu sous la dénomination de Codex Sangermanensis, est en Onciales grecques et latines du quatrième siècle.

(с. 7) . . . un fragment en Style lapidaire de la main de St Pamphyle Martyr, morceau inappréciable par son antiquité. Il a été sauvé de l'incendie de la fameuse Bibliothèque de Cézairée en Palestine et déposé, 150 ans après, par Charlemagne dans l'Eglise d'un Monastère de la Ville d'Aix en Provence, parmi les reliques, où il a été conservé près de Mille ans. La révolution française l'a fait transporter à Paris et il fut sauvé une seconde fois du feu par le Président d'Ormesson, de qui je le tiens.

Les oeuvres d'Hérodote et de Thucydide du Xme siècle, couvert par l'écriture du 15me siècle. On sait la rareté excessive de ces sortes de Manuscrits raclés et le prix que les gens-de-lettres mettent à ces ruines littéraires dans lesquelles ils trouvent de quoi remplir les lacunes dans les écrits des anciens.

Trois manuscrits du Mont Athos de la fin du 9me siècle, écrits sous l'Empereur Léon le Philosophe.

(с. 7—8) Un du Xme siècle, cum antiquissimis notis ineditis.

(с. 8) Deux du 11me siècle, remarquables par leurs miniatures grecques, peintes à l'encostique.

Un de l'an 1020.

Un de 1069.

Un d'1111.

Un de 1292.

Un de 1318. Tous ces Manuscrits se trouvent décrits dans la Paleographia graeca et Bibliotheca Coisliniana.

(с. 16) . . . Recueil des actes originaux signés par les Patriarches d'Antioche, de Constantinople, Arménie etc. . . relatifs à l'abjuration du Calvinisme, écrit en langues syriaque, arabe, grecque, armenien etc. Autographes très précieux. . .

(с. 20) . . . Chroniques depuis la création du monde jusqu'au Règne de Léon le Philosophe; manuscrit grec du temps.

Un rouleau ancien sur velin à 2 colonnes long de 6¹/₂ arschines, contenant une Chronologie depuis Adam jusqu'au XVme siècle.

Располагая значительной частью своей коллекции, Дубровский организовал у себя на квартире «Музей», который был «открыт всякому любопытствующему» и где любители древностей могли ознакомиться с приобретенными им манускриптами.

Уже в 1805 г. сообщения о рукописях Дубровского появились в печати. Два таких сообщения принадлежали А. С. Шишкову, одно — Ф. П. Аделунгу⁵. Из публикаций этих деятелей русской культуры, одними из первых ознакомившихся как с самой коллекцией, так и с историей ее сложения и давших краткие описания наиболее ценных кодексов, читатели могли узнать, что, помимо латинских и других западноевропейских рукописей, Дубровский обладал огромным собранием рукописей греческих, составлявших, как замечает Шишков, лучшую часть всей коллекции⁶. Эту «греческую партию, которой едва ли осталась равная в Патриаршей библиотеке в Москве», собиратель «с прискорбием принужден был. . . выпустить в чужие края»⁷. Аделунг указывает, что свое собрание греческих рукописей Дубровский продал некоторое время тому назад жившему в Лиссабоне богатому англичанину Бекфорду⁸.

Не может быть никаких сомнений в том, что приведенные сведения Шишкова и Аделунга основаны на сообщениях самого Дубровского, который не только показывал этим ученым свои сокровища, но и предоставил в их распоряжение «Извлечение из Генерального каталога рукописей», о чем свидетельствуют прямые совпадения значительных частей текста «Известия о славном собрании рукописей. . .» Шишкова и «Nachricht. . .» Аделунга с «Extrait du Catalogue général».

Чтобы представить себе, о каких рукописях идет речь в обоих «Извлечениях», а также в статьях Шишкова и Аделунга, обратимся к тем греческим манускриптам, которые мы можем связать в настоящее время с именем П. П. Дубровского.

Нам известны 25 таких рукописей: две из них хранятся в Москве, в Научной библиотеке Московского гос. университета, остальные — в Петербурге, в Гос. Публичной библиотеке. Что касается основной, петербургской части собрания, то принадлежность большинства ее рукописей Дубровскому подтверждается собственноручной пометой владельца: «Ex Musaeo Petri Dubrowsky», проставленной им на листах следующих манускриптов: ГПБ, греч. 14 (л. 1), греч. 20 (л. 1, 177 об.), греч. 32 (л. 1, 2 об.), греч. 58 (л. 1, 125, 127 об.), греч. 71 (л. 1, 169), греч. 73 (л. 2, 282), греч. 78 (л. 1), греч. 100 (л. 1, 149 об.), греч. 101, т. 1 (л. 1, 4 об., 5, 11, 49 об., 50, 75, 76, 115 об., 116, 156 об.) и 2 (л. 1, 129 об.), греч. 103 (л. 1), греч. 104, греч. 113 (л. 1, 223), греч. 163 (стр. 2—3). Несколько рукописей (главным образом фрагменты) такой пометы не имеют, однако изучение их судьбы, проведенное Э. Муральтом в 1840 и 1864 гг., т. е. в то время, когда Публичная библиотека еще не располагала значительным фондом греческих манускриптов и когда рукописи Дубровского составляли ядро греческого собрания этого хранилища⁹, и затем пов-

⁵ См. три первых работы, указанных в предыдущем примечании.
⁶ Г***. Известие о славном собрании рукописей. . . С. 221.

⁷ Там же. См. также: Г***. О Музее г-на Дубровского. С. 53.
⁸ Adelung F. Op. cit. S. 260.

⁹ Muralt E. de. Catalogus codicum Bibliothecae Imp. Publicae graecorum. Petropoli, 1840; Muralt E. de. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Impériale Publique. St.-Petersbourg, 1864. См. также: Muralt E. V. Ueber einige neu aufgefundene griechische Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek // Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, T. X, N 16.

торно — В. Н. Бенешевичем в 1934—1937 гг.¹⁰ и Е. Э. Гранстрем — в 1950-х годах¹¹, дают возможность безошибочно отнести их к коллекции Дубровского: это греч. 3, 30, 39, 40, 64, 111, 116, 117, 142. К этой группе нужно присоединить и сборник (шифр: Авт. 60), в составе которого находится несколько греческих документов второй половины XVII в. Наконец, две рукописи Библиотеки Московского университета, также не имеющие пометы: «Ех Musaeo Petri Dubrowsky», несомненно, вышли из той же коллекции: ниже мы подробно остановимся на документах о передаче этих манускриптов из Петербурга в Москву.

Сопоставление сведений Дубровского о рукописях, находящихся в его «Извлечениях» 1803 и 1804 гг., с самими кодексами приводит к следующим результатам.

В мае 1803 г. в руках Дубровского находились — в порядке их расположения в «Извлечении из Большого каталога» — ГПБ, греч. 100 (= № 87 в «Extrait du grand Catalogue»), греч. 101, т. 1 и 2 (= № 88), греч. 64 (= № 95), МГУ, греч. 3 (= № 101), МГУ, греч. 1 (= № 102), ГПБ, греч. 116 (= № 103), греч. 71 (= № 122).

Что касается рукописей ГПБ, греч. 100, 101, 64, 116 и 71, и МГУ, греч. 1, то их соотнесение с описанием в «Extrait du grand Catalogue» не представляет затруднений: Дубровским дано такое определение текста, которое позволяет легко отождествить кодекс; помимо того, для некоторых манускриптов им указаны их точные даты (ГПБ, греч. 100, 116, 71), а для одного — данные о его миниатюрах (ГПБ, греч. 101). Небольшая трудность возникает при идентификации описанной в документе под № 101 книги с названием «Apologia», однако сведения Дубровского о том, что эта итальянского происхождения рукопись написана в XV в. на тонком пергамене, дают возможность точно указать нужный манускрипт — МГУ, греч. 3: надписание на л. 1 речи Лисия как «Λισίου ὑπὲρ τοῦ Ἐρατορί-ἐνους φόνου ἀπολογία»¹², несомненно, и послужило основанием для Дубровского определить рукопись так, как это сделано в его «Извлечении».

Спустя почти полтора года, когда Дубровским был составлен другой документ — «Extrait du Catalogue général», в него были включены шесть из семи только что перечисленных манускриптов, а также те греческие рукописи, которые присоединились к коллекции после мая 1803 г.

На первом месте в «Извлечении из Генерального каталога» Дубровский поставил знаменитую корбийскую рукопись — Codex Sangermanensis (ГПБ, греч. 20), за ней — фрагмент Кодекса Н Посланий апостола Павла (ГПБ, греч. 14), рукописи, происхождение которой связано с Кесарией Палестинской¹³.

Затем в «Извлечении» следует манускрипт, отождествление которого не составляет труда, — это палимпсест ГПБ, греч. 58: верхний текст представляет собой скопированную в 1424 г. «Граматику» Мануила Мос-

хопула, а нижний — не отрывки из Геродота и Фукидида, как указано у Дубровского, а сборник бесед¹⁴.

Если в точности следовать сведениям Дубровского, то можно было бы думать, что после палимпсеста им описаны три рукописи афонского происхождения. Однако в действительности это не так: сам Дубровский позже против этого места сделал на поле следующую приписку: «Tous trois sont dans l'Université de Moscou, envoyé par Mr de Mourawiew». Речь идет, несомненно, о подаренной в 1805 г. Московскому университету рукописи МГУ, греч. 1 сборнике, состоящем из *трех частей* (по описанию самого Дубровского в «Извлечении из Большого каталога»; см. ниже): «Шестоднева» Василия Великого, «Шестоднева» Григория Нисского и «Хроники» Петра Александрийского¹⁵. Рукопись была описана Дубровским под № 102 уже в документе 1803 г.

Следующие за этим кодексы, благодаря данным, сообщаемым о них Дубровским, легко идентифицируются с рукописями ГПБ, греч. 64, греч. 101 (Т. 1—2), греч. 71, греч. 73, греч. 100, греч. 113 и греч. 116.

Остаются, наконец, еще три манускрипта. «Recueil des actes originaux...» — это сборник ГПБ, собрание Дубровского, Авт. 60, «Un rouleau ancien sur velin...» — скорее всего, ГПБ, греч. 104¹⁶; что же касается «Хроники от сотворения мира до правления Льва Философа» в списке, по определению Дубровского, современном этому императору, то здесь, несомненно, имеется в виду еще раз рукопись МГУ, греч. 1, и именно та ее часть, которая заключает в себе летописный труд Петра Александрийского¹⁷.

Как видим, рукописи ГПБ, греч. 64, 71, 100, 101 (Т. 1—2) и 116, а также МГУ, греч. 1 находятся и в «Извлечении из Большого каталога» 1803 г., и в «Извлечении из Генерального каталога» 1804 г. Таким образом, в конце 1804 г. у Дубровского имелось уже не 7, а 13 греческих рукописей.

Интересно отметить, что в документе 1804 г. отсутствует указанный в предыдущем «Извлечении» кодекс Лисия. Этот факт едва ли можно объяснить случайным пропуском. Известно, что рукопись Лисия, а также сборник X в., содержащий «Хронику» Петра Александрийского, были в 1805 г. переданы в дар Московскому университету¹⁸. Можно думать, что рукописи Лисия была взята из коллекции Дубровского для указанной цели еще до октября 1804 г., т. е. до того момента, когда было составлено «Извлечение из Генерального каталога», а уже позже, во всяком случае после октября 1804 г., к ней присоединили и сборник X в.

Итак, к концу 1804 г. Дубровским были получены 14 (13+1, т. е. рукопись Лисия) приобретенных им в Европе греческих рукописей: МГУ, греч. 1 и 3; ГПБ, греч. 14, 20, 58, 64, 71, 73, 100, 101 (Т. 1—2), 104, 113, 116; ГПБ, собр. Дубровского, Авт. 60.

Между тем в настоящее время известны еще 11 греческих рукописей из его собрания (все они, за исключением греч. 163, фрагменты): это

¹⁰ См.: Бенешевич В. Н. Предисловие к каталогу греческих рукописей Государственной Публичной библиотеки. 1934—1937 гг. (Машинопись). С. 6—7, 14, 27. Этот труд Бенешевича хранится в ГПБ среди греческих рукописей и имеет шифр: греч. 893.

¹¹ Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ (см. описание соответствующих манускриптов; см. также «Указатель к каталогу рукописей: Дубровский П. П.» // ВВ. 1971. Т. 32. С. 117).

¹² Описание этой рукописи см.: Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета // ДИ. 1967. № 4. С. 100—102.

¹³ См.: Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 1 // ВВ. 1959. Т. XVI. С. 224 (№ 25). О Кодексе Н см.: Devreesse R. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. P., 1954. P. 162—163.

¹⁴ См.: Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 2 // ВВ. 1961. Т. XVIII. С. 263—270; Вып. 7 // ВВ. 1971. Т. 31. С. 136—137.

¹⁵ Подробно об этой рукописи см.: Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета. С. 96—98.

¹⁶ Ср.: Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 4 // ВВ. 1963. Т. XXIII. С. 200—201.

¹⁷ Подробно об этой части сборника МГУ см.: Самодурова З. Г. Хроника Петра Александрийского // ВВ. 1961. Т. XVIII. С. 180—197.

¹⁸ См.: О двух греческих рукописях, присланных недавно в подарок в библиотеку Императорского Московского университета // Московские ученые ведомости. 1805. № 9. С. 71—72. См. также ниже, Прил.

ГПБ, греч. 3, 30, 32, 39, 40, 78, 103, 111, 117, 142, 163. Можно предположить, что и после октября 1804 г. к Дубровскому продолжали поступать рукописи из-за границы — из числа манускриптов, оставленных им там перед его отъездом в Петербург. Относительно некоторых рукописей (ГПБ, греч. 3, 117, 163) такое предположение, по-видимому, верно. Другие служили в качестве защитных или реставрирующих листов принадлежавших Дубровскому кодексов и были отсоединены им, скорее всего, уже в процессе работы с коллекцией в Публичной библиотеке: это ГПБ, греч. 30, 32, 78, 111, 142 и, вероятно, 39, 40, 103.

Если бы в нашем распоряжении находилось все то собрание греческих рукописей Дубровского, которое, по словам Аделунга и Шишкова, ему удалось составить в Европе в последней четверти XVIII в., то для историка рукописных коллекций выяснение путей и способов приобретения этих манускриптов могло бы явиться одной из интереснейших задач исследования. К сожалению, в настоящее время мы не имеем возможности ни установить другими путями, помимо указанных выше сообщений в русской периодической печати начала XIX в., сам факт продажи Дубровским огромной коллекции греческих рукописей англичанину Бекфорду, ни вообще получить какие-либо сведения о связях этих двух лиц¹⁹. Приходится поэтому ограничиться изучением доступных нам 25 рукописей.

Что касается путей, которые привели эти манускрипты в руки Дубровского, то сам собиратель, сообщая в «Извлечении» 1804 г. на этот счет немало интересного, помогает определить их для большинства своих рукописей с большой точностью.

При описании Codex Sangermanensis (=ГПБ, греч. 20) Дубровский, опираясь на хорошо знакомые ему труды Ж. Мабильона, Б. Монфокона, а также на 6-томный «Nouveau traité de diplomatique» Тустана и Тассена, указывает на корбийское происхождение манускрипта, находившегося с XIII в. в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре (ГПБ, Франц. F.XVIII.41. С. 1—3). Из книгохранилища этого аббатства до того, как его фонды были перемещены в Национальную библиотеку, Codex Sangermanensis, вместе с многими другими ценными рукописями, и попал к русскому коллекционеру²⁰.

Перечисляя далее (с. 7—8) еще 10 своих рукописей, Дубровский делает в конце (с. 8) важную замечку: «Все эти рукописи описаны в „Paleographia graeca“ и „Bibliotheca Coisliniana“». Имеющиеся здесь в виду книги Монфокона позволяют без труда выяснить происхождение большей части греческой коллекции Дубровского.

¹⁹ Проф. Н. Вилсон (Lincoln College, Oxford), к которому мы обратились несколько лет тому назад с просьбой о помощи в разыскании сведений о связях Дубровского и Бекфорда, писал нам в письме от 26 марта 1985 г.: «I have made inquiries about the question of Beckford. It so happens that we have in Oxford a great expert on such matters, who tells me that he cannot find any reference to the sale in question in the books he possesses on the subject. He adds that there may be material which can throw light on the sale in some papers which have just been given to the Bodleian Library by the famous bookselling firm of Blackwell; but these Beckford papers are still not sorted and are said to be very complex, so that one cannot simply glance at them briefly in the hope of finding the answer to a question. So I am afraid that we have drawn blank. But at least you can be assured that no one else knows the answer to the puzzle». Сердечно благодарим г-на Н. Вилсона за эти сведения. В дневнике Бекфорда упоминаний имени Дубровского не встречается. См.: The Travel-Diaries of William Beckford of Fonthill / Ed. with a Memoir and Notes by G. Chapman. Cambridge, 1928. Vol. II. P. 5—168.

²⁰ См.: François M. Op. cit.; Воронова Т. П. П. Дубровский и сен-жерменские рукописи.

Остановившись прежде всего на первой рукописи этой группы. Это отрывок из знаменитого Кодекса Н Посланий апостола Павла (ГПБ, греч. 14), рукописи VI в., фрагменты которой находятся в настоящее время во многих книгохранилищах²¹. Два листа кодекса попали к Дубровскому, согласно его собственному указанию в «Извлечении из Генерального каталога», от президента Парламента Д'Ормессона.

Следующая рукопись, как было установлено выше, соответствует ГПБ, греч. 58. При обращении к трудам Монфокона оказывается, что манускрипт описан в «Bibliotheca Coisliniana»²² под шифром «Codex CCCL»²³. В этом же каталоге мы находим еще ряд кодексов Дубровского: МГУ, греч. 1=Bibl. Coisl. Codex CCXXIX²⁴; ГПБ, греч. 64=Codex CLXXXVIII²⁵; ГПБ, греч. 101=Codex CXCVI²⁶; ГПБ, греч. 73=Codex XCI²⁷; ГПБ, греч. 100=Codex CCXII²⁸; ГПБ, греч. 113=Codex CCCLXXIX²⁹; ГПБ, греч. 116=Codex CCC³⁰.

Относительно ГПБ, греч. 71 Дубровским в 1803 г. в «Извлечении из Большого каталога» было сделано замечание о принадлежности рукописи в древности аббатству Сен-Дени, откуда, как он предполагает, она исчезла в середине XVI в. (ГПБ, Франц. F.XVIII.42. Л. 6, № 122). Можно думать, что манускрипт попал в руки русского коллекционера в Париже.

Таким образом, из десяти рукописей только две — ГПБ, греч. 14 и 71 — не принадлежали к Bibliotheca Coisliniana, т. е. к библиотеке Пьера Сегье. К последней, помимо восьми перечисленных, восходила также рукопись Лисия (МГУ, греч. 3), описанная Монфоконом под шифром «Codex CCCXLII»³¹.

Что касается двух оставшихся рукописей в «Извлечении» 1804 г. (ГПБ, собр. Дубровского, Авт. 60; ГПБ, греч. 104), то только об одной из них — Авт. 60 — можно почти с уверенностью сказать, что она также приобретена Дубровским в Париже, ибо, по крайней мере, часть материалов этого сборника документов принадлежала маркизу Нуантелю, французскому послу в Константинополе в 70—80-х годах XVII в.³² Данными по истории ГПБ, греч. 104 до перехода свитка к Дубровскому мы не располагаем.

²¹ См., например: Fonkič B. L. Un «Barlaam et Joasaph» grec daté de 1021 // Analecta Bollandiana. 1973. T. 91. P. 17—20; Idem. Les manuscrits grecs d'Antonin Kapustin. // Scriptorium. 1984. T. 38, 2. P. 262.

²² Montfaucon B. de. Bibliotheca Coisliniana, olim Segueriana, sive manuscriptorum omnium Graecorum, quae in ea continentur, accurata descriptio. . . Parisiis, 1715.

²³ Ibid. P. 517—518. В ГПБ хранится экземпляр этой книги Монфокона (шифр: 16.32.1.8), в котором в соответствующих местах рукой Э. Муральта сделаны на полях карандашные пометы «NB. Dubrowsky», а рукой Е. Э. Гранстрем иногда проставлены современные шифры этих рукописей ГПБ.

²⁴ Ibid. P. 292.

²⁵ Ibid. P. 244.

²⁶ Ibid. P. 249—250.

²⁷ Ibid. P. 143.

²⁸ Ibid. P. 271—272.

²⁹ Ibid. P. 585.

³⁰ Ibid. P. 416.

³¹ Ibid. P. 455—457. См.: Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета. С. 102.

³² См.: ГПБ. Собр. Дубровского. Авт. 60, № 7, л. 1 об. (сделанный Нуантелем перевод грамоты святогорцев, данной в Константинополе 15 апреля 1671 г. и подтверждающей православие и антикальвинизм Агапия Ландоса), № 10 (грамота об Агании, данная 14 октября 1671 г. греческими монахами Нуантелю), № 12 (л. 1 об. — текст с подписью Нуантеля). Об этих материалах см.: Παλαδίου-Κεραμεύς Α. Διάφορα ἐλληνικά γράμματα ἐκ τοῦ ἐν Πετρούπολει Μουσείου τῆς Α. Ε. τοῦ κυρίου Νικολάου Λιχάτσεφ. Ἐν Πετρούπολει, 1907. Σ. 41—50. См. также: Omont H. Missions archéologiques françaises en Orient aux XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1902. T. I. P. 184—188.

Обращаясь к рукописям ГПБ, не отраженным в обоих «Извлечениях», мы на основании наблюдений Э. Муральта В. Н. Бенешевича и Е. Э. Гранстрем, а также собственного кодикологического исследования манускриптов можем сказать следующее:

греч. 3 — фрагмент Codex Sarravianus, принадлежавший Монфокоу³³;
греч. 30 — фрагмент находился в конце рукописи МГУ, греч. 1³⁴ и был отсоединен Дубровским до передачи сборника Московскому университету³⁵;

греч. 32, 78, 103 и, возможно, 117 были приклеены ранее к переплету греч. 58³⁶;

греч. 39 и 40, возможно, принадлежали П. Сегье³⁷;

греч. 111 и 142 — фрагменты ранее были присоединены к греч. 101³⁸.

Судьбу греч. 163, рукописи, несомненно, западного происхождения, выяснить не удастся.

Итак, изучение 25 греческих рукописей коллекции Дубровского позволяет прийти к выводу, что все они (быть может, за одним-двумя исключениями) были приобретены русским собирателем в Париже. Одна часть этих рукописей, как показывает их палеографический и кодикологический анализ, возникла на Западе, где и бытовала до того момента, пока не попала к Дубровскому: ГПБ, греч. 20, 163; МГУ, греч. 3. Другая часть манускриптов возникла на греческом Востоке и в результате самых разных обстоятельств переместилась во Францию. К этим рукописям относятся ГПБ, греч. 14, 71 и ряд кодексов и фрагментов, доставленных Афанасием Ритором для Пьера Сегье в 40-х—начале 50-х годов XVII в. с Афона (ГПБ, греч. 30, 101 и др.)³⁹. Среди этих последних манускриптов был и кодекс, написанный в начале X в. в одном из известных скрипториев Южной Италии, проживший почти 600 лет на Афоне и затем вернувшийся в Европу, — МГУ, греч. 1.

Изучение каталогов Дубровского и самих его рукописей дает возможность сделать некоторые наблюдения относительно работы собирателя над своим фондом в 1803—1805 гг., в период до открытия «Депо манускриптов» Публичной библиотеки.

Как свидетельствует описание семи греческих рукописей, полученных Дубровским в Петербурге в мае 1803 г., только один из этих манускриптов имел в то время переплет — № 122 в «Извлечении из Большого каталога» — ГПБ, греч. 71; остальные рукописи переплетов не имели. Тогда, судя по описанию Дубровского, переплет греч. 71 состоял из деревянных досок (*reliure en bois*). В настоящее время эти доски покрыты зеленым бархатом с тиснением. Если сравнить переплет греч. 71 с изготовленными несомненно уже по заказу Дубровского в Петербурге переплетами ГПБ, греч. 64 (доски в малиновом бархате с тиснением), греч. 100 (картон в коричневом бархате с тиснением), греч. 101 (картон в лиловом бархате с тиснением) и греч. 116 (доски в розовом бархате с тиснением), то можно сделать вывод, что переплеты такого же типа рукописей греч. 20 и 73 (картон в сиреневом бархате с тиснением), полученных несколько позже и описанных в следующем документе, «Извлечении из Генерального каталога», принадлежали также Дубровскому и что, вероятно, все перечисленные рукописи были переплетены одновременно, т. е., скорее всего, в 1804 г. Возможно, тогда же получил свой переплет — из синего картона с красным кожаным корешком и наугольниками — и кодекс греч. 163.

Лишь два манускрипта из коллекции Дубровского сохранили свои прежние, более древние, переплеты: это ГПБ, греч. 58 (первоначальный, 1424 г., переплет — толстые доски в красной коже с тиснением, в обрез листов; желобки; плетеная застежка) и греч. 113 (картон в коричневой коже с золотым суперэкслибрисом, застежки).

Что касается двух рукописей, бывших в 1803 г. без переплетов и переданных затем Московскому университету, то они были переплетены особо, по-видимому, по распоряжению попечителя университета М. Н. Муравьева, в картон в красном сафьяне с тисненой золотом на верхней крышке (МГУ, греч. 1) или корешке (МГУ, греч. 3) дарственной надписью: «Universitati Mosquensi proprium».

Другим моментом, позволяющим характеризовать работу Дубровского со своими греческими рукописями в указанное время, является извлечение собирателем фрагментов из древних переплетов или отсоединение отдельных более древних листов, прикрепленных к основному блоку других рукописей. Как было уже указано выше, именно таковым является происхождение ГПБ, греч. 30, 32, 78, 103, 111, 117 и 142. Судя по тому, что фрагмент греч. 30 был отсоединен от сборника X в., переданного Московскому университету после октября 1804 г., расширение коллекции Дубровского за счет отрывков греческих рукописей нужно отнести к периоду между маем 1803 г. и началом 1805 г.

Элементом подготовки рукописей к их передаче в Депо манускриптов было соотнесение самих кодексов с их описаниями, опубликованными в научной литературе на протяжении XVIII столетия. Точные библиографические указания и иногда сведения о происхождении рукописи приводились собирателем обычно на защитных листах манускриптов.

ГПБ, греч. 20. На л. 1 находится большая выписка Дубровского из работ, в которых исследуется эта рукопись, и приводятся следующие ссылки: «Traité diplomatique. T. III, P. 165; Nouveau Traité Diplomatique par les deux Benedictins. T. III. P. 167; T. I. P. 695, 719. Pour les facsimilis de son écriture voyés le 1er vol. pl. XII n°s XII et XIII. Nouvelle édition de la Diplomatica (Naples, 1789). Tom. Ier, pl. II. P. 363, N 5. Palaeographia graeca Montfauconii. P. 219».

ГПБ, греч. 73, л. II: «Johannis Damasceni Dialectica et De fide Orthodoxa in 150 Capita. Ce ms. vient originairement de la fameuse Bibliothèque de Coislin. Voyés Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana page 143, codex XCI. Il est écrit l'an de Grâce 1069».

³³ См.: Muralto E. de. Catalogus codicum Bibliothecae Imp. Publicae graecorum. Petropoli, 1840. Col. 1; Muralto E. de. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Impériale Publique. St.-Petersbourg, 1864. P. 3; Гранстрем Е. Э. Каталог... Вып. 1 // ВВ. 1959. Т. XVI. С. 220, № 5.

³⁴ В верхнем правом углу фрагмента ГПБ, греч. 30 имеется номер — «210»; в рукописи МГУ, греч. 1—209 лл. по нумерации XVIII в. См.: Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета. С. 97.

³⁵ См.: Бенешевич В. Н. Указ. соч. С. 6—7.

³⁶ См.: Muralto E. de. Op. cit. Col. 5—6, 31; Muralto E. de. Op. cit. P. 18—19, 58—59, 68; Бенешевич В. Н. Указ. соч. С. 7; Гранстрем Е. Э. Каталог... Вып. 1. С. 239, № 94; Вып. 3 // ВВ. 1961. Т. XIX. С. 216, № 224; Вып. 5 // ВВ. 1964. Т. XXV. С. 199, № 471; Вып. 6 // ВВ. 1968. Т. XXVIII. С. 253—254, № 598; Вып. 7 // ВВ. 1971. Т. 31. С. 136—137, № 616.

³⁷ См.: Бенешевич В. Н. Указ. соч. С. 7. См. также: Muralto E. de. Op. cit. Col. 5; Muralto E. de. Op. cit. P. 22—23; Гранстрем Е. Э. Каталог... Вып. 1. С. 237, № 83; Вып. 2 // ВВ. 1961. Т. XVIII. С. 268, № 157. На листах греч. 39 имеется нумерация (л. 1 — «277», л. 2 — «278»), которая могла бы облегчить поиски манускрипта, к которому ранее принадлежал фрагмент ГПБ.

³⁸ См.: Muralto E. de. Op. cit. Col. 13—14; Muralto E. de. Op. cit. P. 64, 79; Гранстрем Е. Э. Каталог... Вып. 4 // ВВ. 1963. Т. XXIII. С. 185—186, № 349—350; Вып. 5. С. 203, № 488.

³⁹ См.: Omont H. Op. cit. T. I. P. 1—26; T. II. P. 853—858; Devreesse R. Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits: Catalogue des manuscrits grecs, II: Le fonds Coislin. P., 1945. P. II—VIII; Μαρούσας Μ. Ι. 'Ανεκδότα πατριαρχικά ἑγγραφα περί 'Αθανασίου τοῦ Πρώτου // Ἐπετηρίς τοῦ Μεταγωγικοῦ Ἀρχείου. Τ. Β'. Ἀθήναι, 1949. Σ. 134—135.

ГПБ, греч. 100, л. II: «Vide pagina 271, N 212 Secundae partis Bibliothecae Coislinianae Montfoconii».

ГПБ, греч. 101, т. 1, л. II: «Vide Bibliothecae Coislinianae partis II, pagina 249, N CXCVI. Ce Ms. est du Mont Athos».

ГПБ, греч. 101, т. 2, л. II: «Ce Ms. fait suite à l'Evangelistarium du Mont Athos. Vide Biblioth. Coisliniana, pagina 249 sous le N CXCVI, fol. 159».

ГПБ, греч. 113, на внутренней стороне верхней крышки переплета: «Vide Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana, pag. 585. Codex 379, olim 36».

ГПБ, греч. 116, л. II: «Dialogus Corporis et Animae. Titulus erasus est cum auctoris nomine. Eiusdem de humilitate fol. 198, in fine aliquot praecepta Medicinalia et postea. Scriptus est anno mundi 6826 (id est Christi 1318), indict. 1. Ms. graece. Vide Catalogus Bibliothecae Coislinianae pars II, pag. 416, codex 300».

Весной 1805 г. состоялась передача греческих рукописей из личного «Музея Петра Дубровского» в Депо манускриптов, созданное рескриптом Александра I от 27 февраля 1805 г.⁴⁰ Передача осуществлялась, как мы уже отметили, на основании составленного самим владельцем коллекции «Извлечения из Генерального каталога». Именно в этот момент на листах многих греческих рукописей появилась собственноручная помета Дубровского: «Ex Musaeo Petri Dubrowsky» (мы перечислили все эти рукописи выше).

Облеченные в переплеты, тщательно изученные самим собирателем, снабженные им библиографическими справками и владельческими пометами, рукописи Дубровского положили основание греческой рукописной коллекции Публичной библиотеки. Это небольшое, но ценное собрание манускриптов на протяжении нескольких десятилетий являлось самой значительной из всех частных греческих рукописных коллекций, привозившихся в Россию или составлявшихся на ее территории в первой половине XIX в. и поступавших затем в русские библиотеки и музеи, — до тех пор, пока усилия таких выдающихся исследователей христианского Востока и собирателей манускриптов, как Порфирий Успенский, К. Тишендорф, П. И. Севастьянов, Антонин Капустин, А. И. Пападопуло-Керамевс и др., не привели к серьезному расширению греческих рукописных фондов русских книгохранилищ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В 1805 г. библиотеке Московского университета по ходатайству его попечителя М. Н. Муравьева «с высочайшего соизволения» были подарены две греческие рукописи из числа манускриптов, приобретенных во Франции П. П. Дубровским⁴¹. Одна из них — МГУ, греч. 1 — представляет собой сборник начала X в., в состав которого входят «Шестоднев» Василия Великого, сочинения Григория Нисского, «Хроника» Петра Александрийского и относящийся к XII в. фрагмент Апокалипсиса, другая — МГУ, греч. 3 — сборник речей Лисия в списке второй половины XV в.⁴² Для обоих кодексов были специально изготовлены красные сафьяновые переплеты, тисненны

⁴⁰ См.: Воронова Т. П. П. П. Дубровский — первый хранитель «Депо манускриптов» Публичной библиотеки. С. 124.

⁴¹ См. выше, примеч. 17.

⁴² Подробно см.: Фонкич Б. Л. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета (см. выше, примеч. 12). О рукописи МГУ, греч. 1 см. также указанную выше (примеч. 16) работу З. Г. Самодуровой; о рукописи МГУ, греч. 3 см. также: Sower M. L. Marcus Musurus and a Codex of Lysias // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1982. Vol. 23, N 4. P. 379—380.

золотом надписи на которых свидетельствуют о том, что эти рукописи передавались в собственность Московскому университету («Universitati Mosquensi proprium»). В конце 1811 г., в связи с назначением директором Публичной библиотеки А. Н. Оленина и организацией им срочной проверки Депо манускриптов⁴³, возникла необходимость уточнения обстоятельств передачи двух греческих рукописей Дубровского в Москву. По мере расследования вопроса шла переписка между дирекцией Публичной библиотеки, министром народного просвещения А. К. Разумовским, попечителем Московского университета П. И. Голенищевым-Кутузовым и библиотекарем Московского университета (до 1809 г.) Х. А. Чеботаревым⁴⁴. Интересующие нас письма (в копиях) хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР (Петербург): ф. 733, оп. 15, д. 4⁴⁵. Из имеющейся под этим шифром подборки документов мы считаем необходимым опубликовать (с некоторыми выдержками) семь писем.

1

Министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому
от директора Императорской Публичной библиотеки

А. . Оленина

29 декабря 1811 г.

«... Вчера... получил я от хранителя манускриптов г. коллежского советника Дубровского рапорт, в котором он пишет, что расстроенное его здоровье и слабость во всем теле препятствовали ему третьего дня припомнить о пяти рукописях, недостающих в Депо Манускриптов, кои суть: ... 2. Сочинения Василия Великого, на греческом языке, 3. Сочинения Григория Нисского на том же языке, 4. Греческая Хронология и 5. Стихотворения Лизиса, изъясняя, что... прочие четыре греческие рукописи⁴⁶, принадлежащие к бывшей его г-на Дубровского коллекции, по высочайшему соизволению отданы были тайным советником Михаилом Никитичем Муравьевым в Императорский Московский университет, от которого о сем объявлено было в «Московских ученых известиях». В заключение сего рапорта г. Дубровский предоставляет мне взять меры к возвращению сих рукописей в Депо Манускриптов...» (л. 34—34 об.).

2

Попечителю

Московского университета П. И. Голенищеву-Кутузову
от министра народного просвещения А. К. Разумовского

С.-Петербург, 3 января 1812 г.

«... Директор Императорской Публичной библиотеки г. тайный советник Алексей Николаевич Оленин доносит мне, что бывший попечитель Московского университета покойный тайный советник Муравьев с высочайшего соизволения взял из состоящего при библиотеке Депо Манускриптов рукописи: 1. Сочинения Василия Великого на греческом языке. 2. Сочинения Григория Нисского на том же языке. 3. Греческую Хронологию и 4. Стихотворения Лизиса, которые отданы в Университет.

⁴³ См.: Воронова Т. П. П. П. Дубровский — первый хранитель «Депо манускриптов» Публичной библиотеки. С. 128—129.

⁴⁴ См.: Сорокин В. В. История Библиотеки Московского университета (1800—1917 гг.). М., 1980. С. 229.

⁴⁵ Сердечно благодарим Т. П. Воронову, обратившую наше внимание на эти документы.

⁴⁶ В действительности, как мы уже говорили (см. выше), речь идет о двух рукописях; сочинения, указанные под № 2—4, входят в состав МГУ, греч. 1.

Прошу Ваше Превосходительство уведомить меня, на каком основании рукописи сии поступили в Московский университет, для какого употребления, кем хранятся и могут ли ныне быть возвращены в библиотеку. . . »
(л. 38)

3

Донесение Х. А. Чеботарева
в Совет Императорского Московского университета
10 января 1812 г.

« . . При сборе библиотеки, окончившемся в исходе 1806 года, оказалось только две греческие рукописи, а именно:

1. Basilii Magni Homiliae in 4°, в новом сафьянном переплете, на котором, как на собственности университетской, напечатано золотыми буквами: Universitati Mosquensi proprium и с золотым обрезом.

2. Lysiae Orationes, то есть Лисиевы речи, а не стихотворения, in 8°, в новом же алом сафьянном переплете, на котором также напечатано: Universitati proprium; что касается до Греческой Хронологии и сочинений Григория Нисского, то оных не оказалось и в присылке от покойного попечителя их не было ⁴⁷, а помянутые рукописи для лучшего их сбережения хранятся в особом шкафе. . . »
(л. 41)

4

Попечителю
Московского университета П. И. Голенищеву-Кутузову
от министра народного просвещения А. К. Разумовского
24 января 1812 г.

« . . Доставленного мне . . . объяснения библиотекаря Московского университета о рукописях, взятых из Императорской Публичной библиотеки, я не нахожу достаточным и прошу приказать справиться в делах вашей канцелярии, не видно ли, на каком основании рукописи сии поступили в Университет при покойном попечителе тайном советнике Муравьеве. . . »
(л. 42)

5

Министру народного просвещения А. К. Разумовскому
от попечителя Московского университета
П. И. Голенищева-Кутузова
5 февраля 1812 г.

« . . На предписание Вашего Сиятельства от 24-го дня генваря месяца под № 219, в коем требовать изволили, на каком основании греческие рукописи: 1. Сочинения Василия Великого, 2. Сочинения Григория Нисского, 3. Хронология и 4. Стихотворения Лизияса поступили в Университет, сим имею честь донести, что об оных ни в делах покойного попечителя Муравьева, ни по бывшей Вашего Сиятельства канцелярии, равно и в моей, по справке, никаких сведений не отыскалось. . . »
(л. 43)

⁴⁷ В действительности сочинения Григория Нисского и Хроника Петра Александрийского составляют 2—4 части сборника МГУ, греч. 1; см.: Фомкич Б. Л. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета. С. 96—97.

6

Попечителю
Московского университета П. И. Голенищеву-Кутузову
от министра народного просвещения А. К. Разумовского
С.-Петербург, 15 февраля 1812 г.

« . . прошу потребовать по сему предмету подробного сведения от библиотекаря профессора Чеботарева, предписав ему показать все известные ему обстоятельства передачи означенных манускриптов в Университет. . . »
(л. 44)

7

Донесение Х. А. Чеботарева
в Совет Императорского Московского университета
28 марта 1812 г.

« . . честь имею донести, что означенные рукописи, находящиеся в двух книгах, из которых в одной переплетены сочинения Василия Великого и Григория Нисского вместе, а [в] другой — Греческая Хронология и речи Лизиясовы, а не стихотворения ⁴⁸, присланы в библиотеку Университета покойным попечителем оного Михаилом Никитичем Муравьевым в сафьянном богатом переплете с надписью золотыми буквами на обеих книгах: Universitati Mosquensi proprium, т. е. собственность Московского университета, и получены вместе с другими книгами, от него же, господина попечителя, в Университет присланными; и как Университет ни в мое ректорство, ни при других ректорах не имел случая входить в какое-либо соотношение с упомянутым Депо Манускриптов, то и показать не с чего основания передачи оных, и мне никаких, кроме показанных мною обстоятельств, касательно означенных рукописей не известно, и поелику рукописи присланы в переплете и с надписью Universitati Mosquensi proprium, то и почтены посему собственностью Университета покупкою ли покойным г. попечителем или другим образом приобретенною, ибо о сем от г. попечителя никакого известия не было.

Харитон Чеботарев
проф. Двигубский
(л. 47—47 об.)

⁴⁸ По-видимому, ошибка Х. А. Чеботарева: «Греческая Хронология» всегда составляла часть рукописи МГУ, греч. 1 и не была переплетена вместе с МГУ, греч. 3.

Г. В. СЕМЕНЧЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIV в.

Многовековые связи Руси с Византией оказали серьезное воздействие на русскую культуру, и в частности повлияли на русскую агиографию. Русские книжники порой охотно наделяли местных святых и «чудотворцев» биографией и чертами характера византийских подвижников. Между тем влияние греческих переводных агиографических источников на древнерусские жития обычно выпадает из поля зрения исследователей. А без учета такого рода влияния русские жития порой не могут быть правильно поняты. Сказанное в полной мере относится к житию Леонтия, ростовского епископа XI в.

Как мы установили, две наиболее ранние редакции жития Леонтия Ростовского были составлены, скорее всего, соответственно в XII и XIII вв.¹ Следующим важным звеном литературной истории данного памятника явилась та его редакция, которая состояла из: 1) рассказа о жизни Леонтия и об обретении мощей Леонтия; 2) рассказа о двух «чудесах» у его гроба в ростовском Успенском соборе; 3) Поучения на память Леонтия. Поучение на память Леонтия подводило итог деятельности епископа и явно завершало определенную редакцию его жития. В тех многочисленных списках жития Леонтия, в которых после Поучения читается рассказ о «чудесах», якобы бывших в Успенском соборе у гроба Леонтия в конце XIV—XV в., логическая стройность текста разрушается. Поучение вклинивается в описание «чудес» у гроба Леонтия, отрывая рассказ о первых двух «чудесах» (XIII в.) от рассказа о «чудесах» конца XIV—XV в.² Ясно, что сказания о «чудесах» конца XIV—XV в. были позднее приписаны к тому тексту, который оканчивался Поучением.

Существование определенной редакции жития Леонтия, которая состояла из трех частей и завершалась Поучением на память епископа таким образом, имеет веские логические основания. Эта редакция отразилась в пяти из 200 с лишним просмотренных нами рукописей³. Текст ее в данной статье приводится по самой ранней из них — ГБЛ. Тр. 644 л. 100—116 об., 80-е годы XV в.

Изучаемая редакция, по всей видимости, сложилась к рубежу XIV и XV вв., ибо в нее не вошел рассказ о четырех «чудесах» у гроба Леонтия созданный во втором десятилетии XV в.⁴ Поучение на память Леонтия завершающее рассматриваемую редакцию жития Леонтия, не имело

аналога в более ранних редакциях нашего памятника. Первые же две части рассматриваемой редакции — рассказ об обретении мощей Леонтия и рассказ о двух «чудесах» у его гроба — восходили к более ранним редакциям изучаемого памятника. Однако наш автор дополнил ранее созданный текст рядом существенных нововведений: 1) он рассказал о присылке на Русь патриархом Фотием митрополита Леонта с 4 епископами; 2) сообщил о присылке в Ростов первого ростовского епископа Федора вместе с князем Борисом; 3) рассказал о поиске патриархом Фотием твердого в вере священника для посылки его епископом в Ростов и о выборе им Леонтия; 4) вместо «христолюбивого князя», за которого должен «предстоять святой Леонтий», упомянул «христолюбивых князей».

Появление в тексте изучаемой редакции «христолюбивых князей» вместо «христолюбивого князя» весьма важно для ее датировки. Вероятное место создания оригинальных редакций жития Леонтия (в том числе и изучаемой) — Ростов, и упоминание о «нашем (наших) христолюбивом (христолюбивых) князе (князях)», скорее всего, отражает политические реалии Ростовского княжества. «Христолюбивый князь» появляется в Ростове в начале XIII в.⁵ «Христолюбивые князи» в Ростове — политическая реальность XIV—XV (до 1473—1474 гг.) вв.⁶ Следовательно, обращенный к Леонтию призыв автора последующей редакции жития «предстоять» за «христолюбивые князи» (с учетом сделанного выше вывода о вероятном написании изучаемой редакции к концу XIV—началу XV в.) ведет к мысли о ее создании в XIV—начале XV в.⁷

Версия о присылке на Русь митрополита Леонта с четырьмя епископами, по-видимому, взята из современного автору летописного свода (до нас не дошедшего). В Софийской первой (СІЛ) и Новгородской четвертой (НІВЛ) летописях (а следовательно, и в их общем протографе — Новгородско-Софийском временнике 30-х годов XV в. — НСВ)⁸ читалось сообщение о присылке на Русь патриархом Фотием митрополита Леонта, новгородского владыки Иоакима и «иных епископов», крестивших русскую землю. Так что эта легенда уже явно имела хождение на Руси. Датировка изучаемой редакции жития Леонтия XIV в. заставляет предполагать, что соответствующая легенда фигурировала на страницах летописей уже, по крайней мере, в XIV в. Причем, по-видимому, имелись различные ее версии, а не только новгородская, отраженная в НСВ⁹. В одном из сводов (которым пользовался автор нашей редакции), видимо, и сообщалось о присылке Фотием на Русь митрополита Леонта с 4 епископами, среди которых был ростовский епископ Федор. В дальнейшем характерная для рассматриваемой редакции жития Леонтия версия о присылке патриархом Фотием ростовского епископа Федора отразилась в одном из сборников Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в.,

⁵ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 264—282.

⁶ Кучкин В. А. Земельные приобретения Московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 185—193; Он же. Божьюжское княжество — реальность средневековой Руси // ВИ. 1983. № 8. С. 64—70; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 156—166; Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. // Ист. зап. М., 1982. Кн. 108. С. 189—215.

⁷ Мы предположили, что рассматриваемая редакция, возможно, была написана в 1389—1394 гг. См.: Семенченко Г. В. Жития ростовских епископов XI—XIII вв. В данной статье мы останавливаемся на более широкой датировке.

⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 448—449; ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. вып. 1. С. 90; СПб., 1851. Т. 5. С. 121.

⁹ О связи восходящего к НСВ известия именно с новгородским летописанием говорит тот факт, что в СІЛ и НІВЛ после рассказа о присылке на Русь Леонта, Иоакима и прочих епископов описывается крещение Иоакимом новгородцев.

¹ Семенченко Г. В. Житие Леонтия Ростовского // Древнерусские письменные источники. М., 1983. С. 23—25; Он же. Жития ростовских епископов XI—XIII вв. в письменности XIV—XIX вв.: (Краткий обзор списков и редакций) // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей. М., 1989. Вып. V; Он же. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42.

² Семенченко Г. В. Жития ростовских епископов XI—XIII вв.

³ Там же.

⁴ Там же.

а затем в составленном в конце 20-х годов XVI в. Никоновском своде и в Тверской летописи (одним из источников которой был ростовский свод 1534 г.)¹⁰. Известие о присылке в Ростов князя Бориса читалось во многих сводах, начиная с Ипатьевской и Лаврентьевской летописей¹¹. Включение этого известия в житие не случайно. С Ростовской землей связывалась деятельность еще одного авторитетного «чудотворца» — князя Бориса. Престиж ростовской владычной кафедры благодаря этому еще более укреплялся.

Помимо летописей, автор нашей редакции использовал памятники русской и византийской (переводной) литературы. На рассказ о поиске Фотием ростовского епископа сильно повлияло житие Авраамия Затворника (святого IV в.), написанное Ефремом Сириным и включенное в его Паренесис (Слово 48). В литературе уже отмечалось влияние этого переводного жития на текст ряда русских житий: Авраамия Ростовского, Нила Столбенского, Авраамия Смоленского¹². Мы определенно можем говорить и о влиянии жития Авраамия Затворника (которое читалось в богослужебных книгах под 29 октября) и на поздние (с XIV в.) редакции жития Леонтия Ростовского. В житии Авраамия рассказывается, как об его добродетельной иноческой жизни в монастыре узнали в округе. Слух о ней дошел и до епископа, который подыскивал христианского подвижника, способного обратить в христианство еллинскую всь, где жили язычники: «Бе же во окрестных всех града всь, велика зело, в ней же беяху все еллини, от мала до велика их не обретежеса никто их обрати к богу. И мнозем поставленом бывшим прозвитером и дияконом, епископом, сущим ту, но никто же возможе обрати их от лъсти идольския. Исхождаху же вси без успеха, не могуще терпети скорби, бываемыя ими, и гонение, воздвигаемому ими, не могущи противу стати. И множество чернец единою и дважды отвергошеса их и ничегоже присеща, токмо еже паче труд безуспешен. Во един же от дний сядящу епископу с клиросом, рече к ним епископ, блаженаго помянув: несмы ведел аз в моя лета сицева мужа, свершена во всяко дело благо и украшена всячески, яко же любит бог, яко же господина Авраамия. Отвеща же клиросници и реша ему: то раб божий есть и совершен чернец. Епископ рече к ним: хочю и епископа поставити в веси оной еллинстей, терпения бо его ради и любви дела возможет я обрати к богу. И встав абие ту, с клиросом прииде к нему. Пришедшим же им и целовавшимся, начат епископ о веси глаголати к нему и моляше и, яко дабы шел тамо. *Слышав же се он, прискорбен бысть зело и рече к епископу: прости мя, отче, плакаться грех моих: аз немощен есть и худ на вещь сию есть. И паки речи к нему епископ; благодати ради божия мощно ти есть, да не обленися на се божие послушание. И отвецав, блаженный рече; остави мою худость, молюся твоей благодати, яко да плачуся своего зла. Рече же к нему епископ: се оставил еси мира и яже в нем возненавидел есть и в нем распался еси, но послушания не имаш. Слышав же си, прослезися зело и рече: кто есть аз, пес умерый, и что живот мой, яко сицева помыслил еси о мне? Отвеща ему епископ: се zde сядя, единого себе спасеши, тамо же благодати ради божия многы имаше спасти и обрати к богу; помысли о сем, кая жзда болиши есть? Си ли, она ли? Спаси единого или с собою множайшую дружину? Блаженный же, плача, рече: «воля божия да будет, и прочее», послушания ради твоего да иду аз.*

¹⁰ ГПБ. Кир.-Бел. Собр. № 6/1083. Л. 301 об.—302; ПСРЛ. СПб., 1867. Т. 9. С. 64—65; СПб., 1865. Т. 15. Стб. 114; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 182.

¹¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 121; СПб., 1908. Стб. 105.

¹² См.: Булакин Д. М. «Паренесис Ефрема Сирина» // Словарь книжников и книжности Древней Руси XI—первая половина XIV в. Л., 1987. С. 296—299.

И изшедше и вон ис келия, введоша и в град, и, славяще, посла и с радостию велию и с клиросом. Блаженный же, молящися на пути к богу, глаголя: о человеколюбье благий, виждь немощь мою и послы благодать твою и в помощь мне, да прославится пресвятое имя твое».

Преодолев сопротивление язычников, Авраамий с помощью бога, которому он усердно молился («Собери, господи, люди расточенныи введи в церковь сию и просвети очеса умная их, во еже познати тя, единого бога и человеколюбца»), в конце концов крестил языческую «весь»¹³.

В рассматриваемой редакции жития Леонтия из жития Авраамия Затворника заимствован сюжет. В обоих памятниках имеется не поддающаяся крещению область, из которой язычники все время изгоняют церковнослужителей и в которую ввиду этого следует послать особенно твердого и добродетельного пастыря. Выбор иерарха останавливается на добродетельном монахе, который с трудом поддается его уговорам, направляется в страну и в конце концов не без труда, но обращает их в христианство. В ряде случаев отмечается дословное заимствование автором изучаемой редакции жития Леонтия целых фраз из жития Авраамия Затворника (эти фразы выше выделены).

Другой переводной памятник, использованный в нашей редакции жития Леонтия Ростовского, — Поучение на память Никиты-великомученика (читалось в богослужебных книгах под 15 сентября). Самое начало Поучения на память Леонтия является переработкой начала Слова на память Никиты:¹⁴

Поучение на память Леонтия Ростовского

Паки съзывает нас, христолюбци, свѣтлое праведное о(т)ца н(а)шего Леонтия в великий сей духовный и все(ва)щенный храм пре(е)ч(и)стия б(о)гом(а)т(е)ре вл(а)д(ы)ч(и)це наша и пр(и)снод(е)вья Марии. Паки привлечет себе молебный и всепразднственный праздник хр(и)столюбива множества.

Слово на память Никиты-великомученика

Созывает паки нас, о х(ри)столюбци, христолюбив бо сый и бл(а)гочестия добродобный великий м(у)ч(е)н(и)к Никита в великий сей д(у)ховный и всеос(ва)щенный храм. Паки привлечет к себе молебный и празднственный праздник х(ри)с(т)олюбивая множества облагодетельствовати обыче хотящия.

После приведенного выше краткого вступления Поучение на память Леонтия дает текст, почти дословно повторяющий другой раздел Слова на память Никиты:

Поучение на память Леонтия

Пацы ликоствуют ц(е)ркви, паки прелесть упражняется, паки смущаются бѣси, паки диавол посрамляется, паки нечестие въздражается. Н(е)бо нам дн(е)сь ц(е)рковь Леонтия показа н(е)б(е)се видимаго всякого красѣйшую. И толико, елико д(у)ховнаа от телесных суть вееч(е)стїи. Н(е)бо с(о)лицу чювственному подлежит, но (в) незаходимое с(о)лице Х(рист)а одѣся, не звѣзды lestныя нам предлагаа, ни ж луну растущую и малѣющую, но бл(а)г(о)д(а)гь неоскудную подавающую: ни ж облаки дождеродныя, нѣ уч(и)т(е)ля богословца; ни землю жестоку, но д(у)шѣвну врачевати могуща, нѣ от моря споречают,

Слово на память Никиты-великомученика

Пацы ц(е)ркви ликоствуют, паки прелесть упражняется, паки смущаются беси, паки диавол посрамляется, и паки нечестие въздражается. Н(е)бо нам дн(е)сь ц(е)рковь, та претвори н(е)б(е)с(о) видимаго(о) всяко красѣйши. И толико, елико д(у)ховнаго от телесных суть ч(е)стїи. Н(е)бо с(о)лицу чювственному подлежит, но в незаходимое с(о)лице Х(рист)а одѣся, не звѣзды lestныя нам предлагаа, ни ж луну растущую и малѣющую, ни же облаки дождеродныя, но учителя б(о)гословца; не землю жестоку, но д(у)шу врачевати могуща; не от моря се почерпают, но от б(о)ж(е)ственных очищающих согрешения. Не источники исце-

¹³ Великие Минеи четия / Собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1880. Вып. VI. Стб. 1998—2001.

¹⁴ Текст Слова на память Никиты-великомученика проводится по списку: ГБЛ. Тр. 664, л. 307—311 (Минея XVII в.).

но б(о)ж(е)ственных источников воды источник исцелений показывает. Не причина гласования, но англ(е)льские гл(а)сы бого-словствуют дн(е)сь.

Далее в Поучении читается текст, большая часть которого, как установил Н. Н. Воронин, заимствована из написанного в XI в. Мнихом Илларионом «Слова о законе и благодати»¹⁵.

Слово о законе и благодати

Лепо бо бе благодати и истине на новыя люди всияти, не вливают бо, по словеси господню, вина нового учения благодатна в мехи ветхы обетпавшая в иудействе, сие ли просядутся меси и вино прольется... Но ново учение, нови мехи, новы языки, новое и соблюдется, яко же и есть. Вера бо благодатна по всей земли распростресе и до нашего языка руськаго доиде и законное озеро пресе и евангельский же источник наводнився и всю землю покры и до нас пролиався... и всем быти хрестяном малым и великим рабом и свободным, уным и старым, богатым и убогим... И в едино время вся земля наша выслави Христа со отцем и с святым духом. Тогда начат мрак идольский от нас отходит и заря благоверия явишася

лений показывает, и птицы гласования, но а(н)гл(е)льские гласы бл(а)говествуют дн(е)сь.

Почтение на память Леонтия

Лѣпо убо благодати и истинѣ на новыя люди восиати. Не вливают бо, по словеси господню, вина нового учения благодатна в мехи ветхы обетпавшая. Аще ли просядутся мѣси и вино пролиется. Ново учение, новы и мѣси, новы языки, ново-сблюдется, яко же есть. Вѣра благодатна всей земли протресе, и до нашего языка руськаго доиде, иудѣйское море пресе. И евангельский же источник наводнився и всю землю покрыв и до нас пролиався. Воистину убо великий сий чудносный учитель, яко реку злату быстрами струями кипящу благодати духовных источников по реченому от Христа владыки: «Еже вѣруете в мя, яко рѣки истекут ис чрева его воды живы, аз бо, рече, дам ему уста и премудрость, ей же не возмогут противитиси, ни отвѣщавати вси противляющися вам». Се бо есть воистину вода жива, юже тѣмъ святымъ преславнымъ учителемъ источи и напои страну нашу и всемъ быти хрестіаномъ створи — малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И во едино время убо вся земля наша съславит Христа с отцемъ и с пресвятымъ духом. Тогда нача мрак идольский от нас отходити и заря благовѣрна насадишася...

После слова «насадишася» в Поучении снова читается текст, заимствованный из Слова на память Никиты¹⁶.

Почтение на память Леонтия Ростовского

...от(т) новых и преславных чудес, их же чуднѣйше, яко идѣже умножи грѣх, прѣзобилова бл(а)г(о)д(а)ть. Идѣже бѣсовския жертвы, тамо хр(и)стианьския ц(е)ркви, идеже диаволъ ликовствова, тамо вл(а)д(ы)ка явиша Х(ристо)с. И гдѣ д(у)си възгнѣжахуся, оттуда н(ы)не

Слово на память Никиты-великомученика

...от новых и преславных чудес, и еже чуднейше, яко идеже умножи грех, прѣзобилова бл(а)г(о)д(а)ть, идеже диаволя гордыня, тамо м(у)ч(е)н(и)чская целбы; идеже бесовския жертвы, тамо хр(и)стіаньския ц(е)ркви, идеже диаволъ ликовствова, тамо вл(а)д(ы)ко

отгоняхуся. Самъ же всѣм по б(о)зѣ намъ виновенъ есть, истиннаго винограда възделанникъ есть и превѣчнаго(о) слова с(вя)т(и)т(е)ль, довернейши Леонтие.

явися, идеже дуси вогнеждахуся, оттуда н(ы)не отгоняются. Идеже бо зде почитаемы бяху, ту м(у)ч(е)н(и)чския песни. Идеже темная осеяния, тамо н(ы)не зрятся стражемъ исцеления. Идеже скверамъ злосмрадия, тамо н(ы)не м(у)ч(е)н(и)чския благовония. Самъ же всемъ по бозе намъ виновенъ есть, поистинне истиннаго винограда възделанникъ и превѣчнаго слова м(у)ч(е)н(и)к, доверный Никита.

Следующий далее раздел текста Поучения на память Леонтия («Елма убо такова... изменимъ одежду духовную с теломъ») взят из другой части Слова на память Никиты — великомученика:

Почтение на память Леонтия

Елма убо такова паче же таковъ предстатель ко вл(а)д(ы)це имамы. И празднуемъ дн(е)сь не елиньски, но д(у)х(о)внѣ, не чреву, нѣ д(у)ши. Да будетъ праздникъ с(вя)тымъ достоинъ. Обновление есть праздникъ обновляется. Просвѣщению просвѣтимся и отверземъ убо дѣла тмы и обложимся в орудіе свѣта. Обновимъ ц(е)рк(о)вь д(у)ша н(а)ша, яко д(у)х(а) внѣ празднуемъ, яко да ветхаго ч(е)л(о)вѣка съвлечемся(я), яко да явимся паче свѣта бѣлы, елици в пищи и сластѣхъ обѣтпасте. Дн(е)сь бо ради бл(а)г(о)ч(е)ст(и)выхъ обновитесь дѣяний. Елици памятозлобие отвергосте, сихъ отвергѣше. И с(вя)т(и)т(е)льствуемъ елици высочии и богатѣюще ради м(и)л(о)ст(и)ня. И смирение обновляется дн(е)сь, яко дѣлы бл(а)г(и)ми б(о)г(о)ви угодивъ, измѣнимъ одежду д(у)х(о)вную с теломъ, бога похваляющы и угождника его почитающы.

Слово на память Никиты-великомученика

Елма убо такова паче же таковъ предстатель ко вл(а)д(ы)це имамы. И празднуемъ дн(е)сь не елиньски, но д(у)х(о)внѣ, не чреву, но д(у)ши. Обновление есть праздникъ, обновляющися страстоносецъ сущидный, спосраждимся страдалцемъ, просвѣщению просвѣтимся, отверземъ убо дела тмы и облечемся во орудіе свѣта. Обновимъ ц(е)рк(о)вь д(у)ша наша, яко д(у)х(о)внѣ празднуемъ, яко ветхаго ч(е)л(о)вѣка съвлечемся, яко да явимся паче снега убелени, емши в пищи и сластѣхъ обѣтпасте. Дн(е)сь ради бл(а)г(о)ч(е)ст(и)выхъ обновитесь дѣяний. Елици памятозлобие отвергосте, сихъ отвергѣше. Елици высоте и богатѣюще ради милостыни. Смирение обновляется дн(е)сь, яко да делы бл(а)г(и)ми б(о)говия угодимъ. Изменимъ одежду д(у)х(о)вную с теломъ, подражаемъ м(у)ч(е)н(и)чскимъ болезнемъ, яко мзду примемъ и венца стяжемъ добродѣтели, и страстности возоимъ, вси бо с(вя)т(о)го с нами имуще.

Завершающий Поучение на память Леонтия текст (со слов «такова убо суть подвижания святого Леонтия»), возможно принадлежит перу автора рассматриваемой редакции. В нем как бы подытоживается деятельность Леонтия (указывается, что его главная заслуга — «просвещение Ростовской земли», что он совершил множество чудес как при жизни, так и после смерти), верующие призываются подражать Леонтию, следовать христианским добродетелям, избегать грехов и почитать Леонтия с тем, чтобы его молитвами избавиться от разного рода неприятностей (голода, вражеского нашествия и т. д.). Источники некоторых разделов изучаемого текста (рассказ о посещении Фотием в поисках Леонтия трех монастырей, о временном уходе Леонтия из Ростова на Брутовщицу и о закладке им там церкви Михаила) не вполне ясны.

В целом можно сказать, что в XIV в. была создана особая редакция жития Леонтия Ростовского, при написании которой использовались редакция этого памятника, русские летописи и публицистические произведения, памятники переводной византийской литературы. Последние дают около 40 % объема изучаемого текста, причем именно из переводного памятника (жития Авраамия Затворника) заимствована в значительной степени биография героя русской агиографической повести. Без всестороннего учета двух памятников переводной письменности наш источник никак не может быть сколько-нибудь глубоко понят и осмыслен. Как нам представляется, всесторонний учет византийской традиции при

¹⁵ Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и русско-византийские отношения второй половины XII в. // ВВ. 1963. Т. 23. С. 38—41.

¹⁶ Н. Н. Воронин (Там же). С. 40—41) считает, что Поучение было составлено в конце XII в. прежде всего на том основании, что в нем Леонтию ставилось в заслугу искоренение язычества в Ростовской земле. По мнению исследователя, интерес автора Поучения к этому сюжету наводит на мысль о раннем его написании. Этот вывод представляется мне недостаточно убедительным. Искоренение язычества в Ростовской земле могли поставить в заслугу Леонтию и в XIII, и в XIV, и в XV вв. А тот факт, что почти все написанное об искоренении Леонтием язычества взято (как это видно из сопоставления сравниваемых ниже текстов) из Слова на память Никиты, делает Поучение на память Леонтия весьма малоценным памятником для изучения истории русского язычества.

изучении памятников русской литературы совершенно необходим, а рассмотренный (и ниже публикуемый текст) — лишь одно из иллюстрирующих этот тезис доказательств.

Месяца мая 23 день. Иже в святых отча нашего Леонтия, епископа ростовскаго и чудотворца. Господи, благослови, отче.

Иже в святых отецъ нашъ, великий Леонтие, рожеся в Константиѣнградѣ отъ благовѣрну родителю. И егда доиде възраста седмаго лѣта, въдан бысть родителми на учение грамотѣ, оному и въскорѣ вся извыкшу. По сем же малом лѣтомъ мимошедшимъ, възлюбивъ Христу единому работати, оставивъ миръ и яже в мирѣ, крестъ свой въземъ по заповѣди святаго евангелиа, послѣдова радостно Христови. И вышедъ в монастырь и бысть мнихъ. Желая большихъ подвиговъ и множайшая добродѣтели, и въздержавшеся цѣломудриемъ и чистотою прѣспѣвая, яко убо в церкви на // (л. 100 об.) молитву первому обрѣтатися, по скончании же службы церковныя послѣ всѣхъ исходити. Егда стояшу ему в церкви, и с страхомъ послушаючи божественныхъ писаний съ всяцѣмъ прилѣжаніемъ. И самъ часто почитаа божественна книги. Наставника же своего в всемъ послушая, смиреніемъ, и кротостию, и молчаніемъ. В ноцныхъ же молитвахъ непрестанно прѣбываше, моляся богу. Единою жъ молящюся ему в ноцныхъ молитвахъ по обычаю своему, абие бысть ему гласъ глаголюще: «Леонтие, иди убо къ патриарху Фотѣю, да святивъ, поставитъ тя епископомъ и послеть тя граду Ростову. Ты жъ не ослушайся повелѣнія его. Ты бо имаши обратити люди отъ лести сатонины къ богу и мзду ради сего многу имаши приати на небесѣхъ». // Си жъ слышавъ блаженный, бысть въ ужасѣ величѣ. И никому жъ бывшаго повѣда. В то время патриарху Фотѣю правяшу церковь богохранимаго града Царьскаго. И о семъ печалуя бяше немалы, яко никто жъ можетъ обратити людий ростовскихъ отъ лести идольския къ богу. Бяху людие мнози, но невѣрствіемъ углубившися и учящимъ я пути истинному не имяху вѣры. Прежде бо того маловымъ лѣтомъ минувшимъ князь великий Володимиръ Святославичъ Киевскій крестися въ Корсунѣ Градѣ отъ того же патриарха Фотѣя в царство Василиа и Константина. Тогда же и оженися Володимиръ, поятъ за себе сестру царя Василиа и дасть за вѣно Корсунъ градъ опять грѣкомъ царицы дѣля. Пришедъ въ Киевъ и при // (л. 101 об.) веде съ собою митрополита Леонта и с нимъ четыре епископы, и нарече в Киевѣ митрополию, и посади в немъ Леонта митрополита. И тѣмъ бысть первый на Руси митрополитъ Лентъ. Федора же епископа посла в Ростовъ с сыномъ своимъ с княземъ Борисомъ, тѣмъ бысть первый епископъ Ростову Феодоръ. И крести Ростовскую землю и Суздальскую и церковь постави въ Ростовѣ во имя владычица наша богородица и приснодевица Мариа, и устрои ю велми чудну, и много поучивъ я вѣре христьянстѣй, но не можаше ихъ увѣрити до коньца, понеже издавна злomu ихъ невѣрству укоренившюся, изгнанъ бысть отъ нихъ. Се ежъ слышавъ патриархъ, яко Феодоръ епископъ многи люди крести, но не можаше ихъ привести до конца в познание // истиннаго бога, но изгнанъ бывъ и збеже отъ нихъ, пакы въскорѣ избравъ отъ своего крилоса Лариона именемъ, и сего святи, епископомъ пустивъ граду Ростову. Не стѣрпевъ же ему пребыти в Ростовѣ бѣжа, бо и еще окаменени, не имущи в сердци влаги святаго духа. Възратися пацы той въскорѣ къ Царюграду не по мнозѣ времени ни во что же успевъ, по токмо трудъ безуспѣшенъ. Сего ради и печаль немалу имѣише патриархъ, и часто моляшеся богу не токмо о порученіи ему стадѣ, но и о всемъ мирѣ, паче жъ печашеся, кого бы ему послати творца пастуха граду Ростову, иже до конца наставить вѣрѣ Христовѣ христьянстѣй. Единою же идущю ему в церковь божію на утреню, абие бысть ему гласъ, глаголюще сиче: «Взыши калугѣ // (л. 102 об.) ра именемъ Леонтия и

святи его епископомъ, пусти граду Ростову, яко тѣмъ престолъ украситъ, люди вѣрѣ научитъ и упасетъ». Святителю же озирающуся сѣмо и овамо, никого же не видѣ, нѣ токмо одѣсную его образъ, господя нашего Иисуса Христа, на иконѣ. Оному же недомыслиющюся о семъ и чудящюся. И бысть минувши недели единой, и абие бысть ему гласъ с небесе, вторицею глаголя. Не по мнозѣ жъ бысть гласъ, третицею глаголя: «Изиди скоро, поищи сичеваго человека и обрѣсти имаши». Святителю жъ по отпѣнии утреня изшедшу и с клирики своими и дошедъ монастыря единого. И въспросившу ему братии о таковѣмъ иноцѣ, и не обрѣтшу. Также и в друзѣмъ монастырѣ извыпрашавшу ему, и тамо не обрѣтшу. И прииде в третій // (л. 103) монастырь, хотящу улучити желаемаго. Братиамъ жъ всемъ изшедшимъ в сретение патриарху. Выпрашающу жъ патриарху о таковѣмъ иноцѣ. Братиа же повѣдающе имъ мниха оного Леонтия именемъ велми суца горазда божественнымъ книгамъ, обаче жъ гордаго именующи, яко не изыде в сретение патриарху. Оному жъ убо не узрѣвню прихода патріархова. Святителю же патриарху выпрашающу кѣліа его. И яко прииде къ дверемъ келиа его, оному жъ скоро изшедшу изъ кѣліа своя я створишу ему поклонение до земли передъ патриархомъ. И емъ его патриархъ за руку, и изведе его изъ монастыря, глаголя ему: «Брате Леонтие, господь посла мя къ тебѣ. Тебе бо избраа Христосъ стража своему винограду. И повелѣ ми господь пустити тя // (л. 103 об.). Ростову наставника и учителя. Да будещи правя церковь божію и люди научиши вѣровати в Христа. Оному жъ с слезами сиче отвѣщавшу: «Прости мя, отче святый, плакатися грѣховъ своихъ. Азъ немощень есмь и худъ на вещь сию». Паки жъ святитель къ нему: «Понеже самъ Христосъ избралъ тя на святительскую степень, да не будещи, чадо, противяся богу и ослушаая повеления божіа. Тѣмъ бо самъ наставитъ тя на святительскую степень, да не будещи, чадо, противяся богу и ослушаая повеления божіа. Тѣмъ бо самъ наставитъ тя. Да будещи служа ему день и ноцъ и бдя о стадѣ своемъ, еже ти господь поручаетъ, да люди учивъ и упасъ, прѣдставиши Спасу в второе его пришествіе и речеши господи: «Се азъ и дети моя, яже предалъ». И услышиши благи онъ гласъ, глаголюще: «Добрыи рабъ, благой и вѣрный, вмагѣ бѣ вѣренъ надъ многими ты поставлю, вниди в радость господя своего». Си жъ святителю глаголющу, а оному слезами землю мочящу. И сиче ему отвѣщавшу: «Остави владыко, мене, худаго, молюся твоей благодати, яко да плачюся своихъ грѣховъ». Речи же къ нему святитель: «Се остави еси мира и яже в немъ, възненавиделъ еси, но послушания не имаши». Слыша жъ се блаженный, прослѣзися зѣло и рече: «Что есь азъ, слабый и немощный, что есть животь моя, яко сичеваа послалъ еси о мѣ». Отвѣща ему патриархъ пакы: «Здѣ сѣдя единого себе спасеши, тамо же благодати божіа ради, многи имаши спасти и обратити къ богу. Помысли убо, каа мзда есть болши ли, еже спасти себе единого, она ли, еже с собою многи люди спасти». Блажены жъ, въспоманувъ гласъ онъ, глаголюще ему с небесе, яко не ослушайся пове // (л. 104 об.) лѣніи божіа и патриархова и рече сиче: «Воля божіа буди». Святивъ жъ его, постави епископомъ и посла его с радостию граду Ростову, въдавъ ему весь святительскій санъ, и с клиросники. И много того поучивъ отъ святыхъ писаней, яко подобаетъ святителемъ пещися о стадѣ своемъ, и благословивъ его, отпусти с миромъ. Идущю жъ ему в корабли и глаголюще, сиче моляся: «Боже благи вседръжителю. Господи человеколюбче щедрый и милостивъ, виждь немощь мою, и послѣ благодать твою в помощь мнѣ. Да прославится имя твое святое». И ина много молящюся ему. И достигшу ему града Ростова. И видѣвъ я обдержимы многу невѣрствомъ. И постенавъ, въсплакася, въздѣвъ рупѣ на небо и рече: «Боже, всевидче, един безгрѣшный, не хотя смерти грѣшникомъ, но еже обратитися // (л. 105) къ тебѣ, милосердому. Не презри, владыко, дѣлъ рукъ твоихъ. Собери, господи, люди рас-

точенныа и въведи а господи в святую церковь свою и просвѣте их очеса умная, еже познати тя единого человеколюбца бога, яко нѣсть иного паче тебе». Сиде же часто молящася святому. И укреплесе силою крестною и помощию пресвятыа богородица, и пощениемъ, и бдѣниемъ, и молитвами всенощными, много поучив я, и научив их вѣровати въ Христа и чудеса прѣславная много сътворив, от них же едино вѣмалѣ скажемъ, святому учащую и наказующую их. От них же не внимаху учению его, изгнаша его вон из града, яко убо изыдѣ из града с плачем, и хотяше ити паки к Царюграду. Нѣ милостивый бог, не хотя создания своего до конца погубити, врагом одрѣжимъ // (л. 105 об.) быти, хотя избавити от уст волка мысленаго, и всѣх хотя спасти и в познание истинны привести, того бо ради самъ съшед на землю и в плоть святыя девы вселися, и в сего человека понес подобие развѣе грѣха, и пострада нас ради волею распятие и смерть. Сиде ж вложи в сердце и сему святителю, великому Леонтию, и въспоману божественнаго вселенна пастуха и учителя, евангелиста Иоана, глаголюща сиде: «Пастырь добрый душу свою полагает за овца. А наемник, их не есть пастуху, ему же не суть овца своя: видит волка грядуща и оставляет овца и бѣгаетъ, и волк расхититъ я и распудитъ овца. А наемник есть и не брѣжетъ о овцахъ». И сего ради, рече с въздыханиемъ сиде в себѣ: «Луче // (л. 106) ми было умерети за Христа бога моего, нежели послушатися повелѣния божия и моего господина святителя патриарха. И мало убо отшед близ потока, нарѣцаемого Брутовъщица, и тамо постави себѣ церковцю малу во имя святого архангела Михаила, и того призывая на помощь. И начат варити кутия и самъ обило приходящимъ подаваше младенцемъ и поучаше ихъ с любовью и смирениемъ многимъ. И тамо убо на многы дни пребывающу ему, поуча ихъ. И начаша събиратися тамо к нему множайша народъ — не токмо младенцы, но и старцы. Тамо ж крести их в имя отца и сына и святого духа, понеж убо старии омрачишися невѣрствомъ своимъ, не внимаху учения великаго Леонтия, яко ж самъ // (л. 106 об.) истина Христос рече: «Вино нѣво в новыи в мѣхи вливати, обое събудется. Аще ли вино ново в мѣхы ветхы, мѣхы просядутся и вино пролиется, и обое погибнетъ». Съй же блаженный оставле старца, младенца учаше. И абие устрѣмшася невѣрнии на святопомазаную его главу, овии с оружиемъ, друзии с дреколиемъ, яко изгнати из града и убити. Великий ж Леонтий нимало убоися, но паче укрѣпляше сущая с нимъ привитеры и диаконы, глаголя к нимъ: «Чада, не боитеся нахождения их, не могутъ бо сии намъ без божия поущения сътворити ничто ж». И абие облечеса в священныя ризы, и повѣлѣ прозвутеромъ и диакономъ облечися в ризы своя. Яко приидоша, видѣша лице его, яко // (л. 107) ангел. И абие падоша мертвы, а друзии ослѣпоша. Но великий Леонтий молитвою цѣлы и здрави встави я и научи вѣровати Христови. И крести я в святую троицю и ина много чудеса памяти достойна сътвори, к господу его ж изымлада възлюбив, с миромъ отиде. И положено бысть святое его и честное тѣло в церкви святыа богородица, яж създана от древ дубовыхъ, баше чудна, така же не бывала, ни потомъ не будет. И потомъ многымъ летомъ минувшимъ до божію поущению, загорися град Ростов и погорѣ мало не весь. И церкви погорѣ пресвятыа богородица. Богохранимый ж князь Андрѣй, сынъ великаго князя Георгия, внукъ Володимеръ, повелѣ създати церковь камену во имя пресвятыа Богородица на мѣсте погорѣвшиа церкви. И нача копати рвы и обрѣтоша // (л. 107 об.) мертвыхъ много, идеж обрѣтоша блаженаго Исаію. И бѣ церковь основана мала. И начаша люди молитися князю, дабы повелѣл болѣ церковь заложити. Едва же умоленъ бывъ, повелѣ воли ихъ быти. Се ж бысть. Да събудется реченное богомъ в святемъ евангліи: «Не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя. Никто же вжегъ свѣтилника, поставляетъ его подъ съсудомъ или подъ

«одромъ». Тако и сему наставнику и свѣтилнику, великому Леонтию, немощно бо не толико лѣтъ съкровену быти подъ землею. Се ж все бысть мудраго бога промысломъ. И копающимъ ровъ прѣднѣй стенѣ, и обрѣтоша гробъ. И бѣ покровен двѣма дѣскама. И людемъ недоумѣющимъ, и отвѣръзша гробъ и видѣша лице великаго Леонтия, свѣтящася, // (л. 108) яко свѣтъ, и ризы его, яко вчера оболчены, и свитокъ дръжащій в руцѣ своей, в немъ же бяху написаны прозвитеры и диаконы, ихъ ж бѣ поставилъ своею рукою. О превеликое чудо, братие. Толико лѣтомъ минувшимъ, не измѣнился божественное тѣло его, но и ризы его не истлѣше, паче же и гробъ, в немъ ж тѣло прѣсвятое бѣ. Видѣвше ж люде, и възрадовашася радостію великое зѣло. И послаша вѣсть к князю Андрѣю, повѣдающе ему бывшее чудо преславное. Слышавъ же князь, и прослави великую мудрость божію и, моляся богу, глаголаше: «Владыко, господи, Исусъ Христе, что ти въздамъ за вся, яж еси въздалъ, яко в сей области моей дръжавнѣй сподобилъ еси сицевому съкровищу откровену быти?» И поминая спасенное слово, глаголаше, яко // (л. 108 об.) угаилъ еси от премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси младенцемъ. И посла въскорѣ гробъ каменъ и положи в немъ тѣло святого: идѣже и донныѣ лежитъ в церкви святыа Богородицы, съдѣвающи преславная чудеса и подаваа исцѣление приходящимъ к пречистой госпоже богородице к святѣй рацѣ великаго Леонтия в славу Христу богу нашему и в дръжаву и в победу христіюлюбивому князю.

В той ж день слово о внесении телеси святого отца нашего Леонтия епископа ростовскаго в новую церковь и о мужи, исцѣлѣвшемъ у цѣлбоноснаго гроба его.

Егда създаша церковь камену в Ростовѣ, на мѣстѣ погарѣвшиа церкви повѣлѣниемъ господина благочестиваго царя и князя (л. 109) нашего Андрея, самъ князь, приеха в Ростов из Володимеря поклонитися блаженному и святому тѣлу преподобнаго отца нашего Леонтия, глаголя: «Хвалю и славлю тя, господи боже мой, и пречистую и пресвятую мать твою, яко сподобилъ мя еси сицево съкровище в области моего царства явити имъ. Уже ничимъ же охужденъ еси благодати божіе, и дара милости твоея, владыко, о семь святѣмъ мужи». И цѣлова святое тѣло и вси мужи его. И по семь поставиша и в рацѣ на стенѣ, идѣже и нынѣ лежитъ, и устрои свѣщи великы у гроба его, Иоанъ же епископъ празновати уставы мѣсяца маіа в 23 день. Многымъ ж исцѣлениемъ цвѣтущимъ от гроба святого молитвами его. По нѣколихъ ж временахъ приспѣхъ праздникъ святого. На вечерни празнова // (л. 109 об.) вши люде отидоше. Вечерю уже приспѣвшу, бысть в четвертую стражу нощи. Начаша пѣти анггели в церкви пресвятыа Богородица. И вѣста святыи Леонтии из гроба. И възгоша аггели свѣща у гроба его. А святыи Леонтии вземъ кадильницу, нача кадити по всеи церкви. И обоня воня благоуханія всю церковь и весь град Ростов. Понамаревъ же рано възбуждѣшюся и прииде к дверемъ церковнымъ, и восхотѣ отворити. И видѣ светъ пречюденъ, и пѣнія аггелская и святого, стояща предъ святою трапезою, руцѣ свои горѣ въздвигла. Онъ же от страха паде на землю, не могый стати. Надолзе же лежаще ему. По семь възведъ очи свои, никого же не видѣ, но точию свѣща горяща. И шедъ, сказа вся епископу. Епископъ же иде в церковь и нача // (л. 110) пѣти угреню. И от того огня възгоша вся прочая свѣщи. По отпѣнии же утреня нѣкто от клирикъ възгохъ угасити свѣщю у цѣлбоноснаго гроба святого отца нашего Леонтия, и шибѣ и аггелъ. И бысть ослабленъ рукама и ногама, глухъ и нѣмъ, не могыйся ни двигнуть, но точию в помыслѣ сердца глаголаше: «О, госпоже владычице богородице мати Христа, бога нашего, помози ми грѣшному рабу своему, и не погуби мене, нечестиваго в незаконныхъ моихъ живуца, но подай же ми, господи, руку помощи и к свету възведи мя на покаяние». Посемъ възведе очи к гробу,

слезно в сердце моляше святого и призываа его на помощь. И по семь нача исповѣдати грѣхы своя ко гробу зря святого. Людие же от страха, видѣвше чюдеса, отидоша. Епископ же // (л. 110 об.) сего повелѣ те пустити. И яко бысть год литургии, начаша пѣти все по ряду. Оному ж грѣхы своя от рождениа вся по ряду сказавшу. И нача молитися: «Отче святыи, помилуй мя грѣшнаго. Вѣмъ, милостиве, яко не прѣзрит бог твоя святыхъ молитвы. И прости моя съгрѣшения, дерзнувшю таковая сътворити у твоеа святыхъ ракъ. Помилуй мя, астырю и учителю нашъ, великий господине Леонтие». Сие ему мыслию глаголющу и ина болюша сихъ. И егда нача диакон чести святое евангліе, прииде ему глас глаголющъ: «Человѣче, оставляю ти ся грѣси твои». И вста здрав, и поклонися цѣлбоносному гробу богоноснаго отца нашего Леонтия. Вся ж людие прославиша милосердаго бога и пречистую его матеръ, даровавшю таковую благодать граду Ро // (л. 111) стову. Тѣмъ же и мы, братіе, мужи и жены, уни и старии, истинное рождение винограда Христова, не ленимся съвѣршати заповѣдїи господнихъ, яже рече святыми апостолы. Здѣ бо апостоли не были, но учения ихъ прорекоша конца, яко же рече Давидъ: «В всю землю изидоша вѣщания ихъ и в конца вселенныа глаголи ихъ». Да дѣлатель и пастух и страж нашъ възвеселится о нас предъ господемъ богомъ, глаголя: «Се аз и дети моя, яже ми еси предал господи». Тѣмъ, братіе, не ленитесь почитати праздника сего, и похвалите своего учителя, сїце глаголюще: «Радуйся свѣтозарная звѣзда, омраченныа просвѣтивши и мьглу грѣховную отгнавше идольскыа лъсти, и просвѣтивъ святымъ крещениемъ и омыв банею святого духа, и научи вѣровати в святую троїцу // (л. 111 об.) отца, и сына, и святого духа. Радуйся, ревнителю святыхъ апостол, искоренителю бесовскихъ лсти. Хвалить бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля — Костянтина царя, Киевская земля Володимира князя, Ростовская же земля вся тебе, святителю великий Леонтие, ублажает, створшаго дѣло равно апостоломъ. Радуйся, яко укрѣпился еси надеждоу вѣчныхъ благъ, с прежними почиваа святители, послѣдова бо учению ихъ, и праву, и всему правилу великого Златоустаго, не стыдно прѣдася за вѣру. Помоли же ся Христу богу нашему, ему же прѣдстоиши за правовѣрныа и христіюлюбивыа князи наш и за вся люди твоя, и намъ испроси милость от бога, и отпущение грѣховъ, славящимъ святую // (л. 112) троїцу отца, и сына и святого духа. Господи Исусе Христе, боже нашъ, молитвами пречистыхъ ти матери и преподобнаго отца нашего Леонтия, иже в святыхъ, великаго угодника твоего и всѣхъ святыхъ твоихъ, помилуй нас и спаси душа наша. Аминь».

В той же день слово и поучение на память отца нашего Леонтия, епископа ростовскаго и чюдотворца.

Паки съзываетъ нас, христіюлюбци, свѣтлое праведнаго отца нашего Леонтия в великий сей духовный и всесвященный храм пречистыхъ богоматере, владычице нашей и приснодевы Марии. Паки привлечь себе молебный и всепразднественный праздник христіюлюбива множества. Паки ликоствуютъ церкви, паки прелесть упражняется, паки смущаются бѣси, паки диаволъ // (л. 112 об.) посрамляется, паки нечестіе въздражается. Небо намъ днесь церковь Леонтие показа небесе видимаго всякаго крестѣншю. И толико елико духовнаа от телесныхъ суть всечестнѣйши. Небо солнцю чувственному подлежить, но в незаходимое солнце Христа одѣяся, не звѣзды лестниа намъ предлагая, ни ж луну растущю и малѣющую, но благодать неоскудну подающую, ни ж облаку дождеродна, нѣ учителя богословца, ни землю жестоку, но душевну врачевати могущихъ, нѣ от моря опочерпаютъ, но божественныхъ источникъ воды источникъ исцелений показываетъ, не птичїа гласования, но аггелъскыа гласы богославьствуютъ днесь. Лѣпо убо благодати и истиннѣ на новыа люди воснати.

Не // (л. 113) вливаетъ бо, по словеси господню, вина новаго учения благодатна в мехы ветхы обетшаа. Аще ли просядутся мѣси, и вино пролиетъся. Ново учение, новы и мѣхы, новы языки, но обоє съблюдетъся. Яко же есть вѣра благодатнаа всей земли прострѣся, и до нашего языка рускаго доиде, иудѣйское море пресше. И евангелъскыи же источникъ наводнився и всю землю покрывъ и до нас пролиався. Воистину убо великий сїи чюдотворный учитель, яко реку злату быстрами струями кипящу благодати духовныхъ источникъ, по реченому от Христа владыки: «Ѣже вѣруете в мя, яко рѣкы истекутъ ис чрева его воды живы, аз бо, рече, дамъ ему уста и премудрость, ей же не возмогутъ противитися, ни отвѣщевати вси противля // (л. 113 об.) ющїиися вамъ». Се бо есть воистину вода жива, юже тѣй святыи преславный учитель намъ источи и напои всю страну нашу, и всемъ быти христіаномъ створи — малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И во единое время убо вся земля наша въславитъ Христа с отцемъ и с пресвятымъ духомъ. Тогда нача мракъ идольскый от нас отходити и заря благовѣрна насадишася от новыхъ и преславныхъ чюдесъ, ихъ же чюднѣйше, яко идѣже умножи грѣхъ, прѣзобилова благодать. Идѣже бѣсовскыя жертвы, тамо христіанскыя церкви, идѣже диаволъ ликостваше, тамо владыка явился Христосъ. И гдѣ дуси въгнѣждахуся, оттуда нынѣ отгоняхуся. Самъ же всѣмъ // (л. 114) по бозѣ намъ виновенъ есть, истиннаго винограда възделанникъ есть и превѣчнаго слова святитель, достовѣрнѣйши Леонтие. Ельма убо такова, паче же таковыи предостатель ко владыцѣ имамый. И празднуемъ днесь не елиньскы, но духовнѣ, не чреву, нѣ души. Да будетъ праздникъ святымъ достоинъ. Обновление есть праздникъ обновляется. Просвѣщению просвѣтимся и отверземъ убо дѣла тмы и обложемся в оружие свѣта. Обновимъ церковь душа наша, яко духовнѣ празднуемъ, яко да ветхаго человека съвлачемся, яко да явимся паче снѣга бѣли, елици в пищи и сластѣхъ обѣтшасте. Днесь бо ради благочестивыхъ обновитесь дѣянїи. Елици памятозлобие отвергосте, сихъ отвергыше // (л. 114 об.) И святительствуемъ, елици высокои и богатѣющеся, ради милостыни. И смиреннаа обновляется днесь, яко дѣлы благычи богови угодивъ, измѣннии одежде духовную с тѣломъ, бога похваляющи и угодника его почитающи. Такова убо суть подвизания святого Леонтия, тако добра молитва подвизания, тако сладко учение, тако бо добродѣтельно наказание, тако сладко чюдотворение, тако бо намъ подобаетъ архиерѣи преподобенъ, бескверненъ и незлобивъ, удаляясь от всякаго злобы. Сїи бо Ростовскую землю просвѣти, нѣ вся на свѣтъ изведе, землю удивѣ чюдесы страшными, церкви просвѣти, бѣсы прогна, недужныа исцѣли. Не токмо в семь житїи сый, но // (л. 115) и нынѣ, аще кто в бѣдѣ сый, имя его нарицаа, помолить бога, оставяша перваа съгрѣшения, то молбами его приемлютъ простыню. Аще ли не останутся от первыхъ грѣховъ своихъ, нѣ и другыа привторяемъ, то не послушаютъ насъ святїи, ни даетъ ны богъ прощениа, но и здѣ томитъ рабами и по възкресению муцѣ вѣчней предасть. Да се вѣдуще, братіе, всякыа злобы оцѣщаемся, студодѣянїа и всеа нечистѣты, и лихоиманїа, и клеветы, и зависти, и лукавствїа, татбы, обиды, чародѣчства, волшбы, плясания, имъ же сѣсомъ угодна творимъ таковыи. Но тыа вся зобы оставяще, приверзете я тому бѣсу, и примете сладостно Христову заповѣдь, (л. 115 об.) паче рече: «Не уби, не укради, лжи́послухъ не буди, не прелюбодѣй, не восхити чужаго обидою, чти отца своего и матеръ, люби ближняго своего, аки самъ себе». Страхомъ и трепетомъ почти Христа, яко ты тои почте — от небытіа в бытіе ты приведе, и тебе ради и все створи, видимаа же и невидимаа, небо и землю, солнце и мѣсяцъ, и звѣзды, море и рѣкы, и киты, источницы, звѣри и птици, и вся четвероногїа створи. Да ты възведетъ во первое райское мѣсто, то ты того оставивъ, служиши твари бездушной, яко богу. Да того ради небо затворено бываетъ безвож-

диа плодом пагуба, ова слатую, ова градом, ова язими различными, и // (л. 116) х же да убежим, милосердие божие кропяще, не воздающе зла за зло, ни клеветы за клевету. Убыстри же нози свои на течение право церкви и слышания в ней не забывай, алчныя напитаи, и жадныя напои, нагны одѣвай, странныя приеми, болных посѣщай, нищия введи в домъ свои, сиротам буди в отца мѣсто. Аще ли она съблюдеши, тѣми бо тѣсными путми расширят ти ся небесныя двери и причитаешися к святымъ ликомъ, яко же сей святыи отецъ и чюдотворецъ Леонтий, иже в смерти мѣстожитие сътвориси. Тѣмъ же по лѣпотѣ почитающи память твою прилѣжно того умолим, глаголюще: «О Христовъ святителю, и служителю, и друже. Многую от него приатъ благодать и дръзновение. Обычно ты и нынѣ предла// (л. 116 об.) гаемъ, купно молимся вси вѣрнии, пречестную память твою празднующе по силѣ нашей и к рацѣ мощей твоихъ приступающе, молимъ слезно, яко молитвами твоими избавимся отъ глада, и пагубы, и нахождения иноплемennыхъ, и всяческихъ бѣдъ и здѣ богоугодно и праведно поживемъ и въ будущемъ вѣцѣ съ всѣми праведными, богу угождемися». Да будемъ общницы вѣчныхъ благъ, славяще господъ бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, ему же подобаетъ всяка слава, честь, и дръжава, и велѣлѣние отъ аггелъ и человекъ съ иже отъ него прежде вѣкъ рожденнымъ пречистымъ сыномъ и съ безначальнымъ съ пресвятымъ и благымъ и животворящимъ духомъ и нынѣ и присно и вѣки вѣкомъ. Аминь.

Печатается по списку: ГБЛ, ф. 304, № 644, л. 100—116 об. Сборник из 122 л. в четверть без начала и конца в деревянных досках с кожаным корешком. Л. 60—122 сборника (где помещено, в частности, и житие Леонтия Ростовского) написаны на бумаге с водяными знаками: 1. Голова коровы с короной и цветком из 5 лепестков (*Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I, II, III. (Далее: Лих.). № 1155 (1477 г.); № 1189, 1190, 1191 (1481 г.); № 1202—1205 (1485 г.); № 1215—1217 (1488 г.)); 2. Голова быка с цветком из 5 лепестков и усами (*Лих.* № 1188 (1481 г.)). Вероятная дата списка — 80-е годы XV в.

Списки: XVI в. — ГБЛ. Больш. 420, л. 111 об.—126 об.; Больш. 422, л. 565—575 об.; Муз. 9740, л. 2—6 об. (дефект); XVII в. — ГБЛ. Тихонр. 257, л. 85—109 об.

Н. Ф. ХЕЛУ

РАННЕХРИСТИАНСКИЙ МОЗАИЧНЫЙ ПОЛ ЦЕРКВИ КАБР-ХИРАМ (Финикия)*

Помимо символического начала, средняя композиция в Кабр-Хирам несет также астрологическую тему. Календарь, изображенный в нефах по обеим сторонам центральной композиции, имеет тесную связь с ней. Так как здесь изображен человек в своих ежедневных занятиях в течение года на земле, то средний неф мог олицетворять Землю или год.

Изображение аллегии Земли¹ в среднем нефѣ дополняется подчиняющимися ему композициями боковых нефов. Это своего рода прямое повторение античных астрологических изображений на потолках или позднеантичных изображений на полах. Только те в отличие от Кабр-Хирама имели сугубо центрическую форму, когда космологическая иерархия развивалась по кругу от центра к периферии². В центре, как правило, находился бог солнца Гелиос, вокруг него шли знаки зодиака или позднее месяцы. Четыре угла квадрата, остающиеся в промежутке между зодиакальным кругом и квадратом помещения, заполнены четырьмя фигурами времен года. Эта основная схема имела разные вариации в разных регионах и в разные периоды³.

Календарь, месяцы, знаки зодиака или времени года могли окружать не только фигуру Гелиоса (особенно характерный прием иудейских календарей), но часто в центре помещалась либо персонификация Земли — Terra, либо Года — Annus. В Кабр-Хираме же центральная композиция является представлением Земли и одновременно ядром всей космологической системы. Использован своеобразный художественный прием —

* Окончание. Начало в Т. 52.

¹ Исходя из символики сельского труда, Грабар заключает, что мозаика наподобие мозаики среднего нефа в Кабр-Хирам олицетворяют Землю. См.: *Grabar A.* Les sources juives de l'art paléochrétien // CA. 1961—1962. N 11/12. P. 131 seq.

² *Lehmann K.* The Dome of Heaven // Art Bulletin. 1945. N 27. P. 1—27; *Hachlili R.* The Zodiac in Ancient Jewish Art // Bulletin of American Society of Oriental Research. 1977. N 228. P. 61—78. Fig. 2—7. В период возникновения мозаики в Кабр-Хирам в христианском и особенно иудейском искусстве широкое распространение получили изображения солнечного календаря. Например, мозаики полов в синагогах в Бет-Альфе, Нааране и Хусайфе. Все они имеют общую планировку, можно даже сказать каноническую. Такая планировка использовалась также для украшения потолков в греко-римской среде.

³ Все композиции с изображением зодиака или календаря имеют один и тот же иерархический принцип. Например, потолок в вилле Адриана в Тиволи, свод храма Беллы в Пальмире (*Seyrig H.* Nouveaux monuments de Baalshmin-Palmyriens de cultes du Bel // Syria. 1933. N 14. P. 258—260), пол в карфагенской вилле (*Stern H.* Le Calendrier de 354. P., 1953. Pl. XLI, 1), пол в вилле в Дафнии в Антиохии (*Antioch on the Orontes*, II. P. 190, N 70. Pl. 52; *Levi D.* The Allegory of Months in Classical Art // Art Bulletin. 1941. N XXIII. P. 252, 289. Fig. 2). Все они имеют в той или иной мере сходные проекции.

вместо персонификации в виде аллегорической фигуры Земли целая композиция является метафорой Земли.

На блюде из Мадрида с изображением императора Феодосия (388 г.) внизу представлена женская фигура — аллегория Земли с четырьмя временами года⁴. Более характерный пример — мозаика из Sentinum (III в.): изображен юноша в центре круга со знаками зодиака, а в углу аллегория Земли с временами года в образах амуров⁵. Таким образом, Земля в космических изображениях представлена одновременно с атрибутами, которые чаще всего оказываются персонификациями времен года. Атрибутами Земли также может служить сцена работы человека на земле (в прямом смысле слова).

На мозаике господина Юлия в Карфагене, как толкует ее А. Грабар, представлен человек, обрабатывающий свою землю, т. е. участок в имении, и пользующийся ее богатством. На этой Земле времена года преподносят свои дары хозяину, трудившемуся на своей земле. Земля с заселяющими ее людьми — это пространственное понятие. Времена года включают это пространственное понятие во временные рамки. Зрительный и чувственный мир — Земля — принадлежит Вселенной, ведомой Временем.

То, что человеческие фигуры на мозаике среднего нефа в Кабр-Хираме представлены в ежедневном труде на протяжении всего года, расширяет толкование данной сцены: здесь можно также предполагать, что, помимо аллегории Земли, это изображение олицетворяет и аллегию Времени, т. е. Года. Такое истолкование не исключено, ибо и Год часто изображается в центральной композиции с календарем. Характерным примером может служить карфагенская мозаика с изображением календаря⁶. Месяцы расположены по кругу как зодиакальные знаки, каждый обладает своим атрибутом. Обрамляет этот круг квадрат, в углах которого представлены Времена года. В центре же вместо Гелиоса сидит женская фигура, олицетворяющая Год. Это прямая аллегория Года в отличие от Кабр-Хирам, где центральная композиция представлена целой группой сцен, которые могут быть истолкованы равно как Земля, так и Год.

Центричность, свойственная античным и иудейским календарям здесь явно отсутствует. Календарь в Кабр-Хираме распадается на отдельные части. Зима и весна в одной стороне, лето и осень в другой, а соединяющий их центр существует отдельно от них. Фигуры также не идут вокруг центра, а располагаются по продольной оси храма. Такая утрата прежней целостности встречается еще на мозаике календаря из Аргоса⁷, здесь месяцы идут вдоль пола, так же как и охотничьи сцены, которые могли, как в Кабр-Хираме, олицетворять Землю и Год. «Продольный» календарь также есть в Палестине на мозаике в Бет-Шане⁸, где месяцы

расположены подряд. Обе эти мозаики датируются VI в. Видимо, в христианском искусстве в отличие от античного не соблюдались установленные каноны прежних времен и предпочитали ориентироваться на более свободные решения календарей. Центральная фигура, Гелиос, Земля или Год, либо очень упрощалась, как в Аргосе, либо полностью исчезала, как в Бет-Шане. Важно отметить исключительный случай в Кабр-Хираме, где раздробленность календаря на разные части, с одной стороны, разрушает центричность и целостность самого календаря, а с другой стороны, именно такая композиция и создает некое единство убранства интерьера. Все здесь соединено в неразрывное целое. Такое построение изображения к VI в. явно исчезает. Его появление в подобном виде в Кабр-Хираме, где центрическая композиция сохранена, но в измененной форме, указывает на стремление вернуться к античным образцам или по крайней мере максимально приблизиться к античным прототипам. Мы не раз еще увидим такое стремление в мозаиках Кабр Хирам приблизиться к античному искусству.

Боковые нефы, где находятся погрудные изображения месяцев и времен года, несут определенные указания на символику Времени. Что же представляют собой медальоны с животными и ветрами?

Сохранившийся рисунок утраченной карфагенской мозаики с календарем (IV в.)⁹ передает схематично иерархический распорядок в изображении солнечного года (ил. 13). Вокруг месяцев и времен года в широком бордюре с трех сторон располагаются в ряд звери, представленные анфас. Четвертая сторона, вход, заполнена симметрично стоящими напротив друг друга животными, изображенными в профиль¹⁰. Прямой связи с остальными изображениями у них нет. Число их достигает 24. По мнению А. Грабара, такое число не случайно, ибо предполагается, что эти животные символизируют 24 часа, т. е. сутки¹¹. Подобное предположение можно выдвинуть по отношению и к фигурам животных в медальонах в боковых нефах Кабр-Хирам. Особенно точно этому числу соответствует число изображенных животных в северном нефе. Порядок распределения фигур дает полное основание истолковать шесть пар медальонов на каждой стороне от календаря как двенадцать часов дня и двенадцать часов ночи. Таким образом, изображение животных — это изображение 24 часов.

Южный неф труднее интерпретировать из-за несоответствия в числе, так как число медальонов не совпадает с числом часов (ил. 6—8). С восточной стороны расположены семь парных медальонов (вместо шести); а на противоположной стороне, ближе к входу, восемь пар медальонов. Что же могут тогда представлять эти животные, не только в южном и северном нефах, но и в космологии изображения в целом?

Об этих изображениях и их истолковании еще никто не писал. Если считать, что каждое изображение животных относится к определенному месяцу или времени года, то цельной картины не возникает. Такие изображения, как рыбы (4 пары), фазан или гусь, являются атрибутами сырого времени года, в то время как речь здесь должна идти о весне и лете. В средиземноморском же крае, особенно на Ближнем Востоке, откуда происходит эта мозаика, для летнего сезона характерна полнейшая сухость. Присутствие столь необычных для таких циклов животных, например слона (слон присутствует на полу мартирия в Селевкии¹²), затрудняет

⁴ *Kitzinger E. Byzantine Art in the Making. L., 1977. P. 31. Pl. 57.*

⁵ *Hanfmann J. M. A. A Season Sarcophagus at Dumbarton Oaks. Cambridge (Mass.), 1951. Vol. I. P. 182, 219, 227, 235. Pl. 108.*

⁶ *Cagnat R. Une mosaïque de Carthage représentant les mois et les saisons // Mémoires de la société nationale des Antiquaires de France. 1968. Vol. LVII; Stern H. Calendrier. . . P. 216. Pl. XLII, 1; Grabar A. Quelques observations sur une mosaïque de pavement perdue // Recueil d'hommage à Henri Stern. P., 1982. P. 182—184. Pl. CXIV.*

⁷ *Akestrom-Hougen G. The Calendrier and Hunting Mosaics of the Falkoner in Argos. . . Stockholm, 1974. Здесь парные персонификации месяцев, представленные во весь рост, включены в квадрат.*

⁸ В Эль-Хаммам Бет-Шане персонификации месяцев представлены в одной плоскости во весь рост. Они расположены в два ряда без разделения между собой (*Avi-Yonah M. Mosaic Pavement at El-Hammam Beisan // Quarterly Department of Antiquity in Palestine. 1936. N 5. Pl. XVI, 1).*

⁹ См. примеч. 6.

¹⁰ Здесь мы имеем обыкновенные симметрические изображения.

¹¹ А. Грабар называет этих животных зодиями. См.: *Grabar A. Quelques observations. . . P. 190.*

¹² *Levi D. Antioch Mosaic Pavements. Princeton, 1949. P. 211. Pl. XCVII.*

их истолкование как атрибутов определенного месяца или времени года. Таким образом, вряд ли речь идет о прямой связи с месяцами и их атрибутами. В мозаике Катаны, которая сходна мозаике Кабр-Хирам, каждый месяц, например, представлен его персонификацией в виде погрудного изображения¹³. Он сопровождается в соседнем медальоне своим атрибутом. Так, например, январь связан с фигурой курицы, февраль — с морским пейзажем. Эти изображения имеют более отвлеченную символику, чем часы, или вообще не несут никакого символического смысла, а являются лишь заполнениями остальной части календаря.

В северном нефе изображены одни животные; в южном же, помимо них, есть изображения цветов и плодов: в одном медальоне есть изображение неопределенного цветка, далее изображен дважды гранат, а вместо цветка есть изображение баклажанов. Если предположить, что часы должны быть представлены лишь фауной, то получается шесть пар часов к западу и пять к востоку, что опять не соответствует нужному числу.

В южном нефе в Кабр-Хирам имеется в целом на три ряда медальонов больше, чем в северном (изображений больше на площадь одной травеи), так как мозаика доходит до стены перед боковой южной апсидой, где кончается фигуративная мозаика украшением, в северном нефе же мозаика обрывается перед последним пролетом. Пространство перед северной апсидой покрыто мраморными плитами (*opus sectil*). То, что в северном нефе мозаика не доходит до конца нефа, объясняется тем, что оставшееся пространство имело определенное религиозное назначение. По этому вопросу мнения исследователей расходятся. Н. Дюваль предполагает наличие на этом месте мартирия, потому что это пространство к северо-востоку от главной апсиды имеет самостоятельный характер и близко к капелле, где могли храниться разного рода реликвии¹⁴. П. Донсель-Вут же считает эту часть не мартирием, а сакристией¹⁵. Но они оба не придают значения этой части. Мы знаем из исследований Ж. Лассю христианских храмов в Сирии¹⁶, что там характерно наличие двух капелл по бокам центральной апсиды¹⁷. Южная апсида открывалась в неф большой триумфальной аркой и предназначалась для культа мучеников или для пожертвований мирян. Так как молящиеся, таким образом, могли двигаться до самого предапсидного помещения, то это была либо сакристия, либо мартирий. Северная боковая часть соединялась с нефом дверью. Она не была доступна молящимся. Сюда имели право входить только клирики. Здесь хранилась их культовая одежда и сокровища самой церкви — это был протезис, либо диаконник. Такое литургическое расположение было характерно для северных регионов Сирии с начала V в. Следует отметить, что подобный прием в архитектуре был отнюдь не каноничен и мог нарушаться, включались и другие помещения, а сами помещения мартирия (на юге) и диаконника (на севере) могли поменяться местами либо вообще не включаться в архитектуру храма¹⁸.

¹³ Stern H. Calendrier. . . P. 211. Pl. XXXIX.

¹⁴ Duval N. Notes sur l'église de Kabr-Hiram et ses Installations liturgiques / CA. 1977. Vol. 27. P. 85.

¹⁵ Donceel-Voûte P. Les Pavements des églises anciennes de la Syrie et du Liban. Archéologie et liturgie: Thèse pour le Doctorat. Lettres et sciences humaines. P., 1984. P. 729.

¹⁶ Lassus J. Les sanctuaires chrétiens de Syrie. P., 1956.

¹⁷ По сторонам апсиды имеются две сакристии: одна, закрытая — диаконник, в котором хранятся сокровища церкви и где священники облачаются перед таинством евхаристии; вторая, открытая — протезис, в котором совершаются евхаристические пожертвования. См.: Ibid. P. 163.

¹⁸ Ibid. P. 171; Babić G. Les chapelles annexes des églises byzantines. P., 1965. P. 58—60. Г. Бабич, исходя из анализа источников, пришла к выводу, что диаконником

После подобного необходимого обзора попытаемся установить функцию боковых помещений в Кабр-Хирам. Мозаика южного нефа, до самого предела нефа, свидетельствует о том, что молящиеся имели право доходить до этого места. Трудно согласиться с тем, что южная апсида не имела определенного значения¹⁹, так как мозаика покрывала всю ее площадь. Тот факт уже, что апсида как таковая существует, подтверждает ее культовую функцию. Если все пространство до входа в апсиду было доступно для молящихся, то данное помещение могло быть предназначено либо для сбора пожертвований от мирян, либо здесь хранились реликвии мучеников. Таким образом, юго-восточное помещение служило мартирием.

Оформленное пространство к северу от алтаря, в силу того что в нем нет изображений, могло означать, что сюда вход мирянам был запрещен. Также это помещение не могло служить диаконником, так как оно было открыто в неф и доступно взорам молящихся. Остается одно предположение — помещение служило протезисом.

Так, пользуясь расположением мозаик, мы попытались примерно установить предназначение каждого из двух предапсидных помещений. Обратный процесс, т. е. истолкование изображения мозаик исходя из их культового местонахождения, сложнее. Если в северном нефе число медальонов с животными соответствовало числу часов в сутках, то в южном нефе количество медальонов превышает количество часов. Правоммерно ли тогда утверждать, что изображения в медальонах символизировали часы? Здесь возникает ряд гипотез. Если предположить, что в южном нефу увеличение числа медальонов связано с тем, что плоскость, покрытую мозаиками, надо было удлинить, то мозаичисты могли добавить от себя три пары медальонов, уже не имея в виду их первоначальное значение — то, что это знаки часов.

Можно также предположить, что здесь существует числовая символика — семь пар медальонов вблизи восточной части церкви могли обозначать число дней в неделе. Таким образом, в этой части композиции имеются 14 дней первой половины месяца, или две первые недели месяца. Остальные восемь пар медальонов в другой части композиции могут обозначать вторую половину месяца. Медальоны во второй части композиции повторяются один к одному, за исключением предпоследней пары, которая не имеет своего двойника. Это объясняется тем, что две последние недели повторяют две первых, остаются лишь два последних дня месяца, изображение которых уникально, — это овцы. Таким образом, в изображении имеется 30 медальонов с животными и растениями. Такое толкование достаточно условно. Это лишь попытка истолкования, а не окончательное решение. Но, если данный вывод верен, получается в обоих нефах стройная картина: времена года, месяцы, дни месяцев и часы.

В эту систему органически входят изображения фигур ветров (по два в каждом нефу). По своей иконографии они полностью следуют античным прототипам: на голове имеют по два маленьких крыла, щеки надуты, изо рта выходит ветер как бы в форме конуса. В джель эль-Амад близ Тира, неподалеку от Кабр-Хирам, были найдены изображения аллегорий месяцев на потолке одного надгробия²⁰ (III в.) (гипогей). Четыре персонификации ветров помещаются в четырех углах потолка (центральная

называлось открытое помещение, где миряне совершали пожертвования. Как указывалось выше (см. 72), Лассю полагает, что такое помещение называлось протезисом. Мы предполагаем, что часто одно и то же помещение имело разные названия, вне связи с их литургическим значением.

¹⁹ Мы не согласны с Донсель-Вут, которая считает, что южная апсида не имела определенного назначения. См.: Donceel-Voûte P. Op. cit. P. 730.

²⁰ Le Lasseur D. Mission archéologique a Tyr // Syria. 1922. Vol. III. P. 18. Pl. III.

часть утрачена). Очевидно, эта иконография берет начало от античного погребального искусства. Подобные фигуры есть и на ряде античных саркофагов²¹. Они означали в погребальной традиции божества, помогающие своим дуновением душе умершего подняться на небеса. Прежде чем достигать высшей ступени своего путешествия, душа очищалась от всей скверны плотских грехов с помощью ветров²². Такое представление о путешествующей после смерти душе передалось христианам. Мысль Оригена о воспарении души от земли к атмосфере, а потом от атмосферы к небесам²³ мало чем отличалась от языческих верований о душе. Те, кто сопровождал души у христиан, имели воздушные тела и были посланниками бога, назывались они 'αγγελοι (ангелы). И в Ветхом завете, и в христианской религии до VI в. посланники Яхве были воздушными существами, так как дыхание бога означает непрерывное творение мира. Таким образом, ветры и ангелы объединялись одним понятием — ветры психопневма²⁴.

Изображение четырех ветров на мозаике Кабр-Хирам явно не имело такого эсхатологического значения, ибо пол связан в целом с космологическими обрядами. В античности четыре ветра также выступали вместе со знаками зодиака и имели понятие четырех ветров небес²⁵. В мозаике Кабр-Хирам четыре изображенных ветра служили определителями пространства. Они были указанием на четыре стороны света.

Космологическая картина мира очень полно представлена на мозаичном полу в Кабр-Хирам, космография не ограничена временной метафорой, но в нее активно вторгается категория пространства.

В христианских памятниках изображение ветров сохраняется в искусстве книги. На миниатюре из топографии Козмы Индикоплова, представляющей карту мира (земли), появляются четыре медальона с изображением четырех ветров, дующих в рога²⁶. Сама топография возникла в VI в. в Александрии²⁷. Кроме того, иллюстрации шестого дня сотворения мира в книге Бытия (1143—1152) из серальского Октатевха²⁸ также включают изображения четырех дующих ветров, заключенных в медальоны. Они располагаются по четырем сторонам прямоугольника с изображениями мирных животных в центре композиции (сцена, предшествующая сцене сотворения человека). Окружают этот прямоугольник изображения морских существ, которые олицетворяют океан. Точно такое же изображение имеется в физиологии из Смирны²⁹. Ясно, что все они имеют один

общий прототип, и этим образом является сама Топография. Тем более что все они также иллюстрируют космологическую тему и представляют четыре стороны света. Возникновение этого мотива относится к античному времени, оно перешло в христианство, наполнилось новым смыслом, но сохранило при этом полностью космологическое начало.

Мозаики Кабр-Хирам — это прежде всего изображения, украшающие христианский храм, и календарь здесь служит не просто иллюстрацией Вселенной с ее природными законами (как это считают авторы, толкующие изображения в Кабр-Хирам), а является символом сотворения земли и управления ею богом³⁰.

Образ Вселенной — времени и пространства — воплощается в мозаиках Кабр-Хирам через изображения четырех времен года и четырех ветров, указывающих на четыре стороны света. На мозаике пола представлен чувственный мир, существующий во времени по контрасту с тем миром, который вне времени³¹. Изображение на полу в Кабр-Хирам представляет только часть целого, включающего два мира. Мир небес представлен обычно в мозаиках не пола, а стен и потолка. Пространство и время разделены на две части: время настоящее и время высшее, будущее, а пространство делится на мир здешний и мир высший, мир небес³². Таким образом, настоящее время и здешний мир в раннехристианском искусстве изображались на полу церковей³³. В более поздний период, после иконоборчества, такое разделение уже не будет больше распространенным, а останется лишь изображение небесного царства, которое покрывало своды и стены.

Календарная тематика в Кабр-Хирам в целом почерпнута из языческой античности, что подтверждается не только изображениями времен года и месяцев, но и фигурами ветров. Для всех известных нам мозаик полов раннехристианской поры с подобной календарной символикой образы ветров в Кабр-Хирам уникальны. Языческая традиция изображать календари на мозаиках пола никогда не прерывалась и в христианстве наполняется новой духовностью. Целью изображения становится воплощение христианского макрокосма в храме. Христианский храм, церковь — это прообраз космоса, который создан богом и обладает различными иерархически соподчиненными зонами.

В основе убранства пола церкви в Кабр-Хирам явно лежит тщательно продуманная программа. Более того, этому памятнику присуща тематическая однородность мозаик, соединяющая все помещения храма в единое целое. Наличие такого рода программы — редкое явление для Ближнего Востока. Что же касается тематического единства, то оно уникально среди всех памятников этого региона. Пол в Кабр-Хирам — это целостный мир, своего рода картина космоса. В этом мы усматриваем античные реминисценции. В завершение отметим, что единый стиль, в котором выдержаны мозаики, также характеризуется античным настроением. Однако это уже тема особого исследования.

Bd. II. P. 16; *Der Nersessian S. L'illustration des psautiers grecs du moyen âge. P., 1970. P. 15, 76. Fig. 276.*

³⁰ *Hanfmann J. M. Op. cit. P. 145; Hinks R. Myth and Allegory in Ancient Art. L., 1939. P. 26, 51—54; James E. O. Creation and Cosmogony—A Historical and Comparative Inquiry. Leiden, 1969. P. 81; Boulanger A. Orphée: Rapports de l'orphisme et du christianisme. P., 1925. P. 36.*

³¹ *Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // Античность и Византия. М., 1975. С. 279.*

³² Там же. С. 280.

³³ А. Грабар и Г. Цветкович-Томашевич согласны в том, что космологическая иллюстрация пола состояла из различных сфер. Основные — Земля и Рай. См.: *Грабар А. Sources. . . P. 144; Цветкович-Томашевич Г. Рановизантиски подне мозаики. Белград, 1978.*

²¹ Хорошие иллюстрации подобных памятников см.: *Cumont F. Le symbolisme funéraire des romains. P., 1946. P. 146—176.*

²² *Ibid. P. 110 seq.*

²³ Цит. по: *Cumont F. Op. cit. P. 142.*

²⁴ *Ibid. P. 143. О символике ветра см.: Мифы народов мира. Т. 1. С. 241 (статья «Воздух»).*

²⁵ *Cumont F. Op. cit. P. 153.*

²⁶ *Wolska-Conus W. La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleuste. P., 1962. P. 8. Все три сохранившиеся копии Козмы Индикоплова имеют более или менее сходную композицию. См.: Vatican graecus 699, Laurenziana Pliuteus IX. 28, et Sinai graecus 1186; Huhn C. The Creation of the Cosmos; Genesis Illustrations in the Octateuchs // CA. 1979. Vol. 28. P. 30—31.*

²⁷ *Weitzmann K. Illustrations in Roll and Codex: A Study of Origin and Method of Text Illustrations. Princeton, 1947. P. 143.*

²⁸ Рукопись Сералии находится в Стамбуле и датируется 1143—1152 гг. См.: *Успенский Ф. И. Октатевх серальской библиотеки в Константинополе // Изв. рус. археол. ин-та в Константинополе. 1907. Т. XII. Рис. 18; Dufrenne S. Note sur le mode de travail des miniaturistes byzantins d'après un des cahiers de l'octateuque de Séraïl // Etude de civilisations médiévales (IX—XII s.). Poitiers, 1974. P. 247—253.*

²⁹ *Huhn C. Op. cit. P. 31; Strzygowski J. Der Bilderkreis des griechischen Physiologus nach Handschriften der Bibliothek zu Smyrna // Byzantinisches Archiv. 1899.*

В. Г. ПУЦКО

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ИЛЛЮМИНОВАННОЙ КНИГИ XI в. (Москва. ГИМ. Хлуд. 131 д. и Син. греч. 119)*

Гомилии Иоанна Златоуста на книгу Бытия

Сборник «29 Слов Иоанна Златоуста на книгу Бытия» прежде находился в монастыре св. Дионисия на Афоне, в который книга была подарена вместе с другими рукописями монахом Максимом, о чем свидетельствует запись на л. 384 об.: 'Αφιέρωθη τὸ βιβλίον τοῦτο, ὡς καὶ τὰ λοιπά, ἐν τῇ μονῇ τοῦ κυρ. Διονυσίου, ὑπ' ἐμοῦ τοῦ ἀμαρτωλοῦ Μαξίμου μοναχοῦ διὰ μνημόσυνον τοῦ πατρὸς μου. В Москву привезена в 1654 г. в числе тридцати пяти кодексов, отобранных в книгохранилище афонского монастыря св. Дионисия Арсением Сухановым, помета которого с порядковым номером 6 сохранилась в начале книги¹. Содержание рукописи отражено в описании архимандрита Владимира². Находившийся до 1920 г. в Синодальной библиотеке, этот кодекс (Син. греч. 119 — Влад. 29), относимый прежде к X в., а ныне датируемый XI в., теперь хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Художественное оформление книги не являлось предметом изучения: рукопись лишь упомянута в списке памятников XI в. В. Н. Лазаревым³ и включена в каталог выставки «Искусство Византии в собраниях СССР»⁴.

Сборник гомилий или слов Иоанна Златоуста на книгу Бытия Син. греч. 119 имеет 384 пергаменных листа размером 325×240, заключенных в переплет XVIII в.; защитные листы (1—4, 382—384) происходят из греческой рукописи Евангелия середины X в. Книга без конца. Пергамен довольно плотный; тетради представляют собой кватернионы с правильным наложением сторон; сигнатуры слева внизу, у корешка. Разлиновка с внешней стороны листов. Текст написан в два столбца по 26—27 строк, минускулом, двумя основными почерками. Тексты книги Бытия выделены золотом, а комментарии писаны темно-коричневыми чернилами. Начало каждой гомилии выделено заставками и инициалами эмальерного стиля, причем первые две заставки П-образной формы со вписанными в них, однако, не заглавиями, а тематическими композициями (рис. 5, 6).

В начале 1-й гомилии, на л. 5 слева сверху, помещена почти квадрат-

ная заставка П-образной формы с орнаментальным мотивом вписанных в синие кольца сине-зеленых цветков. На верхних углах — шишки пшеницы, в основании — стилизованные деревца. Наверху изображена золотая фиала с двумя грифонами по сторонам, контурно очерченными темно-коричневой линией. В обрамлении заставки изображение стоящего фронтально в рост Иоанна Златоуста, представленного на фоне алтарной преграды в виде аркады из голубоватого мрамора, легкие арочки которой опираются на тонкие высокие колонны с позолоченными капителями. Центральная арка большего размера и залита темно-коричневой краской; на фоне других арок выделяются светлые завесы, частично закрывающие пространство. Судя по незначительным, случайно уцелевшим остаткам золота, коричневый фон следует рассматривать как основу, на которую была нанесена позолота. Иоанн Златоуст облачен в желтоватый подризник, узкую фиштакково-зеленую епитрахиль с бахромой, темно-вишневую фелонь и белый омофор; у правого бедра едва заметен набедренник (еписанатий). Проповедник стоит на невысоком беломраморном амвоне круглой формы, с орнаментированной тонкой золотой линией боковой стороной. Левая нога Златоуста немного отставлена; правой рукой он благословляет перед грудью, держа в левой кодекс почти квадратной формы. По сторонам маленькие фигурки слушателей, объединенные в две группы. Сейчас различимо лишь изображение мужчины в синей одежде в левой части композиции; о других изображениях только напоминают теперь остатки пигмента синего, зеленого и красного цветов. Ниже библейской цитаты, написанной золотым минускулом в 7 строк, слева остатки полустертого инициала Ε, обычной формы (рис. 5).

На л. 13, в левом столбце, последние строки I гомилии, оставляющие внизу весьма много свободного пространства. В верхней части правого столбца помещена П-образная заставка, во всем подобная первой, кроме деталей и сюжета вписанной в нее композиции (рис. 6). На золотом фоне выделяются кольца с цветками внутри, на верхних углах шишки, в основании — стилизованные деревца: вверху фонтан с двумя куропатками. В этом орнаментальном обрамлении на фоне едва намеченного пейзажа зеленоватого оттенка с выделенными золотой линией деревьями и кустарниками представлен пророк Моисей, получающий Закон. Молодое лицо пророка с крупными чертами обрамлено коричневыми коротко подстриженными волосами. Верхняя часть фигуры и простертые вперед руки окутаны красного цвета гиматием, одетым поверх зеленого хитона, изпод которого видны ступни босых ног. Справа вверху Десница Божия, вручающая Моисею скрижали Завета. К заставке вплотную примыкают три строки золотого минускула, а еще ниже, за пределами столбца слева, инициал Π, трактованный как изображение двух поднятых рук, держащих двух синих перекрещивающихся змей.

Описывая выполненный в X в. лицевой кодекс гомилий Иоанна Златоуста, принадлежащий Национальной библиотеке в Афинах (№ 211), А. Н. Грабар отмечал исключительную редкость иллюстрированных сборников этого содержания, как и сочинений названного византийского писателя вообще⁵. И хотя сейчас выявлены оставшиеся ранее неизвестными списки сочинений Иоанна Златоуста⁶, нельзя сказать, что положение заметно изменилось в отношении выявления циклов иллюстраций: афинский кодекс продолжает оставаться уникальным. Строго говоря, трудно трактовать в качестве иллюстративных и описываемые композиции ру-

* Окончание. Начало в томе 52. Там же см. иллюстрации.

¹ Белокуров С. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 391.

² Владимир, архимандрит. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1894. Ч. 1, № 29. С. 32—34.

³ Lazarev V. Storia della pittura bizantina. Torino, 1967. P. 250, 476.

⁴ Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Вып. 2, № 501. С. 48—49.

⁵ Grabar A. Miniatures gréco-orientales // L'art de la fin de l'antiquité et du moyen âge. P., 1968. Vol. 2. P. 804.

⁶ См.: Codices Chrysostomici graeci. P., 1968. T. 1—2 // Documents, études et répertoires publiés par l'Institut de recherches et d'histoire des textes, XIII—XIV.

копии Син. греч. 119, которые больше напоминают выходные миниатюры. Существует очень немногие византийские кодексы сочинений Иоанна Златоуста, украшенных лишь его портретными изображениями. Самым ранним среди них является датируемый началом X в., в той же Национальной библиотеке в Афинах (№ 210): на одном развороте (л. 93 об.—94) там представлены фронтально стоящие Златоуст и апостол Павел⁷. Подобная же фронтальная фигура в рост Иоанна Златоуста нарисована пером в начале (л. 6 об.) сборника его последних 46 гомилий на Евангелие от Матфея, первой половины XI в., из Лавры св. Афанасия на Афоне (Москва. ГИМ. Син. греч. 76)⁸. Эта рукопись со всеми признаками константинопольского происхождения. Во второй половине XI в. из стен императорского скриптория византийской столицы вышло две роскошные рукописи, на выходных миниатюрах которых изображены Иоанн Златоуст как автор книг и члены императорской семьи — как заказчики и владельцы. Это сборник гомилий на Евангелие от Матфея в монастыре св. Екатерины на Синае (№ 364), датируемый временем около 1050 г. на одном развороте представлены евангелист Матфей с Иоанном Златоустом и император Константин IX Мономах с женой Зоей и ее сестрой Феодорой (л. 2 об.—3)⁹. Второй кодекс, датируемый 1078 г. (с портретными изображениями Михаила VII Дуки, переделанными на портреты Никифора III Вотаниата), хранится в Национальной библиотеке в Париже (Coisl. 79); император помещен, в частности, между Иоанном Златоустом и архангелом Михаилом (л. 2 об.)¹⁰. Для авторского портрета Златоуста в византийском книжном искусстве так и не была выработана определенная иконографическая схема: так, на страницах астрономическо-математического сборника XIII в. Амброзианской библиотеки в Милане (A. 4 Sup.) Иоанн представлен в рост, в трехчетвертном повороте (л. 53 об.)¹¹, а в сборнике XIV в., содержащем гомилии на Послание Павла к римлянам, в той же библиотеке (A. 172. Sup.), находится многофигурная композиция Учения Иоанна Златоуста (л. 263 об.)¹². Иконография этого выдающегося проповедника в целом оказывается довольно стабильной, хотя претерпевает несколько иконописную переработку¹³.

Изображение автора в епископском облачении, в окружении слушателей более характерно для иконографии Григория Назианзина (Богослова) литургические гомилии которого византийские художники иллюстрировали особенно охотно в послееконоборческий период¹⁴. Правда, можно считать лишь относительной аналогией для композиции заставки в Син. греч. 119 (рис. 5) миниатюру рукописи XI в. Национальной библиотеки в Париже (Coisl. 239), на которой Григорий Назианзин изображен сидящим на епископской кафедре, на фоне алтарной преграды, среди толпы стоящих возле нее духовных лиц — слушателей проповедника (л. 3 об.)¹⁵.

⁷ Byzantine Art and European Art. Athens, 1964. N 349. P. 336.

⁸ Владимир, архимандрит. Указ. соч. № 67. С. 64—65.

⁹ Weitzmann K. Illustrated Manuscripts at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Collegeville, 1973. P. 15—16. Fig. 18—19.

¹⁰ Spitharakis I. The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts. Leiden, 1976. P. 107—118. Fig. 69—76.

¹¹ Gengaro M. L., Leoni F., Villa G. Codici decorati e miniati dell'Ambrosiana. Ebraico e greci. Milano, 1957. N 30. P. 188. Tav. LXVI.

¹² Ibid. N 66. P. 152—153. Tav. LIII.

¹³ Walter J. The Iconography of St. John Chrysostom // Chrysostom. 1962. N 10. P. 3—6; Demus O. Two Palaeologan Icons in the Dumbarton Oaks Collection // DOP. 1960. Vol. 14. P. 110—119.

¹⁴ Galavaris G. The Illustrations of the Liturgical Homilies of Gregory Nazianzenus. Princeton, 1969 (Studies in Manuscript Illumination, 6).

¹⁵ Ibid. P. 246—248. Fig. 234.

Тем не менее, в сущности, это та же схема, отличающаяся лишь иной интерпретацией. Поскольку принципы оформления указанного парижского кодекса, как и стиль орнаментики, а также письмо, достаточно близки Син. греч. 119, отмеченное сходство не кажется случайным.

Композиция второй заставки описываемой рукописи с изображением пророка Моисея на л. 13 (рис. 6) находит значительно больше иконографических аналогий, поскольку эта тема активно разрабатывалась византийскими миниатюристами в качестве составной части фронтисписного разворота, предполагавшего еще образ Христа во славе. Такими фронтисписами украшены рукописи Четвероевангелия, выполненные в XII—XIII вв.¹⁶ В некоторых случаях могло быть, по-видимому, и только это изображение Моисея, иконографически сходное с темой стенописей и станковых произведений¹⁷. Включение образа пророка, получающего Закон, в состав заглавной заставки гомилии Иоанна Златоуста на книгу Бытия является закономерным, поскольку эта композиция служит эмблемой всего Ветхого завета. Сочетание изображений произносящего проповедь в храме перед алтарем константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста (398—404) и автора книги Бытия пророка Моисея было наиболее уместным для миниатюр фронтисписа. По-видимому, именно таковым было происхождение моделей, перенесенных иллюминатором рукописи Син. греч. 119 в заставки, что соответствовало моде, входившей в практику византийских столичных скрипториев третьей четверти XI в.

Происхождение типа заставки-миниатюры связано с греко-восточным книжным искусством X в.¹⁸, но в Константинополе этот элемент книжного декора, выполняющий функцию иллюстрации либо портрета автора, получает распространение с середины XI в.: одним из самых ранних примеров может служить роскошное Евангелие в монастыре св. Дионисия на Афоне (№ 587), датируемое 1059 г.¹⁹ Этот кодекс косвенно указывает на причастность к такому нововведению императорского скриптория. Из украшенных подобными заставками-миниатюрами следует назвать такие хранящиеся в Москве датированные рукописи, как Минологий, 1063 г., в Гос. Историческом музее (Син. греч. 9)²⁰, и Апостол с Апокалипсисом, 1072 г., в университетской библиотеке (греч. 2/2280)²¹, а также принадлежащий Британскому музею в Лондоне, датированный 1088 г., лицевой список литургических гомилий Григория Назианзина (Cod. Add. 24381)²². Форма заставочной миниатюры была выработана на основе использования типа заставки-каре. Но, судя по кодексу рубежа XI—XII вв. в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде (Canon. gr. 103), была сделана попытка приспособить также заставку П-образной формы, заполнив ее концы фигурами иллюстрации либо расположив изображения и в верх-

¹⁶ Galavaris G. The Illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels // Byzantina Vindobonensia, 1979. T. 11. P. 124—127. Fig. 98—101; Nelson R. S. The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book. N. Y., 1980. P. 55—73. Fig. 46—47.

¹⁷ Kitzinger E. Byzantine Art in the Making. Cambridge (Mass.), 1977. P. 82. Fig. 154; Sotiriou G. et M. Icones du mont Sinai. T. Athènes, 1956. Fig. 75, 160—161.

¹⁸ См.: Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. B., 1935. S. 6—7, 18—19, 21, 68, 75. Abb. 28, 116, 141, 448—450, 508—510; Grabar A. Les manuscrits grecs enluminés de provenance italienne (IX—XIe siècles). P., 1972 (Bibliothèque de Cahiers Archéologiques, VIII).

¹⁹ Pelekanides S. M., Christou P. C. et al. The Treasures of Mount Athos: Illuminated Manuscripts. Athens, 1973. Vol. 1. P. 434—446. Fig. 189—277.

²⁰ Лухачева В. Д. Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977. Табл. 11—14.

²¹ Там же. Табл. 18, 20. Подробно оформление этого кодекса рассмотрено в работе: Пущко В. Иллюстрации константинопольской рукописи Апостола 1072 г. (в печати).

²² Galavaris G. The Illustrations of the Liturgical Homilies. P. 227. Fig. 94—96.

ней горизонтальной части²³. При этом общая форма заставки не нарушалась, тогда как в рукописи Син. греч. 119 в первую очередь воспринимается сюжетная композиция, обрамление которой производит впечатление незаконченности, обычно свойственной всякому эксперименту. Таким образом, выделяющиеся своей оригинальностью заставочные миниатюры вводят оформление кодекса в круг определенных художественных явлений. Однако они не позволяют пока уточнить ни дату изготовления рукописи, ни тем более связь с конкретным скрипторием. Впрочем, аналогичный прием соединения миниатюры с П-образной заставкой встречается также на страницах хранящегося в Москве Минология этого же периода (ГИМ. Син. греч. 175), переписанного похожим почерком и иллюминированного в сходной манере.

Все остальные заставки кодекса Син. греч. 119, эмальерного стиля, с орнаментальными мотивами. Отмечая начало каждой из гомилий, они располагаются в рукописи в следующем порядке:

Л. 22. Гомилия 3. Слева сверху ленточная заставка с тремя кольцами, чередующимися с цветками. Инициал Ё.

Л. 32 об. Гомилия 4. Справа внизу ленточная заставка с пятью цветками в кольцах. Инициал О.

Л. 45 об. Гомилия 5. Слева внизу ленточная заставка с мотивом вписанных в квадратные деления красно-синих крестоцветов. Инициал Ф крупный, на высокой ножке, по форме напоминающий кувшин.

Л. 55 об. Гомилия 6. Слева сверху ленточная заставка с тремя цветками в кольцах. Инициал В.

Л. 67. Гомилия 7. Слева сверху ленточная заставка с мотивом трех колец с цветками, соединенных большими красными четырехлепестковыми розетками. Инициал І (рис. 7).

Л. 78 об. Гомилия 8. Справа сверху ленточная заставка с мотивом трех колец с цветками. Инициал Ф с изображением двух птиц, пьющих из источника.

На л. 85 примитивный рисунок на полях.

Л. 88. Гомилия 9. Слева сверху ленточная заставка с мотивом трех колец с цветками, соединенных сине-зелеными трилистниками. Инициал О в виде дракона, пожирающего птицу (рис. 8).

Л. 96. Гомилия 10. Справа внизу ленточная заставка с мотивом очерченной синим контуром узкой полоски, с простым киноварным обрамлением. Инициал Е.

Л. 109 об. Гомилия 11. Слева внизу ленточная заставка с мотивом трех колец с цветками, соединенных широко распластанными кринами. Инициал О в виде картуша.

Л. 120 об. Гомилия 12. Слева внизу ленточная заставка, в которой шесть раз повторяются сине-зеленые цветки, верхушками к середине. Инициал Ф.

Л. 130. Гомилия 13. Справа внизу ленточная заставка с мотивом синих розеток-крестоцветов. Инициал О.

Л. 139. Гомилия 14. Справа сверху ленточная заставка с мотивом трех дуговидных арок с вписанными в них парами трилистников; между арочками широко распластанные крины. Инициал П.

Л. 150. Гомилия 15. Слева внизу ленточная заставка с мотивом четырех колец с цветками (средние соприкасаются). Инициал П справа внизу, с изображением грозди винограда на стеблях.

Л. 161. Гомилия 16. Справа внизу широкая ленточная заставка с мотивом трех колец с цветками. Инициал В.

Л. 179. Гомилия 20²⁴. Справа внизу ленточная заставка с мотивом заключенной в узкое золотое обрамление такой же полоски на фоне волнистой синей «веревки». Инициал Ф.

Л. 191 об. Гомилия 21. Справа внизу ленточная заставка с мотивом пяти колец с цветками, соединенных спаренными красными лепестками. Инициал П.

Л. 206. Гомилия 22. В средней части правого столбца ленточная заставка, аналогичная помещенной на л. 179. Инициал Т.

Л. 222. Гомилия 23. Справа в верхней части ленточная заставка с мотивом пяти колец с цветками. Инициал Е с острым основанием.

Л. 236 об. Гомилия 24. Слева сверху ленточная заставка с мотивом трех колец с цветками, соединенных широко распластанными спаренными кринами. Инициал О.

Л. 254. Гомилия 25. Слева сверху ленточная заставка, аналогичная помещенным на л. 179 и 206. Инициал Т.

Л. 271 об. Гомилия 26. Слева сверху ленточная заставка с мотивом дугообразных низких арок с вписанными в них парами листков плюща; между арочками широко распластанные крины, а под ними свисающие синие трилистники. Инициал М.

Л. 283 об. Гомилия 27. Слева сверху ленточная заставка с мотивом чередующихся колец и розетт, состоящих из четырех трилистников. Инициал Е крупный, с остроконечным основанием.

Л. 304 об. Гомилия 28. Слева сверху ленточная заставка с мотивом трех колец с розетками, соединенных стеблем. Инициал Т, выполненный яркими насыщенными красками, при обычной расцветке.

Л. 317. Гомилия 29. Справа внизу ленточная заставка с мотивом цветков, обращенных верхушками к середине; в центре почка. Инициал П.

Л. 336 об. Гомилия 30. Слева в средней части столбца ленточная заставка с мотивом трех колец с сине-зелеными цветками, соединенных кринами. Инициал І.

Л. 353 об. Гомилия 31. Слева внизу ленточная заставка с мотивом трех колец с цветками, соединенных сине-зелеными кринами. Инициал П в верхней части правого столбца.

Л. 365. Гомилия 32. Справа сверху ленточная заставка с пятью розетками, подобная помещенной на л. 45 об. Инициал П.

Все перечисленные ленточные заставки рукописи Син. греч. 119 выполнены в сине-красно-зеленой гамме, с пробелами и с введением блестящего золотого фона, благодаря чему достигнуто сходство с византийскими перегородчатыми эмалями. При недостаточно разработанной терминологии в определении мелких элементов растительных узоров, варьируемых до бесконечности иллюминаторами греческой книги, наиболее целесообразным является выделение основных орнаментальных схем, характеризующих каждую заставку в отдельности, что в итоге позволяет судить о преобладании определенных мотивов. В этом московском кодексе наиболее часто встречается мотив трех синих колец, образованных растительным стеблем, с цветками в середине; элементы, соединяющие кольца, представлены различными вариантами, с использованием флоры. Поскольку каждый орнаментальный мотив в отдельности в общей схеме занимает такое же место, как лигатура в строке, — вряд ли имеет смысл придавать ему решающее значение.

Каталогизация мотивов растительного узора сама по себе может иметь отвлекающий характер, но вряд ли способна дать ключ к пониманию при-

²³ Ibid. P. 232—233. Fig. 275—286.

²⁴ Гомилии 17—19 отсутствуют.

ципов создания орнаментального оформления в целом. В их основе лежит прежде всего архитектоника книжного разворота, достаточно определенно проявляющаяся в соотношении текста и белого поля, в пропорциональном отношении к столбцам текста заставок, в размерах и размещении инициалов, стилистически обычно согласованных с заставками. Иначе говоря, орнаментика существует и живет исключительно благодаря своей функциональной роли в организации текста книги, а не простому украшению страниц. Яркие и нарядные, заставки останавливают взгляд читателя на начале каждой очередной гомилии, как и выделенный золотым минускулом текст, гораздо определеннее, чем это могло быть достигнуто при помощи обычных пропусков нескольких строк, отделяющих объединенные в сборнике произведения. Инициал указывает на начало комментария. Указанная система декора присуща широкому кругу иллиуминированных рукописей, вышедших из стен константинопольских скрипториев второй половины XI в. Но отнюдь не она, а кодикологические признаки книги способны ввести ее в более узкий и ограниченный круг памятников.

Сборник гомилий Иоанна Златоуста Син. греч. 119 можно было бы отнести к той «массовой» продукции византийских книгописных мастерских XI—XII вв., которая все еще продолжает представляться однообразной и безликой. В действительности все обстоит не настолько безнадежно, и критерии определения уровня художественного оформления рукописи приходится пересматривать по мере углубления в материал. Такие элементы функционального декора, как две заставочные миниатюры Син. греч. 119, конечно, больше притягивают к себе внимание, поскольку позволяют отчетливее увидеть связь с определенными художественными явлениями. Причем явлениями более конкретного характера. Система художественного оформления в целом порождена не столько усилиями отдельных каллиграфов и иллиуминаторов, сколько эпохой, вызвавшей в византийском обществе интерес к определенным книгам, стимулировавшей развитие их декоративного убранства.

Как известно, вторая половина XI в. характеризуется интенсивным развитием книжной иллюстрации²⁵. Иллиуминация, представленная исключительно орнаментальными композициями, носила более широкий и массовый характер, и только то обстоятельство, что классифицировать ее образцы значительно труднее, чем сюжетные изображения, все еще заставляет смотреть на огромное число кодексов как на второстепенные памятники книжного искусства Византии. Художественно оформленные сборники произведений Иоанна Златоуста в будущем должны послужить темой большого специального исследования, и тогда сделаются очевидными серии, объединяющие многочисленные кодексы, рассеянные ныне по книгохранилищам различных стран.

Сопоставив общий характер иллиуминации рукописи Син. греч. 119, а также систему оформления с датированными образцами, следует отнести ее к книжной продукции Константинополя третьей четверти XI в., считая наиболее вероятным временем выполнения 1070-е годы. Именно в этот период в византийской столице, в императорском скриптории, изготовлены роскошные лицевые списки произведений Иоанна Златоуста, столь хорошо известные в литературе. Московский кодекс Син. греч. 119, судя по всему, мыслился в качестве первого тома собрания гомилий этого автора, и его, возможно, тоже первоначально украшала выходная миниа-

тюра с портретом заказчика, может быть, выражающего свое почтение к Златоусту в такой же форме как и лицо, отождествленное нами с Евфимием Зигавином, в рукописи Син. греч. 220 (л. 3 об.)²⁶. Думается, что описанная книга гомилий Иоанна Златоуста как произведение книжного искусства представляет если и не совсем исключительное явление, то, во всяком случае, входит в число лучших памятников классической эпохи культуры Византии.

²⁵ См.: Weitzmann K. Byzantine Miniature and Icon Painting in the Eleventh Century // Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination. Chicago; L., 1971. P. 271—301.

²⁶ Луцко В. Г. Византийские иллиуминированные рукописи Чикаго-Карахиссарской группы в Москве (ГИМ. Син. греч. 387 и 220; Муз. 3646) // ВВ. 1984. Т. 45. С. 174—175, рис. 4.

Т. Г. ТИМАШКОВА

ИКОНКИ-ЛИТИКИ ИЗ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Исследование иконок-литиков, редких произведений искусств из Одесского музея, имеет целью ввести в оборот памятники, которые до сих пор не получили освещения в литературе. Малочисленная группа средневекового прикладного искусства пополняется еще двумя ранее неизвестными иконками-литиками. Публикация этой части музейной коллекции важна для выяснения ее роли в древнерусской пластике после принятия христианства.

В X—XI вв. в Византии процветает древнейшее искусство миниатюрной резьбы по драгоценным и полудрагоценным камням, так называемые камен, которые служили украшениями в виде нагрудных иконок в мужском и женском ожерелье, панегиями для духовных лиц, в окладах чудотворных икон и священных книг. Эти миниатюрные образки высотой от 2 до 6 см оправляли в серебро и золото. В то же время изготовлялись из стеклянной массы удешевленные подражания, так называемые иконки-литики. На них преобладали изображения святых помощников, врачей-целителей, охранителей от демонических козней, мора и стихийных бедствий, военных и дорожных опасностей, патрональных святых, соименных заказчику или членам его семьи¹. Принесенные паломниками на Русь, они находились в монастырях и храмах, у светской и духовной знати, у зажиточных горожан, безымянные литики поступали в музеи и частные собрания.

Среди исследователей иконок наибольший вклад в изучение этой проблемы внес немецкий искусствовед Г. Вентцель, который в 1959 г. опубликовал каталог средневековых стеклянных иконок-литиков. В 1963 г., собрав сведения о 171 литике, он дополнил его новой работой, в которой рассматривал их как знаки паломников и большую часть их датировал XIII в. После этих публикаций список литиков пополнился пятью экземплярами, изданными М. Викерсом из Оксфорда. Все они за исключением прямоугольной иконки с изображением Михаила овальные и повторяли формы литиков, известные по каталогу Г. Вентцеля. В Болгарии в 1974 г. была найдена иконка с поясным изображением Софии².

По данным Г. Вентцеля, на территории СССР насчитывалось 16 литиков. За последние годы сведения о стеклянных иконках в нашей стране пополнились еще шестью экземплярами. Из них сообщения о пяти собраны

Ф. Д. Гуревич³ (сцена Рождества из Новогрудка Гродненской области, Богоматери с младенцем из Сарая, двух иконок с Распятием и св. Софией из Государственного Русского музея), шестая — происходит из раскопок древнерусского города Серенска Калужской области, с изображением Федора Стратилата на коне, опубликованная Т. Н. Никольской⁴. Они хранятся в Государственном Русском музее, в Эрмитаже в Петербурге, в Троице-Сергиевой лавре, в музеях Новгорода, Киева, Тбилиси, серенская — в Музее Московского Кремля. Всего известных в СНГ на настоящий момент издано 22 иконки. Место находки большинства литиков неизвестно. Только три найдены в результате археологических раскопок (в Новогрудке, Сарая и Серенске).

Существует несколько мнений относительно центра изготовления средневековых иконок. Часть исследователей считают, что они изготовлялись в Константинополе. Наиболее последовательными сторонниками византийского происхождения литиков являются М. Росс, Г. Кузманов, В. П. Даркевич и Ф. Д. Гуревич. Другая группа исследователей, О. Дальтон, П. А. Флоренский, Г. Вентцель, А. В. Банк, рассматривает иконки как продукцию западных мастеров. Г. Вентцель приходит к выводу о том, что только очень небольшое количество литиков изготовлено в византийских мастерских, вся же основная масса стеклянных иконок западного, венецианского происхождения⁵.

На двух одесских иконках изображена поясная фигура святого Дмитрия. Большая по размеру иконка (3×2,4 см) происходит из Судака (инв. № 49440) и поступила в музей Общества истории и древностей от И. У. Паскевича в 1867 г.⁶ Она овальной формы, выполнена из темно-красного стекла с ярко-красным оттенком в центре. Поясная фигура св. Дмитрия представлена в четком рельефе в броне, с поясом на талии и в плаще. Голова окружена нимбом из кружков. Чрезвычайно выпукло и реалистично выполнены детали лица, волосы, одежда, вооружение и греческие буквы. В правой руке он диагонально держит копьё, в левой — маленький круглый щит с крестом посередине. По сторонам — надпись: «Ο ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ», т. е. «святой Дмитрий» (Рис. 1, 1). Можно предположить, что данная иконка была изготовлена не мастерами Судака, а попала в этот город в качестве импорта.

Находка вышеописанной стеклянной иконки в Судаке не решает вопроса о центре производства литиков, так как в нем с VI—XIII вв. были византийские греки и венецианцы. Крымский полуостров от Херсонеса до Босфора до XII в. был под властью Византии. Греки активно воздвигали множество церквей и монастырей, способствуя христианизации местного населения. После разгрома крестоносцами Константинополя их союзница Венеция получила право торговли и колонизации в Причерноморье. О торговле венецианцев с Судаком сообщает документ, зафиксировавший торговую сделку с венецианскими купцами в 1206 г. о чем сообщает и Марко Поло. Во второй половине XIII в. Византия восстановила свое влияние в черноморской торговле, роль Судака в ней возросла, о чем сообщает Гильом Рубрук, посетивший Судак в 1253 г. Учитывая такую историческую обстановку, можно предположить, что рассматриваемый литик мог поступить как из Венеции, так и из Византии, подтверждая тем самым тесные экономические, политические и культурные связи городов южной Тавриды со средиземноморскими странами в XII—XIII вв.

¹ Даркевич В. П. Прикладное искусство // Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 548.

² Гуревич Ф. Д. Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // ВВ. 1982. Т. 43. С. 178.

³ Гуревич Ф. Д. Указ. соч. С. 179.

⁴ Никольская Т. Н. Редкая находка из Серенска // Древности славян и Руси. М., 1987. С. 45, 46.

⁵ Гуревич Ф. Д. Указ. соч. С. 180.

⁶ ЗООИД. Одесса, 1867. С. 8.

Место находки меньшей по размеру ($2 \times 2,5$ см) иконки (инв. № 49439), поступившей в музей Общества от А. Л. Бертье-Делагарда в 1906 г.⁷, неизвестно (Рис. 1, 2). Она имеет овальную форму, нижний правый край отбит. Сюжет и композиция ее аналогичны предыдущей иконке, но рельеф лица Димитрия, нимба, брони и щита сняты, возможно, при отливке. По сторонам — греческая надпись: «Ο ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ». По исполнению, резко отличающемуся от предыдущего литика, по иному, терракотовому цвету и размеру можно предположить, что они изготовлялись в разных центрах. Это наводит на мысль о том, что, возможно, этот литик является результатом местного производства и некачественным подражанием привозным экземплярам.

Наиболее близкой аналогией одесским литикам является стеклянная иконка из Музея искусств и ремесел в Гамбурге, приобретенная у немецких антикваров в 1960 г., с поясным изображением св. Димитрия. Она овальная и выполнена из темно-красного стекла. Г. Вентцель, включая ее в свой каталог, отнес к группе венецианских стеклянных камей XIII в.⁸ Эта же иконка была издана В. П. Даркевичем и определена как византийская XII—XIII вв.⁹ В своей последней работе он предположил, что иконки-литики изготовлялись как в византийских, так и в венецианских мастерских¹⁰. Следует отметить, что больший музейный литик по материалу, форме, сюжету, композиции и мельчайшим деталям совершенно идентичен с иконкой из Гамбурга и очевидно, что эти два произведения были изготовлены в одной литейной форме¹¹.

Ранее неизвестные одесские иконки пополняют количество известных у нас литиков еще двумя, увеличивая их число до двадцати четырех.

Впервые публикуемые, с единственным в нашей стране погрудным изображением святого Димитрия, они являются уникальными памятниками средневекового искусства XII—XIII вв. и представляют несомненный интерес для исследователей.

ПУБЛИКАЦИИ

ИСК БРАТА ГЕОРГИЯ: НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГЕНУЭЗСКОЙ СУДЕБНОЙ КУРИИ В ТРАПЕЗУНДЕ

Вступ. ст., и публ. С. П. Карпова

Генуэзская фактория в Трапезунде, столице империи Великих Комнинов, была в конце XIII—XV в. одной из наиболее крупных в Причерноморье¹. Однако даже в таком богатейшем собрании средневековых документов, как Генуэзский архив, публичные или частные акты, составленные непосредственно в Трапезунде или других городах Южного Причерноморья, — большая редкость. Нам неизвестны документы официального делопроизводства генуэзской фактории в Трапезунде, книги финансовой отчетности, подобные знаменитым массариям Каффы, Перы и Фамугусты. Тем важнее представляется находка выписки из «книги петиций, свидетельских показаний и иных дел» (*de foliatio petitionum, testium et aliorum diversorum negotiorum*) генуэзской судебной курии в Трапезунде в XV в.

Выписка из «книги петиций» была обнаружена нами в бумажной рукописи XV в. Генуэзского государственного архива, содержащей копии документов и завещаний разного происхождения². Выписка была сделана по заказу католического монаха, брата Георгия из Симиссо, викария церкви св. Франциска Ассизского в Трапезунде, который вчинил иск наследникам знатного генуэзского купца Анфреоно Спинола ди Лукулло. Копия документов содержит следующие тексты: петицию брата Георгия, поданную генуэзскому консулу в Трапезунде 1 сентября 1444 г.; акт о принятии иска к производству и предписание консула писцу курии вызвать свидетелей; акт оповещения и присяги свидетелей, совершенные в тот же день; свидетельские показания, данные 2 сентября 1444 г., и, наконец, помета нотариуса Антонио ди Регоредзо об изготовлении копии этих судебных документов 15 мая 1445 г. В «досье» нет никакой информации о приговоре консула или решении курии; видимо, процесс не завершился в Трапезунде в течение 8,5 месяца и брат Георгий пожелал продолжить его в Генуе, запасшись необходимой документацией.

Публикуемые ниже документы дают возможность яснее представить жизнь, способ мышления и поведения генуэзских колонистов в далеких факториях Причерноморья, их повседневные отношения с местными гре-

⁷ ЗООИД. Одесса, 1906. С. 35.

⁸ *Wentzel H. Zu dem Encolpion mit dem Hl. Demetrios in Hamburg // Sonderruck aus dem Jahrbuch der Hamburger Kunstsammlungen. Hamburg, 1963. Bd. 8. S. 11.*

⁹ *Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975. С. 291 (илл. № 418).*

¹⁰ *Он же. Прикладное искусство... С. 549.*

¹¹ Спектральный анализ одесских литиков не производился.

¹ См.: *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1886. T. 2; Balard M. La Romanie Génoise (XIIe—début du XVe siècle). Genova; Roma, 1978. T. 1. P. 134—138; Pistarino G. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 60—62, 71—73; Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981; Он же. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990.*

² *Archivio di Stato di Genova. Sezione Manoscritti. Ms 105. f. 105—108. Выражаю искреннюю признательность д-ру Дж. Ольджати (Генуя) за указание этой и других рукописей архива, содержащих материалы по истории левантской торговли.*

ческим населением, функционирование колониальной администрации и роль католической церкви, систему денежного обращения и возможную стоимость жизни в Трапезунде во второй четверти XV в. Благодаря этим документам устанавливается имя неизвестного доньяне генуэзского консула в Трапезунде, Андриоло Дориа, управлявшего факторией в 1444 г.³ Примечательно, что именно род Дориа имел прочные и давние связи с Трапезундом, экономические интересы на Понте, равно как и в Крыму⁴.

История, отраженная в документах, началась еще в 1426 г. Гражданин Генуи купец Анфреоно Спинола ди Лукулло, торговавший в Трапезунде, пожелал возвратиться на родину. Было, однако, «небольшое» препятствие: его служанка ждала от него ребенка. Видимо, это была местная жительница, гречанка: ее родители жили в Трапезунде и имели там собственный дом вне территории итальянских факторий. Спинола не собирался брать женщину с собой в Геную. И не только тяготы предстоящего пути и долгое плавание были тому причиной. Спинола заявил о своей готовности забрать ребенка, когда он подрастет (и только его, без матери!) в Геную, если это будет мальчик. В случае же, если родится девочка, ее надлежало воспитать и выдать замуж в Трапезунде за лицо, равное ей по социальному положению. Опеку над ребенком и временное содержание своей бывшей служанки Спинола доверил францисканскому священнику, викарию католической церкви в Трапезунде, брату Георгию из Симиссо.

Судя по имени, этот человек уже долго проживал на Понте. В Симиссо (Амисе), где были генуэзский замок и фактория, действовали католический епископат и францисканский монастырь⁵. Перемещение из Симиссо в Трапезунд для священника-францисканца дело неудивительное: между городами была тесная связь, в Трапезунде была одна из трех кустодий францисканского Восточного Викариата⁶, действовало несколько католических храмов. До сих пор было известно посвящение лишь трех из них: св. Маргариты, св. Елевтерия и, возможно, св. Креста⁷. Публикуемые документы позволяют добавить к ним еще и миноритскую церковь св. Франциска.

После рождения ребенка (оказалось, что это была девочка) брат Георгий содержал его вместе с матерью в течение 14 месяцев в доме своей сестры. Затем служанка Спинолы возвратилась в дом своих родителей, а девочка воспитывалась священником, который через 17 лет выдал ее замуж в соответствии с пожеланиями отца. Брат Георгий утверждал, что опека и приданое обошлись ему в 250 золотых турецких дукатов, которые не были возмещены умершим к 1444 г. Спинолой. Священник возбудил иск против его наследников, желая получить названную сумму.

250 турецких дукатов были значительным капиталом. В 1437 г. в Трапезунде турецкие дукаты продавали по 80 трапезундских аспров за

штуку⁸. Точных данных о курсе, существовавшем в 1444 г., у нас нет. 250 турецких дукатов составляли примерно около 20 тыс. трапезундских серебряных аспров, основной монеты, обращавшейся в империи Великих Комнинов. Золотые монеты, как известно, не чеканились в Трапезундской империи, как и в Византии в тот период. Поэтому большие суммы исчисляли в золотых дукатах — венецианских и турецких, обращавшихся в регионе.

Брат Георгий в своей петиции указывал, что его траты включали расходы на одежду и питание (*de victu et vestitu*) и на приданое девушки. В Латинской Романии существовал обычай, по которому итальянские хозяева давали приданое своим греческим служанкам, когда те выходили замуж. Но обычно эти суммы не были велики: 600—800 аспров Каффы (равные 375—500 трапезундским аспрам) в 1289—1290 гг. или 1675 трапезундских аспров в 1412 г.⁹ Социальный статус незаконной дочери Спинолы не был высоким и не слишком отличался от положения служанок. В петиции подчеркнуто, что девушку венчали *in loco convenienti ad ipsius puellae qualitatem*. Не присущее благородным людям достоинство, *dignitas*, а простое «качество», *qualitas*, определяло место девушки в обществе. Возможно, брат Георгий завывил сумму иска. Кроме того, он не упомянул о частичной уплате 10 000 трапезундских аспров, произведенной Анфреоно Спинолой при посредничестве Джорджо ди Кварто, *burgensis* Перы, и Джованни ди Кукурно, *burgensis* Трапезунда, свидетеля обвинения.

По вопросу о статусе *burgenses* существует большая специальная литература¹⁰. В наших документах упоминание о том, что свидетели являются *burgenses Trapezundarum*, явно связано лишь с их постоянным проживанием в замке генуэзской фактории, Леонтокастроне, где и были составлены акты.

Еще один интересный штрих: генуэзские купцы в Трапезунде плохо знали или не знали вовсе латинский язык, так как нотариус курии должен был читать и переводить свидетелям, Пьетро ди Путео и Джованни ди Кукурно, текст иска брата Георгия.

Представители генуэзских семейств Кукурно и Путео хорошо известны в Трапезунде в XV в. Пасквалино Кукурно в 1446 г. был прокуратором (доверенным лицом) генуэзских *burgenses* Трапезунда в Каффе¹¹. Баттиста ди Путео в 1431 г. был направлен правительством Генуи к трапезундскому императору в качестве посла и синдика республики для подтверждения договоров с империей и привилегий генуэзцев, а также чтобы обеспечить реконструкцию генуэзского замка¹². Базилио ди Путео *habitor in Trapezunda et burgensis in dicto loco* продал в Трапезунде в 1411 г. своего раба-

³ Список генуэзских консулов в Трапезунде приведен в кн.: Карнов С. П. Трапезундская империя. . . С. 172—173.

⁴ См.: Balard M. La Romanie. . . Т. 1. Р. 340—341; Карнов С. П. Итальянские. . . Р. 269—270.

⁵ См.: Fedalto G. La Chiesa Latina in Oriente. Verona, 1973. Т. 1. Р. 467; Verona, 1976. Т. 2. Р. 216; Civezza M. da. Storia universale delle missioni francescane. Roma, 1859. Т. 3. Р. 360; Карнов С. П. Итальянские. . . С. 84—89.

⁶ См.: Matteucci C. La missione Francescana di Costantinopoli. Firenze, 1971. Р. 27; Bryer A. Trebizond and Rome // АП. 1964. Т. 24. Р. 290—307; Карнов С. П. Трапезундская империя. . . С. 124—146.

⁷ См.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Wash., 1985. Vol. 1. Р. 204—250; Janin R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bythynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). P., 1975. Р. 251—297 (особенно Р. 258).

⁸ Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436—1440) / A cura di U. Dorini e T. Bertelé. Roma, 1956. Р. 103.

⁹ См.: Balard M. Gènes et l'Ostre-Mer. P.; La Haye, 1973. 1: Les Actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289—1290. N 406—407, 514; Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior. Notai, Busta 132, f. 3r: 28.IV 1412.

¹⁰ Из новейших работ см.: Balard M. La Romanie. . . Т. 1. Р. 328—334; Idem. La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe—XVe siècles). L., 1989. N 13. Р. 233—253; Pistorino G. I Gin dell' Oltremare. Genova, 1988. Р. 116—123 и др.; Jacoby D. Les Génois dans l'Empire Byzantin: Sujets et Protégés (1261—1453) // La Storia dei Genovesi. Genova, 1989. Т. IX. Р. 245—284; Nicol D. Byzantium and Venice. Oxford, 1989. Р. 89 е. а.; Карнов С. П. Генуэзцы в городах Понта (XIII—XV вв.) // ВО. 1991. С. 112—149.

¹¹ Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. N 590. 1234. Caffae massaria 1446. f. XIVr-v.

¹² Archivio di Stato di Genova. Archivio Segreto, 1780. Litterarum, 4, f. 40v: 7.III 1431; Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. 1898. Т. VI. Р. 101.

еврея¹³. Наконец, Антонио ди Путео получает в Каффе 3000 трапезундских аспров, причитавшихся другому знатному генуэзцу, жителю Трапезунда, Урбано ди Нигро¹⁴.

Публикуемые ниже документы написаны нотариальным курсивом XV в. За исключением поврежденного верха 106-й страницы рукописи, степень сохранности хорошая.

ASG.MS 105. F. 105—108

1.IX 1444—15.V 1445

f. 105

Copia

Coram vobis nobili domino Andriolo de Auria, honorabili consule januensium in imperio Trap(e)s(undarum) in iure et in vestri iusticia constituto.

Reverendus dominus frater Georgius de Simiso vicarius ecclesie sancti Francisci de Trapes(unda) dicit et reverenter exponit, quod anno de MCCCCXXVI de mense junii Anfreonus Spin(ul)a de Luculo civis Jan(ue) existens hic in Trapesunda, mercator, du(m) vellet recedere de presenti loco habens un(am) eius famulam pregnantem, ipsam dimissit pen(es) prefatum dominum fratrem Georgium cum commissione, ut ipsam gubernaret usquemquo peperisset, et postea filium vel filiam, quam haberet, gubernaret, usquemquo ad etatem proveniret, et essendo filia sibi miceret monetam tam pro gubernat(ione) ipsius, quam etiam pro maritac(ione), et essendo mas(c)ulo etiam ipsum gubernaret, usquemquo esset de etate, ut posset ipsum facere conducere in Januam, et quod etiam de expensis ipsius sibi provideret; id est, quod ipso Anfreono recesso, dicta famula peperit filiam, cum qua dictam famulam tenuit in domo sororis sue pro menses quatuordecim et sibi fecit omnes expensas necessarias. Postmodum ipsa famula recessit et ivit ad domum parentum suorum¹, et ipse dominus frater Georgius retinuit dictam filiam et gubernavit usque ad etatem annorum decem septem in circa. Deinde ipsam maritavit in loco convenienti ad ipsius puelle qualitatem. Et cum veritate tam in gubernio matris et filie, quam in maritacione ipsius expendidit in valore² de³ ducatis ducentis quinquaginta auri turchi, ut digne probare intendit per testes fidedignos, quos habet informatos de predictis.

f. 106

...⁴ vos requirit per vos prefatum dominum consulem summare ...⁴ plano recipi deberet in curia vestra, ne fides viri pe et⁴. Et ut possit de predictis consequi solutionem suam in bonis et hereditate dicti Anfreoni, quem audivit ab hoc seculo transmigrasse, ex quo non missit sibi, ut promiserat, monetam, pro posse solver(e) expensas et dotes predictas.

Et predicta dicit ad presens etc.

Salvis sibi etc.

Protestants de expensis etc.

+MCCCCXXXIII die martis prima septembris in terciis in Leocastro ianuen(sium) ad bancum iuris.

Deposita in iure et in publico presencia domini consulis per dictum dominum fratrem⁵ Georgium.

¹³ Archivio di Stato di Venezia. Cancellaria Inferior, Notai. B. 132. Nicolò. prete di S. Silvestro, f. 2r: 30.IX 1411; *Карнов С. П.* Венецианская работоторговля в Трапезунде (конец XIV—начало XV в.) // *ВО.* 1982. С. 206.

¹⁴ Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. N 590.1233. Caffae massaria 1441. f. XLVr.

Qui dominus consul predicta admisise et in quantum de iure tenentur et deberit et non aliter nec alio modo et mandavit per me notarium infrascriptum et scribam dicte curie prosequi ad riceptionem dictorum testium sic summarie et de plano.

Ea die.

Admoniti fuerunt per me, notarium infrascriptum, de mandato prefati domini consulis infrascripti testes product(i) per dictum dominum fratrem Georgium super dicta requisicione, quatenus hodie in vesperis compareant coram predicto⁶ domino consule ad iurandum de veritate dicenda de eo, de quo fuerint interrogati supra dicta requisicioni tam pro una parte, quam pro alia revoc(ati) etc.

Quorum nomina sunt hec:

d(omini) Petrus de Puteo et Iohannes de Cucurno.

Ea die in vesperis.

Supradicti domini Petrus et Iohannes constituti in presencia prefati domini consulis in observatione dicte admonicionis iuraverunt ad sancta Dei evangelia corporaliter tactis scripturis de veritate dicenda supra dicta requisicione, tam pro una parte, quam pro alia, revoc(ati) etc. presente et instante dicto domino fratri Georgio.

+MCCCCXXXIII die 2 sept(embris).

Dominus Petrus de Putheo, burgensis trapes(undarum), testis, receptus de mandato prefati domini consulis supra dicta requisicione per me notarium infrascriptum et scribam curie Trapes(undarum) ad instantiam dicti domini fratris Georgii admonit(us) etc, qui jur(avit) etc. dicta requisicio sibi test(i?) prius lecta et vulgarizata etc.

Suo iuramento testificando dixit se tantum scribere de contenta

f. 107

in dicta requisitio, videlicet quod verum est, quod dicto tempore contento in dicta requisicione, volendo dictus Anfreonus Spinula hinc recedere pro Janua, dimisit penes dictum dominum fratrem Georgium dictam eius famulam pregnantem, ut ipsam gubernaret. Qua post recessum dicti Anfreoni peperit filiam, quam dictus testis baptizavit. Eo, quod magnam conventionem et amicitiam habebat con dicto Anfreono, quam famulam con filia dictus dominus frater Georgium tenuit in domo sororis sue per spatium temporis. Postea, recessa dicta famula, retinuit dictam filiam et gubernavit usque ad etatem debitam et ipsam maritavit in loco convenienti ad ipsius puele qualitatem. Cui puele et sic matri de tempore, quo steterunt in dicta domo, fecit dictus dominus frater Georgius omnes expensas necessarias de victu et vestitu, et sic in maritac(ione) dicte puele. Tamen quantum expendidit in predictis, ignorat ipse testis, et sic est rey veritas.

Int(errogatus) de causa su(mm)e, respondit pro ea, qua ut supra dixit et testificatus fuit.

Super generalibus recte respondit.

Ea die.

Iohannes de Cucurno burgensis Trapesundarum, testis, ut supra, receptus de mandato prefati domini consulis supra dicta requisicione per me, notarium infrascriptum et scribam dicte curie, ad inst(antiam) dicti domini

fratris Georgii admonitus etc., qui iuravit etc. dicta requisicio sibi testi prius lecta et vulgarizata etc.

/ Suo iuramento testificando dixit se tantum scire de contenta in dicta requisicione, videlicet quod verum est, quod tempore contento in dicta requisicone, volendo dictus Anfreonus Spinulla hinc recedere pro Ianua, dimisit penes dictum dominum fratrem Georgium dictam eius famulam pregnantem, ut ipsam gubernaret. Qua post recessum dicti Anfreoni peperit filiam, quam cum filia dictus dominus frater Georgius tenuit in domo sororis sue per spatium temporis. Postea, recessa dicta famula, retinuit dictam filiam et gubernavit usque ad etatem debitam et ipsam maritavit in loco convenienti ad ipsius puelle qualitatem. Cui puele et sic matri de tempore, quo steterunt in dicto domo, fecit dictus dominus frater Georgius omnes expensas necessarias de victu et vestitu, et sic in maritacione dicte puelle. Tamen quantum expendiderit in predictis ignorat ipse testis. Dicit enim, quod post recessum dicti Anfreoni

f. 108/

dominus Georgius de Quarto burgensis Peyre per suas litteras scripsit dicto testi versus Peyram, ut de moneta⁷ ipsius domini Georgii existentis pen(es) ipsum testem tunc in Pe(yr)e daret dicto domino fratri Georgio asperos mille de Trapesundis pro dicto Anfreono pro gubernio dicte puelle, quos asperos mille dictus testis viso scribere dicti domini Georgii illo tunc dedit dicto domino fratri Georgio. Et hoc est quod sit de predicta.

Int(errogatus) de causa su(mm)e respondit per ea, que ut supra dixit et testificatus fuit.

Super generalibus recte respondit.

+MCCCCXXXV die XV madii.

Extractum est ut supra de actis publicis curie Trapesundis, videlicet de foliatio petitionum, testium et aliorum diversorum negociorum mei notarii infrascripti et scribe dicte curie ad instantiam dicti domini fratris Georgii cuius interest.

Antonius de Regorezo, notarius

¹ Зачеркнуто: et ipse.

² Зачеркнуто: duc.

³ Вставлено над строкой: de.

⁴ Угол листа оторван, текст утрачен.

⁵ Зачеркнуто: Gregorium.

⁶ Presdicto исправлено на: predicto.

⁷ Слово moneta вставлено над строкой вместо зачеркнутого слова.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Maximi Confessoris Ambigua ad Iohannem, iuxta Iohannis Scotti Eriugenae latinam interpretationem / Nunc primum edidit E. Jeaneau // Corpus Christianorum. Series Graeca. Brepols-Turnhout: Leuven University Press, 1988. Vol. 18 LXXXIII+325 p.

Уже в первой рецензии на греческую серию «Корпуса христианских авторов» отмечалось (см.: ВВ. 1988. Т. 49. С. 211), что мирозерцание Максима Исповедника наиболее полно отразилось в двух его основных произведениях — «Вопро-соответах к Фалассию» и Ambigua. Как указывает издатель рецензируемого тома Э. Жоно (известный знаток творчества Иоанна Скота Эриугены), название последнего произведения было впервые введено Эриугеной, переведшим так греческий термин *ἄπορον*. Т. Гале (1636—1702), издавая частично это произведение, назвал его сначала «Схoliaми к Григорию Богослову», но в примечаниях, приложенных к своему изданию, он «раскасялся» и возвратился к наименованию Ambigua. Ф. Элер, выпустивший в свет в 1857 г. полный текст произведения, сохранил такое наименование, и под ним оно было перепечатано в «Патрологии» Миня, воспроизведшего текст Ф. Элера.

Все эти издатели считали серию Ambigua за единое произведение. Однако в новейшее время исследователи пришли к выводу, что под данным названием скрываются два различных сочинения. Первое, Ambigua ad Iohannem (PG. T. 91. 1061—1418), написано в 628—630 гг., а второе, Ambigua ad Thomam (Ibid. 1031—1060), датируется чуть более поздним сроком (634 г.). Некоторые греческие рукописи содержат каждое из этих произведений отдельно, но в большинстве манускриптов они представлены совокупно, причем в нескольких таких манускриптах имеются *τίμαρες*, четко разделяющие одну серию Ambigua от другой. Ученые предполагают, что объединение двух сочинений в единый корпус произошло очень рано, возможно еще при жизни Максима Исповедника. Что касается Эриугены, то, по всей видимости, он был знаком лишь с одним из этих сочинений, не подозревая о существовании Ambigua ad Thomam (с. IX—XIII).

Далее Э. Жоно переходит к описанию рукописей (с. XIV—L). Их сохранилось

всего четыре: два манускрипта конца IX в. и две позднейшие копии; издатель прослеживает, насколько это возможно, историю каждой рукописи. Кратко останавливается французский ученый и на неопубликованной работе своего предшественника Р. Фламбара, хранящейся в Национальном Архиве в Париже. Р. Фламбар подготовил к изданию перевод Ambigua ad Iohannem Эриугены, но начавшаяся война и преждевременная смерть (Р. Фламбар погиб во время бомбардировки Орлеана в 1944 г.) прервали его работу (с. LI—LIII). Отмечаются также и издания некоторых фрагментов перевода Эриугены. Переходя к генеалогии рукописей, Э. Жоно констатирует, что они восходят к манускрипту M (Paris, Bibliothèque Mazarine 561). В самом этом манускрипте наблюдаются многочисленные исправления, т. е., несмотря на свою древность, он не представляет изначального перевода Эриугены. Под некоторыми такими подчищенными и исправленными местами различается оригинальный текст, чтение которого приводится в критическом аппарате издания; иногда здесь же указывается и чтение греческого текста по изданию Ф. Элера. В ряде случаев расхождения между данным изданием и греческим текстом, которым располагал Эриугена, весьма существенны, и Э. Жоно приводит несколько примеров подобных расхождений (*ὁρεκτοῦ—ὁρατοῦ, τόπον—τόπον* и т. д.). Много труда приложил издатель перевода Эриугены для того, чтобы отождествить источники данного сочинения: им указываются не только эксплицитные, но и имплицитные цитаты, а также приводятся *loci paralleli*. Помимо выдержек из св. Писания, Максим Исповедник особенно часто цитирует Немесия Эмесского — факт, подчеркиваемый Э. Жоно (с. LIV—LXX).

Эриугеновская версия Ambigua содержит ряд маргинальных заметок, различных по своему характеру: лексикографических, объяснительных и т. д.; неко-

торые из них представляют собой подлинные glossы, развивающие вероучительные темы, лишь намеченные Максимом Исповедником. Основная масса этих маргиналий, как полагает Э. Жоно, является переводом схолий, имеющих в греческом оригинале Эриугены, хотя в дошедшей до нас греческой рукописной традиции многие из них не сохранились (Эриугена имел перед глазами более полный текст Ambigua, чем известные нам греческие манускрипты). Затем издатель указывает, что, кроме перевода Эриугены, известен еще только один латинский перевод экзегетов из Ambigua ad Iohannem (под названием Auctoritates sancti Maximi), отразившийся в 8 рукописях XIV—XV вв. Э. Жоно присоединяется к гипотезе Ж. Грибомона, предположившего, что автором данного перевода был французский Анжело да Кларино (умер в 1337 г.). В заключение предисловия Э. Жоно посвящает несколько теплых строк памяти преждевременно скончавшегося фламандского ученого Р. Браке (1943—1984 гг.) — своего коллеги, который должен был подготовить к изданию греческий текст Ambigua. С грустью он констатирует, что Р. Браке был третьим исследователем (после известного доминиканца Ф. Комбефи и Р. Фламбара), начинавшим такое предпринятие и по причине смерти не закончившим его, — словно некий фатум тяготеет над этим произведением Максима Исповедника (с. LXX—LXXV). Если вспомнить еще судьбу русского ученого С. Л. Епифановича, начавшего, но так и не закончившего перевод творений этого отца церкви, то, действительно, причин для грусти вполне достаточно. Тем не менее выход в свет рецензируемого тома вселяет надежду на то, что критическое издание основных трудов Максима Исповедника, планирующееся в греческой серии Corpus Christianorum, все же завершится.

Сам перевод Эриугены предваряется его посвящением Карлу Лысому. Здесь он останавливается на роли Максима Исповедника, яснейшим образом истолковавшего труднейшие положения богословия Дионисия Ареопагита. Среди этих положений Эриугена называет следующие: каким образом «Причина всяческих», т. е. Бог, есть единая, простая и множественная; каково «исхождение», т. е. приумножение (processio, id est multiplicatio) Божественной Благости, осуществляющейся сверху вниз, через общую для всех сущность, затем через наиглавнейшие роды, и т. д. (per genera generatiora, per species specialiores etc.), а также каково Ее возвращение, «т. е. рекапитуляция» (reversio, id est congregatio), к наипростейшему «Единству всяческих»; каково апофатическое и катифатическое богословие, как они соотносятся друг с другом, и т. п. Данное по-

священие весьма важно как для понимания мироздания Эриугены, так и для адекватного восприятия процесса усвоения греческого богословско-философского наследия христианским Западом. За посвящением следует оглавление, где Эриугена суммирует содержание труда Максима Исповедника, а затем — Carmina, также посвященные Карлу Лысому (первые десять строк составляют акrostихи: Carolus Rex). После перевода идет текст маргиналий, и завершается издание пятью индексами.

Из всего вышеизложенного с очевидностью вытекает, что новый том греческой серии «Корпуса христианских авторов» вызовет интерес не только у византиноведов, но и у специалистов по истории средневековой западной культуры. Следует отметить, что после замечательной книги А. Бриллиантова творчество Эриугены долгое время обходилось почти гробовым молчанием в нашей историографии. Лишь в последнее время наметились попытки его нарушить¹, правда еще очень робкие. Вместе с тем в истории богословской и философской мысли латинского Запада в период между V и XII вв. Эриугена — самая значительная фигура. Его иногда считают «самым глубоким представителем неоплатоновского движения в западной христианской философии»², но к подобного рода оценкам следует относиться с изрядной долей скептицизма. Как это верно заметил Ж. Мадек, Эриугена практически не был знаком ни с диалогами Платона, ни с неоплатонической литературой (за исключением латинского перевода «Тимея» и комментарии Калкидия); его учителями были отцы церкви³. Из них преимущественное влияние на Эриугену оказали Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник, Григорий Нисский и Августин⁴. О «неоплатонизме» или «платонизме» последних трех мыслителей можно говорить лишь с весьма и весьма большими натяжками, поэтому каналом предполагаемого влияния неоплатонизма

¹ Лозовская Н. М. Раннесредневековое знание о природе: (Диалог И. С. Эриугены «О природе»). М., 1988; Антонова Е. В. Проблема свободы в философии Эриугены // Проблемы истории домарксистской философии: (Средневековый способ философствования). М., 1985. С. 16—35.

² Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979. С. 111.

³ Madec G. L'augustinisme de Jean Scot dans le «De praedestinatione» // Jean Scot Érigène et l'histoire de la philosophie. P., 1977. P. 184—185.

⁴ Бриллиантов А. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эриугены. СПб., 1898. С. 50—75.

на Эриугену мог быть только автор «Ареопагитик». Однако и его зависимость от неоплатоников «ограничивается внешним сходством, не доходящим до глубин его учения, и объясняется терминологией, свойственной данной эпохе»⁵. Исходя из этих соображений, Эриугену более целесообразно рассматривать как завершающее звено в развитии западной патристической мысли. Недаром в последнее время исследователи подчеркивают многообразные связи мирозерцания Эриугены с богословием Августина⁶.

Но уникальность Эриугены прежде всего состоит в том, что в своем мировоз-

⁵ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной Церкви // Богослов. тр. 1972. Сб. VIII. С. 21.

⁶ Помимо указанной работы Ж. Мадека, см., например, несколько статей, посвященных этой проблеме в сб.: Eriugena: Studien zu seinen Quellen // Vorträge des III: Intern. Eriugena-Colloquiums. Freiburg im Breisgau, 27—30 August 1979 / Hrsg. W. Beierwaltes. Heidelberg, 1980. S. 55—116.

Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1982. XIV+361 S.

Среди исследований, посвященных Крещению Руси и опубликованных в преддверии 1000-летия этого знаменательного события, бесспорно, одно из самых видных мест займет фундаментальный труд западнонемецкого католического иеромонаха отца Герхарда Подскальски «Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237)». Ее автор является одним из самых крупных современных ученых, обращающихся в своих работах к церковно-историческим проблемам православия. Он профессор древней церковной истории, византийского и славянского богословия в Высшей философско-теологической школе св. Георгия (Франкфурт-на-Майне) и, кроме того, осуществляет чтение лекций как профессор Папского Восточного института (Рим). Научные исследования отца Г. Подскальски, и особенно книга «Богословие и философия в Византии» (Мюнхен, 1977), принесли ему заслуженную известность в церковном и научном мире.

В предисловии к рассматриваемой книге проф. Л. Мюллер (Тюбинген), известный славист, справедливо замечает, что этот труд один из самых значительных по данной проблематике со времени появления книги проф. прот. Георгия Флоровского «Пути русского богословия» (Париж, 1937). Сам автор в вводной главе монографии поместил сжатый обзор литературы общего характера, зна-комящий с итогами и состоянием изуче-

нении он органично сочетал традиции и западной, и греческой патристики. В его лице как бы проявляется и четко оформляется глубинное единство обеих частей христианского мира, которое, несмотря на все схизмы и тенденции к обособлению, было еще живо в IX в. Многолетняя переводческая деятельность Эриугены способствовала укреплению внутренних связей между византийской и западной церквями. В частности, перевод Ambigua имел большое значение — по суждению Э. Жоно, он вводил латинян в духовный мир восточного монашества, снабжал их флоридным патристическим цитат, обогащал их философскую терминологию и приоткрывал дверь некоторым аристотелевским темам⁷. Поэтому выход в свет критического издания этого перевода позволяет нам более полно представить картину духовных и культурных связей Византии с Западом.

А. И. Сидоров

⁷ Jeuneau E. La traduction érigénienne des Ambigua de Maxime le Confesseur: Thomas Gale (1636—1702) et le Codex Remensis // Jean Scot Erigène... P. 135.

ния материала, легшего в основу книги. Следует особо подчеркнуть, что обзор отличается объективностью и редкой полнотой.

Структура исследования выделяется четкостью, и поэтому читатель легко ориентируется в столь многоплановой книге, с вниманием к различным деталям. Всего в книге три главы, из которых две состоят из многочисленных разделов, а последняя имеет характер заключения. В приложениях помещены статья А. Полпэ (Варшава) «Митрополиты и князья Киевской Руси», а также перечни византийских императоров, константинопольских патриархов и римских пап (до 1281 г.). В библиографических дополнениях учтены работы, не вошедшие в подстрочные примечания либо выпавшие после окончания работы автора над книгой. Именной и предметный указатели, которым предшествуют библиографические справки о некоторых русских князьях, позволяют использовать труд Г. Подскальски как ценное справочное издание, особенно учитывая его универсальность в отношении всей истории христианства на Руси в домонгольский период.

Глава, озаглавленная «Русская церковь: Возникновение, организация, духовная жизнь», посвящена собственно церковно-историческим вопросам. Естественно, что речь идет прежде всего о начале христианизации Руси, связываемой преданием с именем апостола Анд-

рея. Как известно, существование христианских общин на Руси до Владимира не подлежит сомнению: оно подтверждается как интерпретацией письменных источников¹, так и археологическими данными². Более того, известно о русских христианах времени князя Игоря, о св. Ольге, о первых христианских мучениках — двух варягах³. Однако все эти факты отнюдь не умаляют заслуг св. князя в приобщении к христианству целого государства, одной из самых сильных стран в тогдашней Европе. Сам факт крещения Г. Подскальски освещает в строгом соответствии со свидетельствами исторических источников. Как особенности местного характера отмечены «двоеверие» с рецидивами языческих верований и широкое внедрение христианской обрядности, чему в немалой степени способствовало активное храмовое строительство. Его осуществлял и сам Владимир, и особенно его сын, Ярослав Мудрый, возведенный которым Софийский собор в Киеве стал кафедральным храмом русских митрополитов.

Учреждение русской митрополии — вопрос, в решении которого в исторической литературе высказывались диаметрально противоположные взгляды исследователей, оперировавших часто одними и теми же фактами. Автор книги выделяет шесть различных позиций. В последнее время начальной истории русской иерархии большое внимание уделяет польский исследователь А. Поппе, предлагающий новую схему⁴. Данные о русских епископиях при всей отрывочности сведений все же проливают свет на организацию русской митрополии и ее структуру в XI—XII вв., и именно в этом плане их использует Г. Подскальски. Говоря о распространении христианства на Руси и об учреждении церковной иерархии, трудно было обойти молчанием деятельность латинских проповедников, следы которой остались в древнерусской литературе. Исследователь ее касается (с. 27), но не акцентирует на ней внимание. Отношение государства к церкви в Киевской Руси сейчас представляется более ясным, чем другие вопросы внутренней церковной истории.

¹ Авенариус А. Христианство на Руси в IX в. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert. Pr., 1978. P. 301—315.

² Ширинский С. С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 203—206.

³ Poutsko B. Les martyrs varégués de Kiev (983) // Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1983. T. 101. P. 363—385.

⁴ Поппе А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ. 1968. Т. 28. С. 85—108.

В книге также довольно детально освещены соборы, а также еретические движения XI—XII вв.

Развитие монашества и монастырей в Киевской Руси в исследовании Г. Подскальски в основном показано на примере Киево-Печерского монастыря, духовно связанного с Афоном. Другие русские монастыри, не охваченные специальной литературой, остаются как бы в тени.

Славянская переводная литература автором книги «Христианство и богословская литература в Киевской Руси» рассматривается дифференцированно: выделены кирилло-мефодиевские и позднейшие разграниченные от них переводы, выполненные в Болгарии и на Руси (с. 56—72). Материал, положенный в основу этого раздела, столь обширный, что автору исследования пришлось дать его изложение почти в тезисной форме, может быть отчасти и потому, чтобы не дублировать содержание следующей главы. Литература, указанная в примечаниях, дает конкретное представление о состоянии изучения памятников славянской письменности, связывающих ее с общехристианской, прежде всего с грекоязычной. В непосредственной связи с литературой охарактеризовано образование в Киевской Руси, взгляды на уровень которого за последние десятилетия заметно эволюционировали по мере его углубленного изучения. Сейчас уже невозможно оставаться на позициях Е. Е. Голубинского, как справедливо замечает Г. Подскальски (с. 74). Что касается чудейского влияния в древнерусской литературе, то оно ограничено элементами, ставшими составной частью византийской образованности. И, конечно, оно не было столь всеобъемлющим, как представлялось некогда Г. М. Барацу.

Татаро-монгольское нашествие, сопровождавшееся разорением Киева в 1240 г., резко затормозило развитие древнерусской духовной культуры, что не могло не сказаться на общем течении церковной жизни. В то же время оно было не в состоянии изменить обществу функцию Русской церкви и ее учреждений. Это очень скоро уяснили преемники Батия и предоставили православному духовенству право осуществлять духовное руководство над паствой. Далеко не сразу наметились изменения и в структуре иерархии. Тем не менее эпоха Киевской Руси осталась в прошлом.

Богословской литературе киевского периода (988—1237) посвящена третья глава, по объему представляющая большую часть книги Г. Подскальски. Автор в первую очередь предлагает разбор образцов русской гомилетики, представленной именами митрополита Илариона, новгородского епископа Луки Жидаты, преп. Феодосия Печерского, митрополита Климента Смолятича, епископа Кирилла

Туровского, игумена Авраамия Смоленского, монаха Георгия Зарубского и епископа Серапиона Владимирского. Значительно более обширной является агиографическая литература. Ее древнейшим образцом служит житие св. князей Бориса и Глеба. Нестор является автором жития Феодосия Печерского. Известны также тексты житий других русских святых этого периода (св. Леонтий Ростовский, Авраамий Смоленский, Владимир, Ольга, Евфросиния Полоцкая). Исключительное внимание русские агиографы проявили также к памяти св. Николая Мирликийского, посвятив ему житийное сказание и похвальные Слова.

Не менее обширна и аскетическая литература, охватывающая произведения монаха Иакова, митрополита Никифора I, епископа Кирилла Туровского и тех авторов, сказания которых вошли в состав Киево-Печерского патерика. Poleмическая литература, в основном против латинян, является следствием раскола 1054 г. Как показывает автор книги, большое значение в церковной практике получила на Руси с раннего времени каноническая литература; близкими по содержанию церковным правилам оказываются и княжеские уставы. Особый раздел в литературном наследии эпохи Киевской Руси составляют записки русских паломников по святым местам, таких, как игумен Даниил и новгородский архиепископ Антоний. В сложных по составу летописях немало текстов, имеющих прямое отношение к русской церковной истории, вплоть до включенных отдельных произведений, избивающих цитатами из Священного писания и творений Отцов церкви. Поэтому представляется вполне закономерным включение Г. Подскальски этих литературных жанров, часто относимых к разряду «светских», к богословскому наследию Киевской Руси. Все произведения, объединенные в циклы, в книге подвергнуты тщательному анализу с учетом специальных работ.

Едва ли не лучшими страницами труда Г. Подскальски являются посвященные литургической поэзии — богослужебным текстам, древнейшим среди которых следует считать Службу св. Борису и Глебу, написанную именем киевского митрополита Иоанна (XI в.). Автор книги пристальное внимание уделяет выразительным поэтическим средствам русских служб, отмечая активное использование библейских образов. В этом отношении русские гимнографы шли за своими византийскими учителями, теми знаме-

нитыми песнопениями, славянские произведения которых должны были появиться одновременно с распространением христианства на Руси. По утверждению автора книги, «Киевский период» не прекращается с татарским нашествием, но потенциально продолжает свое существование. Последний раздел главы отведен различным сборникам, сказаниям, словам разнобразного содержания, поучениям, «Правилу» митрополита Кирилла.

Общая характеристика развития богословия в Киевской Руси содержится в краткой заключительной главе книги. Опираясь на результаты разнобразного и тщательного анализа огромного материала, Г. Подскальски стремится увидеть особенности русского христианства в его связях с Византией. Действительно, некоторые византийцы (греки) становятся русскими духовными писателями, в первую очередь митрополиты XI—XII вв. — периода господства диглоссии⁵.

Крещение Руси много раз освещалось в литературе с различных конфессиональных позиций, особенно в связи с юбилейными датами в 1888 и 1938 гг. Особо следует упомянуть «Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси, 988—1938» (Белград, 1938). И все же на этом широком фоне разновременных работ книга Г. Подскальски слишком ярко выделяется не только обилием нового материала и новизной в освещении многих вопросов духовной жизни, но и тщательной аргументацией выводов, объективных и лишенных тенденциозности. Богословская литература воспринимается во всей своей полноте как большое явление, явившееся следствием развития христианской мысли в Восточной Европе.

Очень существенно, что исследование дает цельное представление о русском православии эпохи Киевской Руси, что развитие богословской литературы осмыслено в реальном историческом контексте. Все это делает книгу Г. Подскальски важным пособием при изучении истории Русской церкви. Выход книги, принадлежащей перу видного католического ученого, является событием большого значения.

В. Г. Пуцко

⁵ См.: Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.

Книга отца Герхарда Подскальского (Общества Иисусова) о греческой теологии времен власти турок продолжает его монографию по «богословскому методу» в Византии XIV—XV вв.¹, где было дано определение «теологии» применительно к восточной традиции: это логическая концептуализация богословского содержания. Русскому читателю было бы привычнее выражение типа «философский язык», но автор исходит из западного различения Theologie / Spiritualität, для которого в русском нет точных эквивалентов. Г. Подскальский интересно рассматривает систему понятий, общность которой необходима для любого диалога между богословами разных взглядов (с. 389). Поэтому автор рассматривает и труды противников православия, и полемику между конфессиями Запада, когда в ней ссылаются на «греков»; с другой стороны, он отказывается от изучения аскетики. Под «греческим» же автор понимает все сделанное греками, а также негреками (славянами, румынами), связанными с их школой.

Книга содержит три главные части, за которыми следуют дополнения и указатели. В вводной части (с. 1—78) охарактеризованы положения греческого православия и общие и особые черты богословия периода турократии, после чего две важнейшие, по оценке автора, особенности рассмотрены в разделах «Значение паламизма как элемента торжества» и «Новые школы и печати как элемент развития»; далее характеризуются предмет исследования и степень его изученности. Во второй части («Историческое развитие», с. 79—386), разделенной на четыре раздела согласно введенной автором периодизации, даются характеристики отдельных богословов. Объем сведений столь обширен, что заинтересует не одних историков богословия: очерк деятельности и обзор всех сочинений с разбором богословских, перечень изданий, часто рукописей, переводов (славянские названы почти всегда), научной литературы. В третьем разделе (с. 387—405) помещены выводы и два excursus: «Евхаристический спор XVII в.» и уточненные списки Восточных патриархов, митрополитов Филадельфийских и папо до 1821 г. Труд со столь обширной программой не мог не оставить места для частных поправок и дополнений, но они уже не изменяют главного впечат-

ления: история греческого богословия получила источниковедческую базу, какой никогда не имела. Более спорными остаются концептуальные построения автора, и это во многом связано с его чрезмерным доверием к устаревшим интерпретациям источников.

Важнейшей богословской темой книги стало учение о евхаристии, обсуждение которой начинается уже в первом историческом очерке, посвященном Схоластию. Отец Подскальский (вслед за о. М. Жюжи) видит у него лишь томистскую теорию «пресуществления» (с. 83). Но для понимания термина «пресуществление» у греков необходимо отвечать на вопрос, который даже не ставится западными учеными: в сущность чего «пресуществляется» хлеб? Ведь греки не постулировали, как Гумберт, самостоятельную «сущность Тела Христова». У Схолария «сущность тела» под «акциденциями» хлеба — это общая людям человеческая природа, воспринятая Христом и обожженная в ипостаси Сына соединением с природой Бога. Приобщаясь Телу Христову, верные получают такое же соединение с сущностью Бога, какое через воплощение Сын Божий получил с сущностью человека². Такое понимание невозможно вне христологии «неохалкидонизма»; по сравнению с томизмом это другая вера в Христа (воспринятое Сыном человечество становится необходимо-сущим в Боге, не имеющем акциденций; ограниченность же его обликом Иисуса или хлеба одинаково акцидентальна³). Христология вообще выпадает из поля зрения автора. Учение Схолария (в третьем поколении) ритор Мануил в одном из неизвестных Подскальскому сочинений обращает внимание на неистинность (по природе тленного) Тела Христа во гробе⁴. Важность этого вопроса для «неохалкидонизма» и понимания евхаристии срав-

² Georges Scholarios. Oeuvres complètes. P., 1928. T. I. P. 128.

³ Georges Scholarios. Oeuvres... 1930. T. III. P. 358—360.

⁴ Сочинение, написанное для уяснения догмата об обожении плоти Господа... / Изд. архим. Арсений. М., 1890. С. 22. Еще один неучтенный трактат: Ответ иеропсалту господину Герасиму о «богоначальном мановении» / Изд. арх. Арсений. М., 1894. Вл. Арсений издал независимо также «Ответ доминиканцу Франциску» (М., 1889). Работы вл. Арсения известны незаслуженно мало. См.: Спаский А. А. Преосв. Арсений, епископ Кирилловский, и его труды в области византинологии // ВВ. 1903. Т. 10. Отд. III. С. 667—703.

нима с вопросом о имени «Богородица»⁵. Но Московский собор 1531 г. именно за православный взгляд обвинил в ереси Вассиана Патрикеева⁶, ученика Максима Грека (посвятившего эпиграмму Мануилу). Здесь появляется почва для изучения связи самого Максима Грека с близким по времени греческим богословием (ср. замечания автора о сложности вопроса — с. 82, 96). Но богословие русских последователей Максима Грека осталось за рамками книги.

Отмеченное невнимание к христологии сильно сказалось на трактовке споров XVII в. Автор не замечает, что первые же воспитанные на схоластике полемисты (Гавриил Севир, Мелетий Сириг и др.) объясняют евхаристию вне связи с участвующими ипостасями — схоластика не отличает сущность от ипостаси. Тем самым теряется святоотеческое понимание отличия причастников (и частиц — напрасно Г. Подскальский отказал в богословском содержании спору о них, с. 121) от Христа как различия ипостасей, в которых совершается соединение двух тех же природ⁷. Результатом стало вышло обособление Плоти Христовой от верных, отделение (вместо отождествления) евхаристии от церкви как Тела Христова и перестройка экклесиологии на латинский манер... Из антилатинской полемики исчезает та тема, которая стала догматическим поводом для разрыва 1054 г.⁸ и была вновь акцентирована в паламизме⁹: «единосущность нам» евхаристического Тела Христа. К чему это привело в триадологии, показал спор между Севиром и Максимом Маргунием, где судьей выступил Мелетий Пига¹⁰. Трудно возразить Г. Подскальскому, когда он приходит к выводу об отказе Пиги от учения об энергиях Божиих (с. 134). Пига уже не принимает паламитское учение об исхождении Духа через Сына по энергии, общей трем ипо-

⁵ Grondijs L. H. L'iconographie byzantine du Crucifié mort sur la Croix. Bruxelles; Utrecht, 1947. P. 26—81.

⁶ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.

⁷ Ἁγίος Συμεών... Θεσσαλονίκης: Ἐργα θεολογικά. Θεσσαλονίκη, 1981. Σ. 249—251.

⁸ Erickson J. H. Leavened and Unleavened // St. Vladimir's Theological Quarterly. 1970. Vol. 14, N 3. P. 155—176.

⁹ Loulié V. L'attitude de S. Marx d'Éphèse aux débats sur la procession du S. Esprit à Florence // Annuaire Historiae Conciliorum (в печати).

¹⁰ Лурье В. М. Связь проблемы «Филиокве» с учением о обожении у православных богословов после св. Фотия // Тр. III Междунар. церковной конф., посв. Тыс. Крещения Руси. (Ленинград, 1988) (в печати).

стасям. В таком богословии вместо вхождения церкви во внутреннюю жизнь св. Троицы — самостоятельные действия каждой из ипостасей «вонне» (мнение, осужденное как ересь Сотириха; им предполагается и латинское понимание жертвы как приносимой только Отцу от Сына, а не Сыном от одной природы к другой¹¹). Отсюда естественно уже у Севира «пресуществление» установительными словами Христа, что было разрывом с Марком Эфесским.

Мелетий Пига выглядит в книге Подскальского отцом целого направления «православной» схоластики. Отцом альтернативного направления, «схоластизированной» паламизма, представлен Георгий Коресий. Оба направления оформились в спорах вокруг дела Лукариса, значение которого как «критического момента» (с. 176) всего периода турократии показано автором блестяще.

Все же позицию Маргуния автор слишком поспешно возвел к триадологии Григория Кипрского и паламизма. Отличие между ними в том, что Маргуний ограничил божественные энергии откровением к твари¹², тогда как «вечное воссияние» Духа через Сына и вообще бытие энергии тварью не ограничено. Видимо, у Маргуния, а потом у Коресия прослеживается компромисс с тем учением, которое Коресий опровергает как томистское: подразумевается законность различия «внутренних» (рождение, исхождение) и «внешних» (к твари) действований Бога, и только тварность последних не принимается; Коресий вводит прежде неслышанное различие «вечного» и «временного» нетварного (пример последнего — Фаворский свет)¹³ — временное ограничение явления перенесено на явление. Но в патристике энергия Божия понимается как одна и та же «внутри» и «вне», а отличие ипостасных исхождений — только в самой ипостасности. Такова была основа, на которую у Коресия взгромождено совсем грубое противоречие, справедливо оцененное автором (с. 190, вслед за П. Ванкуром) как признак вырождения его «паламизма»: наряду с нетварной благодатью признается и тварная, и основанная на ней теория оправдания.

Заслугой Г. Подскальского стало осмысление периода после переписки Иеремии II (1581) до Исповедания Лукариса (1629) как особой фазы истории теологии — «религиозного гуманизма», —

¹¹ Иером. Павел (Черемухин). Константинопольский собор 1157 г. // Богослов. тр. 1960. Т. 1. С. 87—109.

¹² Σάδα Κ. Βιογραφικὸν σχέδιον περὶ τῆς τοῦ Β'. Ἀθήνας, 1870. Σ. 102—103.

¹³ Δοσιθέου... Τόμος καταλλαγῆς. Πασίφ, 1692—1694. Σ. 393—395.

меньшей период хранения византийского наследия. Действительно, Маргуний, Севир, Пига скорее составляли одну из школ в надконфессиональном гуманитарном научном сообществе; в их кругу и оформилось будущее «школьное богословие». Период после 1629 г. (до 1727 г., конца переписки патриархов с нон-юрорами) Подскальский характеризует как время углубления западных воздействий, но также и усиления реакции на них. Межправославные споры рубежа XVII—XVIII вв. о времени преложения, по сути, продолжили споры XI—XVI вв. с латинянами об обожении Плоти Христовой в Иисусе, в церкви и в каждом из верных, причем несостоятельность пренебрегавших ипостасным единством евхаристических теорий «религиозных гуманистов» дала себя знать. Возможно, об истоках обновления православного богословия в конце XVII в. многое скажут неопубликованные труды Герасима Влаха и особенно его ответ на вопрос: «Описуема или неописуема обоженная Плоть Христова?»¹⁴ Во всяком случае, ученик Влаха Софроний Лихуд, защищая православное (паламитское) учение о обожении против Ст. Яворского (1711 г.), последовательно акцентирует смазанные или искаженные у «гуманистов» XVII в. положения православной веры, причем явно полемизируя против учения Коресия о «временном нетварном», он опирается на св. Максима Исповедника, издававшегося при участии Герасима Влаха¹⁵.

Особенностью последнего периода (1727—1821) автор называет реакцию на Просвещение, но, как видно из книги, едва ли не важнее здесь для него «аскетико-патристический ренессанс» (с. 372); вся эпоха власти турок венчается личностью преп. Никодима Святогорца (с. 382). Введенная автором периодизация — еще одна его заслуга: в ней впервые внутренним процессам развития греческого богословия отдается предпочтение перед воздействиями извне.

Рассмотрев огромный материал, автор ставит вопрос, ради которого написана

¹⁴ *Tatákη B. N.* Γεράσιμος Βλάχος ὁ Κρής 1605/7—1685). *Φιλόσοφος, θεολόγος, φιλόλογος*. Βενετία, 1973. С. 45.

¹⁵ «Ответ Софрония Лихуда» на вопросы, предложенные от имени Новгородского митр. Иова также С. Т. Яворскому (ЦГИА СССР. Ф. 834, оп. 3, д. 2099); частичная публикация ответов Яворского: Черниговские епархиальные известия. 1861. Т. 1. С. 429—447. Комментированное издание Ответа Лихуда готовится В. В. Аржанухиным и В. М. Лурье. Еще одно латинское сочинение С. Лихуда того же периода, также неизвестное Подскальскому: О исхождении св. Духа // ЦГИА. Ф. 834, оп. 3, д. 2227.

книга: «Псевдотерфозу из Православия» (о. Г. Флоровский) принесли западные воздействия? Факты показывают скорее взаимобогащающее сотрудничество, пусть не всегда мирное (с. 387—388). И здесь нельзя с автором не согласиться: научная теология поднялась в надконфессиональную сферу. Но где осталось православие?

Мы уже видели, насколько в спорах о евхаристии была забыта православная христология. Из ложного понимания богочеловечества нельзя было избежать двух следствий: искажения учения о «Боге в Себе» (о нетварных энергиях, откуда автоматически неправославное понимание исхождения св. Духа) и о человеке перед лицом бога. Последнее дает повод к особому догматическому спору — о предпосылках гносеологии. Несовместимость попыток богопознания «гуманистическими средствами» с православным учением о обожении Тела Христова была обличена еще в XI в. при осуждении ереси Иоанна Итала, вместе христологической и «гносеологической». С XIV в. подробному раскрытию этого посвящена почти вся святоотеческая полемика с антипаламитами и латинянами. Православное учение о спасении с его антропологической стороны не терпит ничего в соседстве с умным деланием. Слово стало плотью, эта плоть стала нашей в евхаристии, после чего наш «ум» (дух) имеет лишь две возможности: обоживаться через соединение с собственным телом (аскетическое собрание ума в сердце), — тогда весь человек спасается; либо, пренебрегая этим, стать «повинным Телу и Крови Христовым»; все же внешние дела хороши лишь постольку, поскольку способствуют собиранию ума перед богом, что возможно лишь как покаяние. «Гуманистические» занятия при этом могут быть обширны, но все дело в их внутренней мотивации: это не более чем средства стеснения помыслов или долг послушания — «чтение» и «рукоделие», по классификации Евагрия. К выходу их хотя бы только из абсолютного подчинения интересам молитвы православие всегда относилось крайне нетерпимо, сторонники же более «светского» богословия никогда не могли понять этого фанатического, как им казалось, «догматизирования» в областях «морали» или «обрядов». . . Таков и спор о. Г. Подскальского против о. Г. Флоровского: если говорить об истории у греков «теологии» в западном смысле слова, что и делает автор, то прав он; но это еще не история «богословия» в православном понимании термина.

Несколько частных замечаний. Автору, как всем западным ученым, до сих пор неизвестен первый памятник православно-лютеранской полемике: переписка Прота Афона Гавриила с венгерским королем Янушем Заполяи (1534); особенно

важно открытое послание Прота, сохранившееся в славянском переводе и довольно известное в XVI в.¹⁶ Непрекращение и принятие в сущем сани (с. 35) не означает признания таинств у неправославных¹⁷. Методологически неверно обсуждать отношение православных к мнению о «непорочном зачатии» Девы Марии, не выяснив различий в учении о прародительском грехе¹⁸. «Скрижалые книги» Севира (с. 122, 265) — «Синтагматикон» о таинствах, переведенный в сборнике «Скрижалы» (из-

¹⁶ *Петров Н. И.* Западнорусские полемические сочинения XVI в. // Тр. Киевской Духовной Академии. 1894. Г. 35. С. 172—183. Библиографию сербских исследований, позднее опубликованных по этой теме, см.: *Радойчић Ђ. С.* Два примера Руварчеве тачности (I Буна Смедеревског митрополита Павла) // Споменица Илариону Руварцу. Нови Сад, 1955. С. 125—127 (дополнение А. А. Турилова).
¹⁷ *Троцкий В. Н.* Очерки из истории догмата о Церкви. Сергиев Посад, 1912.
¹⁸ *Meyendorff J.* A Study of Gregory Palamas. L., 1974. P. 234—236.

Obolensky D. Six Byzantine Portraits. Oxford: Clarendon Press, 1988. XII, 228 p.

Новая книга профессора Д. Оболенского «Шесть византийских портретов» (Оксфорд, 1988) выполнена в духе концепции его фундаментального труда «Византийское содружество: Восточная Европа, 500—1453», который за сравнительно короткий срок выдержал два издания¹. В новом исследовании Д. Оболенский, как и прежде, настаивает на существовании в средневековой Восточной Европе идейно-политической и религиозно-культурной общности греков и славян. По убеждению ученого, обращение славян в христианство открыло перед ними путь к византийской цивилизации и позволило им занять законное место в христианской ойкумене. Вместе с тем на современном этапе изучения

¹ *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500—1453. N. Y.; Wash., 1971; [Reed.] Crestwood: St. Vladimir's Seminary Press, 1982. Оценки труда см.: *Литавин Г. Г.* Рец. на: *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. N. Y., 1971 // ВИ. 1972. № 2. С. 180—185; *Вин Ю. Я.* Проблемы идейного и культурного влияния Византии на Русь в свете концепции «Византийского содружества» Д. Оболенского // Культура и общество Древней Руси (X—XVII вв.): (Зарубежная историография). М., 1988. Ч. 1. С. 52—71; *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990. С. 15—16.

данном в Москве в 1655—1656); толкование литургии в этом сборнике не Севирово¹⁹. Иов, автор трактата о таинствах (с. 319), — не Иасит²⁰ (XV в.?). Славянское «Добротолубие» нельзя путать с русским; изменения внутри текстов имеют только второе (ср. с. 373—374). Мнение Дж. Скиро о зависимости Нила Кавасилы от Варлаама (с. 265) преувеличено²¹. Выражение «Острожская Академия» нельзя понимать буквально — как академию с «ректором» Лукарисом (с. 164) во главе. И наконец, Славяно-греко-латинская академия не была Московским университетом (с. 270).

В. М. Лурье

¹⁹ Состав компиляции Иоанна Нафанаила: *Красносельцев Н. Ф.* Толковая Служба. . . // Православный собеседник. 1878. № 5. С. 35—37.

²⁰ *Darrouzès J.* Textes synodaux chypriotes // REB. 1979. Vol. 37. P. 44. Not. 23.

²¹ *Jevtić A.* Rencontre de la scolastique et de l'hésychasme dans l'oeuvre de Nilus Cabasilas // L'Art de Thessalonique. . . Belgrade, 1987. P. 149—157.

проблем византийского содружества Д. Оболенский отказывается от обобщающего их освещения и выступает с рядом отдельных очерков. В них рассматриваются личности наиболее выдающихся представителей византийского «содружества», общественная деятельность которых, по мнению ученого, раскрывает сущность византийско-славянских культурных контактов и «космополитического мира» Восточной Европы. В их число вошли Климент Охридский, Феофилакт Охридский, Владимир Мономах, Савва Сербский, митрополит Киприан и Максим Грек.

Безусловно, каждый из очерков передает обаяние изучаемых исторических персонажей благодаря глубине исследования и оригинальной авторской концепции. Принципиальной стороной творческих поисков Д. Оболенского является сочетание скрупулезного изучения источников и обобщающих наблюдений над эпохальными историко-культурными процессами и событиями. Прежде всего это обнаруживается в первом очерке о Клименте Охридском (с. 8—33). Выяснение белых пятен его биографии и общественной активности непосредственно связывается с вопросами о роли папства в деле создания и распространения славянской письменности, о непризнании восточнохристианской церковью «филиокве» и о причастности Климента к составлению кириллицы.

Остатки те же проблемы затрагиваются и в рассказе о Феофилакте Охридском (с. 34—82). Он предстает проводником имперской идеологии среди болгар, призванным удерживать их в подчинении Византии (с. 77). В очерке о Владимире Мономахе (с. 83—114) Д. Оболенский касается главным образом вопросов сохранения внешнеполитического единства Русского государства и преодоления им внешней военной угрозы. Ученый рисует картину нарастающего церковно-политического и культурного влияния на Русь Византии, в свете которого Владимир Мономах изображен в качестве носителя основного принципа византийской политической философии — идеала метаполитического авторитета императора для всего православного христианства.

Особо насыщена проблематика очерка о Савве Сербском (с. 115—172). В первую очередь анализируется государственное и церковное строительство Сербии. Их тесная взаимосвязь признана характерной чертой страны периода средневековья (с. 120). Последовательно освещая внезапные повороты судьбы Саввы, Д. Оболенский доходчиво разъясняет международное положение Сербии конца XII—первой трети XIII в. Оно обуславливается подъемом монашеского движения на Афоне и взаимоотношениями с папством, противоречиями между наследниками Византийской империи после ее крушения в начале XIII в. Вклад Саввы в создание независимых Сербского государства и церкви сделал его национальным героем.

В последних двух очерках рассказывается о превращениях жизни митрополита Киприана (с. 173—200) и Максима Грека (с. 201—219). Первому из них Д. Оболенский приписывает решающую роль в отношениях Византийской империи и народов Восточной Европы. Оценка общественно-политической и церковной деятельности Киприана сопровождается анализом противоборства Московского государства и Литвы, равно и реконструкцией внешней политики константинопольского патриархата. И наконец, Максим Грек, личность которого немислима вне итало-греческих культурных контактов, отнесен к числу последних представителей византийского мира с присущими ему традиционными связями России, Афона и Константинополя.

При всем разнообразии изучаемые в книге Д. Оболенского проблемы объединяются идеей христианского «содружества». Ее источником, как показывает прямая отсылка на одно из писем патриарха Филофея, явилось положение о «священной политике христиан». Это понятие воспринято в его «классическом» значении и без какой-либо аргументации и определения специфики средневековой семантики отождествляется с представле-

ниями о «сверхнациональной общности»².

И все же в большинстве очерков на первый план выдвигаются проблемы этнического самоопределения и культурной автономии славянских народностей. Именно это подчеркнуто в рассказе о Клименте Охридском (с. 20, 32). Далее, в очерке о Феофилакте Охридском сделан вывод о том, что национальное самоопределение составляет часть кирилло-мефодиевской идеологии (с. 77). А само творчество Феофилакта признано лишь промежуточным звеном в развитии византийского культурного космополитизма на пути к национальной традиции, сформировавшейся к XIII—XIV вв., когда Кирилл и Мефодий были впервые объявлены болгарам (с. 64—65). Одной из наиболее ярких тем главы, посвященной Владимиру Мономаху, оказывается проблема национального сопротивления иноземцам и единства, которые достигимы в результате подчинения, по словам ученого, личных интересов отдельных представителей княжеского рода национальным (с. 103, 107). В очерке о Савве Сербском Д. Оболенский отводит немалое место обоснованию идейно-политических и культурных принципов концепции «содружества». И в то же время автор книги находит возможность говорить также и о зарождении национального самосознания сербов. Оно воплощалось не только в политическом курсе правителей Сербии на государственный и церковный суверенитет, но и закреплено в составленной Саввой кормчей (с. 139, 153, 155).

Аналогичным образом в очерке о митрополите Киприане возвышение Московской Руси и Литовского княжества представлено на фоне идейно-политического и культурного «космополитизма» Афона и «международного» исихастского движения. Формирование государства и церкви славянских стран интерпретируется как проявление «сепаратизма и национализма» (с. 174, 180, 190, 196). Тот же «космополитизм» признан неотъемлемой сущностью и Максима Грека. Однако последнему, как полагает Д. Оболенский, пришлось столкнуться с распространением учения о третьем Риме, которое вытеснило византийскую модель универсалистской идеологии, равно и с политической русскими государей, проводимой в узких рамках «московского национализма» (с. 218).

Итак, Д. Оболенский рассматривает взаимоотношения Византии и стран Восточной Европы с позиций выработанной им концепции «содружества». Обоснование этой концепции само по себе не сни-

² См.: Каждан А. П. Рец. на: *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth*. L., 1971 // ВВ. 1973. Т. 35. С. 261.

мает вопроса о становлении и подъеме национальных государств и церквей. Ученый признает существование подобных процессов. Однако нам представляется, что интерпретация их как проявление «сепаратизма» и «национализма»

Карпов С. П. *Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: Проблемы торговли*. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.

Средиземноморской торговле в советской медиовистике в целом не повезло. Рецензируемая монография представляет собой первый в нашей историографии фундаментальный обобщающий труд, посвященный очень важной теме — одному из магистральных направлений этой торговли, между главными морскими республиками Италии — Генуей и Венецией — и Южным Причерноморьем.

Вполне обоснованно избраны хронологические рамки исследования: автор начинает его со второй половины XIII в., времени, когда итальянские города завязали торговлю с Южным Причерноморьем, и заканчивает 60-ми годами XV в., когда этот регион был завоеван турками-османами.

Особую ценность монографии придает богатейшая источниковедческая база: кроме практически всех опубликованных документов на десяти языках (включая турецкий и грузинский), тщательному анализу подвергнуто очень большое число разрозненных источников из архивов Венеции и Генуи.

Этническая пестрота населения и наличие в этом регионе различных государственных образований, существенно отличавшихся друг от друга и менявшихся на протяжении данного времени по своему облику и границам или же уступивших место другим, побудили автора после детального источниковедческого и историографического обзора перейти прежде всего к политической и экономической характеристике этих государств, уделяя особое внимание портам и пролегалкам по данной территории торговым маршрутам (гл. 1). Прослеживается основание факторий (после того как итальянцы прочно утверждаются с 60—80-х годов XIII в. на этих путях) во всех более или менее важных портах не только Южного, но и прилегающего к нему Юго-Восточного Причерноморья. Уже имевшиеся в историографии сведения об этих городах (как правило, весьма скудные) дополняются новыми данными о хозяйстве и их специфических чертах. Таким образом, у автора появляются достаточные основания систематизировать имеющиеся в его распоряжении материалы и классифицировать города по четырем типам: 1. Крупные центры международной морской и караванной торговли; 2. Города, средние по своей величине и значению, региональная торговля

несколько спорна. В целом труд Д. Оболенского служит совершенствованию концепции «содружества» и приданию ей нового качества.

Ю. Я. Вин

которых была все же связана с торговлей на большие расстояния (в городах этих двух типов было развито и ремесло); 3. Города, имевшие сношения только с округой, но при определенных обстоятельствах оказывавшиеся на некоторое время втянутыми в орбиту деятельности итальянских купцов; 4. Города, выполнявшие лишь функции крепости или административного центра. То обстоятельство, что фактории были основаны в крупных и средних городах, свидетельствует, по мнению автора, о вовлечении этих городов в международную торговлю.

Во второй главе рассматриваются товары, переправлявшиеся Генуей и Венецией через портовые города Причерноморского региона с Востока на Запад и из стран Западной Европы в обратном направлении, а равным образом местные товары, экспортировавшиеся на Запад, и структура торговли. Автор вносит коррективы в принятые раньше представления о соотношении этих групп товаров. Данные о концентрировавшейся в Южном Причерноморье торговле специями, сукнами, шелковыми тканями, мехами в разные периоды сведены в шесть таблиц, наглядно показывающих объем торговли, ее динамику, направление движения товаров (пункты вывоза и ввоза), цены на них и пр. Исследуя различия в ассортименте товаров, экспортировавшихся из данного региона, С. П. Карпов выявляет определенную специализацию отдельных областей, продукция которых через Трапезунд и другие центры доставлялась на Запад, а также перечень товаров, импортируемых сюда преимущественно из Северного Причерноморья для местного потребления, что, естественно, было тесно связано с внутрорегиональным товарообменом. Прослеживается постепенная трансформация структуры торговли, являвшаяся в значительной мере следствием менявшейся рыночной конъюнктуры, подъемов и спадов торговли (в особенности кризиса середины XIV в., после которого масштабы торговли начали неуклонно сокращаться). Эти изменения, в свою очередь, определялись совокупностью политических и других факторов. Особо следует отметить все более возрастающую роль работорговли. Впервые в исторической науке автор правильно установил пути, по которым вывозились в XV в. из Северного Причерноморья

рабы: главным образом через мусульманские центры южного побережья, в обход Константинополя и Перы, в Египет.

Рассматривая платежный баланс итальянских морских республик, С. П. Карпов приходит к вполне обоснованному выводу, что устойчивый дефицит золота и серебра в их торговле с Южным Причерноморьем полностью компенсировался за счет перепродажи доставленных товаров в другие страны Западной Европы.

Особый интерес представляет третья глава, в которой проводится глубокое исследование весьма своеобразных организационных форм этой торговли (являвшихся одним из индикаторов высокого уровня развития экономики Италии в XIII—XV вв.).

Ранней формой являлся торговый контракт типа комманды, где функции были разделены между партнером, вкладывавшим деньги, и его контрагентом, отправлявшимся в плавание. При этом автор отмечает любопытную особенность (возможную, на наш взгляд, только в социальном и психологическом климате Италии): купец, предоставлявший капитал на путешествие, а подчас и его компаньон, — если и он вкладывал некоторую долю денежных средств, — практиковали привлечение с целью увеличения общей денежной суммы (и уменьшения риска, распределявшегося между всеми участниками, даже косвенными) людей самого различного статуса — вплоть до мелких ремесленников, моряков и даже слуг.

С середины XIV в. комманда отступает на задний план: развитие банковского дела, связанного с этой торговлей, усиление ее организации имели своим следствием замену купца, отвозившего товары, комиссионным агентом, глубже осваивавшим местные рынки. Это означало, вместе с тем, вытеснение из торговли лиц, не принадлежавших к патрицианским родам, — закономерность, несомненно связанная с социальными переменами, происходившими в обеих крепнувших олигархических республиках, т. е. возвышением в них патрициата. Что же касается городов Южного Причерноморья, то в них еще долгое время сохранялась в торговле с другими центрами региона та же комманда.

Удивительная гибкость итальянских купеческих ассоциаций XIV—XV вв. сказывалась и в привлечении, помимо комиссионных агентов, множества лиц, получавших доверенность на доставку товаров, их продажу, взыскание долгов и т. п., а также в совершенствовании системы страхования товаров (ставшей одной из сфер деятельности венецианского и генуэзского патрициатов). Настоятельная потребность в кредите при ведении крупномасштабных торговых операций вызвала к жизни разнообразные типы ссудных сделок. Детально исследуя их,

автор выявляет устойчивую тенденцию: совершенствование их форм и расширение функций итальянских компаний, которые начинают соединять в своих руках торговлю и кредитное дело. Важным представляется нам следующее наблюдение автора: деятельность итальянских компаний оказала воздействие на купечество Южного Причерноморья, которое заимствовало у итальянцев применявшиеся ими методы.

Один из самых значительных разделов исследования — изучение самого механизма образования торговой прибыли — главного показателя состояния торговли. Автор начинает с выяснения основных исходных данных — разницы цен на те же товары на рынках Италии и Южного Причерноморья, торговли с которым, как было выяснено выше, тоже имела значение. Подобное изучение наталкивается на серьезные трудности: очень сложно выяснить, что же представляют собой упоминаемые в источниках товары по всем своим параметрам, учесть постоянные колебания цен, различия мер и весов в тех или иных местностях; к тому же в отдельные периоды сведения о ценах отсутствуют. Тем не менее С. П. Карпову удается найти достаточно адекватное и развернутое во времени сопоставление цен, которое отражено в соответствующей таблице.

Следующая поставленная перед собой автором задача логично вытекает из первой: для определения нормы прибыли необходимо вычистить из доходов, являвшихся следствием разницы цен при покупке и продаже товаров, стоимость их перевозок по морю и суше, содержание факторий, самый главный расход — налоги на торговлю (взимаемые в Трапезунде, Венеции, Генуе и других местах) и пошлины, плату комиссионным агентам, убытки при кораблекрушениях, самое трудно уловимое по документам — вымогательства чиновников и др. Данные, почерпнутые в книге счетов осевшего в Константинополе венецианского купца Бадозра (30-е годы XV в.), одним из самых содержательных источников, эффективно использованы в наглядных и развернутых таблицах. Большое значение имеет вывод автора относительно того, что естественным следствием перехода торговли на более высокую ступень развития является ее сосредоточение во всем Восточном Средиземноморье во второй половине XIV—первой половине XV в. в руках профессионалов. В этот период происходит «унификация цен и прибылей», уменьшение последних («время баснословных барышей ушло в прошлое», с. 259), но большая их стабильность. В целом же после кризиса середины XIV в. изменился сам характер торговли с Востоком: во-первых, заметно увеличилась в ней роль очень богатых

итальянских купцов; во-вторых, они (в первую очередь генуэзцы) перешли к торговле местными товарами. Отсюда более глубокое проникновение итальянцев в города Южного Причерноморья, где они имели возможность опираться на сложившуюся структуру местной торговли.

В четвертой главе автор определяет социальный и имущественный статусы различных групп купечества, занимавшихся торговлей в этом регионе, виды товаров, которые они закупали и сбывали, состав местных купцов, принимавших участие в совместных торговых операциях. Сведенные в таблицу просопографические данные убедительно показывают значительное преобладание генуэзских купцов над венецианскими (за исключением Трапезунды и Тавриза). Интересны характеристики отдельных типов купцов, основанные на их завещаниях и других актах.

Усложняет устойчивое представление о взаимоотношениях между венецианцами и генуэзцами материал, в значительной мере почерпнутый в архивах этих городов. Выясняется, что наряду с общеизвестным, длившимся столетиями соперничеством между купцами Венеции и Генуи, которое доходило порой до вооруженных столкновений, налицо были постоянные (порой сохранявшиеся и во время войн!) деловые связи между ними, взаимное кредитование, перевозка венецианцами на своих кораблях товаров, принадлежавших генуэзцам, и т. д.

Различия в положении венецианцев и генуэзцев в изучаемом регионе не ограничивались численным превосходством последних: венецианцы вообще обособились здесь не слишком прочно, хотя и пользовались поддержкой своего государства, а генуэзские купцы широко освоили как Южное, так и Северное Причерноморье. Они не были столь зависимы от метрополии (впрочем, и не обладавшей достаточными силами для оказания им помощи), чаще, чем купцы Венецианской республики, переселялись на постоянное жительство в фактории Южного Причерноморья и были теснее связаны с местными купцами. Последнее обстоятельство приводит С. П. Карпова к постановке новой существенной проблемы — участия в торговле местных купцов. Автор, вводя в научный оборот обильный документальный материал, переосмысливает недавно доминировавшее в историографии представление об ограниченных масштабах активной торговой деятельности греческих купцов. Несмотря на то что господствующие позиции в торговле этого региона, естественно, занимали итальянцы, греческие (особенно трапезундские) купцы вели не только внутреннюю торговлю. В XIV в. и особенно в первой половине XV в. они расширяли сферу своей деятельности, завязывая

(обычно вместе с итальянскими предпринимателями, заинтересованными в этом сотрудничестве и в инвестициях их капитала) торговлю с Кафой и другими центрами Северного Причерноморья, откуда они вывозили зерно и другие товары в области Южного. Поэтому вполне обоснован вывод о том, что торговая активность итальянцев не препятствовала, а, напротив, способствовала развитию торговли греческих купцов Южного Причерноморья, которые не только усваивали опыт венецианцев и генуэзцев, но и нередко превращались в их младших партнеров. Даже завоевание этих областей турками не положило конца торговле греков.

Последние разделы четвертой главы посвящены почти не изученным вопросам и написаны главным образом на основе архивных актов. Речь идет о торговле мусульманского (в основном турецкого), а также армянского и принадлежавшего к другим этническим общностям купечества Южного Причерноморья. Как выясняется, и эти купцы втянулись, хотя и в небольшой степени, в торговлю (мусульмане главным образом в работоторговлю), подобно греческому населению, но слабее были связаны с итальянцами.

Рассмотрение торговой политики, которой придерживались в отношении Южного Причерноморья морские республики (пятая глава), завершает исследование. Подчеркиваются значительные различия между политикой Венеции и Генуи. В Венеции она была почти полностью сосредоточена в руках государства, а в Генуе отдельные богатые купцы, купеческие компании и с начала XV в. банк Сан Джорджо большей частью торговали самостоятельно, хотя Генуэзская республика тоже прилагала немалые усилия к тому, чтобы поставить своих граждан в наиболее благоприятные условия. При этом генуэзцы опирались на разветвленную сеть факторий и фондако, сближаясь с верхним слоем жителей тех городов, которые стали центрами их торговли. Детально рассматриваются разнообразные методы, к которым прибегали обе республики для достижения своих целей. Особенно следует выделить натурализацию некоторых местных жителей, так как предоставление им привилегий, аналогичных итальянским, сближало их с последними. Это означало упрочение положения самих итальянских купцов в Южном Причерноморье.

В целом же позиции, занятые в отношении местных купцов, зависели от изменений, которые претерпевала сама торговля. До середины XIV в. она сводилась в основном к транзиту предметами роскоши, и города этого региона были в ней лишь промежуточными пунктами; в этих условиях к участию в ней привлекалось лишь ограниченное число местных богатых купцов. Позднее характер торговли

изменился: все больший удельный вес стали занимать в ней дешевые местные товары Южного и Северного Причерноморья, вывозившиеся на Запад. В подобной ситуации итальянцы, как справедливо отмечает автор, были заинтересованы в деловом сотрудничестве как с крупными купцами, так и с мелкими торговцами этого региона.

К сожалению, весьма ограниченный объем монографии не позволил дать в виде приложений библиографию, индекс географических названий. Явно не хватает одной-единственной карты Южного Причерноморья для двух с лишним столетий, на протяжении которых границы государственных образований на этой территории неоднократно менялись. Заключение пришлось дать чрезмерно кратким. Порой язык повествования слишком лапидарен, что приводит изредка к некоторой неясности; так, не совсем понятно, какие же представители венецианского плебейства осели в городах Южного Причерноморья (с. 264); может быть, речь идет о пополаханах? В любом случае утверждение нуждается в развернутом пояснении. На наш взгляд, термины «коммерция», «негоциант» мало подходят к периоду XIII—XV вв.

Исходя из содержания книги, попытаемся предложить несколько возможных вариантов будущих исследований. Новая, более высокая оценка роли в товарообмене, особенно со второй половины XIV в., местных греческих купцов (подчас получавших от Генуи и Венеции существенные права) и участия итальянцев во внутрирегиональной торговле

позволяет с несколькими иными позициями подойти к характеристике состояния городов Южного Причерноморья, стимулирует дальнейшую разработку этой проблемы.

Далее, как показывает автор, генуэзские купцы вывозили на Запад также локальную аграрную продукцию (например, вино). Хотя они сами не отправлялись в сельскую округу, а скупали продукты у местных торговцев, увеличение сбыта такой продукции не могло не оказать влияние на экономические и социальные отношения в деревне региона. Было бы интересно проследить эти изменения (разумеется в том случае, если имеются соответствующие источники).

Написанная на очень высоком уровне монография С. П. Карпова имеет особо важное значение благодаря тому, что скрупулезный анализ источников, в том числе впервые введенного в оборот архивного материала, позволил заполнить лакуны и по-новому взглянуть на ряд существенных аспектов избранной темы. К тому же монография имеет значение и для исследования истории самих государств Северного Причерноморья, а в известной степени также Крыма, Западного Кавказа и Персии. Наконец, теоретические выводы автора значительно расширяют возможности не только конкретно-исторического, но и методологического решений общей проблемы — роли и места товарного уклада в феодальном обществе эпохи его расцвета.

М. Л. Абрамсон

Strässle P. M. Der internationale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261—1484 im Spiegel der sowjetischen Forschung. Bern; Frankfurt a. Main; N. Y.; P.: Verlag Peter Lang, 1990. XI+384 S. Anm. I—V+XI S. 2 Karte.

Молодой швейцарский ученый П. М. Штрэссле поставил перед собой нелегкую и нетрадиционную для западноевропейской медиэвистики задачу: проанализировать развитие советской историографии черноморской торговли и колонизации в XIII—XV вв. во всех ее аспектах, от теоретико-методологических основ до конкретных результатов исследований. При этом он задается целью дать зеркальное отображение состояния советской исторической науки (с. 1). Штрэссле рассматривает труды по истории и археологии Черноморья за период с 1917 до 1986, в отдельных случаях до 1988 г. (с. 2, 20—21) на русском и украинском языках, а также публикации советских ученых за рубежом. Из обзора исключены нумизматические и эпиграфические штудии, носящие частный характер (с. 236, примеч. 3), описания путешествий, учебники (с. 5).

Стремление П. Штрэссле к максимальной четкости и универсальности используемых дефиниций, ясность и продуман-

ность постановки вопросов выгодно отличают эту работу.

После введения, где формулируются задачи и принципы исследования, автор дает краткое изложение экономического и политического развития Причерноморья и Византии в XIII—XV вв. В основной части книги, вслед за общей оценкой развития советской историографии в 1917—1988 гг., П. Штрэссле подробно рассматривает изучение торговых поселений и колоний Причерноморья, торговых путей, товаров, предпринимательских слоев («социальных носителей торговли»), торговой, колониальной и фискальной политики. Анализ осуществляется по примерно одинаковой схеме: сначала автором выделяются объекты и критерии рассмотрения, затем исследуется применяемая советскими учеными терминология, теоретическая основа и способы типологизации, критически оценивается разработанность каждой проблемы применительно к каждой из областей Причерноморья и подводятся итоги.

Чтобы максимально полно отразить формальные параметры, характеризующие состояние исследовательской работы в разных научных центрах СССР, П. Штрэссле приводит таблицу, демонстрирующую географию научных публикаций. В удобные таблицы сведены также данные об использованных автором исторических источниках (с классификацией их по типам, темам, регионам и периодам), о названиях торговых поселений и колоний, о категориях товаров. Две географические карты показывают местоположение торговых поселений и прохождение торговых путей.

П. Штрэссле выделяет целую серию факторов, обуславливавших функционирование и вызывавших изменения направлений торговых путей. Среди них названы и хозяйственно-политические предпосылки, и транспортные возможности, и категории товаров, и техника дорожного строительства, и обеспечение безопасности, и, наконец, социальный облик «носителей торговли» (с. 85—86). Учет этих факторов П. Штрэссле берет за основу при оценке советской историографии, справедливо обращая внимание на нечеткость используемых ею дефиниций. Но и Штрэссле, в свою очередь, не разграничил понятия «торговые пути» и «пути сообщения» (см. с. 102—103). Между тем единственный факт использования дороги для перевозки товаров еще не доказывает, что она была торговым путем. В этом отношении примечательно четко определившаяся в последние годы тенденция выделять магистральные коммуникации дальней торговли и систему региональных торговых путей. Во всем Причерноморье в XIV—XV вв. наблюдается процесс распада дальних связей, замены их более разветвленной, но менее централизованной сетью местных коммуникаций, расширения к XV в. географии торговых связей Каффы, Трапезунда, других крупных городов региона¹. Это не нашло должного отражения в работе Штрэссле.

Мы согласны со многими весьма критическими оценками П. Штрэссле. Действительно, научные дискуссии долгое время оставались «чуждым словом» в советской историографии Причерноморья (с. 25). Справедливы многочисленные ссылки Штрэссле на нечеткость терминологии, отсутствие семантического и критического анализа понятий и дефиниций

¹ См., например: Еманов А. Г. Система торговых связей Каффы в XIII—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 8—9; Он же. Восточное направление торговли Каффы в XIII—XV вв. // ВЛГУ. Сер. 2. 1986. Вып. 3. С. 99—102; Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв. М., 1990. С. 58—63.

(с. 36, 53, 82, 87, 132 и др.), классификации и типологизации явлений и институтов торговой и колониальной практики средневековья. Верно, что и доньяне история черноморской торговли в целом, всех торговых поселений этого региона в XIII—XV вв. еще не была предметом междисциплинарного комплексного обобщающего исследования в советской (как, впрочем, и в зарубежной. — С. К.) историографии (с. 16, 54—55). Однако объяснение этого тем, что византиноведение было якобы долгое время «падчерцей» в советской исторической науке (что неверно, особенно для послевоенного периода), и тем, что черноморские проблемы находились до конца 50-х годов на периферии исследовательских интересов как не относящихся к развитию собственно русских территорий (с. 16), не убедительно. И дело не только в том, что рестриктивная научная политика, ограничение научных контактов советских ученых, нередко их слабая языковая подготовка, огульная критика в прошлом так называемой «буржуазной» историографии (с. 16—17) и, добавим, идеологические табу, извращенное понимание проблемы научной актуальности, догматизм в трактовке положений основоположников марксизма-ленинизма препятствовали нормальному исследовательскому процессу. Все это так. Но есть и продолжают существовать и куда более веские объективные причины. Для подобной обобщающей работы, на наш взгляд, еще не созданы необходимые научные предпосылки. Для ее подготовки необходима целая серия конкретных, посвященных отдельным областям и проблемам исследований, выявление и публикация основного массива источников, прежде всего в итальянских и турецких архивах, проведение новых масштабных археологических работ как в Северном, так и в Южном Причерноморье (где они практически не осуществлялись). Необходимо создание базы данных источников всех типов. Такая работа рассчитана на многие годы. Абстрактно справедливое замечание при конкретном рассмотрении оказывается умозрительным.

Принципиально важным и дискуссионным остается вопрос: как называть итальянские поселения в Причерноморье, одни из которых были целыми большими городами (Каффа), мощными крепостями (Солдайя, Симиссо и др.), другие — скромными селеньями на чужой территории. Можно ли именовать их колониями, как это часто делалось в советской историографии, применительно к Северному Причерноморью? Штрэссле полагает (с. 58, 60), что термин «торговое поселение» — наиболее синтетический, обозначающий как *genus proximum* и торговую колонию, и факторию, и квартал, и стратегический опорный пункт. Фактория же может рассматриваться как

первая ступень торговой колонии. Мне представляется, что для решения вопроса об определении типа торговых поселений Причерноморья необходим тщательный анализ их экономического, политико-юридического положения и объема прав (обладали ли они *dominium directum*, экстерриториальностью, какими-то специальными привилегиями), а также состава населения, характера отношений с местными жителями и властями, с метрополией. Пока такая работа не проведена во всем объеме, наиболее оправданным является (и в этом мы согласны со Штрэсселе) употребление общего термина «торговое поселение» вместо менее определенного и двусмысленного термина «колония».

Обобщая и критически анализируя большой круг разноплановых трудов, книга Штрэсселе не является все же, как было заявлено автором, «зеркалом» советской историографии Причерноморья. В работе, несмотря на тщательность и широкий охват литературы, все же имеются ощутимые лакуны. К примеру, из поля зрения автора выпали историко-архитектурные исследования Каффы², Солдайи и Восточного Крыма³ (указываем как работы, вышедшие до 1988 г., так и, в порядке дополнения, после). Трудно согласиться с утверждениями Штрэсселе, что в советской историографии не рассматривались проблемы истории торговли Зап. Причерноморья (с. 3), торговые поселения карпато-днестровского региона (с. 82, 227) или хозяйственно-политическая роль городов кавказского побережья (с. 50, 53 и др.). Отметим труды по болгарскому Причерноморью Л. В. Гориной⁴ и Д. И. Польшанного⁵.

² Например: Халпахчян О. Х. Этапы планировки и застройки Феодосии: (С древнейших времен до конца XVIII в.) // Архитектурное наследство. 1976. Т. 25. С. 35—49; Он же. Данные о неизвестном армянском монастыре в Каффе // Историко-филол. журнал АН АрмССР. 1978. № 2; Айбабина Е. А. Оборонительные сооружения Каффы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 67—81.

³ Баранов Ю. А. Вновь открытый храм генуэзской колонии в Солдае // Четвертый Междунар. симпозиум по арх. искусству: Тез. докл. Ереван, 1985. С. 48—49; Он же. Главные ворота средневековой Солдаи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. . . С. 91—97; Сидоренко В. А. Исследования архитектурных стилей Юго-Восточного Крыма // Там же. С. 115—128; Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. // Итоги Археол. экспедиций Гос. Эрмитажа. Л., 1989. С. 141—157.

⁴ Горина Л. В. Города болгарского Причерноморья в середине XIV в. по

Последний, кстати, затрагивал проблему и в типологическом аспекте. К проблеме типологии городов обращался и В. Н. Завражин⁶. Торговые и политические связи с итальянскими морскими республиками Карпато-Днестровского региона изучались И. Г. Коноваловой⁷ и Г. В. Гонцой⁸; Северного Кавказа — А. М. Некрасовым⁹, Закавказья — Ю. Н. Вороновым¹⁰, Т. Н. Берадзе¹¹, Р. Н. Кацця¹², Э. М. Мамиствалишвили¹³, Д. Г. Пайчадзе¹⁴ (следуя критерию от-

дневнику А. Барбери // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 72—83; Она же. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972; и др.

⁵ Польшанного Д. И. Болгарский средневековый город в XIII—XIV вв.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1980; Он же. Средневековый болгарский град през XIII—XIV вв. С., 1989.

⁶ Завражин В. Н. «История» Иоанна Кантакузина и некоторые проблемы развития поздневизантийского города: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1980; Он же. Некоторые проблемы истории поздневизантийского города в новейших исследованиях // ВВ. 1980. Т. 41. С. 273—280; и др.

⁷ Коновалова И. Г. Социально-экономическая и политическая история Карпато-Днестровских земель XIII—XIV вв. по данным итальянских и арабских источников: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1984; и др.

⁸ Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия в последней четв. XV—первой трети XVI в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Кишинев, 1982. Монография под тем же назв.: Кишинев, 1984.

⁹ Некрасов А. М. Западный Кавказ в системе международных отношений последней четверти XV—перв. пол. XVI в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1983; Он же. Международные отношения и народы Западного Кавказа последней четверти XV—первой половины XVI в. М., 1990.

¹⁰ Воронов Ю. Н. Диоскуриада—Себастиополис—Цхум. М., 1980; и др.

¹¹ Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии: Автореф. дис. . . докт. ист. наук. Тбилиси, 1986. Монография под тем же назв.: Тбилиси, 1989.

¹² Кацця Р. Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII—XV в.). Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1985; и др.

¹³ Мамиствалишвили Э. М. Внешнеполитические взаимоотношения Грузии во второй половине XV в. и в XVI в.: Автореф. дис. . . докт. ист. наук. Тбилиси, 1983.

¹⁴ Пайчадзе Д. Г. Антиосманская коалиция европейских стран и Грузии в 60-х

годах XV в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Тбилиси, 1984.

¹⁵ Например: Византия, Средиземноморье, Славянский мир. М., 1991; Причерноморье в средние века. М., 1991; Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д., 1986; Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д., 1988; Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов-н/Д., 1989; Северное Причерноморье: (Материалы по археологии). Киев, 1984; Архитектурно-археологические исследования в Крыму. . . ; Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв. Л., 1988; Итоги исследования Азово-Донецкой экспедиции в 1986 г. Азов, 1987; Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. Азов, 1988; Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Азов, 1989.

¹⁶ Например: Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986; Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв.: Проблемы

Balard M. Les Croisades. P., 1988. 213 p.

Книга профессора Парижского университета (Валь де Марн) М. Балара — не традиционная история крестовых походов. Это продуманный терминологический словарь с большими вводными статьями о каждом из походов, библиографическим и хронологическим указателями, генеалогической таблицей иерусалимского королевского дома, картами и схемами. Труд Балара вполне отражает новые подходы к истории крестовых походов не только как к военным экспедициям на Восток, но и как к широким миграционным движениям, охватывавшим различные, большие и малые, социальные группы на Западе. Автор справедливо возражает против практики употребления все словосочетания «крестовые походы», которым обозначают все что угодно, вплоть до борьбы с саравчой в Африке (с. 9). Для самих участников крестовых походов, впрочем, они были

П. Штрэсселе постоянно подчеркивает необходимость типологизации как основного исследовательского метода. Однако существуют различные уровни как методологии, так и методик научного познания, вариативность исторических объяснений, отнюдь не сводимых только к типологическим или структурно-функциональным видам интерпретаций, которые выделяются П. Штрэсселе в качестве ключевых¹⁸.

Не всегда логически правомерен и часто применяемый Штрэсселе прием, когда он сам формулирует вопросы и ищет ответы на них в трудах, посвященных иным сюжетам, отмечая потом отсутствие адекватных его вопросам решений тех или иных проблем.

Но, как бы ни оценивать конкретные положения книги П. Штрэсселе, она безусловно полезна, ибо применяет системный анализ к историографическому материалу, знакомит зарубежную научную общественность с проблематикой и выводами работ многих десятков советских историков и археологов, дает возможность и нам посмотреть с критической стороны на непростой путь развития науки в СССР.

С. П. Карпов

истории византийского города: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1987.

¹⁷ Например: Карпов С. П. Итальянские морские республики. . . (там же библиография); Хвостова К. В. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV—XV вв. // ВВ. 1989. Т. 50. С. 36—46; и др.

¹⁸ См. об этом подробнее: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 26—41, 230—239.

Добавим, что такое прямое порождение крестовых походов, как Латинская Романия, существовало еще в XVI и даже в XVII в. Разумеется, и содержание, и форма, и идеология крестоносного движения существенно эволюционировали, и это хорошо показано автором, обратившимся к такому феномену, как «политические крестовые походы», экспедиции, используемые папством в борьбе с их противниками в самой Италии (с. 89—90), крестовые походы против еретиков (с. 114—117) и т. д.

Некоторые из статей словаря представляют собой оригинальные самостоятельные исследования. Это относится, например, к проблемам финансирования походов (с. 103—105), способов обороны Святой Земли (с. 91—95), интерпретации последствий походов (с. 13—14), неоднозначных для Запада и Востока. Прежде всего, справедливо подчеркивает Балар, крестовые походы углубили ров, разделявший христиан и мусульман. И хотя исламские философы и историки не понимали сути крестоносного движения, интерпретируя его как противостояние рас, а не религий, оно все равно порождало и питало идеи джихада. И если первоначальной идеологией «пилигримов» была ограниченная цель освобождения Гроба Господня, то идеологией джихада, в значительной мере закрепленной крестовыми походами, напротив, была универсальная цель борьбы с немусульманами до тех пор, пока вся земля не будет подчинена аллаху (ср. также с. 96—98, 123—126). Для Византии IV крестовый поход сделал схизму долговременной реальностью. Для Запада сами по себе походы не были расширением горизонтов и встречей цивилизаций. В развитии культуры франкских государств Ближнего Востока не отмечены большие успехи (не совсем так, впрочем, обстояло дело в Латинской Романии, ставшей передаточным звеном многих достижений греческой цивилизации Западу и отчасти элементов латинской культуры византийскому миру в преддверии и в эпоху Ренессанса. — С. К.). Крестовые походы были первым непосредственным и широким участием народных масс Западной Европы в исторических процессах, рождением новой духовности западного христианства, солидаризируется с А. Воше М. Балар (с. 13). Прямые выгоды от них извлекали итальянские морские республики. В Италии долгое время сохранялись традиции и дух крестовых походов (с. 129).

Естественно, что в содержательной, затрагивающей многие аспекты книге Балара имеются отдельные пробелы и неточности. Нет в ней, например, статей о государствах и правителях Латинской Романии. Раздел о госпитальерах не восполняет отсутствие характеристики такого форпоста крестоносцев на Леванте, как Родос. Образ Бонифация Мон-

ферратского (с. 72) обделен тем, что не упоминается его покровительство трубадурам, участвовавшим, как, например, Раймбаут Вакейрасский или Элиа Кайрель, в IV крестовом походе и написавшим интересные стихотворные произведения о его событиях и последствиях. В разделе о критике крестовых походов нет даже упоминания о спорах в самом войске рыцарей по вопросу об отклонении направления IV крестового похода (с. 84).

Недостаточность личного состава войска крестоносцев на Востоке М. Балар считает главным фактором, обусловившим слабость латинских государств (с. 93). Видимо, такое объяснение без учета сути проводимой крестоносцами политики, имеющихся в их распоряжении ресурсов, международной ситуации (что в какой-то мере отмечается автором в других статьях) все же неполно.

Мнение о коронации в Константинополе накануне его штурма крестоносцами 13 апреля 1204 г. Феодора Ласкаря (с. 43) отвергается в современной историографии. На самом деле императором был провозглашен его брат Константин¹.

Библиография к работе Балара дана в самом суммарном виде, она ориентирует читателя в обобщающих трудах, главным образом на французском и английском языках, и сводах источников. Жаль только, что подчас даже основополагающие труды по тем или иным вопросам опущены. Так, например, не упомянуты книги Б. Цветковой о Варненском крестовом походе 1444 г. (с. 59)², Р. Лили — о Византии, о государствах крестоносцев в Сирии и Палестине и итальянских морских республиках³; за кадром остается и вся литература на греческом и славянских языках.

Предназначенная как широкому читателю, так и специалисту, книга М. Балара современна и по форме изложения и по трактовке проблем, объяснению фактов, событий, судеб участников и жертв крестовых походов.

С. П. Карпов

¹ См., например: *Жаворонков П. И.* У истоков образования Никейской империи: (Оценка деятельности Константина XI Ласкаря) // ВВ. 1977. Т. 38. С. 30—37; *Savvides A.* Constantine (XI) Lascaris, Uncrowned and Ephemeral («Basileus of the Rhomaioi» after the Fall of Constantinople to the Fourth Crusade // *Byzantinische Zeitschrift*. 1987. Т. 7.

² *Cvetkova B.* La Bataille mémorable des peuples. Sofia, 1971.

³ *Lilie R.-J.* Byzanz und die Kreuzfahrerstaaen. München, 1981; *Idem.* Handel und Politik zwischen dem Byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi (1081—1204). Amsterdam, 1984.

Труд петербургского тюрколога К. А. Жукова посвящен истории западноанатолийских эмиратов Ментеше, Айдын, Сарухан и Кареси. Вряд ли нужно специально объяснять значение этих эмиратов для внешней и внутренней жизни Поздней Византии: военная экспансия этих государств в первой половине XIV в. подорвала византийское политическое господство в Западной Анатолии, а дальнейшее распространение тюркских кочевников на вновь завоеванных территориях вытеснило из этого региона греческое население. Эти захваты эгейских тюрок, лишив Византию ее важнейших анатолийских провинций, во многом предопределили необратимость упадка империи. Вместе с тем с 30-х годов XIV в. по начало XV в. эмираты нередко выступают как союзники Византии.

Однако эта важная тема взаимоотношений Византии с Эгейскими эмиратами до сих пор оставалась вне поля зрения отечественной исторической науки. К счастью, рецензируемая работа в значительной мере заполняет этот пробел.

Проблемы политической истории Эгейских эмиратов, их внешнеэкономические связи (особенно с Венецией и Генуей) разработаны относительно хорошо в результате фундаментальных исследований В. Гейда, П. Виттека, Х. Акына, П. Лемерля и вышедшей недавно обобщающей работы Э. Захариadou¹, однако внутренняя жизнь эмиратов так и не получила должного освещения. К. А. Жуков не ограничивается традиционным подходом к теме. Одной из основных целей исследования, как это формулирует автор, является «установление уровня общественного развития Эгейских эмиратов в XIV в.» (с. 6). Автор стремится дать сбалансированную картину не только внешних связей эмиратов, но и их социально-экономической и культурной жизни. Эта сложная ввиду фрагментарности и неполноты источников задача решается комплексно. Широко привлекаются данные нарративных источников, нумизматический и эпиграфический материалы. Весьма плодотворно исполь-

зуется активный материал, причем не только традиционный для этой темы венецианский, но и тюркский. Источниковая база исследования весьма обширна — она представлена разнообразными итальянскими, турецкими, греческими, латинскими, английскими, французскими, немецкими, персидскими и славянскими первоисточниками, большая часть которых привлечена на языках оригиналов.

Наибольший интерес для византинистов, как кажется, представит первая глава монографии, посвященная политической истории эмиратов. Впервые в отечественной историографии история взаимоотношений Византии с Эгейскими бейликами изложена столь полно и точно и, что особенно важно, с учетом данных восточных источников. В сжатом, насыщенном информацией тексте автор сводит воедино новейшие данные по военной и политической борьбе в Западной Анатолии в конце XIII—начале XV в. Делается ряд значительных дополнений и уточнений. Укажем лишь некоторые из них.

В первую очередь отметим весьма убедительное, на наш взгляд, новое толкование антропонима Салпакис, встречающегося у Пахимера. Поддерживая мнение В. Томашека и П. Виттека, что *Σάλπας / Σαλμπας* не собственное имя эмира Ментеше, воевавшего с византийцами в конце XIII в., но его титул, автор выдвигает насколько простое, настолько же и убедительное толкование — это искаженная передача титула «челеби». Таким образом, теперь можно с уверенностью говорить, что титул «челеби» возник уже во второй половине XIII в., а «История» Георгия Пахимера содержит одно из первых его упоминаний (с. 21—22).

Автором существенно уточнены даты биографии шейха Бадра ад-Дина (с. 61 и примеч. 91; с. 63 и примеч. 99; с. 69 и примеч. 117). Убедительна и новая датировка восстания Берклюджи Мустафы: оно было подавлено уже в первой половине 1415 г. Новое наблюдение, что социальная база восстания не ограничивалась деревенством и крестьянством, но включала в себя и многих представителей господствующего класса (с. 68—69).

На наш взгляд, весьма ценно и плодотворно стремление автора собрать сведения, касающиеся влияния эмира Тимура и его преемника в Иране Мирзы Шахруха на систему международных отношений в Анатолии уже после ухода из нее среднеазиатского завоевателя (с. 62 и примеч. 97; с. 70, 75—76). Дальнейшая разработка этого вопроса, вероятно, сможет добавить новые штрихи в нынешнее представление о взаимоотношениях государств этого периода (а в их

¹ *Heyd W.* Histoire du Commerce du Levant au Moyen Âge. Leipzig, 1885—1886. Vol. 1—2; *Wittek P.* Das Fürstentum Mentesche: Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13—15. Jahrhundert. Istanbul, 1934; *Akin H.* Aydin-ogullari tarihi hakkinda bir arastirma. Ankara, 1968; *Lemerle P.* L'Emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident: Recherche sur «La Geste d'Umur Pacha». P., 1957; *Zachariadou E.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415). Venice, 1983.

числе Византии и Трапезундской империи), в первые десятилетия XV в.

Автор предлагает ряд новых датировок событий, пересматривает трактовку некоторых из них. Это стало возможным благодаря привлечению новых для исследуемой темы источников (например, варианта хроники Нешри, отредактированного анонимным автором из Измира, нумизматического материала из собрания Эрмитажа, данных эпистолярного наследия вазира и историка Рашид ад-Дина и др.), а также углубленному толкованию уже известных текстов (например, Георгия Пахимера, Энвери и др.).

Во второй главе, посвященной внешне-экономическим связям Эгейских эмиратов, весьма интересен ретроспективный анализ поздних османских источников об организации торговли в регионе (с. 86—87). Немаловажно и то наблюдение автора, что в 70-е годы XIV в. в эмиратах была велика роль не только Венеции, но и генуэзцев и родосских торговцев; в 80-е годы роль Генуи еще более возрастает (с. 97—99). Убедительна и остроумна расшифровка термина «наматария», встречающегося в тексте соглашения между дукой Крита и эмиром Ментеше от апреля 1331 г. «Наматария» соответствует восточному «шарабдар» (т. е. «хранитель эмирских винных погребов»), только арабское «шараб» (вино) заменено греческим «нама», означавшим марку знаменитого кипрского вина (с. 83—84). Заслуживает внимания и другая расшифровка: *passia* / *passias* из договора 1337 г. между венецианцами и эмиром Ментеше означает или «баджи», т. е. сборщика пошлин, или «песа-джи», т. е. весовщика (тюркизованная форма от ср. итал. *pesatore*) (с. 89).

Поистине новаторский характер и по проблематике и по источниковой базе носит третья глава монографии, посвященная социально-экономической жизни эмиратов. Из ретроспективного анализа ряда османских источников выявлены новые и важные сведения по внутренней торговле, ремеслам и промыслам региона (с. 110—116). Ряд новых данных окончательно доказывает существование доосманского тимира в западноанатолийских бейликах (с. 116—118). Анализ позднеосманских источников позволил также выделить и некоторые черты, отличавшие и западноанатолийский тимар от османского (с. 118—119). В «Заключении», обобщившем исследование, уровень общественного развития эмиратов характеризуется как этап раннего феодализма. Интересен и другой вывод: «Эгейские эмираты стадияльно обгоняли османское общество».

Рецензируемое исследование оставляет самое благоприятное впечатление, однако некоторые его положения вызывают наши возражения. Так, автор пишет: «... отступая под натиском монгольских пол-

чищ... Джелаледдину удалось на некоторое время объединить под своей властью Хорасан и обширные сопредельные области» (с. 12). На самом деле история последнего хорезмшаха была сложнее. Из Хорасана он отступил в Индию, из Индии с войском он перешел через Южный Иран в Азербайджан и Ирак. Хорасаном он не владел².

Вряд ли можно согласиться с автором в том, что Энвери мог подразумевать под «текфуром» генеральным капитаном Священной лиги (с. 34). Титул «текфур» преимущественно употреблялся по отношению к царям, а именно по отношению к византийским, никейским и трапезундским императорам, а также царям Армении. Случаи, чтобы его относили к западноевропейским государям, а тем более магистратам, чрезвычайно редки и исключительны. Употребление его по отношению к генеральному капитану весьма сомнительно — это титул самодержцев.

Сомнение вызывает и решение другого частного вопроса. Автор выступает против предположения Э. Захариаду, что сын султана Баязида Эртогрул-бек, османский наместник в Теологе, был казнен эмиром Тимуром в 1400 г.³ — по его мнению, Эртогрул был убит в сражении между Баязидом и сивасским султаном Бурхан ад-Дином при Кыркдилим, которое, как считает автор, произошло в 1395/1396 г. (с. 57—58, примеч. 85). Однако это утверждение ошибочно по нескольким причинам. Во-первых, кроме известных К. А. Жукову слухов о смерти некоего сына Баязида, распространившихся в Европе после 1400 г., существуют и другие сведения, позволяющие думать, что Эртогрул погиб после захвата Тимуром города Сиваса в 1400 г. Так, тимуридские источники сообщают о пребывании в плену у Тимура «сына эмира Мурада». Еще Й. Хаммер указывал, что речь здесь идет, скорее всего, не о сыне османского султана Мурада, но о сыне султана Баязида — Эртогруле. В известном издании Н. Йорги приводится не слух, но свидетельство послов-очевидцев, бывших у Тимура, о пленении среднеазиатским завоевателем «сына Баязида», т. е. Эртогрула⁴. Во-вторых, сра-

² Boyle J. A. Djalal al-Din KH*ARAZM* SHAN // EI². 2. P. 392—393.

³ Zachariadou E. Ertogrul bey, il sovrano di Teologo (Efeso) // ASLSP. N. S. 1965. Vol. 5. P. 156—157, 160—161.

⁴ The Zafarnamah by Maulana Shara-fuddin Ali Yazdi / Ed. Mamlawi M. Ila-hdad. Calcutta, 1885—1888. Vol. 2. P. 252; Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnamah par Nizamuddin Sami / Ed. F. Tauer. Pr., 1937. T. 1. P. 217; Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1828. Bd. 1. S. 296.

жение, в котором, по мнению К. А. Жукова, погиб Эртогрул, на самом деле произошло не в 1395/1396 г., но в 1391 г., т. е. тогда, когда Эртогрул был еще жив.

Приведенные нами сведения, как кажется, исключают предложенную К. А. Жуковым датировку и дают новые подтверждения мнению Э. Захариаду, что Эртогрул вплоть до 1398 г. мог оставаться правителем Теолога. К этому сюжету в рецензируемой работе необходима еще одна поправка — начало царствования Бурхан ад-Дина Ахмада приходится на 1381 г.⁶, а не 1380, как это помечено в тексте (с. 57).

Ann. 1; Jorga N. Notes et Extraits pour servir à l'histoire de Croisades au XVe siècle. P., 1896. T. 1. P. 107.

⁵ Азиз Астарабади. Базму разм. Стамбул, 1928. С. 403—404; Zachariadou E. Manuel II. Paleologus on the Strife between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad // BSOAS. 1980. Vol. 43. P. 473, 478.

⁶ Азиз Астарабади. Указ. соч. С. 221—222.

Balta E. L'Eubée à la fin du XVe siècle. Economie et population: Les registres de l'année 1474. Athènes, 1989. 448 p.

Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время мы являемся свидетелями пристального внимания специалистов к истории Эгеиды в период византийско-латинско-турецкого соперничества (XIII—XVII вв.). Подтверждением этому служит серия новейших трудов как специальных, так и обобщающих по картографии, исторической географии и демографии, политической, экономической и социальной, а также церковной истории¹.

Важнейшей составляющей комплексного изучения региона является публикация османских документов как с точки зрения самостоятельного исследования истории Эгеиды в период турецкого владения, так и в связи с разработкой проблем континуитета византийских форм в экономической и социальной жизни Ос-

метим и другие неточности. На с. 135 мечеть названа «храмом», что не совсем корректно. На с. 136 сочинение «Кысаси анбия» названо арабским, хотя само название его дается на фарси. На с. 139 при транслитерации названия одного арабского сочинения слово «ал-бахс» передано его турецким вариантом «бахис», что также некорректно. На с. 20 должно быть Филантропин, а не Филантропен. На с. 45 должно быть Феодора Кантакузина, а не Кантакузин. К сожалению, приходится отметить, что значительная часть итальянских имен собственных приводится в искаженном виде (например: следовало бы писать на с. 32 не Пьетро да Канали, но да Канале; на с. 41 — не Симоно, но Симоне, на с. 60 — не Андрео, но Андреа, на с. 82 — не Корнари, но Корнаро и т. д.).

В целом же следует признать, что рецензируемый труд представляет существенный вклад как в османистику, так и в византиноведение, является интересным сводом нового и богатого материала по политической, экономической и культурной жизни региона.

Р. М. Шукуров

манской империи². В потенциале османские материалы содержат также определенную информацию относительно порядков, имевших место до турецкого завоевания в Латинской Романии. На примере Кипра это продемонстрировано в работах Х. Иналджика, а также Б. Арбеля и Ж. Вайнштейна³.

Изучение османских налоговых описей (дефтеров) уже оформилось в отдельное исследовательское направление, получившее название дефтерология. В рамках этого направления греческая исследова-

² О результатах первых сравнительных исследований подобного рода см.: Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society / Ed. A. Bryer, H. Lowry. Birmingham; Wash., 1986. См. также рец. на это изд.: Карпов С. II. // ВВ. 1988. Т. 49. С. 232—234; Zachariadou E. A. // BSOAS. Vol. 52. 1989. Pt. 1. P. 145—148.

³ Inalcik H. Ottoman Policy and Administration in Cyprus after the Conquest // Milletlerarasi Birinci Kibris Tetkikleri Kongresi (14—19 nisan 1969): Türk Heyeti Tebliğleri. Ankara, 1971. P. 59—77; Arbel B., Veinstein G. La fiscalité Vénétocyprite au miroir de la législation ottomane: le qānūnnāme de 1572 // Turcica. 1986. T. 18. P. 7—51. Здесь мы не касаемся тех расхождений в выводах, к которым пришли упомянутые нами исследователи.

¹ Назовем лишь некоторые: Koder J. Negroponte: Untersuchungen zur Topographie und Siedlungsgeschichte der Insel Euböia während der Zeit der Venezianerherrschaft. Wien, 1973; Spheroeras V., Avramea A., Asdrachas Sp. Map and Mapmakers of the Aegean. Athens, 1985; Slot B. J. Archipelagus Turbatus: Les Cyclades entre colonisation latine et occupation ottomane c. 1500—1718. T. 1—2 // Publ. de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul. Stamboul; Leyde, 1982. Vol. 51.

тельница Евангелия Балта опубликовала два османских дефтера, составленных после турецкого завоевания (1470 г.) о-ва Евбея (Негропонт). Речь идет о кратком и полном дефтерах, датируемых 20 шевваля 878/10 марта 1474 г. и в настоящее время хранящихся в Стамбуле в библиотеке Атаюрка (Atatürk Kütüphanesi, Muallim Cevdet 0.73). Если полный дефтер содержит список фискальных единиц (хане) ⁴ с перечислением взрослого населения (женатые, холостяки, для христианского населения — вдовы), а также подробный перечень налогов (в деньгах и натуре), составляющих ренту, получаемую тимариотом — владельцем условного пожалования (тимара), то краткий ограничивается совокупным числом «хане» и общей суммой налоговых поступлений. В полном дефтере отмечены также «мюльки» с указанием имени владельца (в большинстве случаев это мельницы, находящиеся в полной собственности), а также хасса — доминиальные владения тимариотов (в основном фруктовые сады и виноградники). Всего в дефтере в 9 волостях (нахийе) значится 125 населенных пунктов, в их числе г. Халкис (тогдашний Агрибоз), и 55 мезраа (обрабатываемых участков).

Факсимильное издание упомянутых дефтеров (краткий: с. 431—416; полный: с. 415—352), сопровождаемое современной турецкой транслитерацией и переводом на французский язык, послужило основой исследования (с. 1—200), в результате которого Ев. Балта удалось воссоздать картину экономической жизни в аграрном секторе на Евбее в первые годы после османского завоевания.

Публикация таких относительно ранних османских дефтеров — предприятие, несомненно заслуживающее самой высокой оценки. Тем более что, избрав для издания и исследования данные дефтеры, автор сознательно шел на преодоление известных трудностей. Дело в том, что публикуемые дефтеры в данном случае не сопровождаются синхронным «канун-наме», т. е. провинциальным законоположением, регулировавшим, в частности, порядок взимания налогов с податного населения. Нет надобности говорить, что османские «канун-наме» зачастую весьма неполны, так что в налоговых описях (тахрир дефтерлери) можно порой встретить разряды налогов, не отмеченные в «канун-наме» ⁵, однако именно по материалам провинциальных «канун-наме» мы можем представить себе механизм взимания налогов, получить надежные данные по метрологии в той или иной местности. Между тем наиболее раннее из известных нам на сегодняшний день

«канун-наме» санджака (провинции) Агрибоз (Негропонт) датируются 977 (1569) г. ⁶ Но в данном случае важен не сам временной разрыв, а определенная несогласованность данных, имеющихся в этом «канун-наме», и цифр, полученных Ев. Балта по аналогии с фискальными ценами на зерно, зафиксированными в других регионах империи в конце XV в. В первую очередь это несоответствие величин базовой меры — вьюка / *хумла* (с. 33—34) ⁷. Отсутствие синхронного «канун-наме» осложняет также расчеты налогообложения в сфере виноградарства ⁸. Кроме того, пока не обнаружены более поздние полные дефтеры санджака Агрибоз, что не дает возможности провести сравнительный анализ данных. В совокупности эти обстоятельства вынуждают автора опираться в ряде случаев на аналогии, основанные на результатах случайной выборки, а также руководствоваться логикой преобладания общего над особенным, и, естественно, внутренней логикой самого источника.

Трудности, объективно ограничивающие информационный потенциал публикуемых дефтеров, неоднократно подчеркиваются в работе, поэтому автор предлагает собственную схему формализации исследования, в конечном счете позволяющую ответить на главный вопрос: в каких условиях осуществлялось производство и распределение прибавочного продукта?

Исследование включает два больших раздела: I. Экономика и налоговая система (с. 17—112); II. Территория и население (с. 113—142).

Прежде всего автор проводит систематизацию налогов, обозначенных в дефтерах, так как в османской налоговой практике одни и те же налоги могли фигурировать под разными наименованиями, а также предлагает классификацию налоговых сборов, сопровождаемую толкованием содержания отдельных налогов (с. 17—24). При рассмотрении структуры доходов тимариота (с. 24—26) автор приходит к выводу, что четверть этих доходов приходилась на испендже (сбор с фискальной единицы), причем средний доход

с фискальной единицы составлял около 94 акче (в том числе 23,5 акче — натуральная рента и 70,5 акче — денежная рента).

После анализа налоговых сборов в аграрном секторе (с. 26—35) Ев. Балта переходит к главе «Производство» (с. 33—85), в которой последовательно рассмотрены выращивание зерновых (основная сельскохозяйственная культура), виноградарство, скотоводство, выращивание хлопка и льна, бобовых, а также пчеловодство. Здесь, помимо обработки статистических данных, дающей возможность представить в целом структуру и объем сельскохозяйственного производства на о-ве Евбея, автор делает ряд заключений общего характера. В частности, в результате скрупулезных вычислений (с. 35—45) уровня сельскохозяйственного производства в среднем крестьянском хозяйстве Ев. Балта приходит к выводу об убыточности местного зернового производства (не удовлетворявшего нужды самопотребления, воспроизводства и уплаты десятины / *ушра*), компенсируемой коммерциализацией других видов сельскохозяйственной деятельности в первую очередь очередь за счет виноградарства, налоги с которого в целом достигали 2/3 *ушра* с зерновых (с. 37, 45). Заметим попутно, что этот вывод можно сопоставить с данными о внешнеэкономических связях Евбеи предшествующего периода. Известно, например, что в 70-е годы XIII в. на острове действовала группа венецианских купцов, специализировавшихся на ввозе хлеба из западных районов Малой Азии и вывозе в эти районы негропонтского вина ⁹.

В главе «Сельское хозяйство и денежная налоговая система» (с. 87—112) исследовательница проводит, в частности, сопоставление соотношений между сбором испендже и *ушром*, имевших место на Евбее и соответственно в Восточной Македонии и Морее. Сравнение наглядно показывает существовавшие различия: например, на Евбее доля испендже была 25,1 %, *ушра* с зерновых — 20,75 %; обратная картина наблюдалась в Морее (испендже — 27,27 %, *ушр* с зерновых — 33,44 %). Этими сравнительными данными автор подтверждает свой тезис относительно дефицитности зернового производства на острове. Переходя далее к расчетам излишков, получаемых в сельском хозяйстве, автор приходит к выводу, что в среднем их норма составляла 18 % валового продукта (при этом оговаривая, что не учитывает выплату подушного сбора с христиан — *джизье*). Что касается налогового бремени (включая *джизье*), то, согласно исследовательнице, его величина достигала 48 %, что примерно

равнялось нуждам самопотребления и воспроизводства в зерновом секторе хозяйства (с. 93, 144). По подсчетам Ев. Балта, 58 деревень (47 % сельского населения) производили продукцию с определенными излишками, 24 деревни (24 % сельского населения) являлись автаркичными и, наконец, 38 деревень (29 % населения) не обеспечивали необходимого минимума производства (с. 91—93, 145). Данное обстоятельство позволило автору выдвинуть гипотезу относительно применения в деревне сезонного наемного труда (с. 93).

Затем автор пытается дать ответ на вопрос, имелись ли экономические стимулы, побуждающие производителя к увеличению производства. Для этого Ев. Балта проводит выборочный сопоставительный анализ материалов опубликованных дефтеров, данных отрывка полного дефтера санджака Агрибоз 1521/1522 гг. (с. 96—112). В этих подсчетах для меня, однако, осталось неясным, учитывает ли автор падение реальной стоимости акче при Баязиде II (1481—1512) по сравнению с акче Мехмеда II Фатиха (1451—1481) ¹⁰. Что касается общего вывода, к которому приходит автор, то он заключается в следующем: в большинстве сравниваемых между собой деревень население увеличивалось быстрее, чем росли доходы фискальной единицы. Ограничение доходов рамками самопотребления и уплатой налогов говорит о том, что не было мотивов для увеличения производства, иными словами, рынок не функционировал (с. 112, 143—144).

Второй раздел работы автор начинает с идентификации топонимов, встречающихся в опубликованных дефтерах (с. 115—129). Сравнив данные дефтеров с материалами переписи 1971 г., Ев. Балта установила, что из 125 населенных пунктов, имевшихся на Евбее в конце XV в., к настоящему времени сохранилось, по крайней мере, 90 (под теми же либо другими названиями). Отдельные главы посвящены теме заброшенных деревень (с. 131—136) и демографическим параметрам деревень (с. 137—142). Здесь автор приходит к выводу, что большая их часть не превышала 50 фискальных единиц (103 деревни из 124). В среднем приходилось 20,43 фискальной единицы на деревню (т. е. около 85 человек). В то же время имелось 11 больших поселений, размеры которых превышали 100 фискальных единиц. В среднем в таких крупных деревнях насчитывалось 151,54 фискальной единицы (около 628 человек).

Этот раздел работы Ев. Балта важен не только конкретикой полученных цифр,

⁴ Ев. Балта принимает семейный коэффициент 4,14 (с. 137—138).

⁵ Arbel B., Veinstein G. Op. cit. P. 41.

⁶ Опул. : Barkan Ö. L. XV ve XVI inci asirlarda Osmanli Imparatorlugunda zirai ekonominin hukukî ve malî esaslari. Istanbul, 1943. Cilt 1: Kanunlar. S. 341—343.

⁷ Это обстоятельство еще раз подтверждает настоятельную необходимость развития исследований по османской метрологии. В этой связи следует отметить позицию журнала «Turcica» (Strasbourg; P.), в 80-е годы начавшего регулярную публикацию подобного рода работ.

⁸ Ср. с. 53—54 исслед. с данными «канун-наме» (Barkan Ö. L. Op. cit. S. 341, §§ 10—12).

⁹ Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988. С. 77—78.

¹⁰ Artuk I., Artuk C. Istanbul Arkeoloji Müzeleri Teşhirdeki İslâmî Sikkeler Kataloğu. Istanbul, 1974. Cilt 2. S. 494.

но также и тем, что здесь хорошо показано, каким образом материалы османских дефтеров могут быть использованы в исследованиях по исторической демографии. Ценна с методической точки зрения и вся работа Ев. Балта в целом, яв-

Wystawa «Sztuka koptjska». Muzeum Narodowe w Warszawie. Warszawa, 1984. 127 s., 179 N, 170 черно-белых илл., 1 карта

20—25 августа 1984 г. в Варшаве проходил Третий международный коптологический конгресс¹. В ряду приуроченных к этому крупному международному форуму мероприятий самым интересным и значительным для специалистов, пожалуй, была устроенная в Народном музее в Варшаве выставка памятников коптского искусства из нескольких польских собраний: Народного музея в Варшаве, Археологического музея, музея Ягеллонского университета и Народного музея в Кракове.

Основы собраний коптских памятников некоторых польских музеев были заложены еще в конце прошлого века. В нашем веке они неоднократно пополнялись: материалы раскопок совместной польско-французской экспедиции в Эдфе (1937—1939); значительные поступления имели место после второй мировой войны: Археологический музей в Кракове получил дары от воинов II Корпуса польской армии (сражавшейся на Ближнем Востоке) разнообразных египетские и нубийские памятники; пополнили музейные собрания материалы из раскопок в Тель-Атрибе (проводятся с 1957 г.), в Фарасе (1960—1964) и Старой Донголе (с 1964 г.).

Лучшие памятники христианской эпохи из Египта и Нубии, хранящиеся в указанных музеях, и были представлены на выставке. Рецензируемый каталог представляет эти памятники. К сожалению, из-за цепи неблагоприятных условий издание его задержалось на несколько лет, и все же для специалистов он очень ценен и необходим по целому ряду причин: большинство фигурирующих в нем памятников публикуется впервые; массовый материал, добытый в результате квалифицированных раскопок последних десятилетий, дает твердые хронологические ориентиры для датировок сходных памятников, хранящихся в других собраниях и не имеющих научной фиксации.

К работе над каталогом были привлечены польские специалисты: археологи, искусствоведы, музейные работники, некоторые из которых имели непосредственное отношение к находкам, их реставрации и научной обработке.

Построение каталога традиционно для такого рода изданий. Собственно ката-

люжная часть предваряется несколькими небольшими статьями. Комиссару выставки д-ру Влодзимierzу Годлевскому принадлежат: «Предисловие» (с. 3—6), «Искусство» (с. 6—7), «Архитектура» (с. 7—8), «Настенная живопись» (с. 9—11). Э. Маковецкая написала: «Каменная пластика» (с. 8—9) и «Керамика» (с. 12—13), П. Парандовский — «Коропластика» (с. 11—12), Э. Лоренц — «Ткани» (с. 13).

Представленные на выставке памятники широки по хронологическому диапазону (II—VIII/IX вв.) и разнообразны по материалу и технике: каменная скульптура (стелы; надгробия с надписями и фигурными изображениями; детали архитектурного убранства и др.), фаюмские портреты, мумийные маски, металлические изделия (сосуды; светильники; ключ и др.), керамика, стекло, поделки из кости, дерево, папирус, ткани. За редким исключением вещи воспроизведены.

На выставке фигурировал ряд первоклассных памятников, которые теперь наверняка широко войдут в научный оборот, т. е. по достоинству будут отмечены специалистами. У нас же другая задача — отметить недочеты издания. Их, к счастью, немного.

Странно отсутствие дат у двух мраморных надгробий: № 22 (с. 20, 56) и № 23 (с. 20, 56). На наш взгляд, характер этих памятников (пространные надписи, некоторая неряшливость «писма», минимум украшений и т. п.), скорее всего, указывает на VIII в.

К просчетам составителей следует отнести не только отсутствие воспроизведенных греческих надписей на большинстве памятников, но даже и их переводов на польский язык (например, стелы № 19 (с. 19, 54) и № 23 (с. 20, 56)).

Из надгробий особо хочется отметить известняковую стелу Народного музея в Кракове — № 20 (с. 19—20, 55). Она украшена резьбой с обеих сторон и, по видимому, использовалась дважды.

Главный камень преткновения для специалистов, занимающихся коптским и нубийским искусством, по сию пору остаются проблемы датировки памятников. По роду занятий мне ближе ткани, поэтому больше всего недостатков я заметил именно в этом разделе каталога. Начну с дат. Мне кажется, следовало бы передатировать следующие ткани: № 144 с IV в. на V—VI вв., № 146 с IV—V вв. на VI—VII вв., № 155 с IV—V вв.

К. А. Жуков

V—VI вв., № 161 с V—VI вв. на VIII в., № 171 с VII—VIII вв. на VIII—IX вв. Плетеный колпак (№ 177, с. 43, 126) отнесен к V—IX вв. Судя по публикации Л. Дель Франчи группы тканей из Антиной (1987 г.), которые хронологически определенно укладываются в рамки V—VI вв. (здесь же были и схожие колпаки), варшавский памятник вполне можно датировать V—VI вв.

Выскажу свои соображения о трактовке изображений на нескольких коптских тканях, рассматривая их по нарастанию порядковых номеров. Номер 153 (с. 38, 110) — квадратная вставка V в. Краковского Народного музея с широко распространенным в коптском ткачестве сюжетом: полубогаженный воин готов пронзить мечом коленопреклоненного, со связанными за спиной руками молодого мужчину. Сюжет этот трактовался по-разному: Персей убивает Медузу; Ахилл расправляется с троянцем на могиле Патрокла; умерщвление Астерием пленного индуса на могиле Офелы (на античном материале этот ряд можно продолжать), наконец, Авраам приносит в жертву Исаака. Кристина Мочульска выдвинула новое предположение — воспроизведена казнь популярнейшего в Египте св. Мины. На наш взгляд, общий характер и отдельные детали изображений на подобных памятниках (отсутствие нимбов, полубогаженность персонажей, их молодой облик и т. п.) исключают возможность связывать их с христианством. Скорее всего, в таких сценах следует видеть ритуальное убийство, связанное с мифологической, литературной или реальной исторической, бытовой, религиозной античной основой. Подобные сцены правильнее было бы называть «сценами жертвоприношений», не ища в них конкретных персонажей. В христианскую пору мастера воспользовались иконографическим изводом этой сцены для изображений жертвоприношения Исаака, отсечения главы св. Мины и т. д.

Номер 170 (с. 42, 121) — часть рукава с двумя нашитыми вставками-полосами VII—VIII вв. (Краков, Народный музей). На одной из вставок вытканы две человеческие головы с открытыми глазами. Такие изображения не единичны в коптском ткачестве, но до сих пор никак не объяснены. Предлагаем свою интерпретацию этого мотива, имеющего, как нам кажется, глубокое символическое значение. У многих народов отрубленной голове, сосредоточию важнейшей жизненной силы организма, божественному вмещению возрождающейся силы, припи-

сывалась волшебная мощь. Этот образительно-символический мотив служил эмблемой, указывавшей на хтонический характер композиций, в которых он был представлен. Не исключено, что под влиянием ближневосточных представлений мотив этот воспринимался и как указатель пути духовного постижения «скрытой тайны».

Номер 171 (с. 42, 122) — нарукавная вставка-полоса VIII—IX вв. (того же собрания) с изображениями птиц, людей, фантастических существ. Аналогий этому памятнику около десятка. К. Мочульска в изображенных здесь двух парах птиц с человеческими головами видит гарпий. Учитывая, что эти памятники создавались в Египте, нам кажется, уместнее видеть в этих изображениях не гарпий (и сирен, как предполагали другие специалисты), а ба — древнеегипетские олицетворения душ усопших, представлявшихся в виде птицы с головой человека; когда человек умирал, ба отлетала от него.

Последний памятник, на котором мы остановимся, хранится в Народном музее в Варшаве (№ 173, с. 42—43, 123). Он представляет собой лицевую сторону фрагментированной туники VI—VII вв. с двумя вертикальными полосами-клавками. На левом клаве сохранилось восемь, на правом — одиннадцать медальонов, в каждом из которых, по определению Э. Лоренц, «стоит нагой мужчина». Аналогичные клавы (правда, с двумя-тремя медальонами) хранятся в Пражском музее прикладных искусств (№ 1239, 1240) и в Лувре (№ X 4499, X 4315). Они позволяют видеть в «стоящем нагом мужчине» Геракла, совершающего подвиги. Варшавская ткань интересна тем, что на ней сохранился почти полностью цикл подвигов популярного в Египте античного героя, что позволяет провести сопоставление с изображением подвигов Геракла на тканях-двойниках V в. из Эрмитажа и музея Метрополитен в Нью-Йорке.

В заключение отметим, что в тексте встречаются досадные опечатки. На с. 87 сверху неверно указан номер иллюстрации 86, нужно — 98. При том что полиграфическое качество издания желало бы быть лучше, значение издания в коптологической науке трудно переоценить — специалисты получили возможность ознакомиться с большим числом впервые публикуемых памятников, многие из которых уникальны. Наверняка это издание заинтересует и широкого читателя, интересующегося историей, культурой, искусством Египта и Нубии христианской эпохи.

А. Я. Каковкин

¹ Acts of the 3rd International Congress of Coptic Studies in Warsaw, 20—25 August, 1984. Warsaw, 1990.

Ряд государственных музеев и частных собраний ФРГ обладает разнообразной тканой продукцией, происходящей из христианских захоронений в Египте и условно называемой «коптские ткани». За последние годы с завидной регулярностью стали появляться каталоги коптских тканей западногерманских собраний (Дуйсбург, Хильдесгейм, Вюрцбург, Трир, Эрланген, Дармштадт). Последний по времени в их ряду стоит каталог коптских тканей Либигхауза во Франкфурте-на-Майне, составленный Клаудией Науэрт.

Коллекция Либигхауза невелика: в ней около четырех десятков (точнее, 37) фрагментов коптских тканей IV—X вв. Однако присущие ей особенности: неизвестность в основе своей даже специалистам, наличие нескольких образцов, интересных со стороны иконографии и техники, отсутствие новеллов, тактичная, научно обоснованная реставрация вещей — обуславливают интерес к ней и несомненную своевременность публикации.

К. Науэрт — не новичок в коптологии. Ее перу принадлежит каталог Симеонского фонда городского музея в Трире и ряд статей, посвященных отдельным группам памятников коптского ткачества (образцы с изображениями Геракла, Иосифа, Давида). Из последних работ особого внимания заслуживает ее убедительная интерпретация сцены на ткани из Археологического музея во Флоренции (инв. № 7425) как изображение Пенелопы за ткацким станком¹. Это толкование безоговорочно приложимо и к двойнику флорентийского образца — вставке из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина (инв. № 5829)². Поэтому специалисты были вправе ожидать интересной новой работы К. Науэрт.

Построение каталога мало отличается от такого рода работ, появившихся за последние годы. Открывается он вступительной статьей, названной «Коптские ткани» (с. 3—12). На с. 13 помещена сводная таблица публикуемых произведений с указанием их назначения, техники выполнения и основного изобразительного мотива. Страницы 14—16 заняты очень насыщенными информацией примечаниями. Чисто каталожной части отведена большая часть книги (с. 17—46), она включает 24 номера (в ряде случаев под одним номером значится несколько фрагментов). Все вещи даны

в черно-белом воспроизведении хорошего качества.

Поскольку коптские ткани, хранящиеся в Либигхаузе, представляют из себя исключительно фрагменты одежды, то, вероятно, поэтому вступительная статья посвящена позднеантичному и ранне-средневековому костюму. Широко используя художественные памятники (росписи катакомб, мозаики церквей, скульптуру) и литературные источники, автор рассматривает функциональное назначение одежды, ее виды, использовавшиеся ткачами и портными материалы, делает попытку определить материальную и художественную ценность одежд, выделяет основные изобразительные мотивы, украшавшие тканую продукцию того далекого времени и, что особенно важно, на наш взгляд, поднимает вопрос символического осмысления некоторых украшающих ткани изображений. Во вступительной статье приведены восемь иллюстраций.

Каталожная часть содержит много ценного. Каждый из памятников сопровождается комментарием. Убедительны приводимые автором аналогии технического и стилистического порядка, верны указываемые иконографические параллели. И все же нельзя не отметить некоторые просчеты.

Вступительная статья и описываемые в каталожной части вещи не соотносены друг с другом. Эту вступительную статью можно использовать к каталогу любого собрания коптских тканей. Недоумение вызывает и порядок расположения материала, не улавливается принцип, которым руководствовалась К. Науэрт: ни по нарастанию дат, ни по назначению вещей, ни по технике выполнения, ни по инвентарным номерам. Почему-то в каталоге отсутствуют необходимые ныне в такого рода работах указания на плотность тканей и направление крутки нитей. Там, где речь идет об образцах с эпизодами истории Иосифа, уместно было бы отметить, что они составляют самую значительную группу тканей с библейскими сюжетами в коптском ткачестве. Но самый серьезный недостаток рецензируемой работы — отсутствие указаний на время изготовления тканей. Применительно к коптскому искусству такой подход известен: избегал датировать памятники в своей книге «Коптское искусство» К. Вессель, не учитывал время создания тканей и Мартин Баерлохер в своем исследовании, посвященном систематизации памятников коптского ткачества³. Но такой подход неисторичен, методологически неверен. При том что

датировка коптских тканей остается, пожалуй, самой трудной проблемой в коптологии, пытаться решать ее необходимо. К тому же и некоторые объективные предпосылки к этому есть — работы Дж. Беквита, Д. Реннер-Фольбах и др. сдвинули с мертвой точки решение этого вопроса, преобладавший до сих пор элемент субъективизма постепенно уступает место более или менее объективным критериям. Во всяком случае, в пределах полутора-двух столетий датировать подавляющее большинство коптских тканей (в том числе и из собрания Либигхауза) можно.

Большинство вещей этого собрания

Basel, 1983 (см.: Каковкин А. Я. [Рец.] // ПС. 1987. Вып. 29 (92), ч. I. С. 169—170).

Martiniani-Reber M. Lyon, Musée Historique des tissus. Soieries sassanides, coptes et byzantines Ve—XIe siècles. P., 1986. 131 p., 8 pl., 109 fig.

Исторический музей тканей в Лионе относится к числу мировых собраний, в которых с давних пор хранятся и исследуются древние ткани. Гордостью этого музея является коллекция восточных шелков. Дирекция музеев Франции в серии «Опись публичных французских коллекций» под номером 30 выпустило в свет книгу Мариэллы Мартиниани-Ребер «Сасанидские, коптские и византийские шелка V—XI веков». Эта работа, включающая полную публикацию музейного собрания, представляет собою образцовое издание текстильной продукции.

Открывается книга «Вступлением», написанным хранителем музея П. Ариццоли Клементелем (с. 5—6), в котором он определяет место лионской коллекции шелков среди мировых собраний (одна из лучших в мире) и кратко излагает историю изучения этой отрасли художественного производства французскими исследователями. Последующие страницы книги написаны М. Мартиниани-Ребер. Вначале она знакомит с историей музея (с. 7) и приводит сведения об антикварах, коллекционерах и учреждениях, чьи памятники послужили базой музейного собрания (с. 8—9). Следующая часть (с. 10—11) включает сжатые характеристики особенностей сасанидских, коптских, византийских шелков (назначение, датировка, тематика изображений и др.) и египетских городов (Ахмим, Антиноя, Фостат), в которых были сделаны наиболее крупные находки шелков.

Затем следует обстоятельная часть, в которой рассматриваются вопросы назначения и функционирования шелков и техники их выполнения (с. 12—18); текст сопровождается четырьмя схематическими рисунками. Непосредственно с этой частью связан идущий за нею «Словарь основных технических терминов», включающий 36 наименований (с. 19—21). Затем дан перечень основных публика-

относится, как нам кажется, к VII—IX вв. Выделим наиболее интересные образцы, предложив свои датировки: кат. № 2 (с. 18—19) — фрагментированная туника значительных размеров, VII—IX вв.; № 5 (с. 22—23) — медальон с парой музыкантов под деревом, VII—VIII вв.; № 6 (с. 23—24) — фрагментированный медальон с охотящимся конником, VIII—IX вв.; № 13 (с. 32—33) — фрагмент клада с вышивкой «на библейскую тему», VII—VIII вв.

Значение рецензируемой работы характеризуется в первую очередь тем, что она вводит в научный оборот неизвестный до сих пор материал, в котором содержится ряд интересных образцов древнего ткачества.

А. Я. Каковкин

ций (51 название), принятые сокращения, «Уведомление», предшествующее каталогу, и, наконец, сам каталог.

Каталог разбит на три части. Первая — «Сасанидские шелка» (с. 36—60, № 1—29); вторая — «Коптские шелка» (с. 61—97, № 30—83); третья — «Византийские шелка» (с. 98—125, № 84—109).

Заключает книгу «Указатель» (с. 128—129), включающий несколько разделов: происхождение памятников (из каких мест, из чьих собраний — коллекционеры, антиквары, церкви), тематический указатель, таблица соответствий каталожных номеров музейным номерам поступлений и инвентарным номерам.

Вопросы топонимической и хронологической классификации шелков очень непростые и, как правило, вызывают споры. Автор рецензируемого каталога успешно справился с этой нелегкой проблемой. Предлагаемая им классификация в целом убедительна. Приписывая памятники той или иной группе, она руководствовалась обычными в таких случаях критериями: технические особенности, колористический строй, сюжеты и орнаментика, учитывались места обнаружения памятников и данные сопоставлений с аналогичными вещами.

Публикуемый материал убедительно свидетельствует, что коптский Египет был на протяжении долгого времени ведущим центром производства шелков. Недаром отсюда происходит основная масса находок. Если для византийских и персидских памятников все еще затруднительно выделить конкретные центры их производства, то в Египте таких центров несколько: Ахмим, Антиноя, Александрия. Продукция этих центров настолько своеобразна, что автор выделяет в группе «коптские шелка» две подгруппы: «двухцветные шелка из Антиноя» (№ 51—60) и «шелка из Ахмима» (№ 61—89). Примечательно, что в Ан-

¹ Nauerth C. Penelope auf koptischen Stoffen // Diehlheimer Blätter zum Alten Testament und seiner Rezeption in der Alten Kirche. Heidelberg, 1984. Beiheft 3. S. 295—299.

² Шуринова Р. Коптские ткани: Собр. ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.; Л., 1967. № 140, табл. 57.

³ Baerlocher M. Grundlagen zur systematischen Erfassung koptischer Textilien.

тиное обнаружено большинство сасанидских шелков (№ 4—21), часть византийских (№ 93—95), в Ахмиме — 3 сасанидских и 1 византийский. Это обстоятельство указывает не только на оживленные экономические и торговые связи между этими странами друг с другом, но и проясняет проблему влияния сасанидской тканой продукции на изделия коптских ткачей.

В ряде случаев автор справедливо оговаривает проблематичность конкретного происхождения вещей (№ 34, 36, 42, 45, 48, 50, 99, 100 и др.). По части происхождения памятников у нас только одно серьезное замечание: мы не можем согласиться с припиской автором шелка с «петухами» (№ 27) к сасанидским; мы разделяем мнение большинства специалистов, считающих такие ткани продукцией константинопольской мастерской VIII в.

Говоря о шелках группы «Захария» и «группы Иосифа» (№ 72, 82), уместно было бы отметить суждение Д. Шепард о том, что в изображенных на тканях конниках она видит в одних случаях отца Иоанна Крестителя Захария, в другом — отца Иисуса Христа — Иосифа. По нашему мнению, здесь представлены всадник-триумфатор и пигмей, сражающийся с журавлем, а надписи сообщают имена владельцев мастерских в Ахмиме, где было налажено производство таких тканей.

Les Kellia. Ermitages coptes en Basse-Egypte: Musée d'art et d'histoire. Genève, 12 oct. 1989 — 7 janv. 1990. Genève: Edition du Tricorné, 1990. 111 p. + цв. и черно-белые ил., прорис., карты.

Сенсационным в области христианской археологии последних десятилетий следует считать открытие в Нижнем Египте, в западной части дельты Нила, громадного монастырского комплекса, получившего из-за огромного количества монашеских келий название «Келлия». Комплекс начал формироваться в IV в., последние обитатели покинули его в середине VIII в. Занесенный песками, он хранил свои тайны до 1960-х годов. Двадцать пять лет назад здесь развернули раскопки научные организации нескольких европейских стран. Важнейшую роль в открытии, сборе, консервации, реставрации, классификации и публикации памятников этого археологического объекта сыграли ученые Швейцарии. С 1964 по 1988 г. Швейцарская миссия коптской археологии университета Женевы, благодаря финансовой поддержке 12 государственных учреждений и пожертвований частных лиц, вела в этом районе широко-масштабные раскопки. С основными результатами этих раскопок научную общественность и простых посетителей призвана была ознакомить устроенная Музеем искусства и истории Женевы (12 октября 1989 г. — 7 января 1990 г.)

Воспользуемся случаем и укажем армитажные образцы-аналоги некоторым лионским памятникам: № 66 — подвеска в форме круга с растительными мотивами аналогична армитажному № 11632; № 71 — полоса со сценой охоты (ГЭ, № 11206, 11207); № 76, 77 — круг с растительными мотивами (ГЭ, № 11632); № 99, 100 — круги с «амазонками» (ГЭ, № 9472).

В музее Виктории и Альберта в Лондоне хранится аналог (SKM. 355—1887) лионскому образцу № 75.

Автора можно лишь упрекнуть в некотором небрежении к аппарату, особенно это касается библиографических данных (не везде указаны годы появления работ, встречаются пропуски страниц, можно было бы расширить список работ о восточных шелках). Однако это несколько не умаляет важного значения рецензируемой книги. По полноте материала, тщательной обработке его и очень хорошим воспроизведениям (что очень нелегко с шелками) она по праву занимает место в одном ряду с лучшими изданиями такого рода, появившимися в последние годы. Книга М. Мартиниани-Ребер наверняка станет неоценимым подспорьем в работе не только специалистов, узко занимающихся древним текстилем, но и для исследователей-медиевистов самого широкого профиля.

А. Я. Каковкин

до и после раскопок, общие виды церквей, святилищ, келий и проч.), воспроизведением отдельных памятников, их деталей, планами, типологическими схемами, реконструкциями и т. п., убеждает в научной серьезности рецензируемого издания и воочию представляет и масштабы проработанной археологами и реставраторами работы, и специфику раскопанных памятников, будь это святилище, келья, росписи или керамические сосуды.

Находки в Келлии необычайно расширили наши представления не только о коптском искусстве, в основе своем монашеском, но и о христианском искусстве IV—VIII вв. в целом. Особенно это касается монументальных росписей и керамики. Росписи Келлии показали стилистическое и сюжетное многообразие коптской монументальной живописи (некоторые из ее черт угадываются в стилистических особенностях стенописи Нубии VIII в.). Представляет интерес и используемые швейцарскими специалистами методы снятия фресок со стен, их транспортировка и последующая монтировка и укрепление их на стендах в музейных условиях.

Находки керамики (в основном это разнообразная по формам, назначению и декорировке посуда, светильники керамика, употреблявшаяся в качестве конструктивных, функциональных и де-

коративных элементов) позволили дать типологическую классификацию, исследовать сорта глин и — учитывая сопутствующий материал — обосновать хронологию памятников. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку по сию пору в коптологии хронология остается едва ли не самой сложной проблемой.

У большинства людей раскопки египетских памятников, относящихся к христианской эпохе, связываются с находками разнообразной тканой продукции, получившей условное название «коптские ткани», массой изделий из металлов, дерева, кости, стекла, рукописей или фрагментов письменных памятников. В Келлии такого рода находки единичны. Объяснение этому простое — монахи, покидая этот район, неотвратно погребаясь наступающей пустыней, по-видимому, забрали с собой необходимые в их неприязательной жизни культовые и бытовые предметы.

Безукоризненно с полиграфической точки зрения выполненный каталог, сопровождаемый библиографией (с. 109—111, 52 названия), безусловно станет ценным пособием для лиц, интересующихся средневековым искусством, и со-служит добрую службу специалистам-медиевистам самого широкого профиля.

А. Я. Каковкин

выставка «Келлия. Коптские жилища отшельников в Нижнем Египте». К выставке был выпущен каталог — предмет нашей рецензии.

Этот каталог в некоторых отношениях отличен от других изданий такого рода: в нем преобладает текстовая часть. Она включает семь статей специалистов, принимавших непосредственное участие в раскопках. Вот эти статьи: Рудольф Кассер «Коптское монашество» (с. 9—20), Филипп Бридл «Город келий и его исследование Швейцарской археологической миссией» (с. 21—31), Жорж Дескёдр «Архитектура отшельнических келий и святилищ» (с. 33—55), Маргарит Рассар-Деберг «Живопись» (с. 57—77), Себастьян Фавр «Живопись Келлии: условия консервации» (с. 79—80), Натали Боссон «Надписи Келлии» (с. 81—94), Мари-Изабелль Каттин «Коптская глиняная посуда из Келлии» (с. 95—108).

Из перечня статей ясна широта охвата проблем, как правило, непосредственно увязанных с представленными на экспозиции памятниками архитектуры, скульптуры, живописи, керамики. Сопровождение каждой статьи фотоматериалами (здесь и панорамные снимки комплекса

ХРОНИКА

ХРОНИКА РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ. 1989—1990 гг.

На территории Херсонесского городища в сезон 1989—1990 гг. производили раскопки 9 экспедиций. Три из них, продолжая работы предшествующих лет, изучали античные комплексы. Экспедиция Крымского отдела Института археологии АН УССР (руководитель О. И. Домбровский) работала в районе античного театра; экспедиция Харьковского университета (В. П. Мещеряков) изучала античные и позднеантичные комплексы на участке «центр квартала» в портовом квартале 1; одна из экспедиций Херсонесского заповедника производила раскопки на территории северо-восточного квартала 3.

Две другие экспедиции Херсонесского заповедника исследовали средневековые постройки. Л. В. Сидикова продолжала изучение насыпи бассейна-водохранилища на южном участке городища. В насыпи, датируемой VIII—1-й половиной IX в., встречено большое количество амфор и других глиняных изделий местного производства. Особый интерес представляют небольшие литургические сосуды с надписями.

Экспедиция С. Г. Рыжова продолжала изучение северного района городища, где начиная с 1985 г. Херсонесский заповедник производит раскопки северной части четырех кварталов (южная сторона кварталов, выходящая на главную площадь города, была застроена во 2-й половине XIX в. монастырем). Исследования С. Г. Рыжова, приведшие к открытию 10 поздневизантийских усадеб, позволили определить занятия некоторых их владельцев. Так, в усадьбе 2 (квартал X) открыта печь для выпечки хлеба, рядом с ней грушевидная яма для хранения зерна и помещение, где его размалывали. В последнем сохранилось два жернова, установленных на врытые в землю мраморные колонны. С западной стороны усадьбы была расположена часовня с двумя усыпальницами. Все костяки, извлеченные из них, имеют различные прижизненные повреждения (неправильно сросшиеся кости ног и рук, окостеневший позвоночник или деформированный — горб), что позволяет предположить: раскопанный комплекс являлся

небольшим странноприимным домом, при котором имелись часовня и пекарня, производившая выпечку хлеба для больных. В восточной стороне квартала X, вероятно, располагался дом рыбака, так как здесь найдено большое количество рыболовных снастей (остатки сетей, иглы для их плетения, крючки), а в пифосах, стоящих в одном из помещений, сохранились остатки рыбы.

В соседнем квартале XA изучены три усадьбы, одна из них (№ 1), включавшая в свой состав 7 П-образно расположенных помещений и большой двор (его площадь около 130 кв. м), возможно, принадлежала торговцу. В одном из ее помещений, кроме трех значительного размера пифосов, найдено два набора бронзовых разновесов, другое было полностью занято пифосами и амфорами. Во дворе под навесом находилась печь для приготовления пищи. Инвентарь в соседней усадьбе, имевшей смежный двор с первой, отделенный невысокой стенкой из камня, не позволил определить занятия ее владельца. В комплексе построек этих усадеб имелись часовни-усыпальницы. Центр квартала занимала усадьба меньших, чем описанные выше, размеров. Во дворе под навесом здесь обнаружен мощный слой отеса и обломки камня. Вероятно, владелец ее был мастером-каменотесом.

Все изученные постройки погибли во время пожара, в некоторых помещениях были обнаружены костяки погибших в огне. По мнению автора раскопок, пожар, уничтоживший постройки в данном районе, относится ко второй половине XIII в.

Несколько иная ситуация выявлена в расположенном к северо-востоку квартале VII, где работала экспедиция Института археологии АН СССР (А. В. Сазанов).

В квартале VII открыты следы непрерывной застройки с VII по XIV в. К числу наиболее ранних относятся две цистерны, прекратившие существование, судя по набору краснолаковой керамики и амфор, в первой четверти VII в. Затем участок был сnivelирован и застроен жилыми домами, которые разрушены

в начале XI в. После очередной нивелировки строится базилика (открыта в 1987 г.), во время ее строительства при возведении фундаментов выбрана насыпь одной из цистерн (на 1/2 площади). По окончании строительства фундаменты подсыпаны мусором конца X—начала XI в. Базилика функционировала до конца XIII в., в XIV в. на участке ее южного нефа построена часовня и возникает кладбище.

Продолжала исследования XX квартала на северном берегу экспедиция Государственного Эрмитажа (Ю. П. Калашник), изучавшая двор поздневизантийской усадьбы, раскопанной в 1987 г. Было выявлено, что насыпь, подстилавшая подолу двора, представляет однородный грунт, содержащий находки XII—XIII вв. Он лежал на скале, в складках которой местами сохранились остатки легкой эллинистической эпохи.

В портовом районе изучалась центральная часть портового квартала 2 и юго-восточная часть квартала 3 (экспедиция Уральского университета, А. И. Романчук). Ранее в квартале 2 были исследованы постройки, относящиеся к V—XIV вв. К числу наиболее интересных из ранних комплексов относится усадьба, в состав которой входило несколько жилых и хозяйственных помещений. Некоторые стены, прежде всего выходившие на улицу, были построены в технике *opus mixtum*. В полуподвальной кладовой обнаружены пифосы, в одном из помещений найдены лежавшие у стены амфоры, на полу наряду с монетами Юстиниана I встречена монета Фоки (602—610), что позволяет датировать слой разрушения временем не ранее первых десятилетий VII в. Здесь же выявлены краснолаковые сосуды поздних типов.

Наиболее представительными являлись материалы поздневизантийского периода, которые позволяют судить об отличиях в планировке квартала: блоки жилых домов были отделены друг от друга внутриквартальными улочками и переулками. Стратиграфия и находки показали наличие двукратных разрушений в течение поздневизантийского периода. В одном из домов в слое разрушения XIII в. был обнаружен сервиз, состоявший из блюд и мисок, украшенных тонкой линией гравировки с подцветкой марганцем. В его состав входили сосуды с изображением птиц в геральдической позе со сценой терзания (лянь и фантастическое животное). Здесь же была найдена стеатитовая иконка: Богоматерь с младенцем Иисусом на правой руке. На иконке сохранились остатки позо-

лоты и красной краски — на башмаках и складках одежды. Близкая иконка из Венского художественно-исторического музея датируется А. В. Банк XI—XII вв.

В портовом квартале 3 был раскопан комплекс, ограниченный с двух сторон XIV и XIII поперечными улицами и внутриквартальными переулками. Предварительные наблюдения позволяют предполагать, что комплекс был пристроен к оборонительной стене не ранее XI в. В застройке выявлено три строительных периода. В XIII в. к четырем ранее построенным помещениям пристроена мастерская. Находки большого количества шлака, тигельков, двух криц позволяют предполагать, что здесь жил ремесленник, связанный с обработкой металла. После пожара конца XIV в., время которого определяется на основании золотоордынских монет в слое разрушения, возникает ряд новых помещений, план которых установить не удалось. Следует отметить, что в слое разрушения встречены кувшины, покрытые зеленой глазурью, сделанные с помощью формы. Фрагменты подобных кувшинов являются сравнительно редкой находкой в Херсонесе (один из них был найден в 30-х годах в северном районе), но многочисленны среди материалов Старого Крыма (Солхата).

Интересные результаты были получены во время совместных работ экспедиции Херсонесского заповедника и Уральского университета на участке «цитадель», который расположен к юго-востоку от портового района (руководитель И. А. Антонова). Здесь обнаружены две гонимые печи позднеантичного времени, выявлены следы интенсивной застройки IX—X вв. К этому периоду относится большое здание квадратной формы (23×23 м) с монументальными стенами, сложенными из вторично использованного тесаного камня на грязевом растворе. Здание имело центральный двор с выходами на запад и восток и два ряда помещений с северной и южной сторон (по 4 помещения в каждом ряду). К востоку — между этим зданием и 21 куртиной оборонительных стен — строится храм с небольшой апсидой и стенами в 11,0 м длиной. К югу от здания на расстоянии 10—12 м в это время возведены небольшие термы. Как показали раскопки прошлого года, все эти постройки существовали до начала XII в. В XII в. здесь возникла небольшая трехкамерная постройка нежилого характера.

А. И. Романчук

**НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ М. Я. СЮЗЮМОВА, ПО ТЕМЕ
«КОНТИНУИТЕТ И ДИСКОНТИНУИТЕТ В ВИЗАНТИИ»
(Севастополь, 5—9 сентября 1989 г.)**

С 5 по 8 сентября 1989 г. в Севастополе состоялись научные чтения, посвященные памяти М. Я. Сюзюмова, по теме «Континуитет и дисконтинуитет в Византии». Чтения были организованы кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского Государственного университета и Херсонесским Государственным историко-археологическим заповедником. На чтениях был прочитан 21 доклад, посвященный различным аспектам социально-экономической истории, политическому развитию, а также некоторым аспектам культуры Византии. В докладах и во время дискуссии исследователи неоднократно обращались к творческому наследию М. Я. Сюзюмова, но наиболее полное освещение взглядов свердловского византиста содержалось в двух докладах: М. А. Поляковской (Свердловск) «Проблема континуитета в творчестве М. Я. Сюзюмова» и А. И. Романчук (Свердловск) «Концепция переходного периода М. Я. Сюзюмова и археологические материалы Херсонеса».

М. А. Поляковская остановилась на понимании М. Я. Сюзюмовым таких понятий, как «континуитет», «эволюция», «традиция». Она подчеркнула, что М. Я. Сюзюмов, резко выступая против сепаратизма как метода исторического исследования, отмечал отсутствие цезуры в переходный период, считая, что континуитет — это не неизменная непрерывность, а подверженная изменениям преемственность исторического развития. М. Я. Сюзюмов не сводил развитие социальных институтов в империи периода «темных веков» только к воздействию традиции, относя перемены в общественной структуре Византии в данный период к типу коренных, революционных.

А. И. Романчук рассмотрела на основе письменных и археологических источников функции, которые были присущи Херсонесу как городскому поселению в период VII—IX вв. Для докладчицы было характерно постоянное обращение к теории М. Я. Сюзюмова о византийском городе переходного периода как многофункциональном социально-экономическом институте, несмотря на то что в отдельные периоды или в отдельных городах та или иная функция могла быть преобладающей. Комплексное рассмотрение источников позволило сделать вывод, что Херсонес рассматриваемого времени являлся торговым центром, выполнял такие функции, как административно-политическая, идеологическая и оборонительная.

Особенностям развития средневековых городов был посвящен доклад М. М.

Фрейденберга (Калинин) «Далматинские города в составе Византии: проблемы континуитета». Докладчик отметил, что традиционно в числе далматинских городов выделяются две группы: города, которые не были взяты славянами, и города, которые возникли за счет беженцев из разрушенных варварами поселений. Но даже для городов второй группы, по мнению докладчика, наличие континуитета является бесспорным.

Торговлю в провинциальных городах Греции после IV крестового похода освятила В. Г. Ченцова (Москва). Она сделала попытку выяснить соотношение между торговлей тканями и сельскохозяйственной продукцией (прежде всего зерном), а также соотношение между объемом торговли в столице и провинциальных центрах.

Ряд докладов был посвящен истории Херсонеса. Наибольший интерес вызвал доклад И. А. Антоновой (Севастополь) «История цитадели: проблемы континуитета и дисконтинуитета». Доклад был прочитан и обсужден как в аудитории, так и непосредственно на памятнике. И. А. Антонова раскрыла основные этапы жизни цитадели, определив историческую топографию для каждого из них. Характеризуя основные строительные периоды начиная со II и кончая XII в., И. А. Антонова отметила, что территория цитадели значительно увеличивается во II в. н. э., когда здесь возникают казармы, термы, продовольственные склады и различные мастерские. Между термами и казармами существовала обширная лагерная площадь с круглым алтарем, замыкаемая с юга зданием принципии. Некоторые из построек доживают до IX—X вв., когда происходят значительные изменения: исчезают казармы и мастерские, на месте принципии строится большое здание (по характеру постройки докладчица находит возможным считать его преторием). К востоку от претория, между ним и оборонительной стеной, строится храм с небольшой апсидой. Этот храм пришел на смену лагерному алтарю, возможно, рядом с ним была маленькая церковь только для охраны, что подчеркивает до некоторой степени топографическую преемственность расположения культовых сооружений. Последний строительный период цитадели представлен небольшой трехкамерной постройкой нежилых характера, которая возникает в начале XII в. на месте претория.

Новые археологические материалы Херсонеса были рассмотрены в докладах Н. А. Алексеенко (Севастополь) «Из исто-

рии денежного обращения Херсонеса XIII в.» и Л. В. Седиковой (Севастополь) «Предварительные итоги исследования водохранилища в Херсонесе».

Н. А. Алексеенко на материале одной из крупных усадеб (квартала VIII) Херсонесского городища представил примерный состав денежного рынка Херсона, а также выделил один тип херсоновизантийских монет с монограммой «ро» (2).

Л. В. Седикова непосредственно на памятнике осветила результаты раскопок водохранилища Херсонеса, подчеркнув, что водохранилище существовало до начала IX в. Особый интерес вызвали находки VIII—IX вв., в том числе небольшие сосуды с литургическими надписями.

Керамические находки VIII—IX вв., а также более раннего периода были продемонстрированы в докладе А. В. Сазанова (Москва) «Керамическое ремесло ранневизантийского города: к проблеме континуитета». Он отметил изменение некоторых форм сосудов для периода начиная с VIII в. и привел данные о значительном уменьшении групп амфор по сравнению с предшествующим временем.

Серии блюд с сюжетными изображениями, датированных XIII в., был посвящен совместный доклад Н. В. Даниленко (Симферополь) и А. И. Романчук (Свердловск) «К проблеме народной культуры поздневизантийского Херсона». Его авторы, коррелируя характерные для сосудов этой группы признаки, считают, что они производились в одной мастерской; не исключена вероятность того, что эти сосуды являются продукцией местного производства.

На основе анализа художественной керамики и изделий, выполненных в технике филигрании, М. Г. Крамаровский (Ленинград) рассмотрел культурно-исторические аспекты взаимодействия Палеологовской Византии с кочевниками Евразии («Палеология и северные варвары»). На примере развития нового стиля в керамике, выполненной в технике «сграффито», и филигрании (в рамках XIII—XIV вв.) прослежены основные направления взаимного обогащения культур.

Доклад «Коптские памятники со сценой „Похищение Европы“ за отсутствующего докладчика А. Я. Каковкина (Ленинград) прочитала В. С. Шандровская.

Многочисленные вопросы о судьбе создаваемого в Алуште заповедника прозвучали после доклада В. И. Мыца (Симферополь) «Основные этапы развития средневековой Алушты». На основании материалов раскопок 1984—1989 гг. докладчик дал представление об исторической топографии этого сложного археологического памятника, прошедшего за несколько столетий (VI—XV вв.) сложный путь развития от сторожевой византий-

ской крепости времен Юстиниана I до генуэзской торговой фактории (с середины XIII в.)

В докладе Л. А. Омельковой (Свердловск) «Раннесредневековые поселения и могильники Бельбекской долины (к вопросу о традициях и инновациях)» на основе археологического материала, полученного в результате раскопок последних лет, ставится проблема соотношения нового и традиционного в материальной и, насколько это возможно, духовной культуре сельского населения на византийско-хазарском пограничье в VIII—IX вв.

Вопросы развития общественной мысли Византии рассмотрены в докладах Я. Н. Любарского (Ленинград) «Несколько замечаний о художественном методе Льва Диакона», Н. Д. Барабанова (Волгоград) «Народная религиозность Византии XIII—XIV вв.», Д. И. Польшанного (Иваново) «Константинополь—Царьград и официальная идеология Второго Болгарского царства».

Логикой и тщательностью анализа источника, одновременно эмоциональностью отличалось выступление Я. Н. Любарского. Художественный метод Льва Диакона был определен как стиль «монументального историзма», в ряде случаев нарушаемый спенами, исполненными напряженного драматизма. Главные герои «Истории» Никифор Фока и Иоанн Цимисхий изображаются как контрастные фигуры, весьма далекие от обычных персонажей, рисуемых одной лишь черной или белой краской. Докладчик подчеркнул, что «История» Льва Диакона представляет не только исторический, но и историко-литературный интерес.

Н. Д. Барабанов на основании рассмотрения народной религиозности византийцев сделал вывод о том, что соотношение элементов дохристианских верований и ортодоксальной доктрины в XIII—XIV вв. меняется в пользу первых. Докладчик считает, что для этого периода было характерно падение авторитета церкви, вызванное ослаблением контроля за паствой со стороны духовенства. Последний тезис вызвал многочисленные возражения выступавших.

Д. И. Польшанного остановился на эволюции представлений о болгарской столице Тырново. На основании изучения источников докладчик отметил, что существовало две тенденции в восприятии византийской столичной идеи в Болгарии. Это присвоение авторитета византийской столицы через декларацию о перемещении ойкуменистического центра (Царьграда) в Тырново и апология, исходящая из признания ойкуменистического значения Константинополя, как бы делегирующая часть своего авторитета болгарской столице. Отмечено, что вторая тенденция, уходящая корнями в X—XII вв., в последние три десятилетия

существования Болгарского царства становится определяющей.

Ранний период в истории Византии стоял в центре внимания А. С. Козлова (Свердловск) и Е. П. Глушанина (Барнаул).

А. С. Козлов в докладе «Антиеретическая политика Феодосия I: традиция или новаторство?» определил как ошибочное мнение некоторых ученых о жестокости, последовательности и целенаправленности преследований еретиков со стороны византийского правительства в конце IV в. Эти меры осуществлялись в прямой зависимости от социальной и политической конъюнктуры; антиеретическая политика Феодосия I была позднейшей, восходящей к Константину I.

Развитие военной знати при Маркиане и Льве I стало темой выступления Е. П. Глушанина, в котором проанализирован конфликт Аспарихов и Льва I, сделан вывод, что в основе его лежала борьба за определение внешнеполитического курса Византии относительно необходимости вмешательства в дела Западного Средиземноморья.

О взаимоотношениях Византии и Армяно-Киликийского царства говорили В. П. Степаненко (Свердловск) и Р. М. Бартиянян (Ереван).

В. П. Степаненко («Торос II Рубенид и византийская администрация равнинной Киликии») опроверг традиционную бытующую в советской историографии точку зрения, что Торос II получил пост

стратига византийской фемы Равнинная Киликия. На основании изучения нарративных источников докладчик доказал, что как вассал Византии князь был лишь обязан оказывать провинциальной администрации Киликии военную помощь.

Р. М. Бартиянян показал, что в судейнике армянского юриста Мхитара Гоша содержался текст византийской табели о рангах. Докладчик полагает, что этот судейник, созданный к началу XIII в., использовался для вынесения судебных решений в византийско-армянском царстве.

Многие доклады вызвали оживленную дискуссию, которая показала, что большинство участников Чтенний склонны к пониманию континуитета как преемственности исторического развития, устойчивости человеческого опыта, не отрицающего, однако, возможности и неизбежности существенных перемен. Некоторые ученые высказывались в пользу тезиса о том, что континуитет и дисконтинуитет не являются взаимоисключающими, противостоящими понятиями, но находятся в диалектическом единстве и представляют единый процесс развития человеческого общества. Решение вопроса о соотношении этих понятий, как отмечали выступавшие в дискуссии, остается одной из серьезных задач, стоящих перед историками.

Я. А. Щеглова, М. В. Васильева

XIII ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ

(Ростов, 22—25 ноября 1990 г.)

22—25 ноября 1990 г. в Ростове прошла XIII Всесоюзная сессия византистов, организованная Институтом всеобщей истории АН СССР. По мысли организаторов, она должна была стать подготовительной встречей византистов перед XVIII Международным конгрессом в Москве в августе 1991 г. Открывавший и закрывавший сессию председатель Оргкомитета Конгресса член-корреспондент АН СССР Г. Г. Литаврин информировал собравшихся о ходе подготовки Конгресса и деятельности Оргкомитета. Важное место на сессии заняли темы, вынесенные для обсуждения на пленарных заседаниях и «круглых столах» московского Конгресса: политические и культурные связи Византии и Руси, Причерноморья, Кавказа; особенности социальной структуры византийского общества и проблемы экономической истории; взаимосвязи византийского и древнерусского искусства. Заседания проходили в двух секциях: секции истории и секции культуры, археологии и искусства.

В выступлениях ряда докладчиков были поставлены широкие проблемы,

выходящие за рамки собственно византиноведения и касающиеся характерных черт развития средиземноморского региона в средние века в целом. В докладе К. В. Хвостовой (Москва) «Византийская цивилизация: Способ функционирования во времени» были рассмотрены основные противоречия византийской культуры, социально-экономического и политического развития империи и пути их устранения. В центре внимания была следующая особенность византийской системы: строгое различие в теории публичного и частного управления и смешение этих прав в реальной действительности. Это противоречие устранялось в процессе императорской социально-экономической политики. Однако на протяжении времени постановления византийских властей легализовали известные формы смешения названных прав. Это обстоятельство сыграло важную роль в дальнейшем развитии социально-экономических и политических структур. Докладчица рассмотрела также способы устранения противоречий между явлениями культуры, восходящими к античности, и хри-

стианскими установками: происхождение переосмысление античных политико-правовых понятий в терминах богословия.

Важный теоретический вопрос об особенностях генезиса феодализма в Византийской Италии был поставлен в докладе О. Р. Бородин (Москва) «Основные тенденции социального развития Равеннского экзархата». О. Р. Бородин приходит к выводу, что в течение VI—VIII вв. на севере Византийской Италии протекал процесс феодализации; при этом общественные отношения средневекового типа формировались непосредственно на античной основе. Докладчик предложил дополнить существующую в науке четырехчленную схему генезиса феодализма в Европе пятым компонентом — бессинтезным вариантом феодализации античного социально-экономического базиса. Доклад подводит итог многолетней разработки автором проблем исторической эволюции Равеннского экзархата.

В ряде докладов рассматривались различные аспекты социальной структуры византийского общества. Ранневизантийской тематике были посвящены доклады Г. Е. Лебедевой, А. А. Чекаловой, Е. П. Глушанина. Проблемы, стоящие в современной историографии в отношении динамики социальной структуры ранневизантийского общества, определили характер и направление доклада Г. Е. Лебедевой (Ленинград) «К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества (постановка проблемы)». Анализ наиболее дискуссионных проблем, связанных с исследованием рабства, колоната, плебса, куриалов, сенаторов, позволил автору доклада обратить внимание на то обстоятельство, что в тени осталась проблема собственного внутреннего саморазвития различных классов, социальных сословий и групп, недостаточная разработанность которой порождает многочисленные спорные оценки их социальной и политической роли (проблема роли плебса, партий и т. д.), их отношений с ранневизантийской государственностью. Г. Е. Лебедева считает, что изучение взаимовлияния сословий, их реальной взаимосвязи в общественно-политической жизни империи может существенно расширить наши представления о социальной структуре ранневизантийского общества, сделать более понятным внутренний кризис в его структурах, который разразился в середине—второй половине VI в.

Доклад А. А. Чекаловой (Москва) «Сенаторская аристократия Константинополя и сословие куриалов IV—VI вв.» был посвящен проблеме соотношения сенаторской аристократии Константинополя и муниципальной аристократии Востока. На основании анализа просопографических данных докладчица пришла к выводу о том, что ни численностью, ни могуществом выходцы из сословия

куриалов не выделялись в константинопольском сенате и что проводниками их влияния и их системы ценностей являлись не столько они сами, сколько представители свободных профессий, которые составляли в сенате по меньшей мере четвертую часть.

Доклад Е. П. Глушанина (Барнаул) «Ранневизантийский букелларнат» по тематике непосредственно связан с проблемой, вынесенной для обсуждения на одном из «круглых столов» будущего Конгресса византистов, — в нем рассматривается социальный статус военного в ранней Византии.

Социальная стратификация поздневизантийского общества была рассмотрена в докладах П. И. Жаворонкова и Ю. Я. Вина. В докладе П. И. Жаворонкова (Москва) «Характер и состав знати Никейской империи (предварительные итоги изучения)» был дан краткий анализ 96 никейских знатных родов, зафиксированных в источниках. По степени знатности докладчик разделил знатных на 4 разряда, определив степень горизонтальной и вертикальной мобильности, которая колебалась от 33 % среди элиты до 52 % в четвертом низшем разряде. Кроме того, в докладе прослежены основные общественные функции знати всех разрядов, заключавшиеся в выполнении военных и гражданских (или их сочетании), а также церковных и придворных обязанностей.

Ю. Я. Вин (Москва) в докладе «К вопросу о социальной структуре сельской общины в поздней Византии (XIII—XV вв.)» решает проблему целостности сельской общины как неотъемлемой формы существования поздневизантийской деревни. По мнению докладчика, совокупность обитателей каждого села представляла собой сложное по социальному составу образование с присущими его членам состояниями зависимости, полувольности, полусвободы и, наконец, свободы. Значительную часть односельчан объединяли родство и свойство, производственные и общественные отношения, превращавшие их в единое целое — сельскую общину.

Взаимные представления и политические отношения Византии и Армении были рассмотрены в докладах В. А. Арутюновой-Фиданян и В. П. Степаненко. В докладе В. А. Арутюновой-Фиданян (Москва) «Образ Византии в средневековой армянской литературе» прослеживается эволюция образа Византии в армянской историографии. Главный вывод докладчика: образ Византии является сложным результатом взаимодействия армянской общественно-политической мысли с византийскими идеологическими стереотипами, а также результатом реальных исторических контактов обеих стран, а иногда и предпосылкой этих контактов.

В докладе В. П. Степаненко (Свердловск) «К структуре восточной границы Византии в XII в.» рассмотрен вопрос о статусе и функциях владетелей граничавших с империей государств, в данном случае армянских княжеств Киликии. Докладчиком было показано, что вопреки существующим воззрениям, признавая суверенитет василевса в рамках ойкуменического сообщества, эти владетели не получали функций стратигос фем, граничавших с их землями, но были обязаны во главе своих контингентов во взаимодействии с фемной администрацией защищать границы империи, создавая тем самым первый, внешний пояс ее обороны. Как следствие не были византийскими стратигами ни регент Анийского царства в 1031 г. Саркис Хайкази, ни эмир Диар Бакра Муммахид ад-даула Саид в 1000 г., ни Рубенид Торос II и князь Праканы Тигран в Киликии в 1158—1160 гг.

Несколько выступлений были посвящены теме «Византия и мусульманский Восток». В докладе Н. И. Серикова (Москва) «Арабский перевод „Тактики“ Льва VI?» рассматривался вопрос о существовании арабского перевода «Тактики» и «Навмахию», приписываемых византийскому императору Льву VI. По мнению докладчика, полного перевода этих сочинений на арабский язык не было, однако существовал своего рода дайджест, выполненный на их основе. Это подтверждается, в частности, цитатами из него, которые содержатся в сочинениях мамлюкского военачальника и писателя XV в. Ибн Манкали.

В докладе Е. Н. Мещерской (Ленинград) «Сирийский склад и корпус христианских апокрифов» затронуты апокрифические сюжеты, получившие свое первоначальное оформление и письменную фиксацию на сирийском языке, в частности в виде «Деяний Иуды Фомы». По мнению докладчицы, недавно введенная в научный оборот М. Ван Эбброком арабская версия памятника связана с византийской традицией и восходит к ранней греческой версии.

Р. М. Шукуров (Москва) дал новую трактовку политических связей Трапезунда с османами («Трапезундская империя и османы»). Докладчик показал, что в отличие от Византии Трапезундской империи удалось сохранять мирные отношения с османским султанатом в период с конца 20-х по начало 50-х годов XV в.

Большое количество докладов было посвящено различным аспектам византийско-славянских, и в частности византийско-русских, взаимосвязей. С интересным докладом «Галицкая Русь и Византия конца XII—начала XIII в.» выступил Н. Ф. Котляр (Киев). В совместном докладе М. В. Бибикува, Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина (Москва) «Ранние этапы скандинаво-русских отношений» было показано, что наименование

русь, применявшееся в IX—X вв., преимущественно для обозначения скандинавских, а позднее полиэтнических, но включавших и скандинавский компонент, отрядов, приходивших из Восточной Европы, может исходно являться прямым заимствованием византийцами скандинавского самоназвания военных отрядов в Восточной Европе.

Анализ норм канонического брачного права в сообщении А. Р. Гуцина (Киев) «Была ли Анна, вторая супруга Романа Мстиславича Галицкого, византийской царевной?» заставил докладчика усомниться в версии Н. Баумгартена о родстве княгини с императорами Исааком II и Алексеем III Ангелами. Основываясь на данных литературы о положении и составе византийского нобилитета рубежа XII—XIII вв., он ставит под сомнение и версию И. Грали о ее происхождении из аристократической фамилии Каматиров.

Ряд докладов содержал наблюдения над особенностями восприятия славянами и Русью византийской культуры. Рассмотрев сведения по византийской истории, содержащиеся в документах об избрании на царство Бориса Годунова, принципы их подбора и обработки, Б. Н. Флоря (Москва) («Знание византийской истории в Древней Руси и избрание Бориса Годунова на царский трон») сделал ряд выводов о восприятии русскими людьми конца XVI в. византийских исторических традиций. С. А. Иванов (Москва) установил, что слово «скомрах» в славянских текстах XI—XII вв. встречалось исключительно в переводах с греческого, причем не только для обозначения мимов, но и для передачи греческого *ὑπόδοχος*, *ὑποδοχὴς* и *ὑποδοχῆς*, из чего сделан вывод, что слово «скомрах» не только не было исконно славянским, но, наоборот, ассоциировалось лишь с реалиями византийского ипподрома («Византийские димы и славянские скоморохи (К вопросу о диалогте культуры)»). Вопросам влияния на славянскую культуру переводов византийских памятников был посвящен также доклад Е. К. Пиотровской (Ленинград) «Проблемы перевода византийских космографических сочинений и культура славянских стран», где было проведено сравнительное изучение «Христианской топографии» Космы Индикоплова и Толковой Палеи. Подобные исследования, по мнению автора, существенны для решения вопроса о времени перевода сочинений Космы Индикоплова на славянские языки, а также об особенностях перевода труда в целом и отдельных его частей.

На конференции были освещены и проблемы восприятия на Руси византийского церковного права. В докладе «Моисеево законодательство в древнерусской письменности» Я. Н. Щапов (Москва) рассказывал о переведенных с греческого установлениях, восходящих к библейской традиции: о переводе «Изборника из закона»,

вошедшем в Кормчие XIII в. и в сокращенной редакции в «Мерило праведное» XIV в., а также об одном из старейших славянских текстов книги Исход в составе сборника XIV в. Церковно-правовой проблематике был посвящен доклад И. П. Медведева (Ленинград) «Смертная казнь в толковании Феодора Вальсамона», который, проследив эволюцию отношения канонического права Западной и Восточной церкви к смертной казни и отметив разрывное теоретическое обоснование византийским правоведом XII в. Феодором Вальсалоном отказа от таковой, выразил сожаление о том, что соответствующие схолии Вальсамона не вошли в обиход на Руси, что могло бы способствовать гуманизации отечественной судебной практики. Идеологическому аспекту русско-византийских отношений был посвящен доклад И. С. Чичурова (Москва) «Политическая идеология в системе русско-византийских отношений». Он показал, что русско-византийские связи, преломленные в политической идеологии, не выстраиваются в прямолинейную схему, определяющуюся отношениями заимствований и влияний. Используя византийский идеологический арсенал, древнерусские книжники отражали собственную конкретно-историческую действительность.

Проблемы византийской политической идеологии в их связи с догматической полемикой в Константинопольском патриархате стали предметом сообщения Е. М. Ломизе (Москва) «Церковная уния и политическая идеология Византии XV в.», в котором на основе анализа византийской церковно-полемической литературы XV в. показано, что представления авторов этого времени о природе византийского государства, власти императоров и характере отношений императоров с церковью зависели от их позиции в вопросе об унии православной и католической церквей.

Собственно церковно-историческим проблемам были посвящены доклады А. С. Козлова и Н. Д. Барабанова. Исследуя антиеретическую политику Феодосия I, А. С. Козлов (Свердловск) («Некоторые аспекты антиеретической политики Феодосия I») пришел к выводу, что ее хронологическая и содержательная «неровность» в последней четверти IV в. объясняется не только конфессиональными, но и социально-политическими причинами. Изъятие у еретических общин городских имуществ — церкви и земли — подрывало не только их культовую практику, но и их социальный статус. Особенно это касалось тех общин, которые ущемлялись в частно-правовых вопросах, что исключало их членов из разрядов полноправных свободных граждан.

Н. Д. Барабанов (Волгоград) исследовал культ св. Максима Кавсокалив, утвердившийся во второй половине XIV в.

на Афоне, где в то время появились два жития святого, созданные иеромонахом Нифонтом и проигуменом монастыря Ватопед Феодором («К истории византийского исихазма XIV в. св. Максим Кавсокалив: трансформация образа»). Житие Нифонта имело целью доказать святость героя, облик которого наделен традиционными чертами аскета-отшельника. Феодор же намеревался доказать принадлежность Кавсокалива к исихастскому пантеону, совмещающая в его образе черты практика и теоретика исихазма.

Иной аспект исследования поздневизантийской философии, богословия и эстетики выделен в докладе «Эстетические взгляды представителей позднего исихазма» В. В. Бычкова (Москва), особо остановившегося на символике света и цвета.

В ряде выступлений на сессии затрагивалась проблема изучения социальной психологии византийца. Непосредственно этой теме посвящен доклад М. А. Поляковской (Свердловск) «Образ человека в византийском письме», в котором на основании писем Димитрия Кидониса проведен анализ нравственной структуры личности автора. Определив эмоциональный уровень его оценок поведения и поступков людей, среди которых были как корреспонденты Кидониса, так и упоминаемые в письмах «третьи лица», докладчица сделала основной акцент на определении нравственного кредо автора. Наряду с характеристикой реальных лиц — Иоанна Кантакузина, Филофея Коккина, Нила Кавасилы, Мануила Тарханюта, Георгия Синадина Астры — в докладе представлены содержащиеся в письмах Димитрия Кидониса образы «человека вообще»: как безвестного «маленького» человека, так и придворных, блестящие типы которых вышли из-под пера автора писем.

Несколько сообщений, прочитанных на отдельном заседании секции истории, были посвящены проблемам торговли и итальянской колонизации в Восточном Средиземноморье и Причерноморье в XIII—XV вв. Пленарный доклад по этой теме был сделан С. П. Карповым (Москва), давшим обзор новых источников, обнаруженных в Генуэзском и Венецианском Государственных Архивах («Новые источники по истории Восточного Причерноморья»). В частности, было обращено внимание на значение массарий (счетных книг) Каффы для изучения состава населения, международных политических и экономических связей причерноморского региона. В докладе была дана характеристика картографии писем, направленных венецианскому патрицию Лоренцо Дольфину из разных регионов Венецианской Романии (Константинополя, Таны, Корона, Модона, Кипра и т. д.). Письма проливают новый свет на систему политических связей Восточного Среди-

земноморья в критический период османской экспансии 20-х—конца 40-х годов XV в. Докладчик остановился на характеристике ряда нотариальных актов XIII—XV вв., составленных в венецианских и генуэзских факториях Причерноморья и представляющих большой интерес для истории Византии.

Анализ системы торговых и политических связей в Восточном Средиземноморье был продолжен в докладе «Торговля специями на Кипре в XIII—XIV вв.» С. В. Близинок (Москва), подчеркнувшей, что специи являлись одним из важнейших товаров кипрского рынка. В докладе на основе анализа нотариальных и нарративных источников, торговых практик исследовался ассортимент торговли специями, ее объемы, цены. Докладчица пришла к заключению, что к середине XIV в. наблюдается подорожание практически всех видов специй.

В сообщении В. Г. Ченцовой (Москва) «Внутрирегиональная торговля в Эгее в конце XIII в.» была сделана попытка получить некоторые количественные соотношения (по венецианскому документу «Постановления о пиратстве») и с их помощью охарактеризовать структуру венецианской торговли в Греции и Эгееде, выявить связь между маршрутами купцов (внутрирегиональными и межрегиональными), ассортиментом товаров и объемами торговли. Докладчица сделала вывод, что венецианская торговля включала в сферу своего влияния и провинциальные рынки, в ней существовало определенное равновесие между торговлей дорожными товарами и сельскохозяйственными продуктами.

В докладе А. Г. Еманова (Тюмень) «Греки в Каффе XIII—XV вв.» рассматривались данные итальянских источников о жизни греческого населения в этом крупнейшем в Причерноморье центре международной и внутрирегиональной торговли.

А. Л. Пономарев (Москва) в докладе «Отражение эволюции структуры купечества Причерноморья в конце XIII—XIV в. на материале кладов», рассмотрев суммы сделок в нотариальных актах Перы 1281 г., пришел к выводу, что генуэзское купечество в это время не было имущественно дифференцировано. Количество собственников убывало обратно пропорционально размеру их богатства. Материал золотоордынских кладов 60—70-х и 80—90-х годов XIV в. говорит уже о том, что внутри купечества существовали три имущественные группы, в которых богатство было распространено аналогичным образом. Как следует из данных рукописи Vat. Ottoloni. gr. 14, процесс имущественной дифференциации начался, по крайней мере, в 30-е годы XIV в. Суммы сделки в 15 либр grosсов позволяют отделить беднейшее венецианское купечество от более состоятельного.

Многочисленные доклады были посвящены проблемам истории византийского искусства, археологии, а также нумизматики, сфрагистики и эпиграфики. Темой целого ряда сообщений стал анализ концепций храмовых росписей. В докладе А. М. Лидова (Москва) «Литургия и византийские иконографические программы XI—XII вв.» рассмотрены основные литургические темы, появившиеся в средневизантийской храмовой декорации: евхаристия, служба святых отцов, Христос-священник, Христос-архиерей, освящающий храм. Систематизация новых сюжетов позволила докладчику сделать вывод о том, что в XI в. возникает новая литургическая редакция храмовой декорации, зародившаяся в столице и ярко проявившаяся в иконографических программах Софийских соборов Киева и Охрида. Литургические темы получили новый импульс после собора 1156—1157 гг. впервые специально занимавшегося чисто литургическими проблемами.

Л. И. Лившиц (Москва) в докладе «К проблеме образного взаимодействия архитектурного и живописного пространства в позднепалеологовском искусстве» проследил эволюцию образа архитектурного пространства в византийских ансамблях с конца XIII до начала XV в. Для раннепалеологовского периода характерно аллегорическое восприятие пространства храма. Оно интерпретируется как «пиршественная палата, устроенная Премудростью». Изображения архитектурных мотивов как бы продолжают реальную архитектуру. Однако с середины XIV в. образ пространства утрачивает структурную определенность, превращаясь в безграничную среду. Это уже не «Дом Премудрости», а место духовного преобразования, «Гора Фавор», в чем сказывается влияние психастского учения.

В докладе Н. Н. Никитенко (Киев) «Историческая проблематика в росписи Софии Киевской» на основании сопоставления стенописи собора со свидетельствами древнерусской истории и литературой сделан вывод, что в ней в прообразовательной форме отражена тема крещения Руси, которая решается через прославление миссионерской деятельности ее крестителей. Это характерно и для фресок Георгиевского придела, посвящение которого связано не с личным патронатом Ярослава Мудрого, а с общей концепцией стенописи храма. И. А. Головань (Киев) на основе идентификации и символической интерпретации не сохранившихся надписей единичных фресковых изображений в Святой Софии сделала вывод, что в системе росписи храма была заложена идея борьбы с экспансией Византии за идеологическую, политическую и культурную независимость («О системе росписи Киевской Софии»).

Совсем иные аспекты изучения архитектурно-художественного комплекса Со-

фии Киевской были затронуты И. Ф. Тошкой (Киев) («К итогам изучения архитектурно-художественного образа Софии Киевской XI в.»), которая говорила об истории строительства собора. Обобщая результаты исследований 70—80-х годов, она привела доказательства одновременности галерей II яруса и основного ядра храма, рассказала об открытии древнейших на Руси крестовых сводов в перекрытии этих галерей, сообщила данные об архитектуре усыпальницы в юго-восточном углу собора, имевшей апсиду и купольное завершение. По мнению докладчицы, мозаики и фрески пятифедерного ядра храма, галерей и обеих башен были выполнены одновременно в первой половине XI в. после сложения архитектурного облика собора.

И. А. Стерлигова (Москва) сделала сообщение «Драгоценный убор русских икон XI—XIII вв. Византийские традиции и местные особенности» о драгоценном убранстве (охладе и прикладе) древнерусских домонгольских икон и его византийских прототипах. На основании письменных источников и сохранившихся памятников ею были рассмотрены основные типы драгоценного убора моленного образа, а также происхождение и символика составлявших его частей.

В. Н. Залесская (Ленинград) в докладе «Прикладное искусство Малой Азии X—XII вв.» обосновала принадлежность к малоазийским мастерским X—XII вв. ряда изделий из бронзы, кости и керамики, своеобразие которых проявляется в особой иконографии и характерном подборе персонажей: изображений Михаила Хонията, Дионисия Великого, Георгия Амастридского, Меркурия Каппадокийского, Фотия Никомидийского, Христофора Кинокефала. Обращает внимание структура и технические особенности памятников: пластические бронзовые иконы, серебряные инкрустации крестов.

Острую дискуссию, по существу, основных высказанных положений вызвал доклад В. Г. Пуцко (Калуга) «Византийский эмальерный стиль в оформлении греческих и иноязычных иллюминированных рукописей».

В. С. Шандровская (Ленинград) рассмотрела в своем докладе «Изображение святых воинов в нумизматике и сфрагистике» два периода в развитии изображения святых воинов на монетах и печатях: VI—VIII вв. и XI—XII вв. В первый период воин олицетворял борьбу со злом (язычеством, ересями). Во второй — он выступал как советник и патрон императора и его военачальников. Сопоставление изображений воинов позволило выявить их различные типы. Докладчица проанализировала художественные особенности ряда памятников, подчеркнула их значение для углубления наших познаний по истории военного дела в Византии.

Нумизматическая проблематика была представлена также докладом В. В. Гурулевой (Ленинград) «Н. П. Бауэр и его вклад в византийскую нумизматику». Почти все работы хранителя западноевропейских и византийских монет коллекции Эрмитажа Н. П. Бауэра, расстрелянного в 1942 г. и реабилитированного только в 1989 г., посвященные проблемам византийской чеканки, не были опубликованы и сохранились лишь в архивах, хотя многие из них донны не утратили своего значения. Научной заслугой Н. П. Бауэра является изучение обращения иностранной монеты на территории Древней Руси.

В докладе А. И. Романчук (Свердловск) «Характер и специфика археологических источников для средневекового Херсона» были сопоставлены сведения письменных и археологических источников по наиболее дискуссионным периодам истории Херсона: VII—IX и XIII—XIV вв. Данные нарративных источников противоречат распространенному тезису о кризисе Херсона в VII—VIII вв. Археологические находки говорят о сохранении в городе ремесел, ориентированных на торговлю с аграрной периферией. Причиной малочисленности археологических источников этого времени является вызванное непрерывностью застройки разрушение более ранних сооружений. Наиболее представительные комплексы имеются для периода XII—XIV вв., в течение которого город дважды пережил разрушение. А. И. Романчук считает, что Херсон в течение всего средневековья оставался одним из ведущих центров в Таврике. Исследование городов Причерноморья по данным археологических источников было продолжено в докладе В. Л. Мыца (Алушта) «Византийская крепость Алушта».

В докладе В. И. Ставиского (Киев) «Греческие надписи из Десятинной церкви в Киеве» на основании сопоставления фрагментов клейм на плинфах, найденных при раскопках в 1908—1914 и 1938—1939 гг., предложено прочтение надписи

на нем: ΘΕΟΜΗΤ Ζ Ρ. Докладчик доказал местное производство фриза с греческой надписью с западного фасада церкви и датировал его X в. Этот фриз с рельефным изображением Богоматери представлял донаторскую композицию, в которую, возможно, входили рельефные изображения князя Владимира и княгини Анны.

Подводя итоги конференции, Г. Г. Пятавин отметил высокий профессиональный уровень, богатство проблематики прозвучавших докладов. Ученые из разных городов получили возможность познакомиться с новыми исследованиями своих коллег, с открытиями, сделанными археологами и искусствоведами. К сожалению, в Ростов не смогли приехать специалисты из Армении и Грузии, доклады которых значились в программе сессии.

Е. М. Ломизе, В. Г. Ченцова

22 апреля 1990 г. скончалась Елена Эммануиловна Липшиц, крупнейший советский историк, доктор исторических наук, один из основателей советского византиноведения и «Византийского временника», постоянный член его редколлегия.

Е. Э. Липшиц родилась 9 мая 1901 г. в Киеве в семье служащего, среднее образование получила в Киевском женском коммерческом училище (1918 г.), высшее — в Киевском археологическом институте (1922—1923 гг.) и Ленинградском государственном институте истории искусств (1925—1930 гг.), который она закончила по византийскому циклу, получив специальность «музеевед». Большой жизненный и творческий путь Е. Э. Липшиц ознаменовался плодотворной научной и педагогической деятельностью в стенах Государственной Академии истории материальной культуры (в 1935 г. она закончила аспирантуру ГАИМК, во время которой получала персональную стипендию им. Н. Я. Марра, затем исполняла обязанности старшего научного сотрудника по кафедре средних веков), Ленинградского государственного университета (с 1938 г. — в должности доцента) и (сначала по совместительству) Ленинградского отделения истории АН СССР (1938—1974 гг., — в должности старшего научного сотрудника, в последние годы — в должности научного консультанта). Вместе с М. В. Левченко она была в 1939 г. основателем и затем постоянным членом Ленинградской межинститутской византийской группы.

Для Е. Э. Липшиц характерен широкий круг научных интересов, включающий в себя занятия социально-экономической историей Византии, историей византийской культуры и права, историей византийско-славянских отношений и др. Особую важность имеют труды Е. Э. Липшиц, посвященные VIII—IX вв. византийской истории, т. е. периоду, который рассматривается ею как заключительный этап в развитии и окончательном оформлении византийского феодализма. Начав с изучения аграрной истории VIII—IX вв., Е. Э. Липшиц в дальнейшем поставила перед собой задачу комплексного исследования всей избранной ею эпохи. Уже в 1936 г. она защищает кандидатскую диссертацию на тему «Земледельческий закон и сельская община в Византии в VI—VIII вв.» (первая кандидатская диссертация по византистике, защищенная в Ленинграде после революции), положения которой были развиты в целом ряде позднее опубликованных статей (например, «Византийское крестьянство и славянская колонизация» — работа, снискавшая широкую известность и переведенная на немецкий и венгерский языки). К ним примыкает статья Е. Э. Липшиц «Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв.», содержащая глубокий анализ социальной структуры византийского общества VIII—IX вв. Наконец, уже в послевоенный период Е. Э. Липшиц опубликовала ряд исследований по внутренней истории Византии, защищенных в 1951 г. в качестве докторской диссертации и завершившихся капитальной монографией «Очерки истории византийского общества и культуры (VIII—первая половина IX в.)» (М.; Л., 1961). В ней на основе тщательного исследования обширного круга источников автор дает синтетическую характеристику социально-экономического и культурного развития византийского общества. В центре внимания оказываются проблемы социально-экономического характера, в то время как вопросы культуры рассматриваются преимущественно с целью выяснения руководящих ее направлений и прогрессивных течений.

В течение многих лет Е. Э. Липшиц разрабатывает тему византийского права. Важным ее вкладом в разработку этой темы явилось издание чрезвычайно популярного в Византии и соседних с нею славянских странах византийского законодательного

свода VIII в. — Эклога, — текст которого был впервые переведен ею на русский язык и снабжен подробным историко-юридическим комментарием. Отдельные исследования Е. Э. Липшиц, посвященные различным проблемам изучения ранневизантийского права, были обобщены в монографии «Право и суд в Византии в IV—VIII вв.» (Л., 1976). В ней на основании глубокого изучения всей совокупности юридических источников (законодательных кодексов, сводов, сочинений юристов, схолий, актового материала) необычайно ярко и наглядно показан сложный диалектический процесс рождения и развития византийского права, те конкретные условия, в которых оно функционировало, те качественные изменения, которые привели к трансформации античного римского рабовладельческого права в византийское средневековое право феодального общества.

Непосредственным продолжением этой работы явилась монография «Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв.: Историко-юридические этюды» (Л., 1981). В ней Е. Э. Липшиц последовательно рассмотрела те византийские законодательные памятники и своды, которые имели особое значение как для социально-экономической истории Византии, истории права, так и для истории права Балканских государств и Др. Руси: Исагога, Прохирон, Василики и схолии к ним, новеллы императоров Македонской династии, частная распространенная Эклога. Обстоятельно показано действие византийского законодательства, в частности практика видного юриста Евстафия Романа; прослежены судьбы одного из важных реликтовых институтов — института «подвластных» лиц, наконец, дан комментированный перевод на русский язык юридического сочинения XI в., зафиксировавшего дискуссию в Высшем Суде Константинополя о действительности законов, включенных в Василики, и их соотношении со старым законодательством Юстиниана.

В работе уделено много внимания имущественным, брачно-семейным отношениям, наследственному, обязательственному праву. Хорошо показана связь законодательства с социальной и экономической конъюнктурой и т. д. Приведенный в работе материал Пирю убедительно показывает, что Василики были (вопреки мнению некоторых исследователей, например, Каждана) основным источником действующего права в XI в. Вообще все, что в работе сказано о Василиках, настолько убедительно, что, на наш взгляд, кладет конец затянувшейся дискуссии о значении этого обширного законодательного свода. Прекрасно показано, что оригинальность и своеобразие его состоит в особом способе эксперпирования старого законодательства, в особом методе использования старого законодательства, изменяемого путем всякого рода интерполяций, сокращений и дополнений. Работа, впрочем, выполнялась автором в период серьезных жизненных потрясений, вызванной ими тяжелой болезнью и поэтому несвободна от ошибок.

Кончина Елены Эммануиловны Липшиц, выдающегося ученого, талантливого отнюдь не только в византиноведении (достаточно сказать, что в юности она получила фактически профессиональную подготовку в области музыки, имея своим учителем по классу фортепиано выдающегося музыканта Блюменфельда), но в то же время скромнейшего и благороднейшего человека, — печальная и невозможная утрата для нашей науки.

Санкт-петербургская византийская группа,
Редколлегия «Византийского временника»

Список научных работ Елены Эммануиловны Липшиц

- Из мыслей К. Маркса о Византии // Проблемы ГАИМК. 1933. № 3-4. С. 51—61.
К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии // Известия ГАИМК. 1933. Вып. 90. С. 543—563.
Земледельческий закон и сельская община в Византии: Тез. дис. канд. ист. наук. [Л.], 1936.

Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. // ВДИ. 1939. № 1.

Византийское крестьянство и славянская колонизация: Преимущественно по данным Земледельческого закона // ВС. М.; Л., 1945. С. 96—143. (Имеется пер. на нем. и венгер. яз.).

Византия и южные славяне в VI—VIII вв.: Тез. докл. в ЛГУ. 1946.

Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма // ВВ. 1947. Т. 26. С. 144—163.

О походе Руси на Византию ранее 842 г. // Исторические записки. 1948. Т. 26. С. 312—321.

Византиноведение в Ленинграде в 1946 и 1947 гг. // ВВ. 1949. Т. 27.

Византийский ученый Лев Математик: Из истории византийской культуры в IX в. // ВВ. 1949. Т. 27. (II). С. 106—149.

Об исторических корнях некоторых художественных течений в византийском искусстве VIII—IX вв.: Тез. докл. на сессии истории и философии АН СССР. [Л.], 1950.

Никифор и его исторический труд // ВВ. 1950. Т. 3. С. 85—105.

Бревиарий Никифора (пер. с греч. и коммент.) // ВВ. 1950. Т. 3. М. 349—387.

Успенский К. Н. Очерки по истории иконоборчества. Предисловие // ВВ. 1950. Т. 3.

К вопросу о светских течениях в византийской литературе IX в.: Кассия // ВВ. 1951. Т. 4. С. 132—147.

Византия в VI—IX вв. // Сб. док. по социально-экономической истории Византии. М., 1951.

Податной устав (пер. с греч.) // Там же. М., 1951.

Byzanz und die Slawen: Beiträge zur byzantinischen Geschichte des VI—IX Jahrhunderts. Weimar, 1951. (Книга, составленная из пер. на нем. яз. № 10 и 11).

Византиноведение в Ленинграде в 1948—1949 гг. // ВВ. 1951. Т. 4. С. 274—277.

Византийское общество и его культура в VIII—первой половине IX в.: Автореф. дис. . . . док. ист. наук. Л., 1951.

Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. // ВВ. 1952. Т. 5. С. 49—72.

Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии // ВВ. 1952. Т. 5. С. 235—243.

Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв.: Некоторые наблюдения по аграрной истории Византии // «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия»: Сб. статей. М., 1952. С. 49—54.

К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. // ВВ. 1953. Т. 6. С. 113—131.

Византийская сатира «Тимарион»: Предисловие к переводу с греч. С. В. Поляковой и И. В. Фаленковской // ВВ. 1953. Т. 6. С. 357—386.

Памяти М. В. Левченко // ВВ. 1956. Т. 8.

Проблема падения рабовладельческого строя и начало феодализма в Византии // ВДИ. 1956. № 4. С. 63—72. Имеются автореф. на нем. яз. и пер. на рум. и яп. яз., а также на франц. яз.: Recherches Internationales à la lumière du marxisme. 1974. N 79/2.

О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в Балканских и Малоазийских районах // ВВ. 1958. Т. 13. С. 28—54.

Несколько замечаний о Василиках как историческом источнике // ВВ. 1958. Т. 14. С. 76—80.

Новые данные об экономике пригородов Константинополя в X веке // ВВ. 1958. Т. 14. С. 81—84.

Очерки истории византийского общества и культуры в VIII—первой половине IX века. М.; Л., 1961.

Геопоники: Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века / Введ., пер. с греч., коммент. М.; Л., 1960.

Сыркин А. Я. Дигенис Акрит. Пер., коммент., статьи / Отв. редактор Е. Э. Липшиц. М., 1960.

Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма // ВВ. 1961. № 6. С. 96—110. (Имеется рум. пер.).

Город и деревня в Византии в VI—IX вв.: Доклад на пленарном заседании Международного конгресса (часть коллективного доклада советской делегации) // Actes du XII Congrès International d'études byzantines. Beograd, 1961. (Имеется пер. на яп. яз., а также на франц. яз. в: Recherches Internationales à la lumière du marxisme. 1974. N 79/2.)

О социальной сущности судебной реформы в Византии // ВО. 1961. С. 121—136.

Бартиян Р. М. Источники для изучения павликианского движения / Отв. редактор Е. Э. Липшиц. Ереван, 1961.

О значении термина «пáрик» // Сб. в честь Н. В. Пигулевской. М., 1961. С. 74—76.

Византийское законодательство и право VI—VIII веков и вопрос о восточном характере византийского феодализма: Доклад на конгрессе (секция: Византиноведение

и смежные дисциплины) // Тр. XXV Международного конгресса востоковедов, Москва, 9—16 августа 1960 г. (Имеется нем. пер.).

Византийское просвещение // Педагогическая энциклопедия. 1963.

Навкратий и Никейские мозаики // ЗРВИ. 1964. Кн. 8.

Сыркин А. Я. Поэма о Дигенисе Акрите / Отв. редактор Е. Э. Липшиц. М., 1964.

Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. Л., 1965.

Некоторые вопросы истории византийского феодализма VIII—IX вв.: (ответ рецензенту) // ВВ. 1965. Т. 26. С. 248—266.

Византийский земельный закон и его судьба в средневековых балканских государствах // Actes du I Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. III: Histoire. P. 385—392.

Византийское искусство IV—VII вв. // История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 435—480.

Искусство (архитектура и живопись) // Там же. Т. 2. С. 387—420.

Архитектура и живопись // Там же. Т. 3. С. 274—288.

О значении термина «пáрик» в Византии IX в. // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. Л., 1967. М. 74—76.

К истории «Земледельческого закона» в Византии и в средневековых балканских государствах // ВВ. 1968. Т. 29. С. 53—62.

Рец. на кн.: Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох // ВВ. 1969. Т. 30. С. 247—252.

Рец. на кн.: Rochova I. Kassia // Deutsche Literaturzeitung. 1969. Bd. 9. S. 796—798.

Наука и образование // История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 219—234.

К истории закрепощения византийского крестьянства: Эволюция законодательства о колонате 505—582 гг. // ВО. 1972.

Продажа класм и протимезис: Из комментария к Пире 2,2 // АДСВ. 1973. Сб. 10. С. 105—107.

Из комментария к конституциям Юстиниана 529 г. // ЗРВИ. 1973. Кн. 14/15. С. 1—9.

Особенности финальной формулы некоторых законодательных актов ранней Византии // Вспомогательные исторические дисциплины. 1973. Вып. 5. С. 286—298.

Византийское право между Эклогой и Прохироном // ВВ. 1974. Т. 36. С. 45—72.

Право и суд в Византии IV—VIII вв. Л., 1976.

Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв.: Историко-юридические этюды. Л., 1981.

12 сентября 1989 г. на 83-м году жизни скончалась Татьяна Алексеевна Измайлова — доктор искусствоведения, старший научный сотрудник отдела Востока Эрмитажа, заслуженный работник искусств Армении, крупный специалист в области миниатюры средневековой Армении.

Основное внимание Т. А. Измайлова уделяла миниатюрной живописи, особенно памятникам рубежа тысячелетий — X—XIII вв. Ею опубликовано более 30 армянских рукописей Научно-исследовательского института древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадарана) в Ереване, Ленинградского отделения института востоковедения АН СССР, Эрмитажа и издан каталог иллюстрированных рукописей эрмитажного собрания (1969 г.).

Татьяна Алексеевна выявила в армянской миниатюре целый пласт памятников, создатели которых ориентировались в стиле и в иконографии на византийские образцы. Эти армянские памятники она выделила в особую группу, назвав их «византизмирующими». Обращалась Т. А. Измайлова и к византийским памятникам (анализ миниатюр рукописи Греч. 210 из собр. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; 1969 г.).

Т. А. Измайлова участвовала в работе ряда республиканских, всесоюзных и международных научных форумов по вопросам армянского, византийского, грузинского искусства. Ей принадлежат более 80 печатных трудов, изданных как у нас, так и за рубежом. Ее перу принадлежит первая в отечественной (да и в мировой) историографии монография по истории искусства Армении (1962 г., совм. с М. А. Айвазян — автор раздела советского периода). Ее докторская диссертация издана отдельной книгой (1979 г.).

В любое дело, за которое бралась Татьяна Алексеевна (будь это подготовка лекции, проведение экскурсии, организация выставки, написание статьи, руководство сектором Средней Азии и Кавказа, чем она занималась более 20 лет), она вкладывала душу, иначе она поступать не могла. Память о ней — человеку большой культуры, безупречного вкуса, преданного избранному делу и Эрмитажу — долго будет жить в сердцах тех, кто рядом с ней работал и знал ее.

А. Я. Каковкин

Грузинская византинология понесла тяжелую утрату. 11 января 1991 г., внезапно, в расцвете творческих сил скончался известный исследователь античной и средневековой культур Александр Дмитриевич Алексидзе. Ушел из жизни человек, который органично сочетал в себе традиции прославленной семьи Алексидзе, яркий талант лектора и исследователя, мудрость государственного деятеля, нежность и теплоту друга, преданность и любовь отца, удивительную доброту и, конечно, особый шарм, столь четко выделявший его в любом обществе, в самом изысканном кругу ученых, общественных или государственных деятелей любой страны.

Доктор филологических наук, профессор Тбилисского государственного университета, председатель Грузинского республиканского Комитета защиты мира, депутат Верховного Совета Грузии нескольких созывов, ректор Института иностранных языков. . . Перечень его титулов и должностей, которые он занимал в разное время, можно продолжить, но не это главное в определении нашего отношения к Александру Дмитриевичу. Для нас он в первую очередь является известным ученым, с именем которого связаны столь значительные успехи грузинской византинологии.

А. Д. Алексидзе родился 7 января 1937 г. Проявив еще в школьные годы тяготение к гуманитарным наукам, он занялся изучением классической филологии и византистики. После того как Александр Дмитриевич получил основательную подготовку в аспирантуре под руководством академика С. Г. Каухчипвили, он сразу же зарекомендовал себя как первоклассный исследователь проблем византийской литературы и культуры. Его кандидатская диссертация о византийском романе XII в. вызвала столь большой интерес, что известный переводчик и исследователь А. Ф. Петровский доверил А. Д. Алексидзе написать послесловие, фактически целое исследование, к переводу романа Никиты Евгениана «Повесть о Дросилле и Харикле», который вышел в серии «Литературные памятники» в 1969 г. Работа в этом направлении была продолжена, и в 1979 г. А. Д. Алексидзе издает монографию «Мир греческого рыцарского романа XIII—XIV вв.», ставшую для исследователей византийской литературы настольной книгой. В настоящее время готовится ее издание на греческом языке. Широкую известность получила его монография «Византийская литература XI—XII веков» (1989 г.), А. Д. Алексидзе был удостоен чести быть членом редакционной коллегии и одним из соавторов известного многотомного издания «Византийская культура». А. Д. Алексидзе блистательно представлял грузинскую науку на самых авторитетных международных конгрессах.

В памяти огромного числа его воспитанников он останется как образцовый лектор, который своим красноречием и своей эрудицией покорял любую аудиторию. После долгих лет изоляции от западного мира, Алексидзе был первым грузинским ученым, которого пригласили на чтение лекций во Францию на несколько лет. В Страсбургском университете им был прочитан полный курс лекций по истории грузинской культуры, грузино-византийских литературных взаимоотношений, и в течение многих лет он получал письма благодарности от бывших студентов и среди них нынешнего молодого мэра города Страсбурга Катрин Тротмани, совсем недавно принимавшей с большим почетом своего любимого педагога Александра Алексидзе у себя в мэрии. Студенты университетов других стран (Пуатье, Крита) также всегда будут помнить его неповторимое ораторское мастерство.

Невозможно забыть ту преданность, с которой он старался служить культуре родного народа. Из нового поколения грузинских ученых ему первому удалось проник-

нуть в Иверскую Лавру на Афонской горе и увлекательно описать это в монографии «Афон тысячелетний». Тем самым он возобновил интерес грузинской общественности к этому важнейшему очагу грузинской культуры, что, в свою очередь, в значительной степени обусловило организацию микрофильмирования полной коллекции грузинских рукописей на горе Афон. Он был первым грузинским ученым, побывавшим в Волесе (Греция) и давшим нашему обществу информацию о новейших археологических находках, подтверждающих достоверность сведений мифа об аргонавтах. В последние дни своей жизни он писал сценарий для художественно-документального фильма о грузино-греческих взаимоотношениях.

Большим признанием деятельности грузинского ученого было его сотрудничество с издательством Галлимар (Франция); в известной энциклопедической серии данного издательства, в томе, посвященном всемирной литературе, он опубликовал очерк о грузинской литературе. А. Д. Алексидзе был членом редакционной коллегии «Византийского временника», членом международного общества Винкельмана (Германия).

Патриотизм ученого никогда не был декларативным. Он всегда старался показать на деле, как должен человек, ученый-профессионал, служить своему народу. Утонченная интеллигентность никогда не мешала ему в проявлении принципиальности и последовательности. Чувство высокой ответственности по отношению ко всему написанному им являлось его отличительной чертой. Поэтому он работал так степенно и усердно над собственным рукописным текстом, и именно поэтому все его труды с точки зрения языка и стиля были столь изысканны и показательны.

Александр Дмитриевич был желанным посланником грузинского народа, посланником дружбы и мира в любую страну. Своим обаянием, отличным знанием языков, глубоким осмыслением общечеловеческих проблем и ценностей он сыграл большую роль в приобретении настоящих друзей Грузии в разных частях мира.

Ему было 54 года. Незавершенным остались его труды по культуре Византии, не суждено осуществиться его интересным научным планам.

Светлая память о нем будет жить вечно среди его друзей, коллег, воспитанников.

Коллеги-византисты

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Г. Г. Литаврин (Москва) Еще раз о занятиях и общественной организации славян на Балканах в VI—VII вв.	3
Г. Е. Лебедева (Петербург) К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана)	10
А. А. Чекалова (Москва) Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в.	20
Л. Максимович (Белград) Корни и пути возникновения городского патрициата в Византии (окончание)	36
В. А. Арутюнова-Фидания (Москва) Терминологическое обозначение новой социально-административной структуры на востоке Византийской империи (X—XI вв.)	43
И. П. Медведев (Петербург) Смертная казнь в толковании Феодора Вальсамона	53
З. Г. Самодурова (Москва) К вопросу о характере источников естественнонаучных знаний в Византии VII—XII вв.	62
Ф. Винкельман (Берлин) Византийская церковная историография	71
О. Р. Бородин (Москва) Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и «дело» папы римского Мартина I (окончание)	80
Е. М. Ломизе (Москва) Константинопольский патриархат и османская религиозная политика в конце XIV—первой половине XV в.	89
А. Б. Черняк (Петербург) Византийские свидетельства о романском (романизованном) населении Балкан V—VII вв. (окончание)	97
М. В. Бибинов (Москва) Рукописная традиция греческих списков прототипа Изборника Святослава 1073 г.	106
Б. Л. Фонкич (Москва) П. П. Дубровский и начало коллекционирования греческих рукописей в России	124
Г. В. Семенченко (Москва) Из истории русской литературы XIV в.	140
Н. Ф. Хелу (Бейрут) Раннехристианский мозаичный пол церкви Кабр-Хирам (Финикия) (окончание)	153
В. Г. Пуцко (Калуга) Художественное оформление константинопольской иллюминированной книги XI в. (Москва. ГИМ. Хлуд. 131 д. и Син. греч. 119) (окончание)	160
Т. Г. Тимашкова (Одесса) Иконки-литики из Одесского археологического музея	168

Публикации

С. П. Карпов (Москва) Иск брата Георгия: Неизвестные документы геноуэзской судебной курии в Трапезунде	171
---	-----

- А. И. Сидоров** (Москва)
Maximi Confessoris Ambigua ad Iohannem, iuxta Iohannis Scotti Eriugenaе latinam interpretationem / Nunc primum edidit E. Jeauneau // Corpus Christianorum. Series Graeca. Brepols-Turnhout, 1988. Vol. 18. . . . 17
- В. Г. Пуцко** (Калуга)
Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München, 1982 179
- В. М. Лурье** (Петербург)
Podskalsky G. Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453—1821): Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen des Westens. München, 1988 183
- Ю. Я. Вин** (Москва)
Obolensky D. Six Byzantine Portraits. Oxford, 1988 183
- М. Л. Абрамсон** (Москва)
Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990 183
- С. П. Карпов** (Москва)
Strässle P. M. Der internationale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261—1484 im Spiegel der sowjetischen Forschung. Bern etc., 1990 . . . 190
- С. П. Карпов** (Москва)
Balard M. Les Croisades. P., 1988 192
- Р. М. Шукуров** (Москва)
Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988 193
- К. А. Жуков** (Петербург)
Balta E. L'Eubée à la fin du XVe siècle: Économie et population: Les registres de l'année 1474. Athènes, 1989 193
- А. Я. Каковкин** (Петербург)
Wystawa «Sztuka koptjska» // Museum Narodowe w Warszawie. Warszawa, 1984 200
- А. Я. Каковкин** (Петербург)
Nauerth Cl. Koptische Stoffe. Frankfurt a. Main, 1986 200
- А. Я. Каковкин** (Петербург)
Martiniani-Reber M. Lyon, Musée Historique des tissus. Soieries sassanides, coptes et byzantines V^e—XIe siècles. P., 1986 200
- А. Я. Каковкин** (Петербург)
Les Kellia. Ermitages coptes en Basse-Egypte: Musée d'art et d'histoire, Genève, 12 oct. 1989—7 janv. 1990. Genève, 1990 200

| Хроника

- А. И. Романчук** (Екатеринбург)
Хроника раскопок в Херсонесе. 1989—1990 гг. 200
- Я. А. Щеглова, М. В. Васильева** (Екатеринбург)
Научные чтения, посвященные памяти М. Я. Сюзюмова, по теме «Континуитет и дисконтинуитет в Византии» (Севастополь, 5—9 сентября 1989 г.) 200
- Е. М. Ломизе, В. Г. Ченцова** (Москва)
XIII Всесоюзная сессия византистов (Ростов, 22—25 ноября 1990 г.)
- Елена Эммануиловна Липшиц (1901—1990) 211
- Татьяна Алексеевна Измайлова (1907—1989) 222
- Александр Дмитриевич Алексидзе (1937—1991) 222